

Министерство образования и науки РФ

ИЗВЕСТИЯ СОЧИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. Издается с 2007 г.
ISSN 1996-9005. 2013. № 4-2 (28)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. М. РОМАНОВА
главный редактор — д-р экон. наук, профессор,
ректор Сочинского государственного университета
А. А. ЧЕРКАСОВ
зам. главного редактора — д-р ист. наук,
профессор СГУ

В.Н. БЕХТЕРЕВ
д-р хим. наук, профессор СГУ
М. А. БОКОВ
д-р экон. наук, профессор СГУ
А. М. ВЕТИННЕВ
д-р экон. наук, д-р мед. наук, профессор СГУ
Т.И. КИСИЛЕВИЧ
д-р экон. наук, профессор СГУ
А. А. РЯБЦЕВ
канд. экон. наук, доцент СГУ
Ю. С. ТЮННИКОВ
д-р пед. наук, профессор СГУ
П. П. ЧУВАТКИН
д-р экон. наук, профессор СГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Э. БРЮНА (Франция)
д-р экон. наук, профессор региональной
экономики, вице-президент университета Савуа
А. Т. БЫКОВ (г. Сочи)
д-р мед. наук, профессор, член-корр. РАМН
В. И. ГАСУМЯНОВ (г. Москва)
д-р экон. наук, заместитель начальника
управления Администрации президента РФ по
межрегиональным и культурным связям с
зарубежными странами (*председатель
редсовета*)
В. Н. ГРИШАЙ (г. Москва)
д-р социол. наук, профессор, помощник
заместителя председателя Комитета Совета
Федерации по науке, культуре, образованию,
здравоохранению и экологии
Г. А. КАРПОВА (г. Санкт-Петербург)
д-р экон. наук, профессор, вице-президент
Национальной академии туризма
В. И. НИФАДЬЕВ (г. Бишкек, Киргизия)
д-р тех. наук, ректор Кыргызско-Российского
Славянского ун-та им. Б.Н. Ельцина
Е. Л. ПИСАРЕВСКИЙ (г. Москва)
канд. юрид. наук, заместитель руководителя
Федерального агентства по туризму

Журнал включен в базу
Российского индекса научного цитирования.
Импакт-фактор РИНЦ 2011 – 0,769

Журнал зарегистрирован в федеральной службе
по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия. Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ №ФС77-29356
от 3 ноября 2011 г.

Адрес для писем:

354000, Россия, Краснодарский край,
г. Сочи, ул. Советская, 26 а, каб. 54.
E-mail: vestniksgu@inbox.ru
Сайт журнала: www.vestnik.sutr.ru

Редактор, корректор
Н.Ш. Сайфутдинова
Редактор-переводчик А. В. Рожкова
Технический редактор, электронная поддержка
В. С. МОЛЧАНОВА

Журнал включен в Перечень ВАК

Подписано в печать 25.12.2013.

Формат 29,7 × 42/2. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Гарнитура Georgia.

Уч.-изд. л. 21,04. Усл. печ. л. 16,2.
Тираж 500. Заказ № 54

Выходит с 2007 г.
Периодичность — 1 раз в 3 месяца

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

IZVESTIYA SOCHI STATE UNIVERSITY

Scientific periodical. First published in 2007

ISSN 1996-9005. 2013. № 4-2 (28).

Editorial Staff:

G. M. ROMANOVA
Editor in Chief — Dr. (Economic), Professor,
Rector of Sochi State University (SGU)
A. A. CHERKASOV
Deputy Editor in Chief — Dr. (History), Professor
(SGU)

M. A. BOKOV
Dr. (Economic), Professor (SGU)
A. M. VETITNEV
Dr. (Economic), Dr. (Medicine), Professor (SGU)
A.A. RYABTSEV
PhD (Economic) (SGU)
JU. S. TYUNNIKOV
Dr. (Education), Professor (SGU)
P. P. CHUVATKIN
Dr. (Economic), Professor (SGU)

Editorial Board:

E. BRUNAT (FRANCE)
Doctor of Economic Sciences, Professor of Regional
Economy, vice-president of University of Savoie
A. T. BYKOV (SOCHI)
Doctor of Medicine, Professor, Corresponding
Member of Russian Academy of Sciences
V. I. GASUMYANOV (MOSCOW)
Doctor of Economy, Deputy Head of Russian
Presidential Administration's Department for Inter-
Regional and Cultural Ties with Foreign Countries
(Editorial Board Chairman)
V. N. GRISHAY (MOSCOW)
Doctor of Sociology, Professor, Assistant of Deputy
Chairman of The Council of the Federation
Committee for Science, Education, Public Health and
Ecology
G. A. KARPOVA (ST.PETERSBURG)
Doctor of Economy, Professor, Vice-President of
National Academy of Tourism
V. I. NIFADEV (BISHKEK, KIRGHIZIA)
Doctor of Engineering, Rector of Kyrgyz-Russian
Slavic University named after B.N. Eltsin
E. L. PISAREVSKY (MOSCOW)
PhD (Law), Deputy Head of the Russia Federal
Agency for Tourism

Impact factor of Russian Science Citation 2011 – 0,769

The magazine is registered in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and Communications.
Magazine Certificate of Registration
ПИ №ФС77-47158 November 3, 2011.

The magazine is included in the List of State Commission
for Academic Degrees and Titles of the
Russian Federation editions.

Magazine is listed in Russian Index
of Scientific Quotations Copyright reserved.

Postal Address:

354000, Russian Federation, Krasnodar Region,
Sochi City, Sovetskaya street 26 a, office 54.
E-mail: vestniksgu@inbox.ru
Website: www.vestnik.sutr.ru

Editor, Proofreader
N. SH. SIFUTDINOVA
Editor-translator A. V. ROZHKOVA
Technical Editor, Electronic support by
V. S. MOLCHANova

Passed for printing 25.12.2013.

Format 29,7 × 42/2. Offset paper.
Screen printing. Georgia typeface.

Ysl. Izd. l. 21,04. Ysl. pech. l. 16,2.
Circulation 500 copies. Order 54

Issued from 2007
Publication frequency — once in 3 months

Copying is allowed by consent of editorial staff, a reference
to «Izvestiya Sochi State University for Tourism and Recreation» is obligatory.

С о д е р ж а н и е

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Психология и социология

Психологические аспекты безопасности межнационального общения в полиэтнической среде (на примере г. Сочи) Баранова С.А., Макаревская Ю.Э.	11
Внешние и внутренние факторы нигилизма: междисциплинарный подход Гусейнов А.Ш.	19
Психологическая дистанция как мера психологической безопасности в межличностных отношениях Енгалычев В.Ф., Клочко О.С., Шуванов И.Б.	24
Роль населения в деятельности по охране правопорядка: социокультурный анализ Лазицкий С.Л.	29
Психологическая оценка и обеспечение безопасности психодиагностического процесса Макаревская И.Г.	32
Безопасность личности в системе человекознания Мельников В.М.	36
Влияние эмоциональных особенностей личности на эффективность деятельности сотрудников ОВД в нестандартных ситуациях Павлова С.А.	43
Течение и динамика депрессивных состояний в модели диспозиционного подхода Петросян С.Н.	49
Параметр «Содержание» в структуре Психологической модели субъектности: к проблеме диагностики состояния психологической модели субъектности социального субъекта Тесля С.Н., Беляев А.А.	54
Модель субъектности как объяснительный императив психологической модели субъектности социального субъекта Тесля С.Н.	67
Эффективность методов профайлинга в аспекте безопасной оценки достоверности информации в опросах с использованием полиграфа (ОИП) Тихонова С.Ю., Макаревская Ю.Э.	71
Осмысление отношения к смерти представителями религиозной и нерелигиозной молодёжи в ракурсе проблем психологической безопасности личности Фоменко Г.Ю., Мошкович Ю.И.	75
Исследование правосознания сотрудников ОВД как фактор безопасности личности в обществе и правоохранительной системе Фролов А.А.	81

Наркомания как особая форма девиации поведения основы социокультурного анализа Царахова Н.В.	85
Модусы преодолевающей активности личности в контексте субъектно-бытийного подхода Шиповская В.В.	89
Инженерная экология	
Система управления жизненным циклом продукции вуза с использованием CALS-технологий Дрейзис Ю.И., Коваленко В.В., Сидоров В.Н., Макарова И.Л.	94
Формирование искусственных мысов и бухтовых галечных пляжей под защитой волноломов Макаров Н.К.	100
Физико-математические науки	
Использование теплонасосных установок в энергоэффективных зданиях туристских дестинаций Краснодарского края Волков А.Н., Кученко С.С., Радченко Е.В.	108
Влияние давления на выход водорода и нановолокнистого углерода в процессе разложения метана на никель-медных катализаторах Попов М.В., Соловьев Е.А., Арзуманян А.И., Кувшинов Г.Г.	114
Оптические свойства металлических зеркал для СоД – лазеров Рогалин В.Е., Каплунов И.А.	120
Системный подход к проектированию интеллектуальных систем защиты информации Симаворян С.Ж., Симонян А.Р., Улитина Е.И., Симонян Р.А.	128
Свойства долевых тенденций в иерархии динамики временного ряда Шутов А.Б.	133
Физическая культура и спорт	
Здоровьесберегающие технологии для женщин различных конституциональных типов (на примере занятий гидроаэробикой) Гельцер Б.И., Борщенко С.А., Яковлев А.Н., Давыдов В.Ю.	137
Спортивная ответственность и спортивные санкции Князькова М. Г., Кортиев М.Л.	146
Международный спортивный арбитраж: теория и практика Лебедева Н.В., Коваль И.О.	150
Использование программы по физической подготовке юных футболистов в период проведения двухгодичного педагогического исследования Масловский Е.А., Яковлев А.Н., Саскевич А.П.	155

Технология физической подготовки студентов в процессе физического воспитания в вузе Федякина Л.К.	160
Медицина	
Влияние условий профессиональной деятельности лиц опасных профессий на показатели кардиореспираторной системы и перекисного окисления липидов Коновалова Г.М.	164
Филология	
Особенности интервью в рекрутинговом дискурсе Агеева Ю.В.	169
Социокультурные особенности комического текста (анекдота) Зайсанова Е.В.	172
Вторичный текст сочинения как способ презентации картины мира Исаева Л.А., Лаврова И.В.	175
Гендерный аспект текстов детской рекламы Казанцева А.М.	180
Поэтика рассказа И.А. Бунина «огнь пожирающий»: пейзаж, контратные мотивы, композиционная модель Капинос Е.В.	184
Заимствования в строительной терминологии ингушского языка Костоева Ф.М.	188
Когнитивно-дискурсивная характеристика жанровой личности в благопожеланиях и проклятиях Кремшокалова М.Ч.	192
Сложные существительные с сочинительной связью компонентов в карачаево-балкарском языке Мизиев А.М.	196
Эссенция дискурса как коммуникативный процесс Немец Г.Н.	200
Термин в системе его когнитивно-прагматических свойств: информативно-семиотический аспект Огонеченко С.С.	204
Факторы культуры в контексте переводного периодического издания Пинчук З.Е.	207
Дискурс-практика Даниила Андреева «Роза мира» как основа лингвориторического моделирования языковой личности эзотерического типа Романенко Л.Л.	212
Инвентивная сетка российского журнального дискурса об образе жизни: лингвориторика интегральных и дифференциальных признаков в мужском и женском «глянце» Скулкин О.В.	217

Семантика эргативной формы личного местоимения в ингушском языке
Тариева Л.У. 222

Поэтический текст как языковое свидетельство измененного состояния сознания
автора (на материале стихотворений Марины Чешевой)
Черных Н.В. 226

Политология

Политическая персоносфера. Эвгемеризация лидера
Бобылев В.В. 230

История и право

Частная торговля в Донбассе. 1920-е гг.
Барабаш Ю.В. 233

Культурно-исторические факторы и современные тенденции развития
взаимоотношений между Республикой Корея и Приморьем в сфере туризма
Бурилова В.С., Яковлев А.Н. 237

Формирование концепции государственной власти в России:
историко-теоретические аспекты
Воробьева Н.А., Лебедева Н.В. 243

Contents

Psychology and Sociology Sciences

Psychological Aspects of Inter-ethnic Communication Safety in the Multi-ethnic Environment (Sochi Case Study) Baranova S.A., Makarevskaya Y.E.	11
External and Internal Factors of Nihilism: the Interdisciplinary Approach Guseinov A.S.	19
Psychological Distance as a Measure of Psychological Safety in Interpersonal Relations Engalychev W.F., Klotchko O.S., Shuvanov I.B.	24
The Role of Public in the Law and Order Protection: Socio-cultural Analysis Lazitskyi S.L.	29
Psychological Assessment and Ensuring Safety of the Psycho-diagnostic Process Makarevskaya I.G.	32
Safety of the Personality in the Human Studies System Melnikov V.M.	36
The Impact Emotional Personality Traits Have on the Efficiency of Work Conducted by District Department of Internal Affairs Staff in Unorthodox Situations Pavlova S.A.	43
The Course and Dynamics of Depressed States from the Point of View of the Dispositional Approach Model Petrosyan S.N.	49
The "Content" Parameter within the Psychological Model of Subjectivity: the Problems of Diagnosing the State of the Psychological Model of Subjectivity within a Social Subject Teslya S.N., Belyaev A.A.	54
The Subjectivity Model as an Explanatory Imperative of the Psychological Model of the Subjectivity of a Social Subject Teslya S.N.	67
The Efficiency of Profiling Methods for Reliably Assessing the Accuracy of Information Given during Polygraph Questioning Tikhonova S. Y., Makarevskaya Y.E.	71
Interpreting the Relationship with Death in Religious and Non-religious Youth from the Perspective of the Psychological Safety of the Self Fomenko G.Y., Moshkovich J.I.	75
Researching the Legal Awareness of District Department of Internal Affairs Staff as a Factor of Personal Security within Society and within the Law Enforcement System Frolov A.A.	81
Drug Addiction as a Certain Type of Behavioural Deviation: Basics of Socio-cultural Analysis Tsarahova N.V.	85

The Types of Overpowering Personality Activities from the Point of View of a Subjective and Existential Approach Shipovskaya V.V.	89
---	----

Engineering Ecology

The System of Product Lifecycle Management within a University through the Use of CALS Technologies Dreyzis Y.I., Kovalenko V.V., Sidorov V.N., Makarova I.L.	94
Creating Artificial Capes and Cove-shaped Shingle Beaches which Are Protected by Breakwaters Makarov N.K.	100

Physico-mathematical Sciences

Using Heat-pump Systems in Energy Efficient Buildings at Tourist destinations across Krasnodar Region Volkov A. N., Kuchenko S.S., Radchenko E.V.	108
The Impact of Pressure on the Output of Hydrogen and Nanofibrous Carbon during the Breakdown of Methane with Nickel and Copper Catalysts Popov M.V., Soloviov Y.A., Arzumanyan A.I., Kuvshinov G.G.	114
The Optic Properties of Metallic Mirrors for CO ₂ Lasers Rogalin V.E., Kaplunov I.A.	120
Systematic Approach to Designing Intelligent Information Security Systems Simavoryan S. Z., Simonyan A.R., Ulitina E.I., Simonyan R.A.	128
The Properties of Partial Trends within the Hierarchy of Time-sequence Dynamics Shutov A.B.	133

Physical Culture and Sports

Technologies that Promote Health for Women of Various Body Types (Using the Example of Water Aerobics) Geltser B.I., Borschenko S.A., Yakovlev A.N., Davydov V.Y.	137
Responsibility in Sports and Sporting Sanctions Knyazkova M.G., Kortiev M.L.	146
International Court of Arbitration for Sport: Theory and Practice Lebedeva N.V., Koval' I.O.	150
Utilising a Programme for Physically Training Young Football Players during a Two-year Educational Research Study Maslowski E.A., Yakovlev A.N., Saskevich A.P.	155
The Technology behind Physically Training Students during the Process of Their Physical Education in University Fedyakina L.K.	160

Medicine

The Influence Exerted by the Professional Environment of Individuals Working in Dangerous Professions on the Indicators of the Cardiorespiratory System and Lipid Peroxidation

Konovalova G.M. 164

Philology

Specifics of the Interview within a Recruiting Discourse

Ageeva J.V. 169

The Socio-cultural Specifics of Comic Text (an Anecdote)

Zaysanova E V. 172

Secondary Texts as a Means of Representing a Worldview

Isayeva L.A., Lavrova I.V. 175

The Gender Aspect in Children's Advertising Texts

Kazantseva A.M. 180

The Poetics of I. A. Bunin's Short Story *The Devouring Flame*: the Landscape, Contrary Motifs and the Compositional Model

Kapinos E.V. 184

Construction Term Borrowings in the Ingush Language

Kostoyeva F.M. 188

The Cognitive and Discursive Characteristics of the Genre Personality within the Context of Well-wishing and Cursing

Kremshokalova M.C. 192

Coordinative Compound Nouns in the Karachay-Balkar Language

Miziev A.M. 196

Essayisation of Discourse as a Communicative Process

Nemets G.N. 200

The Term within a System of Its Cognitive and Pragmatic Properties: an Informative and Semiotic Aspect

Ogonochenko S.S. 204

Cultural Factors within the Context of Translated Periodical Literature

Pinchuk Z.E. 207

The Discursive Practice of Daniil Andreyev's *The Rose of the World* as the Basis for Rhetorical Linguistic Modelling of an Esoteric Linguistic Personality

Romanenko L.L. 212

The Inventive Network of Russian Journalistic Discourse on the Topic of Lifestyle: Rhetorical Linguistics of Integral and Differential Features in Men's and Women's Magazines

Skulkin O.V. 217

The Semantics of Ergative Forms of Personal Pronouns in the Ingush Language

Tariyeva L.U. 222

Poetic Text as Linguistic Evidence of the Altered State of Mind of the Author (Marina Chesheva Poetry Case Study) Chernyx N.V.	226
Political science	
Political Personality Sphere. Euhemerising the Leader Bobilev V.V.	230
History and Law	
Private Trade in the Donbas in the 1920s Barabash Y.V.	233
Cultural and Historic Factors and Modern Tendencies of the Development of Co-operation between the Korean Republic and Primorsky Region within the Sphere of Tourism Burilova V.S., Yakovlev A.N.	237
The Formation of the Concept of State Power in Russia: Historical and Theoretical Aspects Vorobyova N.A., Lebedeva N.V.	243

Психология и социология

УДК 159.99

Психологические аспекты безопасности межнационального общения в полиэтнической среде (на примере г. Сочи)

¹ Светлана Андреевна Баранова
² Юлия Эдуардовна Макаревская

¹ Сочинский государственный университет, Российской Федерации
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

Старший преподаватель

E-mail: svetab-05@mail.ru

² Сочинский государственный университет, Российской Федерации
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

Кандидат психологических наук, доцент

E-mail: yuliya-sochi@mail.ru

Аннотация. В статье отражены результаты анализа проблемы безопасного общения граждан в полиэтнической среде на примере города-курорта Сочи. Основываясь на социально-психологическом подходе к этническому общению, рассмотрены его общие закономерности с 3-х сторон: перцептивной, коммуникативной, интерактивной.

Представлены частные факты – результаты исследований на выборках жителей города Сочи таких феноменов, имеющих отношение к безопасности межнационального общения как толерантность, этническая толерантность, представления о среде обитания, самоидентификационные характеристики личности и представления, регулирующие нормальное поведение.

В заключении даны конкретные рекомендации по организации безопасного общения жителями города Сочи – представителями различных национальностей.

Ключевые слова: межнациональное общение; этническое общение; полиэтническая среда; психология безопасного общения.

Введение. Полиэтническая среда – реальность сегодняшнего дня. Многие современные государства многонациональны. На одной территории проживают представители разных национальностей, что формирует для них полиэтническую среду обитания. И, хотя в рамках каждого из государств существуют нормы, правила поведения, проблемы общения и отношений между гражданами разных национальностей возникают в многонациональных государствах регулярно. Психологический фактор этих разногласий: различия между людьми разной этнической принадлежности.

Изучение психологических аспектов межнационального общения призвано значительно улучшить отношения людей в полиэтнической среде, сделать их общение более безопасным и комфортным.

Исходя из реальностей совместного проживания людей в полиэтнической среде, еще в начале 70-х годов 20 в. появилось понятие «межнациональное общение». В последующем оно разрабатывалось в исследованиях проблем национальных отношений, в этнической психологии, в этнопедагогике и социологии [1].

Сегодня межнациональное общение – это определенные взаимодействия, взаимосвязи и взаимоотношения, в процессе которых люди, принадлежащие разным национальным общностям и придерживающиеся различных религиозных взглядов обмениваются опытом, духовными ценностями, мыслями, чувствами [2].

Частным случаем межнационального общения, хорошо представленным в психологических исследованиях, является этническое общение, на которое распространяются общие выводы и закономерности самого феномена общения в целом. В этой связи каждый акт этнического общения с научной точки зрения может быть рассмотрен с 3-х сторон:

–перцептивная сторона этнического общения раскрывает феномены, искажающие формирование адекватного образа воспринимаемого представителя этноса;

–коммуникативная сторона этнического общения состоит в обмене информацией при помощи различных знаковых систем, где основной проблемой является общение на разных языках;

–интерактивная сторона этнического общения раскрывает взаимодействие представителей разных национальностей для организации совместной деятельности [3].

Преследуя цели безопасности общения лиц разной национальности в полиэтнической среде, целесообразно учитывать закономерности этнического общения как в совокупности названных выше трех сторон, так и каждой в отдельности.

Итак, в перцептивной стороне межнационального общения этноцентризм снижен при активных межнациональных контактах; усилен при негативном прошлом или настоящем опыте общения с представителями определенной национальности; позитивный опыт общения с другими народностями усиливает положительную оценку его конкретных представителей. Стереотипизация усиливается при первых встречах с представителями тех или иных национальностей; усиливается при кратковременном межнациональном общении. Идеализация запускается этнической установкой; усиливается при низкой критичности субъекта восприятия; усиливается при восприятии этнического представителя из страны более высокой культуры или с высоким уровнем экономического развития.

Коммуникативная сторона при межнациональном общении характеризуется восприятием иностранной речи при актуализации двухканальной структуры коммуникации, включающая кроме речевого канала, невербальный. И, поскольку мимика хорошо кросскультурно узнаваема, жесты, телодвижения достаточно изучены, функциональные особенности личности (осанка, поза, походка) относительно стабильны, понять представителя другого этноса без слов вполне реально.

При реализации интреактивной стороны межнационального общения возможно взаимодействие в диапазоне от сотрудничества до конфликта. Именно в этой стороне общения возможные опасности непонимания или неадекватного восприятия могут выливаться в реальные конфликтные взаимодействия представителей разных национальностей.

При конфликтных взаимодействиях к посредничеству склонны прибегать представители этносов с недостаточно высоко развитой правовой культурой, ориентированных традиционно. Представители индивидуалистических культур при этом ориентированы на контролирующие стратегии управления ситуацией и на разрешительный стиль. Представители коллективистских культур предпочитают избегающий конфликтный стиль [3].

В гор. Сочи представлены и коллективистский и индивидуалистический типы культур. Это говорит о том, что от жителей, населяющих город-курорт можно ожидать различного поведения в межэтнических взаимодействиях. Однако, есть дополнительные аспекты, имеющие отношение к межнациональному общению в гор. Сочи.

Во-первых, город Сочи – один из немногих городов России, где на равном положении уживаются люди нескольких различных национальностей. Это русские, армяне, грузины, греки, украинцы, адыги, молдаване и многие другие. Этот город уже в силу своего пограничного положения был и остается перекрестком культур. Он интересен с точки зрения практик длительного относительно бесконфликтного сосуществования различных этнических групп. Это следствие объективных факторов: социально-исторического (особенности процесса освоения и заселения города) и демографического (высокий процент мигрантов, высокий процент городского населения, полиэтничность) [4].

По данным от Росстата по национальному составу Краснодарского края при переписи населения в 2010 году из 420 589 жителей в городском округе Сочи, национальность указана у 403 401 чел. из них (народы более 1000 чел.) составляют:

Таблица 1

Национальная принадлежность	Численность лиц соответствующей национальности	Процентное соотношение
русские	282 072 чел.	69,92 %

армяне	81 045 чел.	20,09 %
украинцы	9240 чел.	2,29 %
грузины	8190 чел.	2,03 %
адыги	4282 чел.	1,06 %
шапсуги	1897 чел.	0,47 %
адыгейцы	2385 чел.	0,59 %
греки	3292 чел.	0,82 %
татары	1986 чел.	0,49 %
белорусы	1765 чел.	0,44 %
абхазы	1228 чел.	0,30 %
осетины	1133 чел.	0,28 %
другие	9168 чел.	2,27 %
всего	403 401 чел.	100,00 %

Кроме того, мы приведем данные исследований, которые проясняют картину психологического склада наиболее крупных национальных групп, населяющих г. Сочи.

Материалы и методы. На базе Сочинского государственного университета сотрудники кафедры общей психологии и социальных коммуникаций в течение нескольких лет проводят научные исследования различных феноменов, имеющих отношение к общению и взаимоотношениям жителей г. Сочи различных национальностей.

В число методов исследований входили: наблюдение, опрос, анкетирование, структурированное и полуструктурное интервью, методы психологического тестирования, семантический дифференциал, метод семантических универсалий, а также методы статистической обработки данных (расчеты мер центральной тенденции, критерии вывода (*t*-Стьюарта, Красала-Уоллеса и др.)

Исследование. В число психологических феноменов, представляющих картину отношений и взаимоотношений сочинцев вошли:

- толерантность жителей г. Сочи славянских и кавказских национальностей;
- типичные представления жителей г. Сочи о среде обитания;
- характеристики этнической идентичности сочинцев;
- самоидентификационные характеристики различных национальностей, проживающих в г. Сочи;
- представления жителей, регулирующие нормальное поведение.

Ряд исследований, результаты которых представлены в данной статье проходил на протяжении предшествующих 3-4 лет [4, 5, 6].

Результаты. Рассматривая результаты исследования толерантности жителей г. Сочи (по методике [7]) мы исходим из того, что терпимость в отношениях – это общенациональная ценность [8].

В данном исследовании (N=371) мы пришли к следующим выводам: у сочинцев в целом толерантность сфокусирована: на терпимости как черте личности, которая выражается в установках и убеждениях; на этнической толерантности, т.е. отношению к людям иной расы и этнической группы. Сочинцы достаточно терпимы к индивидуальности партнера по общению и к физическому или психическому дискомфорту, создаваемому другими людьми. Интолерантность сочинцев проявляется: в консерватизме при оценке

других людей; в неумении слаживать неприятные чувства при общении с некоммуникабельным партнером.

По половому признаку: женщины, живущие в городе Сочи характеризуется большей социальной терпимостью, чем у мужчины, мужчины-сочинцы - более коммуникативно толерантны.

По этническому признаку жители г. Сочи относящиеся к кавказской группе проявляют большую этническую и социальную толерантность, чем представители славянской (однако разброс значение этнической толерантности кавказцев больше). А общая коммуникативная толерантность в славянской группе выше. Это говорит о том, что славяне значительно больше кавказцев приспособливаются к характеру и желаниям других людей.

Далее были изучены типичные представления жителей города Сочи о среде обитания (N=86). Представления являются результатом отражения в сознании и самосознании людей не только условий их жизнедеятельности, но и возможностей, которые предоставляет им среда. В свою очередь, будучи сформированными, они оказывают влияние на поведение человека практически во всех ситуациях социального взаимодействия.

Для человека среда - это не только окружающий его мир, это тот мир, который существует в его общении, взаимодействии, взаимосвязи, коммуникации и других процессах [9]. Изучив представления о среде обитания, мы пришли к выводу, что г. Сочи 2/3 жителей представляют как среду, формирующую инициативность, стремление, к чему-либо, упорство в этом стремлении, отстаивание своих интересов (карьерная среда). 1/4 - как среду, не поддерживающую активность личности (догматическая среда). 5,8 % опрошенных как среду творческую, наиболее благоприятную для развития доброй воли, энтузиазма, морального эстетизма личности и 1,2 % опрошенных как безмятежную среду. То есть в большинстве своем (более 80 %) сочинцы склонны к вполне управляемому поведению, направленному на достижения внешнего благополучия, построения карьеры.

Исследование этнической идентичности — это определение того как осознают себя представители определенного этноса. Ситуация межэтнического общения дает индивиду больше возможностей для приобретения знаний об особенностях своей и других этнических групп, способствует развитию межэтнического понимания и формированию коммуникативных навыков.

По результатам диагностики (экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г.У. Солдатова с соавт.) определены типы распределения разных типов этнической идентичности среди жителей г. Сочи:

- 1) позитивная идентичность - 55,8 %,
- 2) этническая индифферентность - 15,1 %,
- 3) этноэгоизм - 11,6 %,
- 4) этнофанатизм - 9,3 %,
- 5) этноизоляционизм - 3,5 %,
- 6) неопределенный - 3,5 %,
- 7) этноНигилизм - 1,2 %.

Вышенназванные типы этнической идентичности были выделены на основе следующих критериев: уровня «негативизма» в отношении собственной и других этнических групп, порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение, выраженности агрессивных и враждебных реакций в отношении других групп [7].

Таким образом, общая картина такова, что этническая идентичность сочинцев по типам имеет значительное смещение в сторону гиперидентичности (шкалы 4, 5, 6). Даже с учетом того, что норма преобладает в целом по выборке (55 %), шкалам гиперидентичности принадлежит почти четверть (24,4 %) значений. То есть жители гор. Сочи не только определились в плане принадлежности к этнической общности, но и вполне могут демонстрировать различные формы этнической нетерпимости: от раздражения, возникающего как реакция на присутствие членов других групп, до отстаивания политики ограничения их прав и возможностей, агрессивных действий против группы другой национальностей (интерпретация результатов по нормам авторской методики: Солдатова Г.У., 1998).

Далее, были рассмотрены результаты исследования самоидентификации жителей города Сочи (N=153). Личная идентификация – это ответ на вопрос об отношении личности к самой себе, о тех признаках и характеристиках по которым человек осознает свою уникальность, неповторимость и непрерывность своего существования [10]. Являясь одним из самых глубинных и ядерных образований личности, идентичность регулирует целостность протекания

всех психических процессов, последовательность действий и поведения индивида. То есть это один из важнейших психологических компонентов, из числа тех, которые можно обсуждать в аспекте проблем межэтнического общения. То, что человек думает о себе, чувствует по отношению к себе, проявляется в его отношениях с другими людьми.

Изучив самоидентификационные характеристики жителей г. Сочи, мы пришли к выводу, что сочинцы разных национальностей могут в равной степени использовать для описания своей уникальности и тождественности такие признаки как «жизненные ценности», «принципы», «мировоззрение», «убеждения», «идеалы», «отношение к другим людям»; людям независимо от национальности свойственно описывать неповторимость и постоянство своей личности такими признаками как манера поведения, стиль общения, привычки, стиль одежды, образ мышления. В идентификации себя люди разных национальностей приблизительно одинаково используют такие признаки идентичности как взгляд, улыбка, мимика, жесты, интонация голоса, смех, походка, но для армян это свойственно в большей степени. Признаки категории «Эмоции и мотивация» при описании своей непохожести на других являются специфическими для русских и совершенно несвойственными для грузин и абхазов. То есть при взаимодействии с представителями различных национальностей, населяющих гор. Сочи надо воздействовать на различные сферы личности.

И, наконец, рассмотрим результаты исследования представлений жителей гор. Сочи о нормальном поведении ($N= 626$). Как уже отмечалось выше, представления являются регулирующим фактором поведения и взаимоотношений людей в различных социальных контактах.

Сопоставление среднегрупповых оценок понятия нормальное поведение в различных этнических группах, позволяет нам утверждать, что существуют отличия в представлениях о нормальном поведении у жителей города Сочи, представителей разных национальностей [11].

Представители всех национальностей сошлись во мнении о том, что человек с нормальным поведением должен быть «общительным», «смелым» и «порядочным».

По мнению русских, армян и греков человек с нормальным поведением еще должен быть «доброжелательным», «сильным» и «обаятельным».

Так же представители всех национальностей, кроме армянской выборки, считают, что к вышеперечисленным характеристикам необходимо добавить такие как «приятный» и «аккуратный».

По мнению представителей двух выборок, русской и армянской, нормальным поведение должен быть «естественным», а вот, по мнению русской и греческой выборок нормальное поведение это «умное» поведение.

О «полезности» человека с нормальным поведением говорят грузинские и греческие выборки.

Только армянские представители считают, что необходимым качеством для нормального поведения человека является «веселость».

В отличие от других сочинцев, грузинские респонденты отмечают, что человек с нормальным поведением должен быть уравновешенным и щедрым.

Оценивая нормальное поведение, только представители греческой диаспоры указывают на необходимость присутствия таких характеристик как «уверенность», «бережливость», «уважение» и «тактичность» [4].

Как мы видим характеристик присущих только русским не наблюдается. Русские являются самым многочисленным народом в городе и имеют тесные взаимоотношения с представителями всех национальностей, поэтому в своих представлениях о нормальном поведении отдельных характеристик не выделяют. А вот все остальные национальности имеют свои отличительные представления о нормальном поведении.

Так только представители армянской национальности выделили веселость как одно из важных качеств человека с нормальным поведением. Про гостеприимство армянского народа знают во всем мире. По любому случаю радости и счастья обязательно надо накрыть стол там, где у тебя есть близкие люди: в доме, на работе и т.д. Обязательно нужно выпить и покушать и повеселиться – если ты не веселишься вместе с армянским народом, то ты не желаешь им счастья. Чем чаще ты веселишься (по любому поводу) тем больше тебе вернется счастья и радости - искренне считают армяне.

Грузины говорят об уравновешенности и щедрости. Согласно грузинской народной поэзии, гостеприимство ценится больше, чем храбрость, смелость и умелое владение оружием. Грузинский фольклор идеализирует радушного, щедрого хозяина, порицает скупого. В то же время огромное внимание придается нравственности гостя. Гость должен быть уравновешенным, сдержаным, скромным и любезным человеком.

Греки: уверенный, бережливый, уважительный, тактичный. Очень уважительно и бережно относятся к своим традициям. Сегодня в повседневной жизни греков многие из традиций, обычавшихся, сохранены и действуют в полном либо частичном виде. Очень ценят тактичное отношение к своей культуре, не давая вмешиваться другим культурам, сами предпочитают так же тактично держаться в стороне.

Заключение. На основе анализа данных представленных выше исследований в заключении можно дать следующие рекомендации по организации безопасного общения с жителями города Сочи разных национальностей (рекомендации даны в порядке изложения результатов исследований):

- в общении с жителями Сочи рекомендуется опираться на свойственную им общую толерантность как черту личности, то есть, в разговоре полагать априори, что она (толерантность) есть;
- вступая во взаимодействие с сочинцами, рекомендуется иметь в виду, что этническая толерантность сочинцев представлена на высоком уровне, так как они привыкли к постоянному присутствию рядом людей разных национальностей;
- жители Сочи славянских национальностей более терпимы в сфере коммуникации: не «цепляются» к словам, легче вступают в контакт, поэтому рекомендуется демонстрировать готовность к сотрудничеству, идти на контакт;
- у сочинцев в целом есть стереотипы в оценке других людей (особенно приезжих), переубедить их в этом сложно, иногда проще «подыграть» или не обратить внимание;
- при общении с сочинцами, убеждении, взаимодействии рекомендуется учитывать их карьерную ориентацию и ссылаться в этой связи на статусную позицию источника информации, использовать внешнюю атрибутику власти и успеха, апеллировать к разуму. В ответном поведении жителей гор. Сочи ожидаема инициатива, но подкрепленная разумным расчетом возможной выгоды;
- рекомендуется учитывать, что часть населения (1/4 выборки) Сочи подвержена подчинению прямому приказу, указанию на правила, нравственные нормы и традиции. В поведении ожидаема пассивность вплоть до отказа подчиняться, если это не освещено в правилах и нормах;
- в общении и взаимодействии с жителями гор. Сочи учитываем, что примерно 70 % сочинцев с безопасной этнической идентичностью, то есть они либо положительно относятся к представителям других национальностей, либо нейтрально - из-за неактуальности для них этого вопроса;
- при общении для установления и развития психологического контакта с русскими жителями города Сочи рекомендуется воздействовать на эмоциональную сферу личности;
- с представителями армянской национальности акцент рекомендуется делать на подкреплении их экспрессивных поведенческих реакций;
- в общении с сочинцами следует учитывать, что грузины и абхазы закрыты для побуждения через эмоциональную сферу, а более склонны к реагированию на упоминание об их индивидуальных стилевых характеристиках поведения и деятельности (то есть на упоминание о чем-то присущем им особенном и неповторимом);
- с русскими возможны разнообразные варианты выстраивания взаимоотношений, так как они гибко оценивают поведение свое и представителей других национальностей;
- в общении с представителями армянской национальности рекомендуется выстраивать контакты в русле положительно окрашенных эмоциональных взаимоотношений, использовать юмор;
- с представителями грузинской национальности в общении и взаимодействии рекомендуется выстраивать отношения в уверенном, уравновешенном стиле, воспринимать щедрость со стороны грузин как свойственную им национальную черту характера;

– вступая в общение с греками, рекомендуется особенно демонстрировать уважительное и тактичное отношение к их замкнутой, мало открытой для посторонних субкультуре.

Примечания:

1. Мустафаев М.Б., Мустафаева М.Г. Поиски факторов интенсивности кругов межнационального общения // Материалы научно-практической конференции. 30.XI.-01. Махачкала, 2002.
2. Психология общения. Энциклопедический словарь Под общ. ред. А.А. Бодалева. М. Изд-во «Когито-Центр», 2011.
3. Резников Е.Н. Психология этнического общения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. 160 с.
4. Баранова С.А. Этнокультурные особенности представлений о нормальном поведении // Дружининские чтения: сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции, 23-25 мая 2013 г., г. Сочи, Сочинский государственный университет [Электронный ресурс] / под ред. И.Б. Шуванова, С.В. Воронина, Ю.Э. Макаревской, А.А. Смирновой. Электрон. текст. дан. (1 файл 2,8 Мб) Вып. 2. Киров: МЦНИП, 2013. 417 с. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). ISBN 978-5-906223-23-4. С. 11-21.
5. Баранова С.А. Анализ этнических различий социальных представлений подростков о нормальном поведении на основании метода выделения семантических универсалий // Вестник Сочинского Государственного Университета Туризма и Курортного Дела №3 [17] сентябрь 2011, С. 117-123.
6. Социальная психология труда: Теория и практика. Том 2. Отв. ред. А.Л. Журавлев, Л.Г. Дикая // Макаревская Ю.Э., Базалева Л.А. Толерантность жителей в системе профессионально-трудовых отношений города-курорта. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2010. С. 202-214.
7. Солдатова Г.У. Толерантность и интолерантность – две грани межэтнического взаимодействия // век толерантности. М., 2001. С. 90-100.
8. Золотухин В.М. Терпимость как общечеловеческая ценность. Современные проблемы гуманитарных дисциплин. Ч.1. М., 1997. С. 7-9.
9. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. 2-е изд., испр. и доп. М.:Смысл,2001.
10. Макаревская Ю.Э. Личностная идентичность: диагностика и классификация признаков // Дружининские чтения: сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции, 23-25 мая 2013 г., г. Сочи, Сочинский государственный университет [Электронный ресурс] / под ред. И.Б. Шуванова, С.В. Воронина, Ю.Э. Макаревской, А.А. Смирновой. Электрон. текст. дан. (1 файл 2,8 Мб) Вып. 2. Киров: МЦНИП, 2013. 417 с. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). ISBN 978-5-906223-23-4. С. 165-171.
11. Баранова С.А. Надиндивидуальные ценности и различия в социальных представлениях подростков о нормативном поведении. Рецензируемый электронный научный журнал GESJ: Education Science and Psychology 2012 No 2(21), С. 47-52.

UDC 159.99

Psychological Aspects of Inter-ethnic Communication Safety in the Multi-ethnic Environment (Sochi Case Study)

¹Svetlana A. Baranova

²Yuliya Ed. Makarevskaya

¹Sochi State University, Russian Federation

354000, Sovetskaya street, 26a

Post-graduate student

E-mail: svetab-05@mail.ru

²Sochi State University, Russian Federation

354000, Sovetskaya street, 26a
PhD (psychology), Assistant Professor
E-mail: yuliya-sochi@mail.ru

Abstract. The article reflects the results of the analysis of the problem of the safe communication of people in the multi-ethnic environment using the example of the resort city of Sochi. Applying the socio-psychological approach to ethnic communication, the author considers its general patterns from 3 angles: perceptive, communicative and interactive.

The author provides specific facts – the results of the studies conducted among randomly selected residents of Sochi on such phenomena associated with inter-ethnic communication safety as tolerance, ethnic tolerance, perceptions about the habitat, self-identification characteristics of the personality and perceptions regulating normal behaviour.

The conclusion contains specific recommendations concerning the organisation of safe communication by Sochi residents representing various ethnic communities.

Keywords: inter-ethnic communication; ethnic communication; multi-ethnic environment; psychology of safe communication.

Внешние и внутренние факторы нигилизма: междисциплинарный подход

Александр Шамильевич Гусейнов

Краснодарский государственный университет физической культуры, сервиса и туризма,
Российская Федерация
350015, г. Краснодар, ул. Буденного, 161
Кандидат психологических наук, доцент
E-mail: AGuseinov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются внутренние и внешние факторы нигилизма с позиций междисциплинарного подхода, для синтезирования и систематизации разрозненных представлений используется субъектно-бытийная интерпретация. На основе авторской модели протестной активности раскрываются механизмы нигилизма; предложены способы его предупреждения.

Ключевые слова: нигилизм; модель протестной активности; самоактуализация; аномия; искажение сознания; ложная субъектность.

Введение. Для современного социума характерна актуализация разнообразных проявлений протеста. Исследователи указывают на опасную тенденцию рост в России радикальных молодежных группировок, следующих идеологии национальной, расовой и межрелигиозной нетерпимости, а также рост циничных преступлений, совершенных экстремистами [15]. Сегодня лидеры экстремистских организаций формируют протестность своих последователей не только на нигилистических ценностях, но и на мощной религиозной основе, трансформируя их религиозное сознание. Глава Дагестана Р. Абдулатипов в интервью отметил, что воспроизведение в течение длительного времени невежества и зла, вместо воспроизведения культуры и добра, привело к тому, что многие молодые люди уходят в сферу лжи, зла, ненависти и безобразия.

Материалы и методы. Поскольку такой аспект протesta как нигилизм в психологии не изучался, целесообразно его рассмотрение с разных теоретических позиций. Кроме традиционных подходов (философского, гуманистического, экзистенциального, психоаналитического), мы исследовали художественные произведения. К.А. Абульханова, Г.Ю. Фоменко, В.В. Шиповская, В.С. Мухина, В.А. Ганzen считают этот метод теоретического изучения перспективным, в некоторых случаях он может стать главным источником понимания новых феноменов [18, 24].

Обсуждение. Термин «нигилизм» (от лат. nihil – ничто) означает отказ от традиционных ценностей, отрицание идеалов, моральных норм, культуры, общепринятых форм общественной жизни [12]. Термин приобрел популярность в философии благодаря пессимистической концепции обесценивания мира А. Шопенгауэра и его идеи о том, что все идет к худшему и пустоте; а также фундаментальному анализу нигилизма Ф. Ницше, выделившем формы нигилизма, связанные с переходными состояниями духа: пессимизм; неполный, крайний, активный и пассивный, активно-пределный и экстатически-классический. Пассивный нигилизм, по Ф. Ницше, как закат и уход моши духа (нет никакой истины вообще), препятствует истинному бытию. Активный нигилизм, обладая признаками возрастаания моши духа, подвергает перереоценке все христианские ценности и может способствовать выздоровлению, обновлению человечества, став источником пробуждения новой воли к бытию (метафизика воли к власти). Экстатически-классический нигилизм – его высшая форма, не признающая ничего над собой, представляющая «божественный образ мысли» [цит. по: (22)]. В концепции О. Шпенглера нигилизм связывается с упадком западной науки и культуры, ее трансформацией в безличную и механистичную цивилизацию, отрицающую сакральность и религию [26]. М. Хайдеггер считает, что термин «нигилизм» не столько говорит о том, что все сущее – ничто [22, с. 74]. Нигилизм еще и «указывает на историческое движение, приходящее задолго до нас и размахнувшееся далеко за пределы нашего времени» [22, с. 95]. А. Камю, считавший, что история нигилизма начинается

со слов Ивана Карамазова «все позволено, раз нет Бога», анализирует нигилизм в свете проблематики метафизического бунта. Нигилизм, – утверждает Камю, – включает в себя не только отчаяние и отрицание, но и волю к ним [9]. По И.А. Ильину, сама воля может быть зла, и тогда она оказывается противодуховной, становится беспочвенной и разрушительной, превращаясь в механизм злобной одержимости [8, с. 28]. И.А. Ильин заключает, что в этом случае искается совестный акт. К. Ясперс раскрывает протестную специфику диспозиции нигилистов: «Там, где он обретает превосходство ... он переходит в наступление против всего, что есть бытие. Маскируясь возмущением, он направляет свою ненависть на благородство человека» [27, с. 392]. Исаженное сознание «запускает» механизм развития безжалостной отрицающей стратегии жизни. Неспособность к подлинному существованию, творческому труду разрушает личность, заполняя жизнь отрицанием [там же]. С. Франк отмечает противоречивость нигилизма («принципиальная беспринципность») — сочетание отрицания различий между добром и злом с соблюдением условностей, а также его иррациональный энергетический потенциал [19]. Не случайно Ж. Бодрийяр позже напишет: «это самоубийственная энергия, поглотившая большинство начинаний, энергия, направленная не столько на созидание, сколько на разрушение» [цит. по: 1, с. 35].

В русской литературе прослеживается динамика развития нигилизма – от отрицательного отношения к обществу, к принятым обычаям и идеологии, до экстремизма и терроризма. Если нигилист Е. Базаров ограничивается декларированием идей отрицания, часто абсурдных — «Рафаэль гроша медного не стоит», «Сперва нужно место расчистить» и т.д. [17], то в романе «Бесы» нигилистические идеи приобретают общественный масштаб, вызывая хаос и террор. В «Бесах» показаны методы нигилистов — систематическое потрясение общественных основ и регулярное моральное разложение общества, внедрение в общественное сознание неверия, цинизма, наряду с «жаждой руководящей мысли» [7, с. 601], а также их цель — бунт и захват власти. Российские революционеры, отличаясь фанатизмом и нигилизмом, не задумывались об эффектах переустройства — хаосе, терроре. М. Горький очень опасался того, что социалистический строй в России водится по методу нигилиста Нечаева — «на всех парах через болото» [3, с. 151]. Л.Н. Толстой убежден: «Надо перестать «устраивать жизнь других людей» и понять, что, кто бы ни сделал насилие и для чего бы оно ни было сделано, все равно оно будет злом, без всяких исключений» [цит. по: (8, с. 21)].

В психоаналитической традиции саморазрушительное поведение рассматривается, с одной стороны, в контексте инстинктивного стремления к Танатосу [20]. С другой стороны, показано, что деструктивность является одним из методов психологической защиты Я от опасностей окружающей среды, и поддерживается стремлением к удовольствию и счастью. По З. Фрейду, люди, следующие деструктивности, — пааноики, поскольку видят единственного врага в реальности, воспринимаемой как источник страданий. Невозможность сосуществования с реальностью приводит к выбору одного из путей — либо отшельничеству, либо к патологическому желанию переделать мир, уничтожив его самые невыносимые черты. В концепции Э. Фромма разрушительность рассматривается как механизм бегства от свободы, позволяющий индивиду возвыситься за счет разрушения мира. Нигилизм — это еще и проявление внутренней страсти, обнажившейся в результате непройдой жизни и ее подавления [21, с.151-157]. По В. Райху, блокирование энергии, невозможность применить в жизни повышенные способности приводит к бесцельному бунту и охваченности «эмоциональной чумой» [14]. Мощная энергия, свойственная нигилизму, характерная «захваченность протестом» свидетельствует о страсти, которая соответствует низшим примитивным эмоциям. К. Наранхо считает, что *индивиду подвержен им в качестве пассивного агента*, которому недостает свойственного свободному агенту опыта отделения от области страстей, являющейся результатом интуиции трансцендентности [11]. М. Чиксентмихайи убежден, что чрезмерная сосредоточенность на себе лишает человека шанса достичь более высокого уровня развития, поскольку вся психическая энергия направлена не на поиск новых, а на достижение поставленных целей [23]. В.В. Шиповская полагает, что использование незрелых защитных механизмов и разрешение внутриличностных противоречий через отрицание, асоциальные действия указывают на индивидуальный уровень преодолевающей активности личности (смягчение внутреннего дискомфорта) и регressiveную тенденцию в становлении личности [25]. Согласно авторской структурно-эволюционной модели личности, склонной к протестной активности [5, с. 93-94], у лидеров нигилистических течений актуализированы все уровни

протестной активности, от примитивного, архаического Прото Я (бессознательные структуры, эмоции, инстинкты) до Транс Я. Однако у нигилистов-лидеров уровень Транс Я (который в идеале направлен на защиту и приумножение гуманистических ценностей), подвергается редукции, деформируясь в сторону отрицания жизни. Вместе с тем, актуализируется Экзо Я – компонент самореализации личности, допускающий использование любых средств (в том числе людей) для экспансии собственного потенциала [6]. Захваченность деструктивной целью искажает вектор самореализации личности, формирует ложную субъектность. У нигилистов-исполнителей актуализированы преимущественно иррациональный уровень Прото Я (не позволяющий ответственно и адекватно оценивать социальную реальность) и Эндо Я (компонент, отвечающий за удовлетворение первичных социальных потребностей, влечения, получение выгоды) [5, 6]. В выраженному протесте, когда единственной важной целью человека становится борьба, ядро личности (Я), Экзо-я (система отношений) и Эндо Я (удовольствия) являются захваченными глубочайшими аффектами, исходящими от Прото Я (религиозный экстаз, агрессия фанатов, слепое повиновение лидеру) и Транс Я (внущенными идеями справедливости, свободы, веры) настолько сильно, что перестают продуктивно «работать» на личность. В случае, когда человек движим одновременно иррациональными силами, составляющими Прото Я, так и сверхценными идеями, исходящими от Транс Я, критическое Я (ядро личности) максимально удалено и устранено от анализа событий, адекватного понимания источников угроз, врагов, друзей. Человек становится фрагментом толпы, группы, секты, идеологии, его личность полностью растворяется в них. Аналогичной позиции придерживается Х.Ортега – и – Гассет. Он считает, что «человек-масса» может быть захвачен любым течением, любой идеологией [13]. Принцип тоталитарности становится источником интолерантности (наш/не наш) и беспощадного истребления всех, кто не согласен с данной идеей или идеологией.

В развитии нигилистического мироощущения, приводящего к терроризму, большую роль играют не только внутренние, но и внешние социальные факторы. Напомним парадоксальный тезис Ж. Бодрийяра относительно того, что терроризм – соратник торжествующей глобализации, борющейся против себя. В его концепции аномальные симптомы идут из глубины социальной системы и противостоят ей, в результате чего, система теряет свою естественную защиту и создает условия для терроризма [2, с. 93].

Вместе с тем, современный социокультурный контекст содержит в себе признаки социальной аномии: рассогласование ценностно-нормативной основы его функционирования, разрыв в преемственности социальных и культурных норм, изменение сознания в достижении индивидом жизненных целей, его ориентации на короткие жизненные проекты в условиях быстро меняющихся общественных ориентиров [10]. Необходимо отметить, что аномия всегда была предвестником революционных изменений.

Результаты. Междисциплинарный анализ позволяет рассмотреть нигилизм с разных позиций, раздвинуть границы исследования. Использование системы субъектно-бытийного подхода обеспечивает *органичность психологической интерпретации* нигилизма, поскольку снимает эклектику, позволяет синтезировать разрозненные положения и выделить существенные признаки нигилизма: 1) нигилизм представляет собой форму незрелого деструктивного протesta; 2) источником нигилизма является избыток биологической энергии, а также невозможность (социальная аномия) или неспособность (высокий уровень противоречий) реализовать повышенные способности; 3) нигилизм – показатель внутреннего раскола личности, невроза характера; 4) в основе нигилизма лежит чувство собственного бессилия, изоляция индивида и тревога; низкоуровневые защиты приводят к искажению внутренней и внешней реальности; 5) стремление к Танатосу, снижение ценности жизни, беспомощность указывают на страдательную позицию и неспособность к подлинной реализации; 6) *искажения в ценностно-смысловой сфере* – духовности, свободы, совести свидетельствуют о неautéтичности; выбор отрицательных идеалов, идеологии свидетельствует о *диффузной, негативной идентичности и ложной субъектности* [4, с. 274-275] (ср. с конструктом истинной субъектности [18, с. 143]; 7) нигилизм лишен творческого начала, экспансия собственного масштаба на внешние пространства бытия осуществляется через прямое разрушение общественных и социальных структур; 8) генеральная линия жизненных устремлений личности (отказ от экзистенциального самоопределения и ответственности) и способы осуществления

основных смысловых линий не соотносятся с социальными и нравственными плоскостями общечеловеческого бытия.

Заключение. В свете обсуждаемой проблемы представляется важным предупреждение нигилистических идей и контроль их движения в молодежной среде. В санации нигилистической болезни» ключевую роль может сыграть жесткая цензура, препятствующая распространению нигилизма во внешних бытийных пространствах, прежде всего информационных. Обращение к образцам культуры, героическому прошлому отечества, а также единая национальная идея повысят шансы в этой борьбе.

Примечания

1. Бензер М. Метафизика в ловушке: философские аспекты вызова, брошенного Бодрийяром гиперсовременности // ХОРА. 2009. № 2 (8). С. 35-57.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 258 с.
3. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. 400 с.
4. Гусейнов А.Ш. Искажение субъектности в некоторых видах протестной активности // Личность и бытие: субъектный подход» (к 80-летию А.В. Брушлинского): Сб. материалов VI Всероссийской науч.-практ. конф. (с иностранным участием) под ред. З.И. Рябикой, В.В. Знакова. М., Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. С. 273-275.
5. Гусейнов А.Ш. Негативный потенциал протesta: психологический анализ // Армия и общество. №1. 2013. С. 169-175.
6. Гусейнов А.Ш. Феномен протестного поведения // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 2. С. 82-96.
7. Достоевский Ф.М. Бесы. Ставрополь: РИО Красный Крест, 1993. 640 с.
8. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431с.
9. Камю А. Бунтующий человек / Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
10. Кривошеев В.В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования № 3. 2009. С.57-67.
11. Наранхо К. Энеа-типологические структуры личности: Самоанализ для ищущего. Воронеж: НПО МОДЭК, 1995. 224 с.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981. 816 с.
13. Ортега – и – Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991.639 с.
14. Райх В. Анализ характера. М: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. 528 с.
15. Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления / научная монография под ред. М.Я. Яхьяева. М.: Парнас, 2011. 296 с.
16. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995. 479 с.
17. Тургенев И.С. Накануне. Отцы и дети. М.: Художественная литература. 1954. 413 с.
18. Фоменко Г.Ю. Личность в экстремальных условиях: Два модуса бытия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. 342 с.
19. Франк С.Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции). Вехи. Интеллигенция в России: Сб. статей 1909—1910 гг. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 175-201.
20. Фрейд З. Психоаналитические этюды. М.: ООО «Попурри», 1996. 606 с.
21. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989. 272 с.
22. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
23. Чиксентмихай М. Поток: Психология оптимального переживания. М.: Издательство «Альпина Нон-фикшн», 2013. 464 с.
24. Шиповская В. В. Беспомощность: теория, эксперименты, практика. Краснодар: ИЭиУ МисС, 2009. 245 с.
25. Шиповская В.В. Уровневая модель преодолевающей активности //«Личность и бытие: субъектный подход» (к 80-летию А.В. Брушлинского): Сборник материалов VI Всероссийской науч.-практ. конф. (с иностранным участием) под ред. З.И. Рябикой, В.В. Знакова. М., Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. С. 303-305.
26. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 663 с.
27. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

UDC 159.923.2.

External and Internal Factors of Nihilism: the Interdisciplinary Approach

Alexander Sh. Guseinov

Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, Russia
Budennogo street, 161 Krasnodar, 350015

PhD (psychology), Assistant Professor
E-mail: AGuseinov @ yandex mail.ru

Abstract. The article examines the internal and external factors of nihilism from the interdisciplinary approach perspective. For the synthesis and systematisation of disjointed perceptions, the author applies subject-existential interpretation. On the basis of the author's model of protest activity of the personality, nihilism mechanisms are revealed in the article. Ways of its prevention are also proposed.

Keywords: nihilism; model of protest activity; self-actualisation; anomie; distortion of consciousness; false subjectivity.

Психологическая дистанция как мера психологической безопасности в межличностных отношениях

¹ Вали Фатехович Енгалычев

² Оксана Сергеевна Клочко

³ Игорь Борисович Шуванов

¹⁻³ Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

¹ Доктор психологических наук, профессор
E-mail: valiyen@gmail.com

² Кандидат психологических наук
E-mail: klochkooksana@gmail.com

³ Кандидат психологических наук, доцент
E-mail: schuvanov@rambler.ru

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования направленного на выявление основных факторов категоризации социального окружения и взаимосвязи между содержательными и формально-динамическими характеристиками психологической дистанции у представителей подразделений УВД с различными категориями их социального окружения. В качестве таких подразделений УВД были выбраны ДПС – дорожно-патрульная служба милиции; ППС – патрульно-постовая служба милиции; УУМ – участковые уполномоченные милиции. В результате были выявлены три типа взаимоотношений личности, выделены уровни психологической безопасности через характер проявлений психологической дистанции, которая выступает регулятором пространственных и социальных контактов в системе человеческих отношений, где каждому типу соответствует та или иная группа, имеющая свой тип взаимодействий.

Ключевые слова: психологическая дистанция; структура психологической дистанции; социальное окружение; психологическая безопасность в межличностных отношениях; тип взаимоотношений личности.

Введение. В последние годы повысился интерес к междисциплинарным исследованиям на стыке юридической психологии и психологии безопасности, что обусловлено наличием общих тем в предметах обоих дисциплин и тем значением, которое они имеют для практической сферы (Енгалычев, 2004). Одной из таких тем является тема психологической дистанции, как меры психологической безопасности в межличностных отношениях – принципов исследования, методологии, перспектив и пр.

Традиционно проблема психологической дистанции изучалась главным образом в контексте исследований личности, социальной перцепции, межличностных отношений. Большое внимание проблемам психологической дистанции и доверию, как факторам экономической активности личности и группы уделяют А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко. Под психологической дистанцией они понимают результат категоризации индивидом окружающего мира, представляющий собой психологическое отношение к объекту социального, материального, идеального мира, представленное в сознании индивида в пространственных эмоционально окрашенных образах (Журавлев, 2003).

Наряду с теоретическими исследованиями психологической дистанции весьма интересны попытки ее эмпирического изучения. В качестве примера может послужить модифицированная проективная методика А.А. Кроник и Е.А. Кроник, направленная на выявление степени близости при помощи «кругов общения» (Кроник, 1998).

В рамках психологической теории коллектива А.В. Петровским был введен «индекс психологической дистанции» в межличностных отношениях между противостоящими позициями системы групповой дифференциации. Коэффициент психологической дистанции в данном исследовании показывал степень сближения ценностей и позиций членов коллектива, отсутствие противостояния и удаленности друг от друга по важнейшим характеристикам межличностных отношений. Автор отмечает, что «наибольшая

психологическая дистанция свидетельствует о психологической отдаленности и отчужденности людей, не понимающих и не принимающих друг друга» (Петровский, 1985). В связи с этим предложено ввести понятие «психологическая безопасность», где тесно соотносятся понятия «личность – доверие – безопасность», и которые являются неотъемлемой частью в понимании психологической дистанции.

Важным на наш взгляд, является определение Баевой И.А. – «...психология безопасности изучает социопсихологические явления и процессы, возникающие в ситуации угрозы (опасности). Предметом психологии безопасности является психологическая безопасность личности и социальной среды. Объектом психологии безопасности, как и любой другой области психологической науки, является психическая реальность, особенности определения которой в качестве объекта исследования обусловлены характером удовлетворения потребности в безопасности, состоянием защищенности психики от внешних и внутренних угроз, а также характером взаимодействия человека с социальной средой. Таким образом, объект психологии безопасности – психологические характеристики человека, социальной группы, общества как субъектов безопасности». (Баева, 2012).

Особый интерес представляет решение одной из этих проблем – определение уровня психологической безопасности индивидом в категориумах им социальных группах. Надежным инструментом выявления этого уровня представляется модифицированный вариант исследовательской методики психологической дистанции А.Б. Купрейченко. Автором выявлены, «основные структурные компоненты психологической дистанции: содержательная (качественная) и формально-динамическая стороны взаимоотношений личности с другими людьми. Установлено, что оба компонента тесно взаимосвязаны. Структура психологической дистанции – гибкая и динамичная конструкция и имеет групповые и индивидуально-психологические особенности» (Журавлев, 2003).

Материалы и методы. Несмотря на актуальность изучения проблемы категоризации социального окружения по уровню психологической безопасности, объем научных публикаций в юридической психологии здесь крайне мал. Нами, с целью изучения феномена «психологической дистанции» посредством применения различных методов измерения уровня психологической безопасности индивида в коллективах, непосредственно связанных с правоохранительной и правоприменительной деятельностью, было осуществлено широкое практическое исследование на базе УВД Калужской области.

Одно из направлений исследования было сфокусировано на выявлении основных факторов категоризации социального окружения и взаимосвязи между содержательными и формально-динамическими характеристиками психологической дистанции у представителей различных подразделений УВД с различными категориями их социального окружения. В качестве таких подразделений УВД были выбраны ДПС – дорожно-патрульная служба милиции; ППС – патрульно-постовая служба милиции; УУМ – участковые уполномоченные милиции.

Инспектор ДПС – отвечает за безопасность дорожного движения на обслуживаемой территории, оказывает помощь гражданам, пострадавшим от преступления, административных правонарушений и несчастных случаев.

Сотрудник ППС – отвечает за общественный порядок в зоне своего патрулирования, пресекает административные нарушения в пределах своих прав и устраняет их причины.

Сотрудник УУМ – отвечает за безопасность населения, выявляет административные нарушения, помогает раскрывать преступность.

Объект исследования – это сотрудники ДПС - 79 (31 %), ППС - 83 (33 %), УУМ - 88 (36 %) (мужчины в возрасте до 20 л. – 49 (20 %), 21-30 л. - 55 (22 %), 31-40 л. - 51 (20 %), 41-50 л. – 48 (19 %), старше 50 л. – 47 (19 %) - количественная выборка – 250 респондентов). Стаж работы: до 1 года – 37 (15 %), 2-3 года – 48 (19 %), 4-5 лет – 31 (12 %), 6-10 лет – 45 (18 %), 11-15 лет – 37 (15 %), более 15 лет – 52 (21 %). Образование: среднее – 72 (29 %), средне специальное – 107 (43 %), незаконченное высшее – 36 (14 %), высшее – 35 (14 %).

В ходе исследования сотрудникам предлагалось разделить предлагаемые группы их социального окружения на 5 категорий по величине «психологической дистанции» и оценить степень согласия с каждым высказыванием анкеты по отношению к каждой из пяти выделенных категорий.

Респондентам был предложен список социальных групп, наиболее соответствующий их реальному социальному окружению, который необходимо распределить по величине

«психологической дистанции» - пяти кругам (1-й круг – наиболее психологически самые близкие группы, 2-й круг – близкие, 3-й круг – ни близкие, ни далекие, 4-й круг – далекие, 5-й круг – самые далекие). В список сотрудников УВД вошли следующие группы социального окружения: правительство РФ, президент РФ, семья, друзья, коллеги моего подразделения, сотрудники других подразделений, начальники моего подразделения, руководство УВД, население города, местная администрация, представители судебных органов, представители МЧС, представители ФСБ, представители здравоохранения и социальной защиты, представители органов управления образования, представители ЖКХ, представители налоговой инспекции, представители «групп риска», т.к. именно с этими группами сотрудники УВД чаще всего взаимодействуют, что было выявлено с помощью системы экспертных оценок

Обсуждение. Обобщая приведенные данные, следует отметить, что первый круг психологической дистанции, включает семью (100 %), характерными социальными группами второго круга являются друзья (80 %) и реже коллеги (40,4 %), а также начальники их подразделения (22,8 %), в третий круг вошли – население города (66,4 %), сотрудники других подразделений (62 %), начальники их подразделения(68 %) и коллеги (58,8 %), а также руководство УВД (47,6 %), четвертый круг составляют примерно с близкой частотой представители ЖКХ (60 %), местная администрация (56,8 %) и представители судебных органов (56,4 %), сюда же отнесены представители «групп риска» (40,8 %), МЧС (44,4 %), ФСБ (44 %) и представители социальной защиты и здравоохранения (42,8 %), и пятый круг – президент РФ (71,2 %) и правительство РФ (70 %) , реже – представители налоговой инспекции (44,8 %), ФСБ (43,6 %) и представители органов управления образования (39,6 %).

Определение отношений сотрудников с каждым кругом психологической дистанции проводилось с помощью частотного анализа. Полученные результаты показали, что друзья, коллеги, начальники их подразделений соответствуют ожиданиям, они предсказуемы, к ним испытывают чувство приязни и надежности. Семью сотрудники УВД принимают такую, какая она есть, у них общие интересы, существует заинтересованность во взаимодействии, взаимопомощь и уважение, а также перед самыми близкими людьми они чувствуют ответственность, и имеют возможность контролировать поведение друг друга. С представителями ЖКХ, местной администрации, судебных органов, «групп риска», МЧС, ФСБ, социальной защиты и здравоохранения, контакты носят вынужденный характер и их отношения формальны.

Анализ попарного сравнения показателей в подразделениях ДПС и ППС, ППС и УУМ, УУМ и ДПС по t-критерию Стьюдента позволил сделать вывод, что в подразделениях участковых уполномоченных милиции($t=4,77$), и дорожно-патрульной ($t=4,73$) служб поведение членов семьи соответствует ожиданиям, оно более предсказуемо, чем в подразделении патрульно-постовой ($t=1,98$) службы. У участковых уполномоченных с самыми близкими людьми больше существует взаимопомощи ($t=4,86$), они заинтересованы во взаимодействии сильнее ($t = 4,47$), нежели их коллеги из дорожно-патрульной ($t=4,84$; $t=4,34$) и патрульно-постовой служб ($t=4,25$; $t=4,37$). К надежным людям сотрудники ДПС и УУМ относят семью, а сотрудники ППС таковыми считают друзей. Сотрудники всех 3-х подразделений чувствуют высокую ответственность перед самыми близкими людьми, ощущают взаимную зависимость, испытывают уважение, но при этом, сотрудники ППС не считают, что семья надежна ($t=1,14$) и чаще их контакты формальны ($t=4,30$). С представителями третьего, четвертого и пятого «кругов» психологической дистанции у сотрудников, в основном, контакты носят вынужденный характер, нет выраженного чувства единства и приязни. Для выявления личностных характеристик сотрудников подразделений ДПС, ППС, УУМ и в последующем, нахождения их взаимосвязи с психологической дистанцией, мы использовали стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМИЛ Л.Н. Собчик (Собчик, 2009).

Обработка результатов была проведена с помощью частотного анализа, который позволил выявить личностные особенности сотрудников УВД. Так, сотрудники службы участковых уполномоченных милиции более совестливы, ответственны, обязательны, скромны, склонны к переживаниям, сомнениям, менее общительны, чем сотрудники дорожно-патрульной и патрульно-постовой служб, для которых характерны: высокая

самооценка, активная позиция, уверенность в себе, решительность, жесткость, настойчивость и жизнелюбие.

Для определения компонентов содержащихся в структуре психологической дистанции сотрудников УВД респондентам предлагалось оценить по отношению к представителю каждой категории (круги психологической дистанции) степень согласия с приведенными высказываниями (всего 16), например: «Он надежен» - 1 - никогда, 2 - редко, 3 - иногда, 4 - часто, 5 - всегда. При обработке эмпирических данных использовалась статистическая программа Statistica 6.0, применялись первичный математический анализ, корреляционный, факторный и кластерный анализы.

Интерпретация результатов исследования включала факторизацию всей совокупности данных методом главных компонент, которая позволила выявить наиболее значимые компоненты в структуре психологической дистанции сотрудников. В первом факторе (32,5 % дисперсии), наибольшую факторную нагрузку имеют следующие 5 высказываний: «Поведение этого человека соответствует моим ожиданиям (он предсказуем)» (-0,91); «Он надежен» (-0,88); «Мы принимаем, друг друга такими, как есть» (-0,84); «По отношению к нему я испытываю чувство приязни» (-0,77); «Наши отношения формальны» (0,70).

Во втором факторе (14,64 % дисперсии), наибольшую нагрузку имеют 5 высказываний: «Он контролирует мои действия» (0,80); «Я завишу от него» (0,78); «Я имею возможность контролировать его поведение» (0,63); «Он зависит от меня» (0,60).

В третьем факторе (10,72 % дисперсии) большая нагрузка приходится на 2 высказывания: «Я чувствую ответственность перед ним» (0,85); « Я заинтересован во взаимодействии» (0,54).

Четвертый фактор (7,98 % дисперсии) также на 2 высказывания: «Я испытываю к нему уважение» (0,81); «У нас общие интересы» (0,70);

В пятом факторе (7,58 % дисперсии) наибольшая нагрузка приходится на 2 высказывания: «Между нами существует взаимопомощь» (0,79); «Он заинтересован во взаимодействии» (0,75).

Таким образом, проанализировав 4 категории: «близкие», «ни близкие, ни далекие», «далекие», «самые далекие» мы определили какие факторы входят в структуру психологической дистанции сотрудников УВД.

Кластерный анализ всей выборки (250 респондентов) по методу К-средних позволил выделить три типа взаимоотношений личности в зависимости от величины психологической дистанции. Первый тип (в который вошли 91 респондент – 36 % от всей выборки), превосходит все остальные по низкому уровню психологической безопасности в зависимости от величины психологической дистанции. Его отношения с представителями почти всех социальных групп (исключая семью и друзей) характеризуются высокой формальностью, низким уровнем надежности, единства, помощи в делах, взаимной ответственности и взаимного интереса. Этот тип отличается от двух последующих стремлением увеличить психологическую дистанцию, «поставить барьеры» в общении, которые могут привести к разрушению процесса коммуникации, возможно, вплоть до полной изоляции и снизить уровень психологической безопасности.

Отношения представителей второго типа (в который вошли 107 респондентов – 43 % от всей выборки), характеризуются меньшей степенью формальности, более высоким уровнем надежности и единства. Здесь, индивид готов сократить психологическую дистанцию, его избирательность в общении занимает среднее звено между первым и третьим типом и определяет установление психологической дистанции по принципу вариабельности и избирательности. Для данного типа характерен оптимальный уровень психологической безопасности.

Третий тип (в который вошли 52 респондента – 21 % от всей выборки), отличается наиболее низким уровнем психологической дистанции. Его отношения носят менее формальный характер, более высокая ответственность, зависимость и помощь в делах. Данный тип социализируется в деятельности, и наличие такой психологической дистанции оказывает позитивное влияние на индивида, который открыт для восприятия другого, тем самым повышает свой уровень психологической безопасности.

Все три типа не имеют отличий в отношении к семье, друзьям, коллегам. Эти отношения характеризуются высоким принятием и уважением, высоким уровнем психологической безопасности, а также надежностью и единством.

Заключение. Таким образом, среди сотрудников УВД были выявлены три типа взаимоотношений личности, выделены уровни психологической безопасности через характер проявлений психологической дистанции, которая выступает регулятором пространственных и социальных контактов в системе человеческих отношений, где каждому типу соответствует та или иная группа, имеющая свой тип взаимодействий.

На следующих этапах планируется проведение аналогичного исследования среди следователей, судей и судебных экспертов с целью выявления особенностей функционирования психологической дистанции в межличностных отношениях, а также обусловленного ею уровня психологической безопасности в сфере практической юридической психологии.

Примечания:

1. Баева И. А. Психология безопасности как основа анализа экстремальной ситуации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2012, № 145 С. 6-18.
2. Енгалычев В.Ф. Профессиональная компетентность специалиста в практической юридической психологии. М.: Высшая школа психологии. 2004. 434 с.
3. Еремеев Б. А. Психологическая безопасность, устойчивость, психотравма: Сборник научных статей по материалам Первого международного форума (Санкт-Петербург, 5-7 июня 2006 г.) СПб.: Книжный Дом, 2006 С. 101-103.
4. Журавлев А.Л. Купрейченко А.Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: ИПРАН, 2003. 436 с.
5. Кроник А.А, Кроник Е. А. Психология человеческих отношений. Дубна: Феникс, 1998. 230 с.
6. Петровский А.В. Решетка противостояний позиций как принцип диагностики уровня развития личностных отношений // Вопросы психологии. 1985, № 2. С.32-38.
7. Собчик Л.Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ). Практическое руководство к традиционному и компьютерному вариантам теста. М., 2009. 256 с.

UDC 159.9

Psychological Distance as a Measure of Psychological Safety in Interpersonal Relations

¹ Wali F. Engalychev

² Oksana S. Klotchko

³ Igor B. Shuvanov

¹⁻³ Sochi State University, Russian Federation

354000, Sovetskaya street, 26a

¹ Doctor of Psychology Sciences, professor

E-mail: valiyen@gmail.com

² PhD

E-mail: klochkoksana@gmail.com

³ PhD, Associate Professor

E-mail: schuvanov@rambler.ru

Abstract. The article presents the results of a study aimed at identifying the main factors of the categorisation of social environment and the relationship between the substantive and formal-dynamic characteristics of the psychological distance in the personnel of the Internal Affairs Department units with various categories of their social environment. For the purposes of the study, the following Internal Affairs Department units were selected: the Road Patrol Service of the police; the Patrol and Checkpoint Service of the police; and district police officers. As a result, three types of interpersonal dealings of the personality were identified. The author distinguishes levels of psychological safety through the character of the manifestations of the psychological distance, which acts as a regulator of spatial and social contacts in the system of human relations, where for each type there is a particular corresponding group with its own type of interactions.

Keywords: psychological distance; psychological distance structure; social environment; psychological safety in interpersonal relations; type of interpersonal dealings of the personality.

Роль населения в деятельности по охране правопорядка: социокультурный анализ

Сергей Леонидович Лазицкий

Краснодарский университет МВД России, Российская Федерация
Старший преподаватель

Аннотация. В статье анализируется социокультурная ситуация, сложившаяся в современной России, связанная с обеспечением безопасности населения от криминальных посягательств, исследуется роль самих граждан в данной деятельности. Автор в работе приводит анализ имеющегося отечественного опыта по организации взаимодействия представителей населения и государственных правоохранительных структур. В работе так же проводится экспликация понятия правоохранительная деятельность, предлагаются его альтернативные определения.

Ключевые слова: криминогенные процессы; правосознание; менталитет, правовая культура; правоохранная деятельность; общественная безопасность; правопорядок; социокультурный анализ; социальная стабильность.

Введение. Характеризуя современные подходы к проблеме общественной безопасности, к анализу ее основного инструментария, следует, прежде всего, отметить, что на сегодняшний день отечественная наука не выработала единого подхода к определению и содержанию такого широко употребляемого в теории и на практике понятию, как «правоохранительная деятельность», являющейся основным механизмом обеспечения безопасности и социальной стабильности. Необходимым условием повышения эффективности правоохранительной деятельности является активное включение населения в данную деятельность, что, бесспорно, повысит и уровень легитимности правоохранительных структур.

Материалы и методы. Работа подготовлена на основе личных исследований автора с использованием данных опубликованных современных учеными в рамках междисциплинарных исследований по социологии, криминологии, политологии и т.д. В качестве основного метода исследования автором использовался метод междисциплинарный анализа.

Обсуждение. Проблема взаимодействия населения и государственных органов в обеспечении правопорядка исследовалась такими учеными как А.Г. Головко, К.Ф. Гуценко, А.И. Кузнецов, А.П. Михайлов, И.В. Шевченко и др.

Научно обоснованным представляется трактовка данного понятия, предложенная известным ученым, профессором К.Ф. Гуценко. «Данное понятие, – пишет он, имея в виду, правоохранительную деятельность, – является сравнительно молодым. Оно введено в юридический обиход всего лишь в конце 50-х – начале 60-х гг. По сравнению с возрастом других терминов и понятий, которыми пользуются юристы, это «младенческий» возраст. Отчасти этим и можно было бы объяснить тот факт, что понятие «правоохранительная деятельность» еще не «устоялось» (1, с. 2)

Результаты. В конце 1980-х годов А.Б. Сахаров широко трактует понятие «правоохранительная деятельность». Он полагает, что «правоохранительная деятельность – это деятельность специальных государственных органов (прокуратуры, органов внутренних дел, судов, исправительно-трудовых учреждений), призванных осуществлять непосредственную борьбу с преступностью» (2, с. 83).

Несколько ранее профессор Т.М. Шамба рассматривает данный вид деятельности в узком и широком смысле. В узком значении, по его мнению, правоохранительная деятельность понимается как непосредственная охрана установленного законом правопорядка порядка общественных отношений, то есть борьба с правонарушителями путем привлечения виновных к различного рода, юридической ответственности. В широком смысле – как не только непосредственная охрана сложившихся общественных отношений, но и поддержание, укрепление правопорядка, создание благоприятных условий для беспрепятственного осуществления всеми субъектами своих прав и обязанностей (3, с. 34).

В конце прошлого века И.И. Лизикова рассматривала правоохранительную деятельность также в узком и широком значении. При этом двойственность трактовки относится не только к содержанию анализируемой деятельности, но и к характеру субъектов, ее осуществляющих. Автор утверждает, что правоохранительной деятельностью в широком смысле слова занимаются многие государственные органы в пределах своей компетенции, а под правоохранительной деятельностью в узком смысле слова следует понимать «специализированную деятельность по охране общественных отношений, которой занимаются специально созданные для этой цели правоохранительные органы» (4, с. 12).

В содержании правоохранительной деятельности проявляется ее универсальность, она не может ограничиваться лишь действиями только в отношении конкретных правонарушений. Цель этой деятельности, по мнению А.Г. Головко, заключается «как в охране правового порядка и его защите, выраженной в борьбе с уже совершенными правонарушениями, так и в создании необходимых условий для беспрепятственной реализации правовых норм» (5, с. 21).

Характер правоохранительной деятельности в силу широты и особенностей целей и функций обуславливает активные действия не только специализированных организаций и служб, но и многих других государственных органов, осуществляющих различные государственные функции – экономические, социально-культурные, экологические, финансовые, в области здравоохранения, а также таможенные, налоговые и ряд других. Каждый государственный орган должен быть заинтересован в качественной и эффективной правоохранительной деятельности и способствовать ее прогрессивному развитию, даже если его компетенция прямо не предусматривает это.

Следует заметить, что для успешности правоохранительной деятельности в целом существенную роль играет степень вовлеченности в нее широкой общественности, негосударственных объединений, рядовых граждан.

Традиционными формами участия населения в правоохранительной деятельности для российского общества были добровольные народные дружины, товарищеские суды, наблюдательные комиссии при региональных органах управления и др. Создаваемые на основе коллективного членства, эти организации и объединения главное свое предназначение видели в оказании помощи государственным правоохранительным органам по охране правопорядка и обеспечении общественной безопасности (6, с. 8).

С учетом выше изложенного, всю правоохранительную деятельность в Российской Федерации относительно субъектов, ее осуществляющих, можно условно разделить на два вида: государственную правоохранительную деятельность и правоохранительную деятельность негосударственного характера.

Однако, прошедшие социально-экономические и политico-правовые преобразования начала 90-х годов прошедшего столетия в России изменили как место и роль государства во всех сферах жизнедеятельности общества, так и характер взаимоотношения государства и конкретного гражданина.

Либерализация и ослабление традиционных механизмов институциональной регуляции, отказ от унифицированных образцов формирования поведения посредством целенаправленного воздействия, и, напротив, усиление спонтанности в освоении социальной действительности заметно повлияли на изменение механизма правовой социализации (7, с.12).

В области общественной безопасности значительной корректировке и трансформации подверглись взгляды на проблему участия населения в обеспечении правопорядка.

Одни традиционные формы (например, ДНД) претерпевают организационные изменения, другие (товарищеские суды, наблюдательные комиссии) стоят на перепутье и требуют правового обновления, роль третьих (адвокатура) неизмеримо возросла.

Более того, в последнее время появились новые формы участия граждан в правоохранительной деятельности, в основе создания которых лежат не столько коллективные, сколько индивидуальные и материальные интересы (частные нотариальные палаты, частные детективные и частные охранные предприятия). Они, как правило, создаются по инициативе отдельных граждан либо по заявлению группы учредителей и выполняют определенные функции охраны не правовых интересов вообще, а отдельных лиц, конкретных предприятий, учреждений и организаций.

Современный этап развития российского общества характеризуется быстрой эволюцией преступности. В настоящий момент, в связи с масштабностью и остротой проблемы, правоохранительная деятельность должна искать современные и эффективные методы (8, с. 9).

Между тем, государство, как основной социальный институт, не в состоянии самостоятельно обеспечить достижение приемлемого уровня общественного правопорядка. Требуется поддержка и непосредственная помощь со стороны общества.

Необходимость активной опоры на общественность, на законопослушных граждан, диктуется обострением криминогенной обстановки в стране, недостаточностью имеющихся возможностей и ресурсов у правоохранительных органов и признается подавляющим большинством руководителей различного уровня и практических работников правоохранительной сферы.

В связи с этим, действенность правоохранительной деятельности и успешность получаемых результатов зависит, с одной стороны, от грамотных и профессиональных действий сотрудников специализированных органов, с другой – от активного, заинтересованного участия самого населения в охране общественного порядка и обеспечении собственной безопасности.

Заключение. В этой связи подчеркнем, что активная позиция населения, желание конструктивно сотрудничать с правоохранительными органами могут существенно способствовать уменьшению количества совершаемых правонарушений и преступлений, повышению авторитета представителей охраны правопорядка.

Примечания:

1. Правоохранительные органы: Учебник для вузов / Под ред. проф. К.Ф. Гуценко. М., 1995. С. 2.
2. Сахаров А.Б. Правоохранительная деятельность и преступность. / Советское государство и право, 1986, №1, С. 83-85.
3. Шамба Т.М. Демократизм советского периода (проблемы теории и практики). Автореф. дисс. ... док. юрид. наук. М., 1985. С. 34–35.
4. Лизикова И.И. Правовой статус работников правоохранительных органов (общетеоретические аспекты). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 12.
5. Головко А.Г. Взаимодействие органов внутренних дел с другими субъектами правоохранительной системы в сфере обеспечения прав и свобод граждан России (вопросы теории). Дис... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1999. С. 21.
6. Котляров В.А., Михайлов А.П. Правовое поведение молодежи как предмет социологического анализа. Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп. 2012. Вып. 1(92). С. 125.
7. Котляров В.А. Протестный потенциал субкультуры современной российской молодежи. Автореф. канд. дис. на соиск. уч. ст. канд. социол. наук. Майкоп, 2012. С. 12.
8. Кузнецов А.И. Социокультурный статус сотрудника органов внутренних дел в современной российской ментальности. Автореф. канд. дис. на соиск. уч. ст. канд. социол. наук. Майкоп, 2011. С.9.

UDC 15

The Role of Public in the Law and Order Protection: Socio-cultural Analysis

Sergey L. Lazitskyi

Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation
Senior Lecturer

Abstract. The article analyses the socio-cultural situation in modern Russia related to ensuring the protection of the general public against criminal violations. The citizens' role in this activity is explored as well. The author provides an analysis of the available domestic experience in organising an interaction between the general public and the state law enforcement authorities. The article also explicates the concept 'law enforcement activity' and proposes its alternative definitions.

Keywords: criminogenic processes; legal awareness; mentality, legal culture; law enforcement activity; public safety; law and order; socio-cultural analysis; social stability.

Психологическая оценка и обеспечение безопасности психодиагностического процесса

Ирина Г. Макаревская

Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
E-mail: athoc@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается такой аспект проблемы психологической безопасности, как обеспечение безопасности психодиагностического процесса. Осуществляется психологическая оценка безопасности деятельности испытуемого в ситуации классического и адаптивного тестирования. Анализируется влияние ситуации тестирования на состояние испытуемого и специфика репрезентации ситуации тестирования испытуемым в контексте проблемы безопасности психодиагностического процесса.

Ключевые слова: психологическая безопасность; ситуация тестирования; валидность; адаптивное тестирование; внешние переменные.

Введение. Проблема психологической безопасности – одна из наиболее актуальных проблем, стоящих перед современным обществом и современной наукой. Социальный запрос в последние годы актуализировал исследовательскую деятельность в области психологии безопасности. В нашей работе мы предприняли попытку к рассмотрению такого аспекта проблемы психологии безопасности как безопасность деятельности испытуемого в ходе психодиагностического исследования.

Безопасность деятельности испытуемого в ситуации исследования или обследования – один из основополагающих этических принципов психологической диагностики. Правило безопасности для испытуемого применяемых методик состоит в том, что психолог применяет только такие методики исследования, которые не являются опасными для здоровья, не оказывают значимого влияния на состояние испытуемого, не представляют его в результатах исследования в ложном, искаженном свете, не дают сведений о тех его психологических свойствах и особенностях, которые не имеют отношения к конкретным, согласованным задачам психологического исследования (Крылов А.А., Юрьев А.И., 2000).

При этом практика психодиагностической деятельности современного психолога показывает, что декларируемое правило безопасности деятельности испытуемого считается априори реализуемым в ходе психологического исследования в том случае, если психодиагност использует классические, прошедшие психометрическую проверку методики. Считается, что в этом случае ситуация тестирования не оказывает значимого влияния на состояние испытуемого и получаемые в ходе исследования результаты достоверны. Но психологическое измерение – это, прежде всего, процесс взаимодействия измерителя и измеряемого, со всем контекстом процесса измерения, который может оказывать значительное влияние, как на результат измерения, так и на объект измерения (испытуемого), существенно изменяя их. В нашем исследовании мы предприняли попытку рассмотрения такого психологического аспекта безопасности деятельности испытуемого, как влияние ситуации тестирования на состояние испытуемого, сопоставив ситуацию классического и адаптивного тестирования.

Адаптивное тестирование – такой подход к тестированию, при котором предъявляемые испытуемому текущие задания зависят от результатов его ответа на предыдущие задания. Адаптивность тестового измерения подразумевает приспособление качественных характеристик тестовых заданий к поведению конкретного испытуемого. Контекст измерения в ситуации адаптивного тестирования, на наш взгляд, в большей степени соответствует динаминости объекта измерения, чем в ситуации классического тестирования, а, соответственно, оказывает меньшее влияние на состояние испытуемого, и, как следствие, в каких-то моментах более безопасен для человека, принимающего участие в психологическом исследовании.

Материалы и методы: В исследовании была использована тестовая батарея общих и специальных способностей (классическая и адаптивная версия). Состояние испытуемых до и

после тестирования диагностировалось с помощью шкалы ситуативной тревожности и методики САН. Отношение испытуемых к ситуации тестирования, особенности их представлений о ситуации классического и адаптивного тестирования изучались с помощью структурированного интервью и психосемантического метода (с последующим выделением семантических универсалий по алгоритму, предложенному Е.Ю.Артемьевой [1].

Обсуждение проблемы. Мы провели исследование, в котором с помощью классической и адаптивной версии методики диагностировали специальные способности испытуемого. При этом мы фиксировали до и после процедуры измерения специальных способностей у испытуемых такие показатели их состояния как реактивная тревожность, самочувствие, активность и настроение. Всего в нашем исследовании приняло участие 200 человек в возрасте от 19 до 45 лет.

Мы предполагаем, что ситуация классического тестирования специальных способностей может привести к повышению ситуативной тревожности испытуемых, в то время как ситуация адаптивного тестирования не должна оказывать значимого влияния на ситуативную тревожность. Также было выдвинуто предположение, что существует специфика репрезентации ситуации тестирования в сознании испытуемого в зависимости от стратегии предъявления тестовых заданий и это может оказаться на субъективном ощущении опасности/безопасности у испытуемого в ходе психодиагностического процесса.

Результаты. В результате проведенного исследования было выявлено, что в ситуации классического тестирования в целом несколько увеличивается количество испытуемых с высоким уровнем реактивной тревожности и снижается количество испытуемых с низким уровнем тревожности, в то время как в ситуации адаптивного тестирования наблюдается обратная тенденция.

Объяснить снижение ситуативной тревожности в ситуации адаптивного тестирования можно следующим образом: при адаптивном тестировании каждый следующий вопрос, который предъявляется испытуемому, зависит от его ответа на предыдущий, при этом содержание заданий адаптируется под уровень знаний испытуемого, вследствие этого создается «ситуация успеха» и приводящая к снижению реактивной тревожности.

Используя непараметрический статистический критерий Манна-Уитни мы проанализировали, существуют ли статистически значимые различия в отдельных показателях ситуативной тревожности до и после измерения в ситуации классического и адаптивного измерения.

В случае адаптивного измерения нами не было обнаружено статистически значимых различий по отдельным показателям реактивной тревожности до и после тестирования.

В ситуации классического тестирования статистически значимые различия были получены для 8 шкал. При этом значительно увеличиваются оценки по таким шкалам как: «Я нахожусь в напряжении», «Я испытываю сожаление», «Я расстроен», «Я не нахожу себе места», «Я взвинчен», «Я озабочен», «Я слишком возбужден и мне не по себе». Значимо уменьшаются показатели по шкале «Я чувствую себя отдохнувшим». Таким образом, ситуация классического тестирования может оказывать влияние на показатели реактивной тревожности испытуемых, изменения уровень активации и влияя на работоспособность, вызывая утомление и субъективное ощущение дискомфорта ситуации тестирования. Полученные в ходе статистической обработки результаты свидетельствуют в пользу выдвинутого предположения о том, что ситуация классического тестирования может привести к увеличению ситуативной тревожности испытуемых.

Статистическая обработка данных с использованием критерия Манна-Уитни показала, что ситуация классического измерения значительно понижает самочувствие, активность и настроение испытуемого, по каждому из этих трех показателей получены статистически значимые различия на высоком уровне значимости. В ситуации классического измерения претерпели значимые изменения 26 показателей самочувствия, активности и настроения из 30. По завершении классического измерения специальных способностей, испытуемые сообщали об ухудшении самочувствия, настроения, о субъективном ощущении себя слабым, пассивным, малоподвижным, вялым, разбитым, обессиленным, медлительным, рассеянным и т.д.

Анализ стандартизированного интервью показал, что достаточно большое количество испытуемых (53 %) отмечают, что процедура классического измерения их специальных способностей привела к существенному снижению оценки собственных способностей. В ситуации адаптивного тестирования такой эффект влияния процедуры тестирования на

снижение самооценки в области своих когнитивных способностей отмечают лишь 4 % испытуемых, а 14,5 % испытуемых отмечают, что после адаптивного тестирования специальных способностей они склонны оценивать свои способности как существенно более высокие, чем до момента тестирования. Связан этот эффект, возможно с самим алгоритмом адаптивного тестирования, при котором для каждого испытуемого подбирается индивидуальная траектория работы с банком тестовых заданий. В ходе адаптивного тестирования из банка тестовых заданий исключаются задания индивидуально недискриминативные (в данном случае слишком легкие или слишком сложные для испытуемого), испытуемый фактически работает с заданиями оптимальной для него сложности, а соответственно, возникает своеобразная «ситуация успеха», что, возможно и приводит к изменению оценки собственных способностей.

Следует также отметить, что в ситуации классического измерения способностей испытуемые в 2,8 раза чаще, чем в ситуации адаптивного измерения, сообщали о разнообразных проблемах и трудностях, связанных с ситуацией тестирования, отмечая свою неспособность сосредоточиться на ситуации тестирования и зависимость от внешних, эргономических факторов.

41,7 % испытуемых считает, что результаты классического теста специальных способностей соответствуют реальному уровню их способностей, 58,3 % испытуемых считают результаты классического теста необъективными, не соответствующими актуальному уровню развития их специальных способностей. При адаптивном тестировании высокую объективность результатов теста отмечают 76,2% испытуемых, менее трети испытуемых (23,8 %) сомневаются в объективности полученных результатов. Таким образом, можно предположить, что адаптивное тестирование обладает более высокой очевидной (лицевой) валидностью, но это лишь предположение, нуждающееся в дальнейшей эмпирической проверке.

39,7 % испытуемых отмечают, что задания классического теста были для них либо слишком сложными, либо слишком легкими; оптимальную сложность заданий адаптивного теста отмечают 80,7 % испытуемых из выборки.

73,5 % испытуемых отметили, что испытывали интерес и удовлетворение в ходе работы с адаптивным тестом; удовлетворение от работы с классическим тестом отметили 35,5 % испытуемых.

Семантическими универсалиями при описании адаптивного теста являются следующие предикаты: «разнообразный», «яркий», «короткий», «практический».

Семантическими универсалиями при описании классического теста являются следующие предикаты: «монотонный», «путанный», «долгий», «житейский», «теоретический».

Полученные результаты позволяют предположить, что ситуация адаптивного тестирования специальных способностей репрезентируется в сознании испытуемых как более объективная, интересная и эффективная, чем ситуация классического измерения способностей. Такое представление о ситуации адаптивного тестирования в свою очередь, может приводить к повышению субъективного чувства комфорта и безопасности в процессе использования адаптивного теста по сравнению с классическим.

Заключение. Таким образом, мы можем утверждать, что ситуация классического измерения приводит к существенным, значимым изменениям в самочувствии и настроении испытуемого, что, в свою очередь может стать достаточно существенной внешней переменной в исследовании, искажая получаемые результаты и изменения состояния испытуемого. В то же время стабильность состояния испытуемого в ситуации тестирования и достоверность получаемых в ходе исследования данных являются показателями психологической безопасности методики для испытуемого, а значит можно предположить, что в рассмотренных аспектах адаптивный алгоритм предъявления тестовых заданий будет более безопасным для испытуемого, чем классический. Проведенное исследование, тем не менее, можно рассматривать лишь как определенный шаг к постановке проблемы психологической безопасности деятельности испытуемого в ситуации психологического исследования. Перспективным нам представляется дальнейшее изучение поставленной проблемы, и, в частности, анализ того, как личностные особенности испытуемых влияют на восприятие ими психодиагностической ситуации как субъективно опасной или безопасной. Выявленные психологические особенности влияния алгоритма предъявления тестовых

заданий на тревожность и самочувствие испытуемых могут служить основанием для создания программ психологического сопровождения психодиагностического процесса в ситуации экспертизы (экзаменационного тестирования, тестирования при приеме на работу), направленных на коррекцию тревожности, неуверенного поведения, выработку продуктивных стратегий поведения в ситуации тестирования.

Примечания:

1. Артемьева Е. Ю. Семантические измерения как модели // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1991. № 1.
2. Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании: Монография. СПб., 2002.
3. Брушлинский А.В. Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.
4. Грачев Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности: проблема и возможности формирования социально-психологической защиты // Проблемы информационно-психологической безопасности: сборник статей и материалов конференций. М., Институт психологии РАН, 1996.
5. Дружинин В.Н. Структура и логика психологического исследования /Ин-т психологии РАН. 2-е изд., испр. М., 1994. 163 с.
6. Зароченцев К.Д., Худяков А.И. Кризис современной психоdiagностики // Философия и проблемы человека. СПб., 1997.
7. Крылов А.А., Юрьев А.И. Этические принципы и правила работы психолога // В кн.: Практикум по общей и экспериментальной психологии /Под ред. Крылова А.А., Маничева С.А., 2-е изд-е, СПб., Москва, Харьков, Минск, 2000. С. 545-552.
8. Петанова Е.И., Бахчеева Э.П. Саморегуляция студентов-психологов в ситуации компьютерного тестирования// Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 3. С. 131-136.
9. Шлыкова Н.Л. Психологическая безопасность: история и перспективы исследования // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2005. № 4. С. 65-66.
10. Эксакусто Т.В. Лызь Н.А. Психологическая безопасность в проблемном поле психологии // Сибирский психологический журнал. Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. № 37. С. 86-91.

UDC 159.9.07

Psychological Assessment and Ensuring Safety of the Psycho-diagnostic Process

Irina G.Makarevskaya

Sochi State University, Russian Federation
354000 Krasnodar Region, Sochi, Sovetskaya St. 26a
E-mail: athoc@yandex.ru

Abstract. The article examines such aspect of the problem of psychological safety as ensuring psycho-diagnostic process safety. The author carries out a psychological assessment of safety of the testee's activity in the situation of classical and adaptive testing. The author analyses the impact of the situation of testing on the testee's state and the specificity of the testee's representation of the situation of testing in the context of the problem of psycho-diagnostic process safety.

Keywords: psychological safety; situation of testing; validity; adaptive testing; external variables.

Безопасность личности в системе человекознания

Владимир Михайлович Мельников

Сочинский государственный университет», Российская Федерация

354000, ул. Советская, 26 а

Доктор психологических наук, профессор

E-mail: kafopisk@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа общих вопросов личной безопасности человека, а так же проблемы личной безопасности в условиях материально-денежных отношений. Акцент сделан на рассмотрении психологических аспектов личной безопасности в межличностном общении, что особенно актуально в условиях полиэтнической среды г. Сочи

Ключевые слова: личная безопасность; товарно-денежные отношения; виктимность; психологические закономерности поведения людей.

Постановка проблемы. Во все времена исследования отечественных психологов были тесно связаны с задачами, стоящими перед основными сферами социальной жизни – трудом, управлением и образованием.

В этой связи представляет интерес тот факт, что в современной психологии не только сохранились, но и получили развитие устоявшиеся научные традиции, тенденции и направления, встроенные сегодня в другую социальную эпоху, иную систему ценностей: социально-экономических, образовательных и научных [2].

Научное развитие сегодня в новых условиях, характеризующихся утратой государственной потребности в усилении интеллекта науки, её нравственных оснований, ослаблением образовательных потенциалов, общественных и личных эмпатий, коллективистических тенденций, законодательно-правовых регуляторов отношений в сфере рыночной экономики и социальной жизни.

Ведущей общественно-экономической доминантой стало банковское управление жизнью социума в форме либерального западного образца.

Изменились ценностные смыслы науки. Что проявляется в её коммерциализации. Выдвижение сугубо экономического эффекта в качестве важнейшего показателя её продуктивности. Иногда получают оправдание и поддержку идеи приоритета интересов личности над обществом, индивидуализма над коллективизмом, полной свободы воли в выборе линии жизни и поведения.

Всё это является причиной, первоисточником активизации психологической защиты личности, её безопасного поведения в экстремальных ситуациях деятельности. Всё это вызывает большой научный интерес и, мы задались целью исследовать вопросы личной безопасности в условиях многообразия жизнедеятельности человека. Как обезопасить себя в экстремальных условиях деятельности и высокой конкуренции?

Учёные различных специальностей работают в этом направлении. Было проведено достаточное количество исследований. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации, а также наши наблюдения и эксперименты [1, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 12 и др.].

К сожалению, решение этих проблем крайне редко является предметом широких обобщений, направленных в практическую реальность. Вместе с тем, постановка этих вопросов перед специалистами поможет им более продуктивно использовать свой профессиональный потенциал и более полно осознать ту реальную обстановку, в которой проходит их деятельность.

Описание выборки. В исследовании принимали участие государственные служащие, менеджеры экономической и финансовой сферы, управлёнцы государственного и частного бизнеса Москвы и Нью-Йорка. Для исследования подбирались испытуемые со стажем работы в своей отрасли до 9 лет, в возрасте от 33 до 45 лет. Всего 57 человек.

Методики исследования. Использовался многомерный 14-факторный психодиагностический личностный опросник Мельникова, Ямпольского. Это дало возможность последовательно реализовать принципы многомерного и системного исследования, а также

исследовать личность человека в реальных жизненных ситуациях, без риска их искажений или «загрязнений» побочными влияниями, вызванными при создании искусственных экспериментальных ситуаций.

Кроме того, использовались психодиагностические методики, беседы, интервью, изучался профессиональный опыт, продукты деятельности, делались широкие обобщения отечественных и зарубежных публикаций.

Вместе с тем, у автора была возможность (по долгу службы) наблюдать этих людей продолжительное время, изучать их действия (решения) в различных ситуациях, анализировать их поступки.

Результаты исследования и практические рекомендации. В предупреждении криминальных событий определенное место принадлежит пониманию самим человеком необходимости обеспечения личной безопасности. В основе его лежит та картина мира, которую он для себя сформировал, и то место, которое он осознанно или неосознанно отвел в этой картине самому себе. Чем объективнее и точнее человек отражает законы, управляющие происходящими вокруг него и с ним самим процессами и состояниями вещей, тем безопаснее его позиция в окружающем мире. В основе лежит знание закономерностей бытия, но не меньшее, а часто и большее значение имеет точное интуитивное ощущение или понимание общего направления хода развития событий.

Особо важное значение имеет способность *предвидеть последствия развития ситуации*, в которых оказывается человек, особенно если эти последствия окрашены чувством опасности как для него самого, так и для связанных с ним людей. Например, заключение сомнительных сделок может навлечь беду на совершенно непричастных к этому лиц. Лучшая защита от опасности – возможность предвидеть ее как в самой ситуации, так и в ее последствиях и предпринять правильные действия. Однако не менее эффективным средством защиты может быть и бездействие, т.е. отсутствие всяких или хотя бы выраженных действий в ответ на сложившуюся ситуацию.

Любое действие вносит в ситуацию дополнительные возмущения и если его последствия неосознаны, то результаты могут быть неожиданными, в том числе и опасными. Трудность не совершения каких-либо действий (бездействия) состоит в том, что некоторые ситуации как бы задевают, втягивают человека, провоцируют его к реагированию. Вместе с тем, они возникают и развиваются по своим, не всегда достаточно хорошо известным человеку законам. Ситуации могут быть исчерпаны или угаснуть сами собой, без активного вмешательства. Поэтому важно *уметь оценить момент, когда действие является неизбежным и необходимым способом реагирования*.

Сильным средством обеспечения личной безопасности может быть *знание психологических закономерностей, управляющих поведением людей* [9]. Укажем некоторые из них.

1. В каждый момент своей жизни человек оказывается включенным в определенный социально-психологический контекст, в определенную систему взаимодействий и отношений между людьми, независимо от того, осознает он это или нет. Его поведение определяется степенью осознания, понимаем реальных отношений и сильно зависит от степени их субъективного искажения. Чем выше степень такого искажения, тем менее результаты его действий вписываются в общий контекст, следовательно, тем выше степень напряженности ситуации, а отсюда – резкое повышение вероятности острого и потенциально опасного реагирования.

2. Каждый человек обладает базисной системой личных ценностей, которую он стремится сохранить, усилить и защитить. Основной из этих ценностей является чувство собственного достоинства, проявляющееся в том, как человек ведет себя по отношению к другим и чего он ожидает (или требует) от других по отношению к себе. Потенциальная опасность ощущается первоначально как угроза чувству собственного достоинства. Будучи ущемленным, это чувство способно толкнуть человека на самые крайние действия.

3. Основными регуляторами межчеловеческого поведения являются такие морально-психологические образования, как совесть, стыд, вина и ответственность. Все они по существу взаимосвязаны, но первичным и наиболее глубоким является чувство стыда. Человек с дефектом чувства стыда или с его полным отсутствием непредсказуем в своих поступках или полностью асоциален. Для него переживания вины и ответственности не существует, а соответствующие слова являются пустым звуком. Опасность нередко идет со стороны именно этой категории людей, причем, сами себя они в этом качестве чаще всего не осознают.

4. Сильное влияние на поведение людей оказывают неформальные социальные нормы, бытующие в той культурной среде, где люди воспитываются и живут. В конечном счете, они отражают условия жизни людей, сложившиеся традиции, обычаи и нравы и в совокупности выражают культуру данной общности. Общество сильно дифференцировано по характеру этих норм и силе их воздействия. Неформальные культурные традиции иногда настолько различаются, что представителям разных общностей почти невозможно понять друг друга: что разрешено, или, хотя бы не запрещено в одной культуре, кажется представителям другой варварским, диким.

Эта позиция свойственна в полной мере такому полиэтническому региону, как Северный Кавказ, где происходят сегодня и ожидаются в недалёком будущем серьёзные изменения и широкомасштабные культурно-спортивные мероприятия и инновации.

Следовательно, общий принцип взаимоотношений разных культур – *взаимоуважение, безусловное принятие норм другого сообщества*. Только в этом психологическом контексте возможно бесконфликтное существование.

В социальных условиях нынешнего этапа отечественной истории проблема поиска позиции личной безопасности только обостряется. Не каждому под силу окружить себя телохранителями и приобрести бронированный автомобиль. Оружием большинства должно стать иное средство – *знание механизмов взаимоотношений между людьми и значительно более тщательное осмысление своей позиции* в плохо упорядоченном потоке событий и их последствий [9].

Изучение вопроса о том, почему человек становится *объектом агрессии*, приводит к общему заключению: потому, что он стал препятствием на пути действия, достижения какой-то цели другим человеком. В основе этого лежит несколько факторов и обстоятельств, прежде всего, потеря контроля за развитием ситуации. Потеря такого контроля не является случайным обстоятельством и обусловлена либо неосознаваемым стремлением спровоцировать агрессию на себя и получить возможность оказания активного сопротивления, либо причинами более глубокого порядка. К числу последних надо отнести в целом повышенную *виктиимность* данного лица относительно определенных условий [4]. Склонность становится объектом нападения и вызвана главным образом тем, что данное лицо становится носителем какой-то скрытой вины, независимо от того, осознает он ее или нет. Поэтому нападение на него (в физической или психологической форме) – это, скорее, наказание за что-то, что может и не иметь прямого отношения к ситуации, в которой это происходит. Истинные корни лежат где-то в другом месте или в другой плоскости. Это примерно то же самое, что и болезни, которыми заболевают некоторые люди и которые не поддаются никакому лечению. Такие больные сами почти никогда не осознают причин своих несчастий, а ищут их в чем-то другом – в условиях жизни, других людях и пр. подобными людьми наполнены больницы и тюрьмы. Формирование защиты от попадания в такие ситуации – дело очень серьезной и длительной работы, осуществляющейся, как правило, совместно с иным лицом, в частности, квалифицированным психологом, психотерапевтом и др.

Психологические особенности обеспечения личной безопасности в условиях материально-денежных отношений и в общении с «другим»

В настоящее время одной из самых мощных сил, управляющих поведением больших масс людей, становится *стремление к материальному обогащению*. Само по себе вполне допустимое, оно таит в себе серьезную угрозу личной безопасности. Эта угроза связана с некоторыми свойствами денег. Являясь всеобщим эквивалентом, деньги способны стать всеобщим мерилом любых ценностей, в том числе и ценности человеческой жизни.

В этой связи мы провели исследование по выявлению связи профиля личности с нарушением здоровья и ухода из жизни при неудачах и крушениях в сфере финансово-экономического бизнеса. Было установлено, что лица с имеющимися отрицательными личностными качествами (амбиции, чрезмерное самомнение, недостаточная критичность в самооценках, стремление к решению задачи любой ценой и др.) часто ломались, а иногда уходили из жизни в крайне сложных ситуациях их бизнеса [10, 11]. Феноменологических данных по этому поводу много, однако их строгое научное объяснение пока отсутствует.

Давно известно, что там, где начинаются деньги, там человеческие отношения незаметно переходят в денежные, лишь закамуфлированные в форму человеческих. В условиях рыночных отношений, особенно начального и переходного периодов, отношения между деньгами еще выглядят как отношения между людьми и их легко спутать. Между тем, отношения между деньгами кардинально отличаются от человеческих отношений.

Деньги живут по своим законам, по ним они производятся (рождаются) и оборачиваются (развиваются). Люди думают, что они управляют жизнью денег, тогда как на самом деле деньги управляют жизнью людей. Лица, только входящие в мир денег, как правило, плохо осознают, что они включаются в совершенно иную систему отношений, где действуют другие законы, главный из которых – увеличение массы денег. В отличие от людей, деньги «имеют» лишь одну «потребность» – к увеличению своего влияния. За счет этого они постоянно перестраивают всю систему отношений между людьми, подчиняют себе их жизнь, диктуя ей свои правила [9].

В этом русле совсем недавно проходила реформа Российской Академии наук. Одной из проблем было имущество Академии наук. Делили деньги, недвижимость и др. Жаркие дискуссии и споры переходили дозволенные границы. Ученые критиковали власть, оппозиционные партии грозили объявить импичмент правительству. На «кону» стояли имущество РАН на 260 млрд. рублей и 6 млн. гектаров земельных угодий.

В этих условиях сама человеческая жизнь становится лишь средством, способом производства денег, хотя, казалось бы, должно быть наоборот – деньги должны являться средством производства и воспроизведения жизни. В мире товарно-денежных отношений нет таких вещей, как сострадание и прощение, жертвенность и милосердие. Они присущи только миру людей. В мире денег они не нужны и обречены на вымирание.

Исходя из этого, включаясь в систему новых отношений, прежде всего, материально-денежных, в целях обеспечения личной безопасности необходимо иметь в виду следующее [8, 9, 10]:

1) В любой ситуации понять, кто ею управляет, кто контролирует потоки денежных и материальных ценностей; в каком звене системы и какое место занимает человек; по каким правилам строятся взаимоотношения между окружающими людьми.

2) Уяснить условия и требования, которым нужно соответствовать, чтобы оставаться членом системы.

3) Понять интересы и стремления других людей, которые могут быть затронуты определенными действиями, оценить вероятность оказаться в позиции чьего-либо конкурента и способность вступить в конкурентные отношения. Мне доводилось видеть (в своей заграничной жизни) как возникали и рушились карьеры людей, вгрызшихся в фирму, чтобы остаться в бизнесе, и как сосредоточенно шагали к цели те, кто цинично просчитывал собственные пути, руководствуясь бытовой психологией. При этом, кто-то мыслил реалистически и тосковал, понимая, что его по рассчитанному маршруту все равно не пустят.

4) Особо внимательно надо оценить систему взаимозависимости людей, ее характер и силу, особенно зависимости материальной, родственной, дружеской, приятельской; опасность идет со стороны людей, попадающий в ситуации жесткой зависимости.

5) Опасными являются лица, располагающие сведениями, компрометирующими кого-либо; прямую угрозу несут действия, провоцирующие к обнародованию компрометирующей информации.

Большинству людей свойственно чувствовать грань, за которой ситуация становится напряженной и опасной, и они стараются ее не переходить. Здесь им помогает осознание или хотя бы ощущение возможных последствий назревающей ситуации. Их психика почти автоматически оценивает эти последствия, возможность справиться с ними без ощутимого ущерба для себя. Этот психологический механизм оценки и последствий – основа поведения в конфликтных ситуациях и сохранения личной безопасности.

Каждый, желающий обезопасить себя человек, должен ясно представить себе те факторы и обстоятельства, которые вызывают у него стресс, напряжения, сопровождающиеся чувствами тревоги, страха, «психического ослепления» [1] и т.п. Распознавать эти обстоятельства учит жизненный опыт, дающий со временем верный ориентир в обеспечении личной безопасности. Анализируя подобные ситуации, человек должен разрешить для себя следующие вопросы: не было ли в его поведении чего-либо такого, что могло бы войти в противоречие или даже в конфликт с правами других людей; не является ли возникновение напряженной ситуации результатом легкомыслия и надежды на то, что критическая ситуация может не возникнуть; был ли другой вариант поведения и была ли возможность выбрать именно его; в силу каких обстоятельств не был избран иной вариант поведения?

Установлено, обычно люди, дающие отрицательный ответ на перечисленные вопросы, являются повышенно виктимными, то есть уязвимыми для негативного агрессивного воздействия со стороны [4]. Они плохо обучаются на собственном опыте, жизнь их ничему не учит. Из-за этих своих качеств они, в определенном смысле, опасны и для других, так как склонны втягивать их в неприятные ситуации. Остерегайтесь их!

Наиболее слабая из всех возможных видов психологической защиты – склонность видеть источник своих бед и несчастий в других людях или в не зависящих от данного лица обстоятельствах. Древняя мудрость гласит: «*Ничто не может коснуться человека, причиной чего не был бы он сам*». Всему, что происходит с человеком, причиной являются его собственные действия [5].

В то же время, никакая опасность не бывает глобальной (кроме, может быть, мировой катастрофы). Любые факторы, условия, обстоятельства действуют избирательно, втягивая в орбиту своего действия лишь определенных людей. Психологически это выражается в предрасположенности быть втянутым в ту или иную неприятность. В середине XX века в рамках науки криминологии возникло целое научное направление – виктимология, – одной из задач которой и является выявление таких предрасположенностей [4].

Знание о них служит психологическим оружием защиты от попадания в острые, конфликтные ситуации с негативными или тяжкими последствиями. Весьма мощными средствами психологической защиты являются следующие психологические установки, нацеленные на психологическую безопасность:

1) Окружающий мир не злонамерен и не имеет целью причинить страдания.

2) Ни с каким отдельным человеком не произойдет ничего такого, чего уже когда-либо не происходило с множеством других людей.

3) С каждым отдельным человеком происходит именно то, что должно произойти именно с ним, и не более того.

4) В любой и каждой конкретной ситуации человек оказывается не случайно и не бессмысленно, но с целью решения определенной жизненной задачи, хотя понять эту задачу в большинстве случаев крайне сложно.

Итак, состояние личной безопасности резко ослабляется, если человек *утрачивает контроль над ситуацией как содержащей потенциальную угрозу для него; если он не оценивает и не предвидит последствий своих действий; если он обладает благами или правами, принадлежащими ему не по праву, несправедливо или в результате преступления*.

Контроль ситуации состоит, главным образом, в понимании и точной оценке интересов людей, которые окружают человека, независимо от того, временный и краткосрочный это контакт или длительный и постоянный.

И, тем не менее, точной оценке ситуации чаще всего мешают собственные желания и цели лица, которые оно стремится удовлетворить или достичь, во что бы то не стало. Ослепленный перспективой достижения цели, человек перестает видеть других, учитывать, что они могут иметь те же цели и стремления и не меньше прав на них, а возможностей достижения даже больше. В этой ситуации конфликт, как правило, неизбежен.

Особая ситуация возникает, если человек связан с другими людьми, отношениями родственной или материальной зависимости. Ситуация осложняется, если кто-то из них хотел бы обладать тем, чем владеет он, и при этом уверен в том, что ему это нужнее. Подобные отношения нередко складываются между родственниками на почве имущественных прав и в дальнейшем могут перерастать в преступления. Чтобы не оказаться в позиции жертвы, необходимо прояснить взаимные притязания и совместно поискать пути их обоюдного удовлетворения, и в любом случае заручиться правовой поддержкой.

Важным средством обеспечения личной безопасности является комплекс приемов и навыков, в совокупности обозначаемый *визуальной психодиагностикой*, то есть способностью определения особенностей человека по зрительно воспринимаемым чертам его внешности и формам поведения [12]. Психодиагностические суждения касаются, как правило, особенностей личности другого человека, черт его характера, но главным образом – мотивов, побудительных сил поведения. Агрессивная установка по отношению к другим людям проявляется в позе человека, особенно в скрещивании ими рук и ног. Скрещивание ног в висячем положении – это признак сопротивления, если при этом скрещены и руки на груди – то перед вами противник. Другие признаки противника – отклонение тела назад, наклон головы вперед, взгляд исподлобья, руки на бедрах или локоть левой руки лежит на

колене, правая рука опирается на бедро или колено. Характерно также приближение к сопернику, сокращение дистанции, вхождение в личное пространство другого [7].

Примерно то же значение имеют жесты и действия, выражающие претензию на территориальные права: человек кладет ногу на ручку кресла, стол, ставит багаж на свободные места в транспорте, зале ожидания. Могут быть и другие способы захватывания пространства. Вторжение в пространство другого человека всегда вызывает напряжение и чревато конфликтом.

Психологическая дистанция. Понятие дистанции, расстояния между людьми имеет не только физический, но и глубокий социально-психологический смысл. Знание и понимание его прямо связано с личной безопасностью человека.

Психологическая дистанция определяется многими факторами [6], но главные – это представления людей о себе, с позиций которых они взаимодействуют друг с другом. Определение дистанции, на которой целесообразно оставаться, входя в общение с конкретным лицом, требует определенного времени и навыков. В любом случае лучшей тактикой для этого является внешне доброжелательное, но внутренне нейтральное отношение к любому человеку. При этих условиях другой человек быстрее проявит признаки того социально-психологического статуса, к которому он себя причисляет, и, тем самым, даст возможность определить дистанцию, на которой целесообразно держаться в общении с ним.

Существует определенный предел, барьер, за которым начинается *личное пространство человека* и, в которое он не хотел бы пускать никого. Это пространство строго охраняется каждым человеком как от обнаружения его другими людьми, так и от вторжения в него. Бесцеремонность, отсутствие чувства такта – это и есть нарушение дистанции и системы внутренних, личных ценностей человека.

Современная массовая культура, насаждаемая средствами массовой информации, предпринимает все усилия не только для сокращения дистанции между людьми, но и для ее уничтожения. Исключение из речевого общения отчеств людей и обращение со всеми только по имени, навязывание формы общения на «ты», независимо от возраста и положения, обнародование подробностей личной жизни людей, навязывание нецензурной лексики и т.п. – все это способы снятия дистанции, нивелирования людей «под одну гребенку», пренебрежительного отношения к такой психологической реальности, как чувство собственного достоинства.

Например, люди, отбывшие наказание в местах лишения свободы, в обыденном общении очень конфликтны, они сами привыкли управлять ситуацией и решать, кого пустить в свое личное пространство, а кого не пускать. Сложность взаимоотношений с ними состоит в том, что они очень чувствительны к малейшим признакам нарушения дистанции и реагируют на это очень остро. Другой человек «по простоте своей» и в мыслях не имел что-то нарушить, но когда его решительно «отодвигают» физически или психологически, то вполне может быть, что он преступил дозволенную границу сближения.

Сформулированные правила хорошего тона требуют: не приближайтесь к человеку слишком близко. Хотя условия жизни, в которые поставлено большинство людей, ежедневно сталкивают их друг с другом и притупляют чувство дистанции, они не уничтожают его полностью. Большинство людей стремятся по возможности занять в пространстве позицию вне непосредственного соприкосновения с другими.

Таким образом, в данной статье мы коснулись общих вопросов личной безопасности человека, затем остановились на личной безопасности в условиях материально-денежных отношений и затронули тему личной безопасности в общении с конкретным лицом.

Примечания:

1. Lifton R., Olson E. Living and dying. № 4.: Praeger, 1974.
2. Асмолов А.Г. Социальные и психологические эффекты образовательной политики: Доклад на бюро отделения психологии и возрастной физиологии РАО. Рукопись, 18.02.2009.
3. Буданов А.В. Педагогические основы обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора педагогических наук в форме доклада. М., 1997.
4. Бумаженко Н.И. Виктимология: Учебное пособие / Н.И. Бумаженко. Витебск: УО «ВГУ им. П.М.Машерова», 2010.

5. Вагина О.Н. Древняя мудрость. О смысле бытия человеческого. /http://homarano.narod.ru/Windows/sagh_r.htm.
6. Духновский С.В. Дистанция в межличностных отношениях: регуляция и диагностика: Монография. Екатеринбург, 2010.
7. Зелинский С.А. Психотехнологии гипнотического манипулирования сознанием человека. Санкт-Петербург, 2009.
8. Карпинский К.В. Жизнедеятельность личности как проблема комплексного человекознания.// Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 2. Институт психологии Российской Академии наук. М.: Изд-во ИП РАН, 2012.
9. Мельников В.М. Коммуникативные особенности обеспечения личной безопасности.// Психология опасности и безопасности. Книга вторая. Сочи: РИЦ СГУ, 2009.
10. Мельников В.М. Многомерный подход к исследованию личности./ Сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции «Дружининские чтения». Сочи, 2012.
11. Пономаренко В.А. Безопасность полётов – боль авиации. М., 2007.
12. Щекин Г.В. Визуальная психодиагностика. Познание людей по их внешности и поведению: Учебно-методическое пособие. К.: МАЧП, 2001.

UDC 159.9.07

Safety of the Personality in the Human Studies System

Vladimir M. Melnikov

Sochi State University, Russian Federation
354000 Sovetskaya St., 26 a
PhD (psychology), Professor
E-mail: kafopisk@mail.ru

Abstract. The article presents the outcome of the analysis of general issues of personal human safety, as well as of the problem of personal safety in the context of material-monetary relations. Emphasis is placed on examining the psychological aspects of personal safety in interpersonal communication, which is particularly relevant in the context of the multi-ethnic environment of Sochi.

Keywords: personal safety; commodity-money relations; victimhood; psychological patterns of human behaviour.

Влияние эмоциональных особенностей личности на эффективность деятельности сотрудников ОВД в нестандартных ситуациях

Светлана Алексеевна Павлова

Краснодарский университет МВД России, Российская Федерация
350005 г. Краснодар ул. Ярославская, 128
E-mail: swetapawlowa@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния эмоциональной сферы человека на эффективность профессиональной деятельности. В ходе исследования выявлены группы испытуемых, обладающих сходными способами эмоционального реагирования, составляющими целостные и доступные интерпретации паттерны эмоциональной активности – стили эмоциональной активности. Установлено, что выделенные по стилевым характеристикам эмоциональной активности группы различаются по основным стилеобразующим критериям: продуктивности и гармоничности.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов для разработки программы коррекционных мероприятий по оптимизации эмоционального процесса в контексте профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: эмоциональность; эмоциональная активность.

Введение. Роль эмоций в жизни человека трудно переоценить. Они являются мощнейшим регулятором функционирования жизнедеятельности. Данное исследование посвящено изучению влияния эмоциональной сферы человека на эффективность профессиональной деятельности. Проблема заключается в том, что это влияние неоднозначно, оно может носить как конструктивный, так и деструктивный характер, гармонизировать структуру индивидуальности или, наоборот, усиливать противоречия между индивидуальными свойствами человека, что влияет на продуктивность деятельности и общения. Анализ общей постановки проблемы в контексте интегративной парадигмы показывает, что на данном этапе мы имеем дело с теоретической проблемой, которая не имеет готового решения в психологической практике.

Нами был проведен анализ результатов исследования компонентов эмоциональности сотрудников ОВД.

Анализ показателей выраженности компонентов эмоциональности у сотрудников представлен на рис. 1.

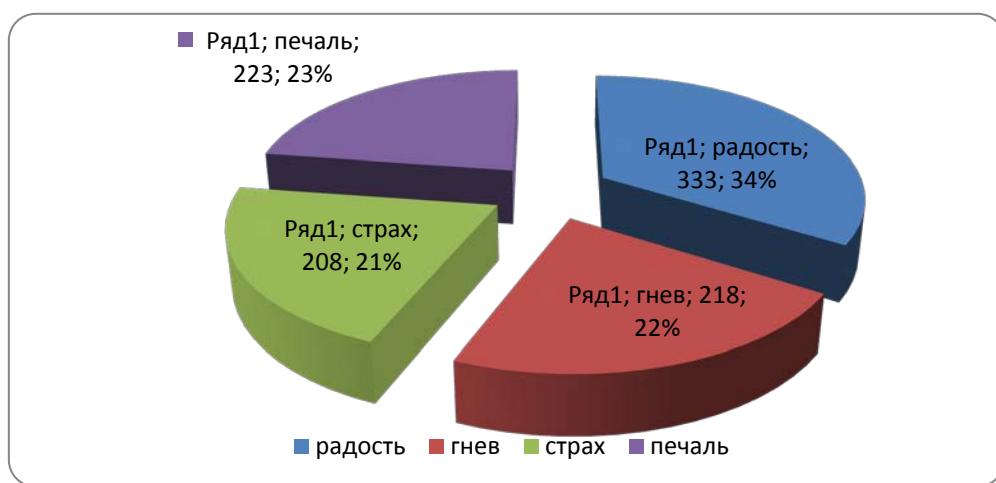

Рис. 1.

Результаты исследования показали, что у большинства сотрудников 34% преобладает эмоция радости, как устойчивое эмоциональное переживание. Результаты представленности

остальных базовых эмоций имеют приблизительно одинаковые показатели, что показывает вариативность переживаемых эмоций (гнева, страха и печали), а также склонности субъекта к оптимистичности или пессимистичности, к позитивному или негативному эмоциональному фону.

Сравнительные интегральные показатели эмоциональных переживаний сотрудников представлены на рис. 2.

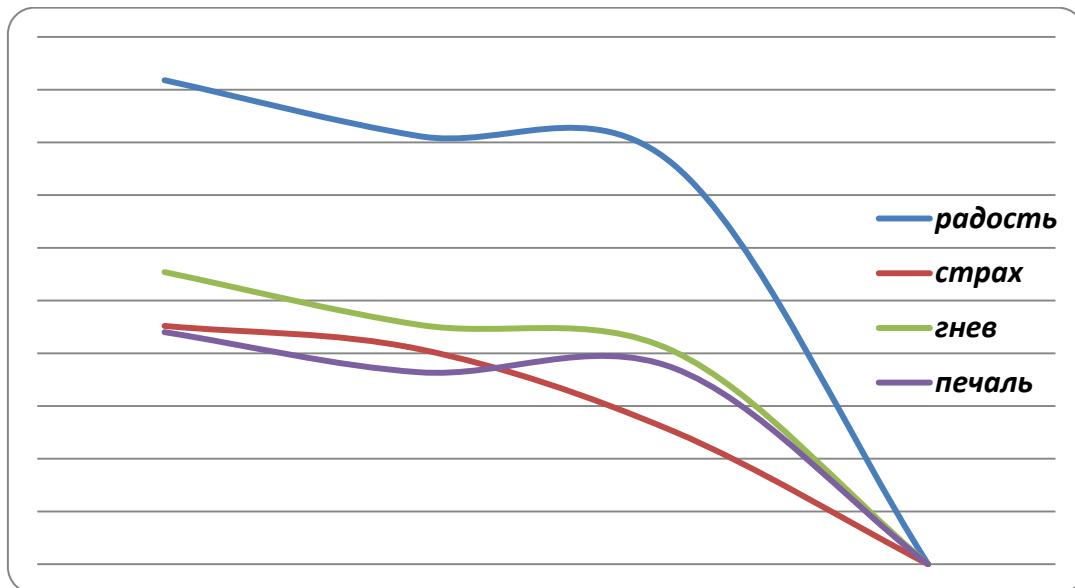

Рис. 2.

Изучив полученные результаты, можно сделать вывод, что позитивное эмоциональное переживание (радость) явно преобладает над другими базовыми эмоциями и по скорости, интенсивности и длительности переживания эмоций, что характерно для данной возрастной группы. В молодом возрасте человек чаще воспринимает действительность с позитивным настроем. Хотя с течением времени ученые (Е.П. Ильин) чаще констатируют преобладание отрицательных модальностных переживаний [17].

Анализ показателей выраженности неадекватного проявления эмоций у сотрудников в зависимости от срока службы представлен на рис. 3.

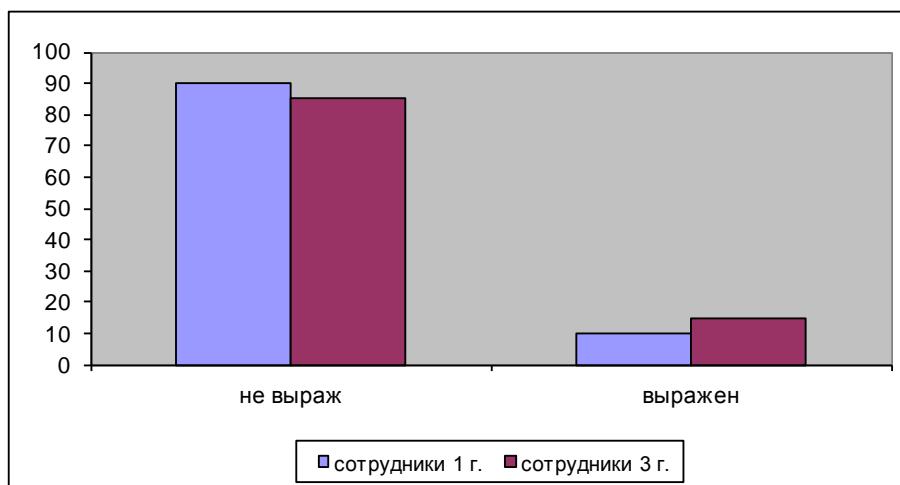

Рис. 3.

Результаты исследования показали, что у 90 % сотрудников, чей срок службы составляет не более года, отсутствуют признаки неадекватного проявления эмоций, у 10 % присутствуют признаки неадекватного эмоционального реагирования. У сотрудников, служащих более 3 лет, выявлены следующие результаты: у 85 % респондентов отсутствует

неадекватное эмоциональное реагирование , 15 % характерны признаки неадекватного проявления эмоций.

Анализируя полученные результаты, можно сделать вывод о том, что сотрудники, имеющие срок службы более 3 лет, в большей степени подвержены стратегиям неадекватного эмоционального реагирования на различные жизненные ситуации и поступки других людей, нежели молодые специалисты.

Сравнительные интегральные показатели эмоциональной ригидности сотрудников представлены на рис.4.

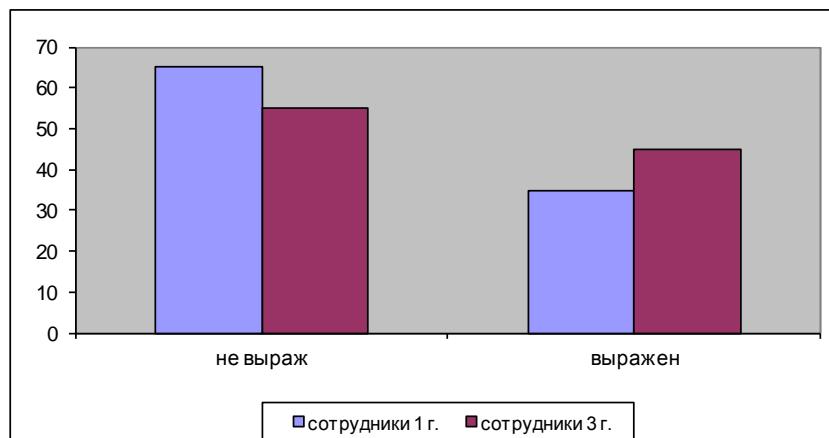

Рис. 4.

Из гистограммы видно, что 65 % респондентов, прослуживших не более года, обладают высокой эмоциональной выразительностью, 35 % сотрудников характеризуются эмоциональной неразвитостью. У респондентов, служащих более 3 лет, выявлены следующие показатели: эмоциональной ригидности: 55 %- высокая эмоциональная гибкость, у 45 % эмоциональная выразительность развита не достаточно и имеет низкие показатели.

Анализируя полученные результаты, можно сделать вывод о том, что у сотрудников, имеющих срок службы более 3 лет, эмоциональная ригидность выражена в большей степени, нежели у молодых специалистов.

Сравнительные интегральные показатели доминирования негативных эмоций у сотрудников представлены на рис. 5.

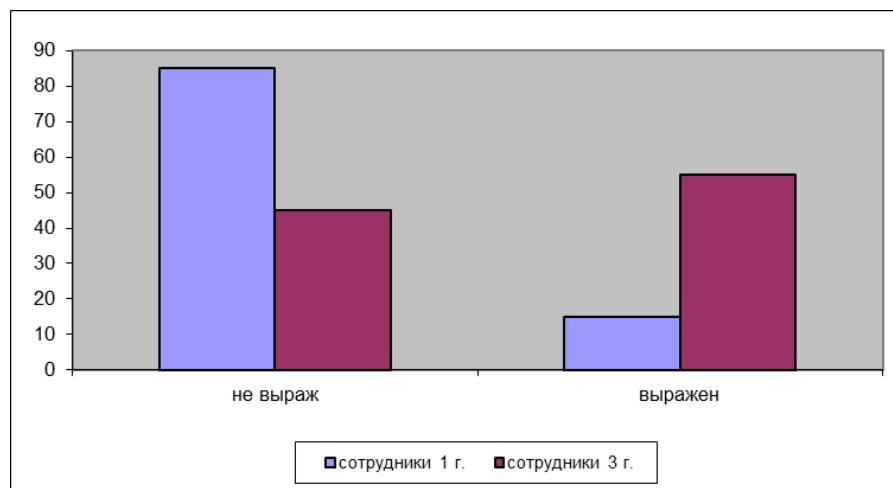

Рис. 5.

Результаты исследования показали, что у 85 % сотрудников, прослуживших менее 1 года, наблюдается отсутствие доминирования негативных эмоциональных состояний, выражение негативных эмоций проявляется у 15 % респондентов. 55 % сотрудников, прослуживших более 3 лет в системе МВД, характерно ярко выраженное доминирование негативных эмоций,

отсутствием эмоциональный негативизм продемонстрировали 45 % респондентов, прослуживших менее 1 года.

В соответствии с полученными результатами очевидны следующие выводы. Совместно с увеличением срока службы проявление негативных эмоций становится все более приемлемым способом эмоционального самовыражения для сотрудников системы МВД. Процентный показатель эмоционального негативизма на порядок ниже у только начинающих свою профессиональную карьеру сотрудников.

Полученные первичные психологические данные были подвергнуты статистической обработке и проведена их психологическая интерпретация. Использовались следующие статистические методы обработки данных: описательный (дескриптивный), аналитический (тесты значимости), факторный, кластерный и регрессионный анализы. Математическая обработка первичной психологической информации была осуществлена пакетом SPSS 20.0 (Statistical Package for Social Science).

Для выявления стилевого пространства эмоциональной активности был применен кластерный анализ.

Исходя из логики показанной математической процедуры, первоначально, для уменьшения большого объема полученных психологических переменных был осуществлен факторный анализ. Факторное решение считается успешным, если полученные факторы поддаются однозначному толкованию. В данном случае мы имеем такой результат – каждый фактор, кроме первого, представляет собой определенный паттерн эмоциональных переживаний.

Первый фактор интерпретируется как экспрессивный канал выражения эмоций, так как вобрал в себя все соответствующие показатели. Отсутствие в факторной нагрузке экспрессивных показателей говорит в пользу несводимости к одним закономерностям разных уровней интегральной индивидуальности.

Психологическое содержание **третьего, пятого шестого и седьмого факторов** не вызывает сомнений в их принадлежности к переживанию базальных эмоций гнева, печали, страха и радости. Каждый фактор значимо представлен как качественными, так и формально-динамическими показателями перечисленных эмоций. Однако соотношение энергетических и качественных компонентов в выявленных паттернах переживаний неодинаково. Формально-динамическими показателями оказались существенно более нагружены механизмы переживаний отрицательных эмоций. Более того, в фактор «Гнев» со значимыми весами вошли отдельные формально-динамические показатели эмоций страха и печали, что указывает на большой энергетический потенциал этой эмоции.

Необходимо обратить внимание и на своеобразие силы математической связи между энергетическими и качественными характеристиками различных модальностных эмоциональных реакций. Наиболее сильная связь между этими диалектически взаимосвязанными показателями проявилась в эмоции гнева ($r = 0,46$, $p < 0,05$). В эмоциях радости, страха и печали сила взаимосвязи формально-динамических и качественных показателей существенно ниже (на уровне $r = 0,27 - 0,33$, $p < 0,05$). Такой характер корреляционной зависимости можно объяснить по всей вероятности тем, что проявление модальности астенических переживаний в эмоциональном рисунке проявляется в более стертой, завуалированной форме. Это в том числе характерно и для проявлений такой стенической формы переживания, как эмоция радости, и косвенно указывает на то, что качественно-количественные взаимопереходы в данном случае плавные и более длительны во времени. Напротив, динамика «перетекания» явлений противоположности эмоции гнева более интенсивна и ярко выражена.

Известна позиция, что тревога представляет собой комплексную реакцию основных отрицательных модальностных переживаний. Поэтому четвертый фактор, который сгруппировал в себе эмоции страха, гнева и печали был интерпретирован нами как проявление механизма индивидной тревоги. Энергетическая составляющая этого блока представлена показателями интенсивности, длительности и скорости отрицательных эмоций и всеми показателями эмоциональности: интенсивностью, возбудимостью и длительностью.

Второй, четвертый и шестой факторы характеризуют переживание человеком эмоции страха и производные от него эмоциональные переживания социальной и индивидной тревоги. Указанные эмоции являются довольно распространенными переживаниями с отчетливо выраженной отрицательной окраской.

Страх - это эмоция, возникающая в ситуации угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленная на источник действительной или воображаемой опасности. [17]. С точки зрения формы проявления страха выделяют боязнь, тревожность, робость, испуг, опасение, растерянность, ужас, паническое состояние. Боязнь рассматривается как ситуативная эмоция, связанная с определенной и ожидаемой опасностью, то есть с представлением субъекта о возможных нежелательных и неприятных последствиях его действий или развития ситуации. Опасение – интеллектуальная эмоция, связанная с оценкой вероятности опасности или степени риска [26]. Умеренные по силе проявления эмоции страха (опасения, боязни), что и имеет место в исследуемой выборке, являются мобилизующим фактором для решения стоящих перед личностью задач, что субъективно оценивается как отсутствие отрицательного влияния на деятельность.

Третий фактор характеризует переживание человеком эмоции гнева. Эта эмоция носит стенический характер и проявляется в больших психологических и физиологических затратах, что, как отмечалось выше, предопределяет появления в факторной нагрузке формально-динамических показателей других отрицательных эмоций. В литературе есть анализ некоторых проявлений гнева в зависимости от сильно или слабо выраженной физиологической компоненты, от силы переживания и от интенсивности поведенческого его выражения [28].

Пятый фактор идентифицирован ранее как паттерн эмоционального переживания печали. Обычно переживание такого рода относится к негативным эмоциям, но в данном случае отсутствие связи с субъективной отрицательной оценкой влияния на деятельность может сигнализировать и о положительном ее значении. В. Вундт утверждает, что такие эмоции, как гнев, страх, стыд, не могут быть однозначно отнесены к положительным или отрицательным. В одних ситуациях они могут ощущаться как полезные и, следовательно, как положительные, в других как вредные и, следовательно, как отрицательные [10]. Е.П. Ильин отстаивает позицию, что понятие знака эмоции бессмысленно и вводит в заблуждение [17]. Леонтьев Д.А. называет эмоцию положительной, если она возникает в связи с удовлетворением потребности или достижением цели, соответственно, отрицательной в связи с неудовлетворением или недостижением [20]. Такое определение положительности-отрицательности дает возможность однозначно определять знак эмоций, и мы его придерживаемся в нашем исследовании.

В этой связи примечательно, что переживание эмоций печали, гнева и страха не связывается с отрицательным влиянием на деятельность. Этот факт говорит о том, что на индивидуальном уровне проявление всех основных эмоциональных механизмов эволюционно целесообразно и необходимо для реализации различных жизненных стратегий.

Сложности и значимости такой внутренней работы косвенно свидетельствует факт протяженности эмоции во времени: со стороны формально-динамических показателей с наиболее значимыми факторными весами вошли показатели длительности печали ($r = 0,53, p < 0,05$) и длительности эмоциональности ($r = 0,53, p < 0,05$).

Элементной базой эмоциональности являются фиксированные паттерны эмоциональных переживаний. Результаты математической обработки данных и их психологическая интерпретация выявили паттерны эмоциональных переживаний базальных эмоций (радости, гнева, страха и печали) и более сложных эмоциональных состояний конституциональной и социальной тревожности. С точки зрения критериев конструктивности, продуктивности, степени выраженности качественных и формально-динамических признаков, характера взаимосвязи их, между собой выявленные математическим анализом восемь стилей эмоциональной активности распределились равномерно в обозначенном континууме: два стиля - гармоничный и экспрессивный отнесены к полюсу активности, четыре - аффективно-лабильный, астеничный, тревожный и противоречивый - рассматриваются как пассивный вариант развития стиля эмоциональной активности и два стиля эмоциональной активности - компенсаторный и социально - тревожный стиль - занимают промежуточное положение и имеют тенденцию движения к более активной форме своего проявления.

Такой характер переживаний выделенных стилевых групп определяет своеобразие интегративных структур интегральной индивидуальности. При сходной выраженности и представленности индивидуальных свойств принципиальное различие наблюдается в характере их взаимосвязи между собой. У представителей стилей эмоциональной активности, отнесенных к высоким уровням проявления активности, более эффективны механизмы компенсации, коррекции и адаптации.

Заключение. Стилевые проявления эмоциональности не являются чем - то абсолютно упорядоченным и неподвижным, они противоречивы и динамичны, но все же отражают преимущественно главные, существенные, стержневые взаимозависимости интегральной индивидуальности с миром. Полученные данные являются определенным вкладом в познание такого сложнейшего явления внутреннего мира человека, как его чувственная сфера.

Примечания:

1. Бреслав Г.М. Эмоциональные особенности формирования личности в детстве: норма и отклонения. М., 1990.
2. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке // Психол. журн. 1992. Т. 13. №6. С.3-12.
3. Буданов А.В. Педагогика личной профессиональной безопасности сотрудников ОВД. М., 1992.
4. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций М., 1998.
5. Буров А.И. Эмоция, чувство и отношение // Вопросы психологии. 1966. № 1.
6. Вартанян Г.А., Петров Е.С. Эмоции и поведение. Л., 1989.
7. Василюк Ф.Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.
8. Додонов Б.И. В мире эмоций. Киев: Политиздат, 1987.
9. Изард К. Психология эмоций. СПб., 2000.
10. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. Серия «Мастера психологии» СПб., 2001. 752 с.
11. Марищук В.Л. К вопросу об эмоциональной устойчивости курсантов-летчиков и возможности ее совершенствования с применением средств физической подготовки: Автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1964.
12. Ольшанникова А.Е. К психологической диагностике эмоциональности // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. М., 1978. С. 93-105.
13. Ольшанникова А.Е., Рабинович Л.А. Опыт исследования некоторых индивидуальных характеристик эмоциональности // Вопросы психологии. 1974. № 3. С. 65-74.
14. Павлова, С.А. Стили эмоциональной активности в структуре интегральной индивидуальности: дис. канд. психол. наук. Краснодар, 2004. 127 с.
15. Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер.М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 288 с.
16. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979.
17. Романович Г.Г., Батюк В.И. Профессиональная деформация сотрудников ОВД // Информационный бюллетень МВД БССР, 1988, № 3/4. С. 3-5.
18. Состояние работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2007 год: Сборник аналитических и информационных материалов. М.: ЦОКР МВД России, 2008. 88 с.
19. Столяренко А. М. Прикладная юридическая психология. М., 2001.

UDC 159.923/159.9.07

The Impact Emotional Personality Traits Have on the Efficiency of Work Conducted by District Department of Internal Affairs Staff in Unorthodox Situations

Svetlana A. Pavlova

Krasnodar university of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation
350005 Krasnodar, Yaroslavskaya St., 128
E-mail: swetapawlowa@mail.ru

Abstract. The article is devoted to studying the impact a person's emotional sphere has on the effectiveness of their professional activities. Research has identified groups of people that possess a similar way of emotionally reacting to a situation. These reactions are comprehensive and are able to provide an interpretation of the patterns of emotional activity – the types of emotional activity. It has been established that groups which have been selected by the types of their emotional activity differ according to the main stylistic criteria of productivity and harmony.

The practical significance of this research is that it is possible to use the findings for developing a programme of correctional measures to optimise emotional process in the context of professional activities of members within district internal affairs departments.

Keywords: emotionality; emotional activity.

Течение и динамика депрессивных состояний в модели диспозиционного подхода

Светлана Николаевна Петросьян

Сочинский государственный университет, Российская Федерация

354000, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

Кандидат психологических наук, доцент

E-mail: svpet@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения разрабатываемого автором диспозиционного подхода применительно к анализу происхождения, течения и динамики проживания депрессивных состояний. Данная модель основывается на следующем базовом утверждении: при любом воздействии, особенно агрессивном (стрессовом), во внутреннем пространстве психики образуется как минимум две полярные позиции: позиция находящегося под воздействием (слабая) и позиция воздействующего (сильная), окрашенных полярными эмоциональными состояниями. В модели диспозиционного подхода, депрессивные состояния являются проживанием слабого полюса диспозиции. Агрессивная (сильная) сторона диспозиции, как правило, не осознается и проецируется вовне, что закрывает доступ к личностному ресурсу. Чем сильней диспозиционное расхождение, тем глубже депрессивное состояние. Выход из депрессии является результатом интеграции полюсов диспозиции.

Полученные данные могут быть использованы в практической работе.

Ключевые слова: диспозиционный подход; депрессивные состояния; диспозиционная реакция, полюса диспозиции, структура характера.

Введение. Интерес к природе депрессивных состояний далеко не нов. На сегодняшний день насчитывается огромное количество научных публикаций, посвященных данной теме. Тем не менее, до сих пор не представлена целостная теория, объясняющая происхождение депрессий, что оставляет место для новых научных изысканий.

Депрессия - психическое расстройство, характеризующееся «депрессивной триадой»: снижением настроения и утратой способности переживать радость, нарушениями мышления (негативные суждения, пессимистический взгляд на происходящее и т. д.), двигательной заторможенностью. При депрессии снижена самооценка, наблюдается потеря интереса к жизни и привычной деятельности. В некоторых случаях человек, страдающий ею, может начать злоупотреблять алкоголем или иными психотропными веществами.

В настоящее время именно депрессия — наиболее распространённое психическое расстройство. Ею страдает 10 % населения в возрасте старше 40 лет. Среди лиц старше 65 лет депрессия встречается в три раза чаще. Также депрессии и депрессивным состояниям подвержено около 5 % детей и подростков в возрасте от 10 до 16 лет [1].

Депрессией страдает около 121 миллиона человек во всем мире. Это состояние влияет на работоспособность человека, может разрушить отношения и испортить качество жизни. Тяжелая форма депрессии способна привести человека к самоубийству, что подтверждается статистическими данными о 850 случаях самоубийств в год. Под эгидой Всемирной Организации Здравоохранения ученые из 20 стран провели совместное исследование, посвященное изучению распространенности депрессии в мире. Анализ результатов подробных собеседований более чем с 89 000 людей показал, что 15 % населения из экономически развитых стран и 11 % населения стран с низким уровнем экономического развития имели склонность к возникновению депрессии в течение жизни, при этом 5,5 % обследованных пережили депрессию в этом году. Некоторые факторы, влияющие на возникновение депрессии, имели межкультурный характер. Так, вероятность развития депрессии у женщин была в два раза выше, чем у мужчин, а главным предрасполагающим фактором возникновения депрессии была потеря партнера в результате смерти, развода или расставания [2].

Согласно некоторым теориям, депрессия иногда возникает при чрезмерной нагрузке мозга в результате стресса, в основе которого могут лежать как физиологические, так и психосоциальные факторы. В таком случае речь идет о реактивной депрессии. Но приблизительно в одной трети (около 35 %) случаев манифестирующие депрессии возникают аутохтонно, то есть без каких-либо внешних воздействий. По структуре такие депрессии с самого начала являются эндогенными [3].

Депрессивные симптомы разделяются на типичные (основные) и дополнительные. При наличии депрессии, согласно МКБ-10, должны присутствовать два основных симптома и не менее трёх дополнительных [4].

К типичным (основным) симптомам депрессии относятся: подавленное настроение, не зависящее от обстоятельств, в течение длительного времени (от двух недель и более); ангедония — потеря интереса или удовольствия от ранее приятной деятельности; выраженная утомляемость, «упадок сил», характеризующиеся стабильностью данного состояния.

К дополнительным симптомам относятся: пессимизм; чувство вины, бесполезности, тревоги и (или) страха; заниженная самооценка; неспособность концентрироваться и принимать решения; мысли о смерти и (или) самоубийстве; нестабильный аппетит, отмеченное снижение или прибавление в весе, нарушенный сон, присутствие бессонницы или пересыпания.

Различают униполярные депрессии, при которых настроение остаётся в пределах одного, сниженного, «полюса», и биполярные депрессии, являющиеся составной частью биполярного аффективного расстройства, которые перемежаются маниакальными, гипоманиакальными либо смешанными аффективными эпизодами. Также депрессивные эпизоды небольшой тяжести могут возникать при циклотимии.

В русскоязычной медицине часто употребляется выражение витальная депрессия. Оно означает прежде всего «витальный» («жизненный») характер депрессии — с ярко выраженной тоской и тревогой, которые больнымиощущаются на физическом уровне. Например, тоска может ощущаться в виде боли в области солнечного сплетения [5].

Было выдвинуто множество теорий для объяснения причин возникновения и развития депрессивного расстройства.

Ранние психодинамические теории рассматривали депрессию как следствие превращения агрессивного инстинкта в депрессивный аффект. Предполагалось, что депрессия возникает в результате потери объекта любви, к которому больной испытывает амбивалентные (противоречивые) чувства. Последующая страсть по отношению к любимому объекту обрачивается в гнев, направленный против самого себя.

Теория присоединения рассматривает родительскую депривацию (отсутствие или дефицит заботы родителей) как основной причинный фактор депрессии. Джон Боулби (John Bowlby) выдвинул гипотезу о том, что ребенок, столкнувшись с нечутким, эмоционально холодным отношением со стороны родителей или людей, заботящихся о нем, обычно переживает такие чувства, как протест, отчаяние и отчуждение (Bowlby, 1961). Постоянное отсутствие родительской заботы и внимания приводит к установлению непрочной привязанности, к развитию представления о самом себе как о недостойном и нелюбимом, и формированию взгляда на других людей как несущих в себе угрозу и не заслуживающих доверия [6]. Все это в дальнейшем может способствовать развитию депрессивного расстройства.

Бихевиористская точка зрения подчеркивает важность научения, влияний со стороны окружения и роль дефицита некоторых навыков в возникновении и развитии депрессивного состояния. Депрессия рассматривается как следствие недостаточного поведенчески-обусловленного — первично социального — подкрепления (Lewinsohn, 1974). Такое отсутствие положительного подкрепления может происходить по трем причинам. Во-первых, неспособность использовать доступное подкрепление, часто из-за того, что этому мешает состояние тревоги. Во-вторых, перемены в окружающей обстановке, например потеря важного в жизни человека. В-третьих - отсутствие навыков, необходимые для создания социальных взаимоотношений, которые приносят вознаграждение и удовлетворение [7].

Когнитивные теории фокусируют внимание на связи между негативным мышлением и настроением (Hammen, 1991) [8]. В основе этих теорий лежит допущение того, что отношение к самому себе и окружающему миру будет оказывать влияние на настроение и поведение. Когнитивные теории выделяют депрессогенные когниции, которые

представляют собой негативные перцептивные и атрибутивные стили, а также негативные убеждения, связанные с депрессивными симптомами [9].

В теории безнадежности в качестве когнитивного фактора уязвимости постулируется пессимистический стиль интерпретации. Этот стиль характеризуется а) опытом каузальных атрибуций неконтролируемости и инеудачи при внутренних стабильных и глобальных причинах, б) завершением ожиданий последствий этого, в) возникающем в этой связи обесцениванием собственной персоны [10; 638].

Теории самоконтроля рассматривают депрессивных индивидов с точки зрения сложностей, которые возникают у них в организации своего поведения при достижении долгосрочных целей (Rehm & Sharp, 1996).

Межличностные концепции рассматривают разрывы во взаимоотношениях между людьми как главный причинный фактор возникновения и сохранения депрессивного состояния (Vemprad, 1994; Coyne, 1976; Gotlib & Hammen, 1992).

В концепциях утраты социального окружения исследуют взаимосвязь жизненных обстоятельств, приводящих к стрессу и депрессии. Некоторыми жизненными факторами, связанными с возникновением депрессивного расстройства, являются: низкий социальный статус, безработица, отсутствие одного из родителей, большая семья и недостаточная социальная поддержка (Compas, Grant & Eys, 1994).

Нейробиологические концепции депрессии уделяют внимание роли генетической предрасположенности и нейробиологических процессов (Emslie, Weinberg, Kennard & Kowatch, 1994).

Ни одна из психодинамических или когнитивных теорий депрессии не доказана, но они могут способствовать пониманию этого заболевания и выбору психологического или медицинского воздействия.

Таким образом, на сегодняшний день существует несколько подходов, объясняющих и прогнозирующих происхождение и течение депрессии. Однако, в настоящее время они не сводимы к некой единой теории, которая внесла бы ясность и общий взгляд на такую теоретическую пестроту.

С точки зрения субъектно-бытийного подхода к личности (Рябикова)[11; 12; 13] проживание депрессии является неким негативным эмоциональным центром, который во-многом структурирует различные уровни организации личности: когнитивный, ценностно-смысловой, поведенческий и др., а следовательно личность «продолжает» себя во внешний мир и строит свое бытие непосредственно под влиянием депрессивной «доминанты». Другими словами, «объективирует» депрессию.

Опираясь на субъектно-бытийный подход к личности, а также на разрабатываемый нами диспозиционный подход к структурно-динамической организации личности в ситуации переживания критических состояний [14; 15], мы предложили модель, которая может служить платформой для понимания происхождения, течения и динамики депрессивных состояний.

Данная модель основывается на следующем базовом утверждении: при любом воздействии, особенно агрессивном (стрессовом), во внутреннем пространстве психики образуется как минимум две полярные позиции: позиция находящегося под воздействием (слабая) и позиция воздействующего (сильная), окрашенных полярными эмоциональными состояниями. В данном случае эмоции играют роль системы распознавания, и в психике человека, который ощущает себя жертвой, в обязательном порядке образуется позиция агрессора, которая проецируется на источник воздействия. Такие позиции сопровождаются полярными эмоциональными состояниями, например, страха, сжатости, подавленности, слабости – на одном полюсе – и ярости, силы, власти, некоторой эйфории – на другом.

Если на агрессивное воздействие среды не сформирован адекватный ответ, диспозиционная реакция сохраняется. Причем один полюс присваивается, личность с ним идентифицируется, проживает соответствующие эмоциональные состояния, и этот полюс закрепляется как проявление характера, т.е. определенный стереотип реагирования. Другой полюс проецируется и приписывается исключительно внешнему миру.

При депрессивных состояниях личность «застревает» в проживании слабой позиции. А так как сильная позиция присутствует, но не осознается, она включается как механизм самоподавления. Кроме того, продолжая и разворачивая свое бытие в мире, личность продолжает и разворачивает в мире свою диспозицию. Она организует и проживает свое

бытие через систему идентификации себя со слабым полюсом, и мира – с сильным. И чем диспозиция «шире», тем меньше возможность осознать противоположное эмоциональное состояние как часть личностной диспозиции.

При таком понимании природы депрессии мы можем говорить о двух важных следствиях: 1) так как при сильной внутренней эмоциональной диспозиции, своего рода неосознаваемом внутриличностном конфликте, огромное количество энергии уходит на противостояние, - человек, проживающий слабую позицию, чувствует к тому же упадок сил, слабость, эмоциональное истощение; 2) кроме этого, доступ к собственным ресурсам у него также закрыт в силу того, что сильная позиция проецируется вовне, а также существует определенного рода запрет на проживание негативных эмоций. Например, переживания злости или ненависти неприемлемо или неприятно. На уровне сознания личность проживает депрессию (в этой связи уместно вспомнить яркое описание энергетического истощения при депрессивных состояниях А. Лоуэна).

В динамике депрессивных состояний существует важная для понимания характерная особенность, которая заключается в следующем. Если рассматривать депрессивное состояние как проживание слабого полюса диспозиции, надо учитывать, что оба диспозиционных полюса имеют свои взаимоисключающие по отношению друг к другу мотивы, ценности и цели. Если рассматривать такую диспозицию как некое противостояние субличностей (по Ассаджиоли), то отметим, что каждая субличность также обладает своим способом мышления, взглядом на мир, манерой поведения и пр.

Скорее всего, эндогенные «беспричинные» депрессии на бессознательном уровне имеют своим основанием стойкую диспозиционную реакцию. Своего рода непримиримость антагонистических субличностей.

Терапия депрессий общим направлением ставит цель легализации агрессивного полюса и интеграции его в общую структуру характера. Чаще всего депрессивные состояния слаживаются, так как человек начинает чувствовать себя более сильным и защищенным, и противоположные эмоциональные состояния интегрируются в состояние покоя и мобильности.

Заключение. Таким образом, в модели диспозиционного подхода, депрессивные состояния являются проживанием слабого полюса диспозиции. Агрессивная (сильная) сторона диспозиции, как правило, не осознается и проецируется вовне, что закрывает доступ к личностному ресурсу. Чем сильней диспозиционное расхождение, тем глубже депрессивное состояние. Выход из депрессии является результатом интеграции полюсов диспозиции.

На наш взгляд, такое понимание течения и динамики депрессивных состояний позволит найти новые подходы к прогнозированию течения и терапии депрессий.

Примечания:

1. Личко А. Е. Особенности депрессий и депрессивные подростковые эквиваленты // Подростковая психиатрия. Медицина, 1985. 416 с.
2. Evelyn Bromet, Laura Helena Andrade, Irving Hwang, Nancy A Sampson, Jordi Alonso, Giovanni de Girolamo, Ron de Graaf, Koen Demyttenaere, Chiyi Hu, Noboro Iwata, Aimee N Karam, Jagdish Kaur, Stanislav Kostyuchenko, Jean-Pierre Lepine, Daphna Levinson, Herbert Matschinger, Maria Elena Medina Mora, Mark Oakley Browne, Jose Posada-Villa, Maria Carmen Viana, David R Williams and Ronald C Kessler. Cross-National Epidemiology of DSM-IV Major Depressive Episode. BMC Medicine, July 2011. [Электронный ресурс] [url=<http://www.biomedcentral.com/>]BioMed Central[/url] (дата обращения 26.10.13 г.)
3. Руководство по психиатрии / под ред. А.С. Тиганова. М: Медицина, 1999.
4. Формальные критерии аффективных расстройств по МКБ-10. [Электронный ресурс] <http://10mkb.ru> (дата обращения 26.10.13 г.)
5. Руководство по психиатрии / под ред. А.С. Тиганова// Аффективные синдромы. М.: Медицина, 1999.
6. Bowlby J. (1981). Attachment and loss: Vol.3 Loss: Sadness and depression. Harmondsworth, UK: Penguin.
7. Lewinsohn, P. M. (1974). A behavioral approach to depression. In R. J. Friedman & M. M. Katz (Eds.), The psychology of depression: Contemporary theory and research (pp. 157-185). New York: Wiley.
8. Hammen C. (1991) Depression runs in families: the social context of risk and resilience in children of depressed mothers. New York: Huber.

9. Abramson, L. Y.Alloy, L. B.Hankin, B. L. Haeffel, MacCoon, D.G. & Gibb, B. E. (2002) Cognitive Vulnerability-stress models of depression in a self regulatory and psychobiological context. In I.H. Gotlib & C.L. Hammen (Eds.) *Handbook of depression* (pp. 268-294). . New York: Guilford Press.
10. Клиническая психология и психотерапия. 3-е изд. / под ред. М. Перре, У. Бауманна; пер. с нем. СПб.: Питер, 2012. 944с., с. 638.
11. Рябикова З.И. Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире // Личность и бытие: теория и методология: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2003. С. 5-26.
12. Рябикова З.И. Бытийный подход к рассмотрению личности и личностный подход к рассмотрению бытия // Психология личности и ее бытия: теория, исследования, практика / под ред. З.И. Рябиковой, А.Н. Кимберга, С.Д. Некрасова. Краснодар, 2005.
13. Рябикова З.И. Перспективные направления исследований личности как субъекта бытия // Личность и бытие: субъектный подход: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2013. С. 79-82.
14. Петросян С. Н. Работа с расщеплением: проблема эмоционального баланса // Олимпийский Сочи: Социум. Культура. Личность. // Материалы 3-й Всерос. науч.-практ. конф., Сочи, 2010г. С. 145-151.
15. Петросян С. Н. Социальная обусловленность и внутренние механизмы формирования структуры инфантильной личности // Личность и бытие: субъектный подход: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2013. С. 288-291.
16. Лоуэн А. Депрессия и тело. 2004. [Электронный ресурс] http://sbiblio.com/biblio/archive/louen_depressija/01.aspx (дата обращения 26.10.13г.)
17. Ассаждиоли Р. Психосинтез: теория и практика. К.: PSYLIB, 2002. [Электронный ресурс] <http://Klex.ru> (дата обращения 26.10.13 г.).

UDC 159.9.07

The Course and Dynamics of Depressed States from the Point of View of the Dispositional Approach Model

Svetlana N. Petrosyan

Sochi State University, Russian Federation
354003, Makarenko Street, 8
PhD (psychology), Assistant Professor
E-mail: svpet@mail.ru

Abstract. The article examines the main arguments developed by the author regarding the use of the dispositional approach to analyse the development, the course and the dynamics of the lifespan of depressed states. The present model is based on the following main arguments: in the event of any trigger, especially an aggressive one (stress), a minimum of two polar positions form within the psyche – the position that is being influenced (weak) and the position that is doing the influencing (strong), which are painted in polar emotional states. The dispositional approach model claims that depressed states are the triumph of the weak polar disposition. The aggressive (strong) side of the disposition, as a rule, is not perceived and is projected outwards, which closes off the access to personal resources. The stronger the dispositional discrepancy, the deeper the depressed state. Breaking the depressed state is the result of integrating the two dispositional poles.

This research could be utilised in practice.

Keywords: dispositional approach; depressed states; dispositional reaction; dispositional poles; character structure.

Параметр «Содержание» в структуре Психологической модели субъектности: к проблеме диагностики состояния психологической модели субъектности социального субъекта

¹ Светлана Николаевна Тесля

² Алексей Алексеевич Беляев

¹ Сочинский государственный университет, Российская Федерация

354000, ул. Советская, 26 а

доктор философских наук, профессор

E-mail: wayness@yandex.ru

² Сочинский государственный университет, Российская Федерация

354000, ул. Советская, 26 а

аспирант

E-mail: albelexus@mail.ru

Аннотация. На основе субъектного подхода, рассматривается структура Психологической модели субъектности социального субъекта как системы кодов субъектности. Анализируется место в данной модели такого важного параметра субъектности социального субъекта как «Содержание». Описывается логика эмпирической верификации состояния психологической модели субъектности через обращение к фреймингу локальных переменных функций кодов психологической модели субъектности.

Ключевые слова: субъектность; психологическая модель субъектности; социальный субъект; код; состояние; фрейминг; локальные переменные функций кодов субъектности.

Введение. Цель статьи – привлечь внимание читателя к «прикладным» возможностям Психологической модели субъектности социального субъекта (далее – ПМСС) (С.Н. Тесля, И.Б. Шуванов, А.А. Беляев, 2012).

Несколько вводных замечаний. Исходным для нас выступает понимание «человека как образа мира», что и делает его «субъектом жизни». Понятие «субъектность» вводится в качестве главного способа существования субъекта жизни и субъектом жизни. Мы различаем «интегральную субъектность», относящуюся к человеку, как субъекту жизни в целом, и «вектора» интегральной субъектности.

В зависимости от той или иной «формы» субъекта жизни, получают «имена» и главные способы их существования, или «вектора» интегральной субъектности. Так, если считать, что правомерно выделять такую форму субъекта жизни как «социальный субъект», то его «субъектность» будет «субъектностью социального субъекта». Если же «формой» субъекта жизни может являться «этнос», то его главный способ существования будет называться «субъектностью этноса».

Интегральная субъектность субъекта жизни есть порождение идеального (бытия себя), преображающего реальное (жизнь себя). В преломлении на социального субъекта и вектором интегральной субъектности, в этом случае, мы считаем субъектность социального субъекта – активность особого рода, заключающуюся в изменении, преобразовании субъектом объекта согласно рациональным целям субъекта [1].

Важным стало понимание того, что рассмотрение субъектности в качестве понятия, конкретизирующего содержание и смысл перевода «жизни в бытие», позволяет избавиться от ретроспекций гносеологии и анализа когнитивных артефактов такого «перевода», всегда идущих «во след» реальному процессу «антропологического размыкания человека» (С.С. Хоружий).

Обращение к голограммическому принципу (целое может сворачиваться в части) и к метафоре фрактала (часть может нести код, алгоритм целого) показало, как могут быть связаны «субъект жизни» и «социальный субъект», субъектность субъекта жизни и субъектность социального субъекта.

Поясним, что «социальный субъект» интерпретируется:

- как исторически конкретная «форма» «субъекта жизни» (1);

- как структурно упорядоченное целое – «индивидуид» - «индивидуальность» - «личность». Триада «индивидуид – индивидуальность – личность» представляют «измерения» социального субъекта (2);

- как конкретная цельность мотивационных, когнитивных и действенных составляющих внутреннего мира индивидуума, живущего по законам социума (3).

Материалы и методы. Оставаясь в рамках психологии, мы вправе были поставить вопрос о субъективных аналогах субъектности, что и обусловило введение в концептуальный каркас такого понятия как «субъективная технология» субъектности социального субъекта. Именно в качестве субъективной технологии субъектности была представлена «психологическая модель субъектности социального субъекта» (ПМСС).

Гипотеза, которая легла в основание дальнейших рассуждений: «перекосы» в личной ПМСС социального субъекта (см. статью Тесля С.Н. в настоящем сборнике) можно диагностировать через анализ ее **состояния**.

В качестве иллюстрации того, как возможно обоснование данной гипотезы, представим модель *кодов* ПМСС с акцентом на таком параметре субъектности, свернутом в ПМСС, как «Содержание».

Под параметром «Содержание» понимается изменение, преобразование, конструктивная активность, конструирование, предполагающее селекцию, выбор из исчислимого набора возможностей того, что в данный момент актуально. Конструирование опирается на оценочное отношение к «объекту» (избирательность, предпочтение, интерес, выбор). Изменение, преобразование действительности в объект и действия с объектом – константа субъектности социального субъекта, свернутая в параметре «Содержание».

Выбор параметра «Содержание» не был произвольным. Как станет понятно из нижеследующего текста, именно этот параметр может выступить, своего рода, гештальтом, задающим способ связи всех составляющих психологической модели субъектности и делающим понятным, в частности, как «работает» ПМСС, как феномен субъективности, в качестве регулятивного фактора субъектности.

ПМСС определяется как *система* кодов субъектности социального субъекта. Основным методологическим «маяком» в ориентации на понятие «код» выступили положения синергетики и философского структурализма. Однако само определение «кода» и его структуры (функций кода и локальных переменных функции кода) нашло обоснование в рамках «компьютерной» и «информационной» метафор, принятых на вооружение в когнитивной психологии, хотя и с некоторыми оговорками с нашей стороны. Эти «оговорки» касаются системы отношений «человек – информация»: если допускается считать, что человек способен получать и обрабатывать информацию, то установка на понимание человека как «образа мира» (А.Н. Леонтьев, 1975) позволяет допустить, что человек не только получает и обрабатывает, но и *производит* информацию.

ПМСС и несет значение субъективной инстанции, производящей информационный «блок» субъектности, а этот «блок» – субъектность в качестве «информации», обладающей своими предметными «носителями», денотатами -, в свою очередь, может быть «воспринят» и «обработан» («свернут») посредством когнитивных процедур.

Затем, уже как «*знание-идеологема*», этот информационный блок может быть «внедрен» в социализирующие практики через социальные представления о «норме». Конкретный индивидуум усваивает «нормативы» на мотивационном, когнитивном и поведенческом уровнях в качестве *стереотипов* (чувств, мыслей и действий), именно на них зарабатывая социальное одобрение-оценку.

Стереотипизация (Т. Адорно, Дж. Дьюи, У. Липпман, Р.О'Хара) т.о., является инструментом рационализации социального бытия и способом регулирования, контроля «рабочих социума» со стороны социальных институтов. Кроме всего прочего, это значит, что социальный субъект, рассматриваемый на уровне «рабочего социума», принципиально «исчислим», то есть, «предсказуем», поскольку живет согласно логике идентификации - профессиональной, гендерной, возрастной и других статусно-ролевых выборов, типичных для социума, запрашивающего эти стереотипы от индивидуума.

Следовательно, мы признаем существование психологической модели субъектности социального субъекта на разных уровнях:

- ПМС социального субъекта как «формы субъекта жизни» - уровень «общего»;

- ПМС социального субъекта, «разбитого» на конкретные «измерения» (индивиду, индивидуальность, личность) – уровень «особенного»;
- логично предположить существование ПМСС и на уровне «единичного», то есть, в условиях конкретного фрагмента жизненного мира, в рамках «конечной области значений»
- идентификационной ниши – в которой «оседает», включается и осуществляет субъектность конкретный индивидуум.

Обсуждение проблемы. Что делает модель, о которой идет речь, «психологической»? – Весь ее «состав» обладает такой чертой как «пристрастность». Все, что входит в ее состав, переживается субъектом и дает ему актуализировать в себе саму способность *переживать*, как его человеческую ценность. Таким образом, *переживаемость* переживания (Г.-Х. Гадамер) «делает» ПМСС «психологической». Но что конкретно значит «переживаемость», как она «определяется» в субъективности конкретного человека? – Кратко, можно было бы ответить: как *отношение*.

«Отношение» здесь имеет значение «энергетического» посыла, импульса к объявлению себя в бытии. На уровне «общего» в бытии объявляет себя «социальный субъект как форма субъекта жизни», на уровне «особенного» – социальный субъект как «индивиду», «индивидуальность», «личность», на уровне «единичного» в бытии объявляет себя конкретный индивидуум, реализуя свое отношение к событийному контексту своей *жизненной ситуации*. Во всех перечисленных «случаях» отношение манифестирует позицию социального субъекта. Масштабом позиционирования выступает «жизнь», так что, мы можем назвать позицию «*жизненной позицией*», или «позицией по отношению к жизни в целом».

Итак, исследование подвело к гипотезе, что выделенные параметры субъектности **представлены** в структуре ПМСС:

Первое. Параметры субъектности представлены на уровне всех функций кодов ПМСС, но распределены не равномерно – в разных кодах согласуются с разными функциями кодов (Рис.1):

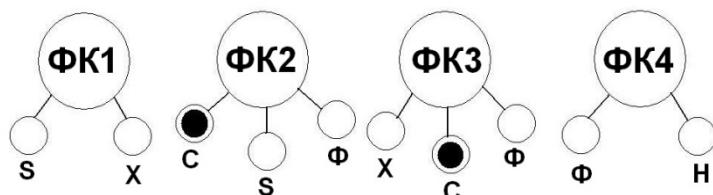

Рис. 1. Соответствие параметров субъектности функциям кодов субъектности в ПМСС. ФК1 – функции кода 1, ФК2 – функции кода 2, ФК3 – функции кода 3, ФК4 – функции кода 4. Параметры субъектности: S – субъект субъектности, X – характер, C – содержание, Φ – форма, H – направленность

Так, функции кода 1 соответствуют, главным образом, значению таких параметров субъектности как «Субъект субъектности» и «Характер»; функции кода 2 – значению таких параметров как «Содержание», «Субъект» и «Форма» субъектности; функции кода 3 – значению таких параметров как «Характер», «Форма», «Содержание»; функции кода 4 – значению параметров «Форма», «Направленность».

Второе. Параметры субъектности, выраженные в функциях всех кодов ПМСС, были распределены по соответствуанию мотивационным, когнитивным и действенным переменным субъектности. В результате, получены типы связей между каждой из субъективных переменных субъектности и остальными пятью параметрами субъектности, представленными в функциях кодов ПМСС (Рис. 2):

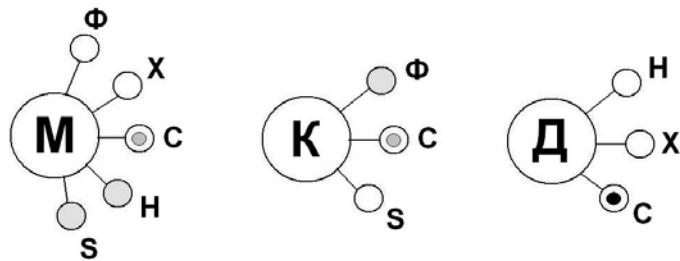

Рис. 2. Представленность параметров субъектности в мотивационном (М), когнитивном (К) и действенном (Д) модусах субъектности социального субъекта в ПМСС. S – субъект субъектности; С – содержание субъектности; Ф – форма субъектности; Н – направленность субъектности; Х – характер субъектности

Так, в **мотивационном модусе** большей выраженностью обладают параметры субъектности: «Субъект субъектности» и «Направленность». Но, имеют выраженность и все остальные параметры субъектности; в **когнитивном модусе** представлены три параметра и наиболее выражен параметр «Форма субъектности», при том, что «Направленность» не представлена; в **действенном модусе** наиболее выражен параметр «Содержание» субъектности, при выраженности «Направленности», «Характера» субъектности, но не представленными оказались «Субъект» и «Форма» субъектности; параметр «Характер субъектности» выражен в **мотивационном и действенном модусах** и не выявлен в когнитивном.

На рисунке 2 видно, что в мотивационном модусе представлены все параметры субъектности, и это позволило выдвинуть гипотезу, что, именно мотивационный модус субъектности и функции кодов ПМСС, как и локальные переменные этих функций кодов, соответствующие параметрам субъектности (S, H, C, X, Φ), вошедшим в мотивационный модус, *могут быть представлены в качестве «паттерна» кода субъектности социального субъекта*. Такой «паттерн», или «код кодов» ПМСС был выведен: в него вошли только некоторые функции четырех выделенных нами кодов и, соответственно, только несколько локальных переменных (Рис. 3):

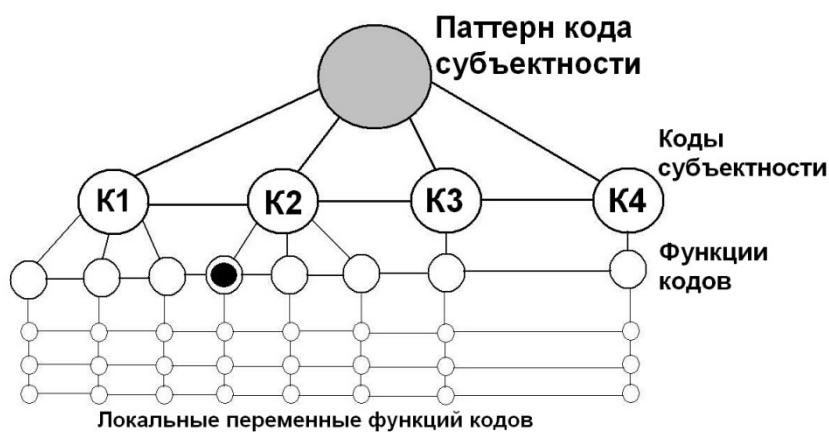

Рис. 3. Структура паттерна кодов субъектности. «Черным» выделена функция кода 2, в которой выражен параметр субъектности «Содержание»

Паттерн кодов значим не только тем, что дает возможность многое свести к единству, большое – к малому, но, главным образом, тем, что позволяет понять, как целое сворачивается в части. В плане верификации ПМСС, этот момент трудно переоценить: диагностируя паттерн, можно заключать о состоянии всех кодов ПМСС в полном объеме их «содержимого». Более того, именно паттерн, на наш взгляд, тесно связан с проблематикой безопасности. Поясним, что имеется в виду.

Наряду с психологической технологией субъектности, существуют, с нашей точки зрения, еще и субъективные «техники» субъектности. Они «спрятаны» внутри технологий. Одна из «техник» - Психологическая модель безопасности социального субъекта (ПМБ).

Она, так же, как и ПМСС, сосредоточена на процессе субъектности. Считая семантическую оппозицию опасность/безопасность обладающей психологическим статусом, мы, тем самым, ввели этиологию «опасности» и «безопасности» в поле человеческих отношений. Понятие «ситуация опасность/безопасность» было введено с целью подчеркнуть переживаемостно-проживаемостный характер «опасности» или «безопасности», акцентируя их именно как переживания, которые проживаются в сам момент их переживания.

Значение ПМБ в качестве техники субъектности, действующей внутри ПМСС - свидетельствовать, давать субъекту (или другим – по поводу него) почувствовать и понять, что он находится в данный момент, или ему предстоит в скором будущем, попасть в ситуацию «опасность» или же в ситуацию «безопасность». Каким образом? – **Через определение состояния паттерна ПМСС**, сконцентрированном в мотивации индивидуума на субъектности. Подчеркнем – не просто в «мотивации», но в мотивационном модусе субъектности, мотивации, связанной с субъектностью, или с конкретным видом субъектности. К «виду» субъектности можно отнести любую профессиональную деятельность (= «работа»), гендерные отношения – любые интеракции, попадающие в реестр «ролевых».

Идеальная ситуация безопасности совпадает с полностью внутрисогласованным состоянием паттерна ПМС, переживаемым социальным субъектом. Согласованность «передают» горизонтальные линии, изображенные на Рис. 3, так что, для «индивидуа» ситуация безопасности опознается на уровне горизонтальных связей всех локальных переменных функций кодов паттерна ПМС. Для «индивидуальности» и «личности» - то же самое, однако, ясно, что это – другие психологические конфигурации «ситуации безопасности».

Между тем, паттерн содержит единые критерии для утверждения об адекватности переживаний безопасности и «индивидуом», и «индивидуальностью», и «личностью». При допущении существования «ведущего» ресурса или измерения социального субъекта, мы получаем оптимальную матрицу «психологической» безопасности, переживаемой «индивидуом», «индивидуальностью», «личностью».

Зная же несогласующиеся узлы матрицы («сбой горизонтали»), нетрудно понять, в каком субъективном фрагменте семантического поля паттерна, а, следовательно, и в ПМС, а, следовательно, и в самой субъектности, предвосхищается, бессознательно ожидается рост чувства неопределенности, активизируя и психические «центры страха», и ситуативную тревожность, и вероятность травм, внутри- и меж-личностных конфликтов и срывов, и безотчетное беспокойство, и «дергания» самооценки, неуверенность в себе, психосоматику и др.

Т.о., психологическая модель субъектности начинает работать уже на мотивационном уровне, когда человек еще только предвосхищает будущее событие, находится на различных стадиях готовности к нему, представляя себя в предстоящем событии в «желательном», комфортном для себя, «свете» – как он будет выглядеть, как и что будет говорить, как и что будет делать.

Размышления в этом ключе подвели нас к вопросу: как возможна эмпирическая диагностика состояния паттерна кодов ПМС? К этому моменту было ясно, что, если бы это были тестовые задания, то количество их довольно ограничено – минимум по одному заданию на каждую локальную переменную, входящую в паттерн. Модель паттерна предлагает «ограничиться» 24-мя тестовыми заданиями, которые предстояло «подвести» под восемь шкал (функции кодов). Паттерн, являясь предметом диагностики, должен был привести к цели – к выявлению распределения параметров субъектности через конфигурацию кода кодов ПМС конкретного индивидуума.

Оставалось, казалось бы, совсем немного до «практического внедрения» теории. Однако в попытках сформулировать тестовые задания, мы столкнулись с необходимостью унифицировать критерии, которым должно было соответствовать задание. И, одновременно, это должны были быть очень пластичные задания, меняющиеся от ситуации к ситуации, учитывающие конкретные условия диагностики, в том числе.

Результаты. Таким образом, подойдя вплотную к эмпирической проверке теоретической схемы, мы вышли на проблему определения алгоритма той методической «единицы», используя которую мы могли бы получить достоверную информацию о действительной расстановке сил социального субъекта в конкретном виде субъектности через диагностику паттерна ПМС. Вопрос стоял следующий: что это может быть за «единица» (1), и каков ее «алгоритм» (2)?

Ответ на первый вопрос был найден при анализе таких понятий как «когнитивная схема», «сцена жизни» (У. Найссер), «семантические сети» (Burgun, A. & Bodenreider, O.

(2001) Cohen, P. R. & Kjeldsen, R. (1987) Halper M ; Chen Z; Geller J; Perl, Y. (2001). Hazewinkel, M. (1996/1997). Sowa, J. F. (2006)). В частности, анализ понятия «семантические сети», вывел на математическую теорию графов (Оре О.(1968.), Ошемков А.А, Уилсон Р.(1977), Харари Ф.(1973), Емеличев В. А., Мельников О. И., Сарванов В. И., Тышкевич Р.(1990), др.), что, в конечном счете, позволило представить кодовую структуру ПМСС в виде модели, объясняющей тип связности элементов внутри системы кодов ПМСС в форме «смешанного графа», вид которого предстоит определить в недалеком будущем (Рис. 4):

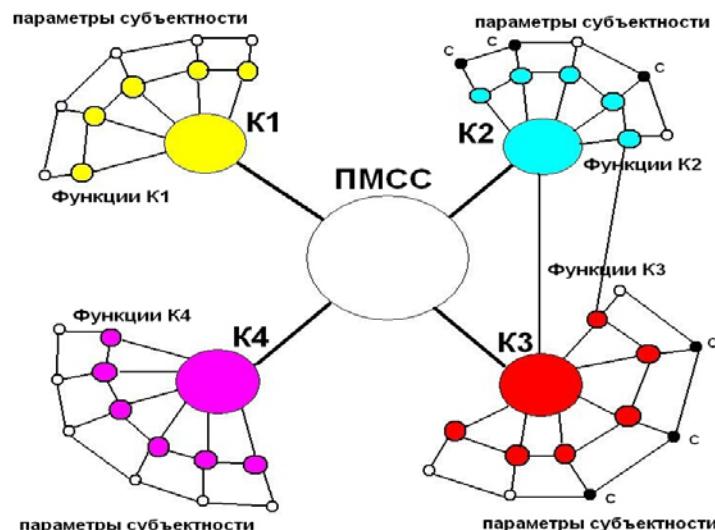

Рис. 4. Структура психологической модели субъектности социального субъекта (ПМСС). Показаны связи кодов, функций и параметров субъектности. Связь параметров с локальными переменными функций кодов - само собой разумеющееся, поэтому локальные переменные на модели не прорисованы.
 «Черным» цветом отмечен параметр субъектности «Содержание» (с). К1, 2, 3, 4 – коды ПМСС. Соединительными линиями показаны связи элементов ПМСС

Поскольку кодов много (по меньшей мере, их четыре), то каждый из параметров субъектности представлен многократно, дробясь в кодовых составляющих и на уровне «функций кода», и на уровне «локальных переменных функции кода», упорядоченных в соответствие с динамикой измерений социального субъекта – «индивидуом-индивидуальностью-личностью».

На Рисунке 4 представлена полная модель структуры ПМСС. Ее построению предшествовала кропотливая работа по изучению сложившихся в зарубежной и отечественной психологии личности представлений о структуре субъективного мира, соотношении важнейших категорий, таких как «активность», «деятельность», «субъект», «индивиду», «индивидуальность», «личность». Результаты этого анализа и позволили, с одной стороны, получить определение субъектности социального субъекта, а с другой стороны, ввести обозримое множество точек зрения в классификационные рамки, присвоив полученным кластерам обобщенные названия.

Эти обобщенные названия и стали «именем» «кода» психологической модели субъектности социального субъекта. Были получены четыре кода: код 1 Ресурс субъектности; код 2 – Аксиологическое доминирование; код 3 – Тип активности; код 4 – Проективные символические системы.

Важно понимать, что от обобщенного «имени» кода ПМСС, «имени» каждой из функций кода и «имен» локальных переменных функций кода зависит корректность выведения алгоритма той методической «единицы», которую нам предстояло найти.

На Рис. 4, кроме всего прочего, отмечена связь двух кодов через параметр «Содержание» – кода 2 и кода 3, как и их функций. Аналогичным образом связаны друг с другом все коды, функции и локальные переменные.

В связи с отмеченной выше важностью понимания «отношения» как опредмеченностии «переживаемости» переживания, не покажется случайным большая выраженнаяность

параметра «Содержание» субъектности в коде 2 – «Аксиологическое доминирование» и в коде 3 «Тип активности». Если вернуться к схеме паттерна (Рис. 3), то увидим, что параметр «Содержание» также попал в его «мотивационный» состав вместе с Кодом 2, а именно – вместе с функцией «Тип отношения».

В целом, на уровне функций кодов, параметр «Содержание» связан со следующими функциями:

- **«Типом отношения», «Направленностью деятельности» и «Характером отношения»** (код 2);
- с **«Позицией по отношению к ситуации», «Техниками активности», «Видами порождающей активности»** (код 3). Естественно, что каждая из названных функций раскрывается в особых локальных переменных. И именно локальные переменные становятся непосредственным предметным полем, по поводу которого должна выстраиваться эмпирическая верификация ПМСС и диагностическая методика.

Раскроем значения указанных функций и локальных переменных параметра «Содержание»

Код ПМСС «Аксиологическое доминирование»:

1. Функция «Тип отношения»

Понятие «отношение» было сопоставлено с понятием «мировоззрение», как системы взглядов, оценок, принципов, определяющих самое общее видение, понимание мира, места в нем человека, включая жизненные позиции, программы поведения, действия людей, имеющие системный, в мировоззренческом смысле, характер. Мировоззрение – необходимая составляющая человеческого сознания. Это не просто один из его элементов в ряду многих других, но их системоорганизующий принцип. Разнородные «блоки» знаний, убеждений, мыслей, чувств, настроений, стремлений, надежд, соединяясь в мировоззрении, образуют более или менее целостное понимание людьми мира и самих себя [2]. Из такого понимания «выливается» своеобразное отношение человека к миру, другим людям и самому себе. И если в качестве системоорганизующего принципа элементов сознания мы имеем дело с «мировоззренческим сознанием», то в качестве «своеобразного отношения человека к миру», мы говорим о «мировоззренческом отношении». Мировоззрение в целом есть синтез мировоззренческого сознания и мировоззренческого отношения [3].

Функция «Тип отношения» акцентирует аксиологическую основу (мировоззренческое сознание) мировоззренческого отношения, выступающую его (отношения) типологизирующими критерием. Эти «типы отношения», согласно принципу триады, представлены в следующих локальных переменных данной функции:

Локальные переменные:

- Потребительное отношение (С-О, субъект-объект) – своего рода функциональное отношение, где субъект запрашивает у объекта то, что для него актуально в данный момент.
- Оценочное отношение (С-О-С) – это эмоционально переживаемое соотнесение объективных свойств явлений окружающего мира с основанием материальных или духовных потребностей субъекта [4,5].
- Ценное отношение (С-С) подразумевает такие отношения между людьми, которые не разъединяют, не отчуждают человека от других людей, от природы и самого себя, а напротив, объединяют, собирают людей в общности любого уровня: семью, коллектив, народность, нацию, государство, общество в целом [4].

2. Функция «Характер отношения»

Давая определение функции «Тип отношения», мы обращались к термину «мировоззрение». Здесь же, для конкретного понимания, что такое «характер отношения», прибегнем к нескольким определениям «восприятия».

В общей психологии восприятие (perception) – сложный процесс интерпретации и осмысливания сенсорной информации [5]. Восприятие – психический процесс, одна из стадий познавательной деятельности, приводящая к созданию образа объекта на основе анализа и синтеза отдельных его качеств, выделения при этом существенных признаков предмета или явления и отвлечений от несущественных и неактуальных [6].

Восприятие – процесс формирования образа предмета посредством вынесения себя за границы организма и помещения «на конце» «зонда сознания» (А.Н. Леонтьев).

Субъект, «внедряясь» своей «воспринимающей» активностью в окружающую действительность, конституирует предметность, «сплошность» мира как «объекта»

(принцип объективизации восприятия). В зависимости от уровня цельности восприятия, и в качестве «обратной связи» от предмета, субъект получает «вещь» как образ, обладающий определенной конфигурацией и композицией (принцип субъективизации предмета как «вещи»). Руководствуясь чертами вещи как образа («интериоризация»), субъект переживает и строит вполне определенное отношение к миру-объекту, позиционирует себя по отношению к объекту («экстериоризация»). Какое именно это отношение – мы видим в описании локальных переменных данной функции кода «Аксиологическое отношение».

Локальные переменные:

- Синкетическое отношение – это отношение к объекту, характеризующееся нерасчлененностью, не выделенностью модальностей, отсутствием понимания различия мира, явлений от логических дуальных оппозиций при одновременном полном произволе в истолковании явлений, например, соотнесения их с тем или другим полюсом оппозиции на основе принципа «всё во всем». Такое отношение рассматривает каждое различие через опасность отпадения, потери связи с космосом, с общиной, с миром и т.п., а также подразумевает отсутствие самостоятельной, отделенной от социального целого ответственности личности [8].

- Дихотомическое отношение – это отношение к объекту, характеризующееся образованием двух противоречивых противоположностей. Бинарное восприятие объекта, при котором объект делится на два взаимоисключающих класса, например «человек», «не-человек»; «плохой», «не-плохой» и т.п.

- Холистическое отношение подразумевает отношение к объекту как к некой целостной самодостаточной структуре, не сводимой к понятиям плохой-хороший, добрый-злой и т.п. [9].

3. Функция «Направленность деятельности субъекта»

Значение этой функции подразумевает ответ на вопрос: «На «что» или «куда» должна быть направлена деятельность, чтобы субъект оптимально мог изменять, преобразовывать действительность, переводя ее в объект?» Ответ следующий: субъект изменяет объект (окружающую действительность) в том случае, если характер его деятельности - целевой. [10] При этом, «целевой ценз» деятельности может быть различным, что и отражают следующие локальные переменные данной функции.

Локальные переменные:

- Потребление (усвоение) – это использование объекта с целью удовлетворения своих потребностей [11; 164-168].

- Воспроизводство – деятельность, направленная на сохранение, восстановление и воссоздание объекта [12].

- Культуротворчество – создание субъектом объекта с привнесением в мир «принципиальной новизны» [13].

Код ПМСС «Тип активности»:

1. Функция «Позиция по отношению к ситуации»

Под ситуацией здесь понимается сложная субъективно-объективная реальность, где объективные составляющие представлены в виде субъективного восприятия и личностной значимости для ее участников (участника) [14]. В зависимости от своего субъективного восприятия и личностной значимости объективных оставляющих ситуации, субъект занимает определенную позицию по отношению к этой ситуации. Эта позиция характеризуется готовностью субъекта тем или иным способом начать взаимодействовать с окружающей действительностью в данной конкретной ситуации. Как именно – описано ниже в локальных переменных.

Локальные переменные:

- Включение в ситуацию (внутри ситуации) – происходящее в окружающей действительности субъект принимает полностью, как нечто неизбежное. И действует в рамках установленных обществом (а также, возможно, навязанных ему) правил (правил поведения, этикета, «хорошего тона» и т.п.).

- Управление ситуацией – субъект заботится, прежде всего, о своих интересах, стремится контролировать происходящее и направлять развитие сценария ситуации в нужное русло для реализации своих целей.

- Преодоление ситуации – субъект выходит «за рамки» данной ситуации, предвидя другую, смотрит на происходящее «со стороны» и действует вне установленных норм и правил.

2. Функция «Техники активности»

Для определения значения этой функции вновь обратимся к понятию «активность», пред-лежащей всякой человеческой деятельности, как взаимодействию субъекта и объекта (окружающей действительности), в котором субъект сознательно и целенаправленно изменяет объект (окружающую действительность). Функция «Техники активности» дает нам возможность увидеть, как он (субъект) осуществляет саму деятельность, где слово «техника» имеет значение напряжения активности, от которого зависит интенсивность и продуктивность любой деятельности. Техники активности кратко описаны ниже в локальных переменных.

Локальные переменные:

- Конституирование – процесс воссоздания объекта в себе, из себя и для себя, в котором выражается активность сознания субъекта [15].
- Конструирование – создание субъектом конструкции объекта с целью организации оптимальной функциональной связи его элементов [16, с. 109].
- Творение, созидание – про-изведение субъектом объекта из небытия, «с нуля» [17].

3. Функция «Виды порождающей активности»

Здесь мы снова говорим именно об активности, регулирующей деятельность со стороны ее творческой составляющей. А именно, имеется в виду не просто взаимодействие субъекта и объекта (окружающей действительности), подразумевающее изменение последнего. Но взаимодействие субъекта и объекта, подразумевающее осмысленное создание субъектом новых элементов объекта. В локальных переменных описываем виды такой активности.

Локальные переменные:

- Образование – процесс формирования субъектом объекта из чего-либо; активность субъекта, конституирующая действительность [18].
- Преобразование (изменение) – процесс коренного изменения объекта субъектом; активность субъекта, преобразующая действительность [19].
- Преображение – внесение субъектом в объект образа, меняющего этот объект целиком; порождение нового образа мира, нового качества, нового смысла; осмысленное, осознанное «образование».

Здесь заканчиваем описание функций и локальных переменных функций кода «Аксиологическое доминирование» и кода «Тип активности», с которыми связан параметр «Содержание» субъектности социального субъекта.

Модель ПМСС построена дедуктивно, от общего – к частному. Поэтому, там, где сосредоточены локальные переменные, там, можно сказать, находится «периферия» ПМСС, очень близко соприкасающаяся со сферой действительных отношений субъекта. Следовательно, спрашивать предстояло именно в направлении локальных переменных. Но не «напрямую», а через «фреймы» – особые словесные формулы, имеющие единый алгоритм, но благодаря единому алгоритму, способные пластиично менять смысл предложения, в зависимости от конкретных обстоятельств диагностики.

Таким образом, мы обратились к фреймингу локальных переменных функций кодов ПМСС.

Идея выделения фрейминга как самостоятельного когнитивного процесса, принадлежит Ирвингу Гофману (1974). Есть два основных подхода к пониманию фрейминга:

- «социологический подход», где фрейминг рассматривается преимущественно с точки зрения ситуации и экстралингвистических факторов. То есть, знание экстралингвистических факторов не только необходимо для понимания фрейма, но и сами эти факторы встраиваются в структуру фрейма как ее необходимые части (например, последовательность действий наряду со словами при какой-то типичной ситуации);

- «лингвистический подход», где фрейминг понимается с точки зрения конкретного лингвистического заполнения структуры фрейма. Здесь основное внимание уделяется вербальному заполнению фрейма и на его основании делаются выводы, в том числе, и об экстралингвистических факторах (например, по использованию метафор возможно определить идеологическую принадлежность говорящего).

«Социологический подход» дает возможность всестороннего анализа дискурса, а «лингвистический» – упрощает анализ таких дискурсов, где знание всех действий или факторов затруднительно или невозможно, и мы можем полагаться, в основном, только на текст (например, при исследовании литературного произведения) [20].

Фреймовая система – одна из форм представления знаний в экспертных системах. Фрейм – это формализованная структура, состоящая из набора ячеек – слотов. Каждый слот включает в себя определенное имя и ряд ассоциируемых с ним значений, представляющих собой данные, процедуры, ссылки на другие фреймы. Фреймы используются для моделирования аналогий, описания областей с родовидовыми связями понятий и т.п.

Во фреймовой семантике фрейм является одновременно:

- набором предположений об устройстве формального языка для выражения знаний, в качестве альтернативы для семантических сетей или для исчисления предикатов;

- организацией представлений, хранимых в памяти (человека и/или компьютера), плюс организация процессов обработки и логического вывода, оперирующих над этим хранилищем (эвристическая, или имплементационная интерпретация). Фрейм – структура данных для представления стереотипных ситуаций, особенно при организации больших объемов памяти [21, с.44].

В лингвистике фреймы интерпретируются как способ языковой категоризации действительности, связанный с обобщением опыта и репрезентацией в языке существенных, типичных и возможных составляющих этого опыта. [22, с. 981] Являясь когнитивной категорией, фрейм, как и другие когнитивные феномены, для своего выражения нуждается в вербальных средствах и реализуется в дискурсивной практике с помощью определенных механизмов, то есть моделирования такой структуры, которая позволила бы осуществлять познавательную деятельность [20, с. 190-192].

Фреймы определяются как «центральная организующая идея или сюжет, которая придает смысл развертывающейся последовательности событий» и как хранящиеся в сознании скопления (clusters) представлений, которые направляют процесс обработки информации индивидом» [23]. Таким образом, основными функциями фреймов будут выдвижение значимого фрагмента события/ситуации на первый план и содействие выбору схемы для обработки информации, поступающей из окружающего мира [20].

Понятию «фрейм» соответствуют такие понятия, как «схема» в когнитивной психологии, «ассоциативные связи», «семантическое поле». С определенными языковыми фреймами ассоциированы «сцены». Под «сценой» понимаются не только зрительные, но и иные виды внутренних мыслительных образов; межличностные процессы общения, стандартные сценарии поведения, предписываемые культурой, институциональные структуры и др. «Сцена» и «фрейм» соотносятся посредством «перспективы»: в сценах и ситуациях можно выделить функции, исполняемые теми или иными участниками. По ходу речи одни участники выдвигаются на первый план, а другие оказываются на втором плане. Иерархия превосходства, или выделенности (salency hierarchy) предопределяет, что именно в первую очередь является кандидатом на такое выдвижение.

Соотнесение сцен и фреймов бывает неоднозначным, когда два или большее количество элементов предложения указывают на одну и ту же часть сцены.

Сгруппировать понимание термина фрейм можно следующим образом:

1. Фреймы включают один и тот же языковой материал, а элементы сцен сходны, определяются одним и тем же репертуаром сущностей, отношений или субстанцией, а также контекстов употребления в жизни человека.

2. В концепции И. Гоффмана (где понимание термина берется у Г. Бейтсона), фрейм ассоциирован с английским словом frame-work (каркас) и указывает на «аналитические леса» - подпорки, с помощью которых мы постигаем свой собственный опыт. В этой концепции фреймы – базисные элементы, которые исследователь в состоянии идентифицировать в рамках ситуаций. Ситуации подчинены организующим принципам, «генерирующими» те или иные события.

3. Общее родовое обозначение набора понятий типа: схема, сценарий, когнитивная модель, «наивная», или «народная», теория (folk theory), как система категорий, структурированных в соответствие с мотивирующим контекстом.

4. Единица знания, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия.

Схемы, или контуры понятий, или термов, соединены в систему, придающую связность тому или иному аспекту человеческого опыта. Эта структура может содержать элементы, одновременно являющиеся частями других таких контуров.

В построении фреймов к локальным переменным функций кодов ПМСС все локальные переменные выступают интерпретативной базой [21, с. 44-62].

Теоретически, валидность тестового задания определяется наличием согласованности поверхностной и ядерной структур [24], что и должен содержать правильно составленный фрейм. Следовательно, многое зависит от того, что будет выбрано в качестве «ядерных образований», которые смогут внутренне регулировать построение «поверхностного» рисунка конкретного тестового задания.

К числу «ядерных образований» мы относим, прежде всего, содержание таких психологических категорий как: «готовность», «событие» и «ситуация». Это значит, что, будь то вопрос, или утверждение, адресованные респонденту, или же какая-либо другая форма самоотчета со стороны самого обследуемого (например, «жизненная история», «автобиография» или «сказка о себе») – каждая семантическая единица должна «просвечиваться», пропускаться, проверяться на соответствие критериям «готовности», «событийности» и «ситуационности». И только в случае наличия всех трех «показателей» мы будем иметь алгоритм, подтверждающий правильность выбранной диагностом формулировки – теперь уже фрейма – алгоритм, определяющий и степень «достаточности» для выбора и анализа того текста или фрагмента текста, который принадлежит самому респонденту [25].

Говоря кратко об этих критериях, отметим, что «готовность» понимается как расположенностъ субъекта к определенному поведению в конкретной ситуации. «Событийность» – как наличие в формулировке фрейма события, под которым понимается значимое для субъекта переживание, меняющее его взгляд на окружающее [26]. «Ситуационность» – как присутствие субъекта в этом переживаемом изменении окружающей действительности, со своими мыслями и чувствами, а также с возможностью оказать на него (на это изменение) влияние своей (субъекта) деятельностью.

Для наглядности приведем пример формулировки фреймов к локальным переменным функции «Тип отношения» (код Аксиологическое доминирование) (Таблица 1):

Таблица 1

Примеры фреймов к функции «Тип отношения» кода «Аксиологическое доминирование» в ПМСС

Функция «Тип отношения» (Код 2)		
«Измерения» социального субъекта	Локальные переменные	Фреймы
Индивид	Потребительное отношение (С-О)	«Иду гулять в парк»
Индивидуальность	Оценочное отношение (С-О-С)	«Не пойду в парк – там слишком людно»
Личность	Ценностное отношение (С-С)	«С тобой – хоть в парк, хоть на край света»

Таким образом, словесные формулы лягут в основу создания методики диагностики ПМСС, которая может стать личностным опросником, методикой «лайф стори», или принять какой-либо другой вид.

Заключение. С выводом ПМСС в «свет» эмпирической диагностики связаны, на наш взгляд, решения многих конкретных вопросов в производственной сфере, там, где ведущим является «человеческий фактор». Именно этот «человеческий», фактор, подвержен травмам, стрессам, конфликтам, кадровым метаморфозам, интердикциям, фрустрациям, депривациям, депрессиям – что, естественно, интенсифицирует восприятие социальным субъектом не только своей «рабочей ситуации», но и «жизненной ситуации» в целом, как опасной.

Можно ли избежать, предупредить, поставить в профилактические рамки, предвидеть, вовремя предотвратить, научить, не допустить «срывов» в ситуацию «опасность» как со стороны самого работника-исполнителя, так и со стороны его руководства? – На эти и многие другие вопросы может ответить диагностика состояния ПМСС социального субъекта и паттерна ПМСС.

Примечания:

1. Психология опасности и безопасности. В 2-х книгах. Кн.2. Психологические модели субъектности и безопасности социального субъекта и этноса / Под общ. ред. С.Н.Тесля, И.Б. Шуванова. Сочи, РИЦ СГУ, 2012. 306 с.
2. Введение в философию: Учеб. пособие для вузов / Авт. колл.: Фролов И. Т. и др. 3-е изд., перераб. и доп., М.: Республика, 2003. 623 с.
3. Тесля С.Н. Генеалогия мировоззрения (Ретроспекция философских, антропологических и психологических оснований концепций). Сочи: РИО СГУТИКД, 2006. 96 с.
4. Выжлецов Г.П. Эстетика в системе философского знания. ЛГУ, 1984, 175 с.; Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 152 с.; Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. Философско-культурологический альманах. Вып. 11. // Под редакцией М. С. Уварова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 201 с.
5. Прудникова З.С., Тесля С.Н. Аксиологическая модель как методологический критерий типологии социального субъекта / Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений 4 Российского философского конгресса (Москва, 24-28 мая 2005). Том 1. М.: «Современные тетради», 2005. С. 223-224.
6. Крайг Г., Бокум Д. Словарь по книге: Психология развития. 9-е изд., СПб.: Питер, 2005. 940 с.
7. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: НПО «Модэк», 1995.
8. Глоссарий психологических терминов / Под. ред. Н.В. Губина, М.: Наука, 1999. 512 с.
9. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губского и др. М.: ИНФРА-М, 2006. 574 с.
10. Душков Б.А., Королев А.В., Смирнов Б.А. Энциклопедический словарь: Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 462 с.
11. Бодрийар Ж. Система вещей. Пер. с фр.: С. Зенкина., М.: Рудомино, 1995. 172 с.
12. Кемеров В.Е. Философская энциклопедия. М.: Панпринт, 1998. 453 с.; Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта: От прошлого к будущему. Т. II. Социокультурный словарь / 2-е изд., перераб. и доп., Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 600 с.
13. Леонтьєва В.М. Онтологія культури: екзистенціально-антропологічні засади культуротворчості, Гілея: науковий вісник 2009 Вип. 27., Збірник наукових праць / Гол. ред. В.М. Вашкевич., К.: ВІР УАН, 2009. 420 с.
14. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога, 2-е изд. СПб.: Питер, 2006, 526 с.; Филиппов А.В., Ковалев С.В. Ситуация как элемент психологического тезауруса // Психологический журнал. Том 7. № 1. 1986. С. 76.
15. Итернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т.т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2000-2001. 2-е изд., испр. и дополн. М.: Мысль, 2010; Философский словарь, режим доступа: <http://www.philosophydic.ru/konstituirovanie>.
16. Власов В.Г. Иллюстрированный художественный словарь. СПб.: Икар, 1993. 272 с.
17. Власов В.Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: В 10 т., Спб.: Азбука-классика, 2004-2009.; Философский словарь, режим доступа: <http://www.philosophydic.ru/tvorenie>; Хайдеггер М. Вопрос о технике/ Время и бытие. М., «Республика», 1993. Стр. 234. А так же: Хайдеггер М. Поворот / Там же, С. 255.
18. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003. 1578 с.
19. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. М.: Русский язык, 2000. 1233 с.
20. Павлова О.В. «Социологическая» и «лингвистическая» интерпретация понятия «фрейминг» // Альманах современной науки и образования, Тамбов: Грамота. 2010. № 7 (38). С. 190-192.
21. Тесля С.Н., Исаченко А.Ю., Шуванов И.Б. Структура психологической модели субъектности социального субъекта / Психология опасности и безопасности. В 2-х книгах. Кн.2. Психологические модели субъектности и безопасности социального субъекта и этноса. Сочи, 2012. С. 8-64.

22. Палкевич О. Я. Концептуализация и категоризация в аспекте аналитико-синтетической деятельности человека // Концепт и культура: материалы II Международной научной конференции. Прокопьевск, 2006. С. 976-984.
23. Scheufele Dietram A. Framing as a theory of media effects // Journal of communication. 1999. Winter. P. 103-122.
24. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1981. № 2. С. 15-29.
25. Тесля С.Н., Беляев А.А. Проблема верификации психологической модели субъектности социального субъекта // Дружининские чтения. Сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции 23-25 мая 2013 г., СГУ, г. Сочи. С. 27-30.
26. Мелас В.Б. Переживание и событие. Философские очерки. СПб.: Изд-во ВВМ, 2009. 237 с.

UDC 159.9.01

The “Content” Parameter within the Psychological Model of Subjectivity: the Problems of Diagnosing the State of the Psychological Model of Subjectivity within a Social Subject

¹ Svetlana N. Teslya

² Aleksei A. Belyaev

¹ Sochi State University, Russian Federation

354000 Sovetskaya street, 26 a

Doctor of philosophical sciences, Professor

E-mail: wayness@yandex.ru

² Sochi State University, Russian Federation

354000 Sovetskaya street, 26 a

Post-graduate student

E-mail: albelexus@mail.ru

Abstract. The article uses a subjective approach to examine the structure of the Psychological model of the subjectivity of a social subject as a system of subjective codes. The article analyses where “content” – an important parameter within the subjectivity of a social subject – fits in the present model. The article describes the logic of empirical verification of the state of the psychological model of subjectivity by appealing to the framing of local variables of a function of codes within the psychological model of subjectivity.

Keywords: subjectivity; psychological model of subjectivity; social subject; code; state; framing; local variables of a function of codes of subjectivity.

Модель субъектности как объяснительный императив психологической модели субъектности социального субъекта

Светлана Николаевна Тесля

Сочинский государственный университет», Российская Федерация
354000, ул. Советская, 26 а
доктор философских наук, профессор
E-mail: wayness@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается логика разрабатываемого подхода к верификации *психологической модели субъектности социального субъекта* (ПМСС), по отношению к которой определенное понимание структуры субъектности социального субъекта выступает в качестве «объяснительной модели». Акцентируется базовый по отношению к психологической модели субъектности контекст, представлена структурная модель субъектности социального субъекта, показана взаимообусловленность таких ее параметров как «субъект субъектности», «направленность», «форма», «содержание», «характер» и «субъективные переменные» субъектности. Выдвигается проблема анализа состояния Психологической модели субъектности социального субъекта как ключевая для понимания генеалогии ситуации «опасность» и ситуации «безопасность» социального субъекта.

Ключевые слова: субъектность; социальный субъект; объяснительная модель; психологическая модель субъектности социального субъекта; параметры субъектности.

Введение. Цель статьи – показать логику разрабатываемого подхода к верификации *психологической модели субъектности социального субъекта* (ПМСС), по отношению к которой определенное понимание структуры субъектности социального субъекта выступает в качестве «объяснительной модели». Основная задача - акцентировать базовый по отношению к психологической модели субъектности контекст, представить структурную модель субъектности социального субъекта.

Материалы и методы. Идея «Психологической модели субъектности социального субъекта» (ПМСС), ее концептуализация и теоретическое обоснование осуществлено на базе психологической лаборатории кафедры общей психологии и социальных коммуникаций Сочинского государственного университета (2006-2012), группой ученых под руководством С.Н. Тесля. Итогом семилетней теоретической работы, наряду с грантами регионального значения, публикациями и докладами на теоретических и научно-практических конференциях, явилась коллективная монография, вышедшая в двух книгах, содержащих как полное изложение методологии и парадигмы исследования, категориальный каркас концепции, так и ряд текстов прикладного значения, призванных валидизировать теоретическую схему в различных практических диапазонах и преломлениях на конкретные социально-психологические проблемы, связанные, в частности, с психологией безопасности [1].

Обсуждение проблемы. Обратим внимание на понятие «объяснительная модель». Именно в качестве таковой берется сама субъектность социального субъекта, понимаемая как **вектор интегральной субъектности субъекта жизни**. Интегральная субъектность субъекта жизни, в этом смысле, есть сущностный, то есть «присущий субъекту жизни по существу» (В.В. Петухов), способ бытия.

В свое время, начиная с проблем безопасности человека, как нашего главного интереса, мы поняли, что проблематика безопасности – это «частный случай» в более широком контексте – контексте стратегически ориентированного **позиционирования человека в качестве субъекта жизни**. Предельно концентрированно суть данной позиции представлена как перевод «жизни» в «бытие» в «ритме становления».

В самом общем виде, «субъектность» понимается как ведущий способ существования субъекта жизни и субъектом жизни. Согласно принятому определению: **Интегральная субъектность субъекта жизни есть порождение идеального (бытия себя), преображающего реальное (жизнь себя).**

Концепт «субъектность», т.о., выступил ключевым понятием, значение которого раскрыто в терминах «становления», в противовес, казалось бы, привычным и кажущимся естественными, трактовкам «субъектности» в терминах «ставшего» [2, 3, 4, 5].

В преломлении на эмпирическую линию исследований в психологии личности, категория «субъект жизни» показывает свой эвристический потенциал в контексте преодоления ограничений тестологической парадигмы в изучении «живых» психологических феноменов и в определении характера эмпирических методов, с помощью которых возможно адекватно диагностировать содержание и описывать субъективный опыт индивидуума в его целостности (чувства, мысли, действия). Другими словами, не игнорируя то, что познано на основе тестологической парадигмы, подключить к ней «системологическую парадигму» и, возможно, выработать новый парадигмальный синтез эмпирических методов, позволяющий, с одной стороны, опираться на «измерительные» процедуры и получать стандартизируемый результат (тест), а с другой стороны, использовать стандартизованный результат в качестве «материала», делающего возможным продолжение эмпирического исследования на уровне аналитики (проективный подход) конкретной жизненной ситуации уникального индивидуума, здесь-и-сейчас производимого им опыта бытия, в поле которого включен и психолог, осуществляющий эмпирическое исследование [6].

Обращение к голограммическому принципу (целое может сворачиваться в части) и к метафоре фрактала (часть может нести код, алгоритм целого) [7,8] показало, как могут быть связаны «субъект жизни» и «социальный субъект», субъектность субъекта жизни и субъектность социального субъекта. Приведем несколько определяющих «аксиом» относительно понимания ведущих понятий концепции. «Социальный субъект» интерпретируется:

- как исторически конкретная «форма» «субъекта жизни» (1);
- как структурно упорядоченное целое – «индивиду» - «индивидуальность» - «личность» (2);
- как конкретная цельность мотивационных, когнитивных и действенных составляющих внутреннего мира индивидуума, живущего по законам социума (3).

В свою очередь, «субъектность социального субъекта», как вектор интегральной субъектности субъекта жизни, есть активность особого рода, связанная со способностью субъекта преобразовывать, изменять среду (объект) в соответствие с рациональными целями субъекта.

Результаты. Отталкиваясь от такого понимания субъектности, мы получили модель самой субъектности, которая и является «объяснительной» по отношению и к Психологической модели субъектности (ПМСС), и к Психологической модели безопасности (ПМБ) социального субъекта, имеющей место внутри ПМСС [9].

Структурный подход позволил выделить в субъектности, как процессе, несколько «параметров», по которым можно судить о константах субъектности – глубинных, «ядерных», элементах, связанных с уровнем «общего» - способом существования социального субъекта в качестве «формы субъекта жизни». Именно эти параметры, на наш взгляд, являются «корнем» психологической модели субъектности и именно их производят и воспроизводят социальный субъект, рассматриваемый на уровне «особенного» и «единичного», - в своей личной ПМС.

Этими параметрами выступают: «субъект субъектности», «направленность», «форма», «содержание», «характер» и «субъективные переменные» субъектности.

Если представить субъектность через связь выделенных параметров геометрически или даже символически, то получим «гексаграмму», вершины которой обозначают параметры субъектности социального субъекта, тесно связанные друг с другом, и только «на рисунке» выглядящие вершинами «идеальной звезды» - идеальной субъектности (Рис. 1):

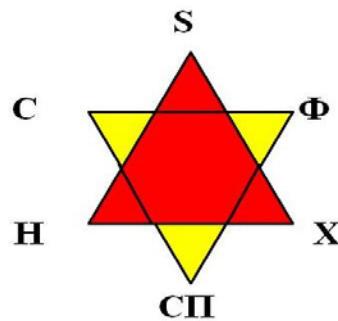

Рис. 1. Гексаграмма субъектности социального субъекта, вершины которой – параметры субъектности: S - Субъект субъектности; С – содержание; Ф – форма; Н – направленность; Х – характер; СП –субъективные переменные субъектности (мотивационные, когнитивные, действенные)

Гексаграмма позволяет представить субъектность как сложно связанную изнутри и снаружи структуру, качественно описывать типы связи элементов этой структуры, в зависимости от того, какой из «лучей» будет взят за «исходный». Но, в любом случае, какую линию связи мы бы ни взяли, она неизбежно приведет к любой другой «вершине луча», так что, получается единая, но качественно неоднородная, в плане «диапазона» и «энергетики» взаимовоздействия, коммуникативная модель.

Полученный символ субъектности социального субъекта представлен с целью: подчеркнуть взаимообусловленность параметров. Фактор взаимообусловленности параметров «заиграет» тогда, когда речь пойдет о прогностических перспективах диагностики всего одного параметра, свернутого в ПМСС, но, при этом, можно будет заключать и о психологических кодовых показателях всех остальных параметров субъектности.

Скажем, если мы правильно определим психологическую конкретику такого параметра субъектности как «содержание» (С), то можно будет «теоретически» достроить картину ПМС индивидуума некоей идеализированной схемой соответствий (по психологическим кодам, сворачивающим Ф, Х, Н, СП, S). Затем провести диагностику психологических индикаторов действительной формы выраженности у индивидуума «Содержания» субъектности, а, следовательно, и остальных параметров субъектности. И, на выходе, получить психологическую карту, с помощью которой можно судить о «конфигурации» его актуализированной личной субъектности. И может выясниться, что «за» распределением показателей ПМСС скрывается, например, такая конфигурация актуализированной субъектности данного индивидуума (Рис.2):

Рис. 2. Варианты конфигураций субъектности социального субъекта с различным весом «вершин-параметров»

И каждый из этих вариантов показывает, где и почему происходят «перекосы» в личной субъектности, и именно в этих точках переживание безопасности будет неуклонно падать, а чувство опасности – расти, что и приведет, рано или поздно, к «реализации опасного проекта» [10].

Другими словами, «заветной» целью эмпирической диагностики выступает сама субъектность, как процесс, в который включен индивидуум. Согласно нашим исходным теоретическим допущениям, *субъектность* не является чем-то «вторичным» или «первичным» по отношению к этому процессу (субъектности), но в каждом конкретном случае не только сопровождает этот процесс, но воспроизводит и регулирует его.

Заключение. Понятно, что, изначально, многое зависит от идеальной последовательности расположения параметров в гексаграмме субъектности, поскольку без

этого невозможно будет понять, в какие координаты умещаются «перекосы» субъектности в каждом конкретном случае. Тем не менее, сами эти «перекосы» вполне можно диагностировать через анализ **состояния** Психологической модели субъектности социального субъекта (ПМСС).

Примечания:

1. Психология опасности и безопасности. В 2-х книгах / Под общ.ред. Тесля С.Н., Шуванова И.Б. Кн.1. Феноменология и философско-психологическая концептуализация безопасности субъекта жизни. Сочи, РИЦ СГУ, 2012. 216 с.; Кн.2. Психологические модели субъектности и безопасности социального субъекта и этноса. Сочи, РИО СГУ, 2012. 306 с.
2. Личность и бытие: субъектный подход // материалы второй Всероссийской научно-практической конференции / под ред. З.И. Рябикой, В.В. Знакова, Краснодар, 20-21 ноября 2003 г. Книга 3. Краснодар, 2004, 314 с.
3. Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А.В. Брушлинского) Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (с иностранным участием), Краснодар, 25-26 октября 2013 г. М., Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 2013. 355 с.
4. Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикой. М.: Изд-во «институт психологии РАН», 2005. 384 с. (Труды Института психологии РАН).
5. Развитие субъекта образования: проблемы, подходы, методы исследования / под ред. Е.Д. Божович. М.: ПЕР СЭ, 2005. 400 с.
6. Дружинин В.Н. Структура и логика психологического исследования. М.: «Институт психологии РАН», 1994. 185 с.
7. Безручко Б.П., Короновский А.А., Трубецков Д.И., Храмов А.Е. Путь в синергетику: Экскурс в десяти лекциях / Предисл. С. Мирова, Г.Г. Малинецкого. М.: КомКнига, 2005. 304 с. (Синергетика: от прошлого к будущему).
8. Тесля С.Н. Метафора «фрактала» в анализе соотношения этноса и социального субъекта / Психология опасности и безопасности. В 2-х книгах /Под общ.ред. Тесля С.Н., Шуванова И.Б. Кн.1. Феноменология и философско-психологическая концептуализация безопасности субъекта жизни. Сочи, РИЦ СГУ, 2012. С. 143-165.
9. Тесля С.Н., Шуванов И.Б. Соотношение психологической модели субъектности и психологической модели безопасности социального субъекта / Психология опасности и безопасности. В 2-х книгах / Под общ.ред. Тесля С.Н., Шуванова И.Б. Кн.2. Психологические модели субъектности и безопасности социального субъекта и этноса. Сочи, РИО СГУ, 2012. С. 161-176.
10. Шуванов И.Б., Шаповалов В.И., Тесля С.Н. Теоретико-методологические вопросы психологии безопасности: учебное пособие. Сочи: СГУ, 2012. 164 с.

UDC 159.9.01

**The Subjectivity Model as an Explanatory Imperative
of the Psychological Model of the Subjectivity of a Social Subject**

Svetlana N. Teslya

Sochi State University, Russian Federation
354000, Sovetskaya St., 26 a
Doctor of philosophical sciences, Professor
E-mail: wayness@yandex.ru

Abstract. The article examines the logic of developing an approach to verify the *psychological model of the subjectivity of a social subject* with regards to which a certain understanding of the structure of the subjectivity of a social subject is formed in terms of the “explanatory model”. The article emphasises the base, in relation to the psychological model of subjectivity, context, presents the structural model of the subjectivity of a social subject and shows the interdependence of its various parameters such as “the subject of subjectivity”, “direction”, “form”, “content”, “character” and “the subjective variables” of subjectivity. The article puts forth the problem of analysing the *condition* of the psychological model of the subjectivity of a social subject as the key for understanding the genealogy of the “dangerous” situation and the “safe” situation for the social subject.

Keywords: subjectivity; social subject; explanatory model; the psychological model of the subjectivity of a social subject; subjectivity parameters.

Эффективность методов профайлинга в аспекте безопасной оценки достоверности информации в опросах с использованием полиграфа (ОИП)

¹ София Юрьевна Тихонова
² Юлия Эдуардовна Макаревская

¹ Сочинский государственный университет, Российская Федерация

354000, ул. Советская, 26 а

Аспирант

E-mail: sofija_star@mail.ru

² Сочинский государственный университет, Российская Федерация

354000, ул. Советская, 26 а

Кандидат психологических наук, доцент

E-mail: yuliya-sochi@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема оценки достоверности информации в опросах с использованием полиграфа (ОИП). Проанализированы характерные особенности метода профайлинга и представлены результаты исследования, посвященного попытке внедрения этого метода в опросы на полиграфе. Выявлена и обоснована целесообразность совместного использования методов профайлинга и ОИП в процессе верификации воспринимаемой информации. На основе проведенного исследования авторами предлагается алгоритм проведения опроса на полиграфе с внедрением в него некоторых элементов профайлинга. Авторам удалось выделить определенные характеристики личности самого полиграфолога, которые также могли бы стать одним из факторов повышения эффективности оценки достоверности воспринимаемой информации.

Ключевые слова: достоверность информации; опрос с использованием полиграфа; полиграфолог; профайлинг; восприятие информации; ведущий тип восприятия.

Введение. Опросы с использованием полиграфа сегодня не редкость в правоохранительной практике и в структурах обеспечения безопасности как общества, государства в целом, так и конкретной организации или человека в частности. Сегодня это один из самых надежных способов определения достоверности получаемой информации [1, 2, 3, 4].

Работа полиграфолога требует специальной подготовки. Перечень необходимых знаний и навыков, однако, не сформирован с необходимой точностью. При этом оценка достоверности информации по результатам опроса целиком и полностью возлагается на специалиста-полиграфолога. Ошибки быть не должно, так как цена ее в ряде случаев может быть слишком велика. Полиграф выдает конкретные значения, отражающие психофизиологические реакции опрашиваемого на предъявляемые стимулы, но не дает ответа относительно правдивости его слов и сопутствующих физиологических реакциях. Лишь компетентность и умение полиграфолога способны интерпретировать эти результаты и говорить об истинности и ложности сообщений [5]. В то время как «недостаточно квалифицированные специалисты, неэтичные следователи... могут за полчаса причинить такой ущерб, который зачеркнет годы прогресса и профессионализма в сфере детектора лжи» [6], психологические характеристики профессионала-полиграфолога, имеющие существенное значение для эффективной оценки им достоверности воспринимаемой информации не изучены сегодня в полной мере. И это был один из аспектов данного исследования, не претендующий на охват всех проблем, касающихся этого вопроса.

Кроме того, на наш взгляд, привлечение на этапе написания заключения по результатам ОИП дополнительных доказательственных материалов (кроме показаний полиграфа), может существенно повысить надежность оценки достоверности информации и сделать процедуру ОИП для полиграфолога более безопасной. О комплексном подходе в диагностике лжи говорят современные исследователи [7].

Можно ли совместить опрос с использованием полиграфа и профайлинг? Это одна из задач исследования представленного в статье.

Актуальность привлечения профайлинга (от английского «profile» — профиль) в число современных методов обеспечения безопасности обусловлена рядом факторов. Так, например, в связи с обострением криминогенной обстановки, активностью терроризма [8, 10], создающего одну из самых острых проблем современности и других противоправных действий, особую значимость приобретает проблема создания комплекса превентивных действий с максимальной эффективностью, в число которых и включена разработка технологий профайлинга [10, 11, 12, 13].

В этом контексте наиболее подходящим можно считать определение профайлинга как «технологии предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций с использованием методов прикладной психологии, а в более узком значении слова — как системы установления *вероятностной* причастности определенного субъекта к планируемому противоправному действию» [13].

То есть профайлинг — метод прикладной, основной целью которого стало «выявление потенциально опасных лиц, а его основой — визуальная диагностика психоэмоционального состояния человека (наблюдение и специальный опрос, фиксация психологических поведенческих реакций при ответах — невербальных и вербальных)» [14, с. 21].

Материалы и методы. На наш взгляд взаимодополнение опроса с использованием полиграфа и метода профайлинга при оценке достоверности информации вполне возможно. Определение эффективности такого взаимодополнения — основная цель данной работы.

Алгоритм исследования по заявленной теме, описан в статье «Методические рекомендации по исследованию эффективности методов профайлинга в опросах с использованием полиграфа» [15] и включал в себя две серии и два основных действующих лица: полиграфолога и ассистента. Первая серия состояла из двух частей: экспериментальной, включающей элементы моделирования (под условным названием «Кража драгоценностей» (п.1), и основной части — непосредственно ОИП (п.2-5).

Порядок выполнения работы:

1. Ассистент полиграфолога проводил эксперимент с участником, смоделировав и разыграв ситуацию «Кражи драгоценностей» (распределяя при этом роли виновного/невиновного) в одной из отдельных аудиторий.

2. Далее он проводил участника, уже принявшего на себя роль причастного или непричастного к криминальному событию в аудиторию, где его ожидал полиграфолог.

3. Ассистент оставлял испытуемого с полиграфологом, предварительно включив видеокамеру для фиксации материала, необходимого для следующего этапа исследования (каждый участник предварительно осведомлен о том, что ведётся видеонаблюдение).

4. Ассистент по выходу из аудитории, где проводится ОИП, заполнял «Карту наблюдения», составленную на основе «Сочетания экспрессивных признаков некоторых психических процессов» Пола Экмана [16, с. 129-131], включающую в себя 38 параметров, относящихся в одну из 3 групп: паралингвистические, мимические и экспрессивные движения.

5. После проведения ОИП полиграфолог заполнял такую же «Карту наблюдения» и делал заключение, основываясь на результатах, полученных в ходе ОИП.

Вторая серия исследования проводилась через 2-3 недели и включала следующие этапы:

1. Просмотр видеоматериалов о проведённом ОИП.

2. Повторное заполнение карты наблюдения по материалам просмотренного видео и написание на этом основании нового заключения на каждого опрашиваемого о достоверности передаваемой им информации.

3. Этап «сопоставление всех фактов» - перед полиграфологом открывались все три «Карты наблюдения» (одна карта — ассистента, две — его собственные) и оба заключения. Далее проводилось совместное обсуждение полиграфолога с ассистентом результатов использования элементов профайлинга, а именно наблюдения за отклонением от базовой линии поведения (БЛП) участников в ходе всего эксперимента (начиная с моделирования истории преступления и до конца ОИП), данные интерпретировались.

4. Полиграфолог составлял третье — окончательное заключение, основываясь на анализе всех полученных данных.

5. На завершающем этапе давалась оценка эффективности отдельных элементов метода профайлинга (невербальное поведение) при опросах с использованием полиграфа.

Таким образом, используя два метода (ОИП и профайлинг) проверки достоверности информации мы в итоге делали заключение о динамике её эффективности при их сочетании.

Исследование. Следуя вышеуказанному алгоритму, исследование проводилось в течение более чем двух лет (2011г.- первая пол. 2013 гг.) именно с целью дать оценку эффективности отдельных элементов метода профайлинга (невербальное поведение) при опросах и использованием полиграфа.

Результаты. В целом эффективность оценки достоверности информации повысилась на 33,2%. Кроме того, базируясь на данных предварительного этапа исследования по теме: «Влияние ведущей системы восприятия на успешность распознавания эмоций по мимике» [17], основные испытуемые-полиграфологи ($N=15$) были сгруппированы по признаку ведущей системы восприятия (которая, на наш взгляд, так же могла повлиять на эффективность проверки достоверности воспринимаемой ими в ОИП информации).

В итоге, было выявлено, что наибольшую эффективность оценки достоверности информации в ходе ОИП показали визуалы. Полиграфологи с данной ведущей системой восприятия продемонстрировали стабильность в процессе составления заключений.

Полиграфологи с кинестетической ВСВ показали наибольшую эффективность в процессе оценки достоверности информации посредством профайлинга, т.е. при составлении окончательного заключения, благодаря работе с картами наблюдения и анализу отклонений опрашиваемых от базовой линии поведения.

Полиграфологи-аудиалы отличились нестабильностью в составлении заключений. Аудиалы попали во все группы распределений по уровням эффективности оценки достоверности информации. Иными словами, они присутствуют и в выборке, эффективность которой повысилась, понизилась и осталась неизменной.

В терминах статистических гипотез полученный результат таков: на уровне значимости 0,01% мы фиксируем, что различия эффективности оценки достоверности информации в различных группах испытуемых-полиграфологов не случайны. Мы с уверенностью теперь можем сказать, что использование отдельных элементов метода профайлинга (контроль изменений БЛП) в проведении опроса с использованием полиграфа повышает эффективность оценивания получаемой информации и позволяет делать более точные и максимально верные заключения.

Так же мы смогли определить некоторые психологические характеристики профессионала-полиграфолога, имеющие существенное значение для эффективной оценки достоверности воспринимаемой информации: наибольшую эффективность продемонстрировали кинестетики и визуалы (в равной мере по завершению всех этапов исследования).

Заключение. Таким образом, по результатам нашего исследования можно считать обоснованной целесообразность использования отдельных элементов профайлинга (оценка отклонения от БЛП по неверbalным параметрам) для оценки достоверности информации при опросах с использованием полиграфа.

Полученные результаты могут найти применение не только в практике профайлеров и полиграфологов, но и в учебном процессе подготовки психологов, например, в рамках общепсихологического практикума.

Примечания:

1. Варламов В.А. Детектор лжи. «Советская Кубань», 1998. 368 с.
2. Варламов В. А. Детектор лжи. М.: «ПЕР СЭ», 2004. 352 с.
3. Варламов В.А., Варламов Г.В. Компьютерная детекция лжи. М.:Принт-Центр, 2010.
4. Журин С.И. Практика и теория использования детектора лжи // http://www.psych-expert.com/index/ot_chego_zavisi_kachestvo_oip/0-91 (дата обращения 20.10.13 г.).
5. Мякишева А.Е., Макаревская Ю.Э. Экспериментальные методы оценки ложности и правдивости верbalных и неверbalных сообщений // Дружининские чтения: сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции, 23-25 мая 2013 г., г. Сочи, Сочинский государственный университет [Электронный ресурс] с. 382-386 <http://moodle.mcnip.ru/course/view.php?id=119> (дата обращения 20.10.13 г.).
6. Варламов В. А. Детектор лжи. М.: «ПЕР СЭ», 2004. 352 с.
7. Соколова О.А. Диагностика лжи: методы определения и учета в раскрытии и расследовании преступлений // Дружининские чтения: сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции, 23-25 мая 2013 г., г. Сочи, Сочинский государственный университет [Электронный ресурс] С. 387-389 <http://moodle.mcnip.ru/course/view.php?id=119> (Дата обращения 20.10.13 г.).

8. Аминов И.И. Профайлинг. Технологии предотвращения противоправных действий: учебное пособие / И.И. Аминов, Ю.М. Волынский-Басманов, В.Ю. Волынский, М.Е. Каменева, Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ ДАНА: Закон и право, 2010.
9. Марын М.И., Касперович Ю.Г. Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности. М.: Изд. центр «Академия», 2007. 208 с.
10. Волынский-Басманов Ю.М., Тюфякова М.Е. Профайлинг и психологическое тестирование как актуальный способ предупреждения терактов // Изд-во Моск. ун-та МВД России. М., 2007, С. 110-112.
11. Курс развития социально-психологической компетентности сотрудников службы профайлинга: учебно-методическое пособие. М.: МОСА, 2009. 294 с.
12. Пирогова Л.К. Актуальность обучения сотрудников ОВД технологии профайлинга как превентивной меры обеспечения безопасности граждан, объектов и территорий // «Транспортное право», 2013, N 2.
13. Русович В.И., Сечко И.Л. Профайлинг и безопасность // «Актуальные проблемы социологии, политологии, философии, истории»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (20 мая 2013 г.) Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013.
14. Ольшанский Д.В. Психология терроризма, М., 2008. 365 с.
15. Тихонова С.Ю., Макаревская Ю.Э. Методические рекомендации по исследованию эффективности методов профайлинга в опросах с использованием полиграфа // Дружининские чтения: сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции, 23-25 мая 2013 г., г. Сочи, Сочинский государственный университет [Электронный ресурс] с. 390-392 <http://moodle.mcnip.ru/course/view.php?id=119> (дата обращения 20.10.13 г.).
16. Крылов А.А., Маничев С.А. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии, изд. 2-е. СПб: «ПИТЕР», 2000.
17. Шеханина К.В. Влияние ведущей системы восприятия на успешность распознавания эмоций по мимике // Дружининские чтения: сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции, 23-25 мая 2013 г., г. Сочи, Сочинский государственный университет [Электронный ресурс] С. 92-94 <http://moodle.mcnip.ru/course/view.php?id=119> (дата обращения 20.10.13 г.).

UDC 159.9.07

The Efficiency of Profiling Methods for Reliably Assessing the Accuracy of Information Given during Polygraph Questioning

¹ Sofija Yu. Tikhonova

² Yuliya Ed. Makarevskaya

¹ Sochi State University, Russian Federation

354000, Sovetskaya st., 26 a

Post-graduate student

E-mail: sofija_star@mail.ru

² Sochi State University, Russian Federation

354000, Sovetskaya st., 26 a

PhD (psychology), Assistant Professor

E-mail: yuliya-sochi@mail.ru

Abstract. The present article examines the issues of reliably assessing the accuracy of information given during polygraph questioning. The article analyses the characteristics of profiling and presents the results of research aimed at attempting to use this method during polygraph questioning. The article identifies and justifies the expediency of combining profiling methods with polygraph questioning in the process of verifying the perceived information. The authors use these findings to propose an algorithm of conducting polygraph questioning with the implementation of several elements of profiling. The authors were able to identify certain personality traits of the polygraph examiner themselves which could also become one of the factors that increase the effectiveness of assessing the accuracy of the perceived information.

Keywords: accuracy of information; polygraph questioning; polygraph examiner; profiling; perceived information; leading type of perception.

Осмысление отношения к смерти представителями религиозной и нерелигиозной молодёжи в ракурсе проблем психологической безопасности личности

¹ Галина Юрьевна Фоменко

² Юлия Игоревна Мошкович

¹ Кубанский государственный университет, Российская Федерация

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Доктор психологических наук, профессор

E-mail: fomgal27@mail.ru

² Кубанский государственный университет, Российская Федерация

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Магистрант

E-mail: moshkovich.yu@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются результаты исследования, в котором выявлена специфика осмыслиения своего отношения к смерти представителями различных религиозных конфессий и нерелигиозной молодёжи. Полученные данные рассмотрены через призму проблем психологической безопасности личности. Осуществлён сравнительный анализ соотношения ценностных и смысложизненных ориентаций с компонентами страха смерти и с ведущими психологическими защитными механизмами у религиозной и нерелигиозной молодёжи.

Ключевые слова: психологическая безопасность личности; экзистенциальные противоречия; страх смерти; жизненные ценности; смысложизненные ориентации; психологические защитные механизмы

Введение. В последнее время исследователями всё большее значение придаётся изучению внутренней основы психологической безопасности личности [7; 13; 14]. Исходя из этого, реализация потребности в безопасности понимается как сохранение психологической целостности индивида, наличие у него чувства удовлетворённости настоящим и уверенности в будущем, ощущения защищённости интересов и ценностей, включённости в окружающую действительность [7, с. 161]. Согласно субъектно-бытийному подходу, психологическая безопасность личности интерпретируется как возможность сохранить свою целостность и ощущение аутентичного бытия с помощью конструктивного разрешения системы разноуровневых противоречий, благодаря чему обеспечивается субъективно приемлемое качество жизни в любых обстоятельствах [13].

Проблема психологической безопасности личности, безусловно, связана с глубоко интимным осмыслиением ею вопроса своего отношения к смерти. Только разобравшись в своем отношении к смерти, как считают исследователи [2; 9; 11; 15; 16], человек способен правильно организовать собственную жизнь. Страх смерти часто рассматривается как, определенная жизненная ценность личности, без актуализации которой невозможно объяснить систему жизненных ценностей, построить индивидуальную жизненную стратегию и обрести смысл жизни (Р. Мэй, Д. Рейнхутер, И. Ялом, В. Франкл и Э. Беккер и др.) [2, 11].

Необходимо учитывать, что в данных конкретно-исторических условиях у человека подрывается чувство безопасности по новым и очень разнообразным основаниям, которые не были характерны для предыдущих периодов развития цивилизации. Выявляется ослабление всех разновидностей модусов иммортилизации (символического бессмертия) личности, выделенных Р.Лифтоном и Э.Ольсеном: биологического, творческого, теологического, натуралистического, чувственного [5, с. 117]. При обсуждении причин повреждённости теологического модуса поясняется, что надежды на посмертное существование обесцениваются, если они не сопровождаются гарантией земного выживания. Возможность катастрофы, нависшей над человечеством, нарушает тот заложенный в человеке глубинный слой «базисного доверия к миру» (Э.Эриксон), к которому апеллирует религиозная символика [5, с. 124].

Страх – самое мощное из чувств человека. При этом неоднократно отмечалось [4, с. 377], что сила страха смерти зависит от того, для чего человек жил. Больше всего человек боится смерти, когда его «Я» - центр Вселенной. Подобная логика рассуждений неизбежно актуализирует проблему ценностно-смыслового самоопределения личности в современном мире. Смысложизненные ценности неразрывно связаны с отношением к смерти в целостном конструкте личности, что позволяет уяснить специфику осмыслиения ею экзистенциального противоречия «жизнь-смерть». Но рассматривая отношения личности к чему-либо, а в особенности к жизни и смерти, необходимо помнить о том, что ценности и смыслы личности складываются через призму тех защитных психологических механизмов, которыми преимущественно она пользуется.

Предпринимаемое направление анализа в полной мере отвечает сути теорий и концепций, (К. Байер, И.С. Кон, Р. Мэй, Л. Шейнберг, В. Штекель, Э. Фромм, В. Франкла И. Ялома), которые показывают, что отношение и восприятие смерти является неотъемлемой частью личности, непосредственно связанной с ее ценностно-смысовой структурой и оказывающей влияние на мотивы и поведение личности. Понимание и осознавание своего отношения к смерти, дает возможность человеку более осмысленно выстраивать свою жизнь.

С другой стороны, как утверждал А.Бергсон, «религия есть защитная реакция против созданного умом представления о неизбежности смерти» [1]. Известно, что в сложных жизненных ситуациях, особенно тех, которые несут непосредственную угрозу жизни, даже неверующие люди обращаются к Богу. В современных исследованиях вопросы веры (например, в ситуациях плена) рассматриваются в категориях способов совладания с тяжёлыми жизненными условиями. Причём отмечается, что обращение к молитве, погружение в молитву наблюдалось, прежде всего, при обострении непосредственной витальной угрозы и способствовало снижению эмоционального напряжения, давало сильно верующим людям внутренний покой, веру в божью помощь и защиту. В подобных жизненных обстоятельствах, которые самим участниками воспринимаются как безысходные, отмечались случаи принятия веры, что значительно помогало преодолеть стресс в ситуации плена и справиться со страхом смерти.

Приверженность человека определенной религиозной конфессии (или его безверие), а также концепция мировоззрения, соответствующая ей, оказывают непосредственное влияние на отношение личности к смерти, в том числе страхов относительно нее. Данные различия необходимо выявлять и учитывать при психотерапевтической работе с различными слоями населения. Таким образом, целью работы было выявление особенностей осмыслиения отношения к смерти представителями различных религиозных конфессий и нерелигиозной молодёжи.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 80 респондентов. Четыре группы по 20 человек в каждой – православные, евангельские христиане, мусульмане, нерелигиозные, возрастом от 18 до 25 лет. В каждой из групп – 10 юношей и 10 девушек.

Методы эмпирического исследования избраны в соответствии с основной целью работы.

Объектом исследования явилась ценностно-смысловая сфера личности.

Предмет исследования: ценностные и смысловые ориентации по отношению к жизни и смерти лиц разных религиозных конфессий и их взаимосвязи.

В исследовании выдвинуты следующие гипотезы:

1. Ценностно-смысловое отношение к жизни и смерти различается у представителей религиозной и нерелигиозной молодёжи.

2. Соотношение ценностных и смысложизненных ориентаций с компонентами страха смерти, а также соотношение ведущих психологических защитных механизмов с ценностно-смысловым отношением к жизни и смерти различается у религиозной и нерелигиозной молодёжи.

В работе были использованы следующие методы:

1. Эмпирические методы:

Методика. «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева; методика «Ценностные ориентации» Ш. Шварца; опросник «Шкала тревожности по поводу смерти» Д. Темплера; опросник «Ведущие компоненты страха смерти» Д. Диггори и Д. Ротмана; методика «Диагностика типологий психологической защиты» Р.Плутчик (в адаптации Л.И.Вассермана, О.Ф.Ерышева, Е.Б.Клубовой и др.); авторская анкета, направленная на

выявление особенностей отношения к жизни и смерти молодежи, придерживающейся разных религиозных конфессий (Мошкович Ю).

2. Методы обработки данных: количественный (средние тенденции); статистический анализ (критерий различия Т-критерий Стьюдента) и корреляционный анализ (г-критерий Пирсона).

3. Метод интерпретации: количественный, качественный.

Обсуждение проблемы. В современном постиндустриальном обществе, в котором господствуют рыночные отношения, религия остается одним из немногих социальных институтов, выражающих гуманное отношение к человеку, дающих возможность сохранить нравственные устои, найти смысл жизни и личностную «точку опоры».

Многочисленные данные социологических исследований отмечают рост религиозности и вовлеченности населения России в начале XXI века в различные религиозные группы и в межконфессиональные отношения [8].

В психологическом плане религия способствует формированию у личности соответствующей системы ценностно-смысовых ориентаций, определяющих отношение личности к жизни, к миру в целом и регулирующих ее сознательное поведение. Ценностно-смысовые ориентации конкретной личности могут быть не столь системными, как это иногда постулируется психологической наукой, а представлять собой достаточно сложный синквир разнонаправленных тенденций, в той или иной степени приближающихся к структурной организации [6].

Ввиду того, что любая религия несет в себе определенное понимание места и роли человека в мире, можно полагать, что у личности с религиозным мировоззрением присутствует ясное понимание смысла собственной жизни, а общий уровень осмысленности жизни в целом высок. Также логично полагать, что ценностно-смысовые ориентации религиозной личности в большей степени структуры и иерархизированы, чем у человека, не придерживающегося какой-либо идеальной доктрины. По крайней мере, верующему легче вербализировать свой смысл жизни и религиозную ценностно-смысловую ориентацию, в которой субъективная значимость и смысл явлений действительности определяется причастностью к сверхъестественной реальности и соотнесенностью с Божественными целями и законами мироздания [6].

Существует немало работ, в которых определенные личностные характеристики связываются с конкретными вероисповеданиями.

Другим вариантом той же самой постановки вопроса - "религия прививает верующему систему ценностных ориентаций" - являются исследования, в которых предпринимаются попытки доказать, что религиозность способствует альтруистическому, просоциальному поведению [3].

Важнейшим каналом социокультурной детерминации религиозности является нравственность. В становлении религии решающим этапом является появление обязующего требования "ты должен" как "этического фактора". Религиозная вера, так или иначе, включает в себя "этос": наряду с чисто ритуальными, она приводит в движение этические регуляторы поведения. Религиозное влияние на поведение человека — это влияние, в решающей степени опосредованное этикой. Соединение взгляния на мир с вытекающим из него пониманием смысла и нравственных обязательств жизни человеческой дает возможность религии выполнять педагогическую функцию, удовлетворять психологические потребности людей, оказывать психотерапевтическое воздействие [3].

Влияние любой религии на личность в нормальных, обычных условиях жизни опосредовано многочисленными социальными влияниями. Религия всегда существует в конкретном социальном контексте, питаясь культурой и исторической традицией. К тому же религиозная личность немыслима вне определенных, достаточно тесных контактов с другими членами религиозной общины.

Получается, что приверженность определенной религии требует от человека соблюдения определенных норм поведения, и круг общения религиозного формируется исходя из религиозной приверженности, чем определяет подтверждение тех или иных ценностей. С другой стороны, от современного человека, в особенности современной молодежи требуется высокий уровень активности, что приводит к перекрестному взаимодействию с представителями других религиозных конфессий, в том числе и с нерелигиозными людьми. Это является одной из причин смешивания ценностных ориентаций в обществе.

Согласно взглядам современных исследователей по поводу взаимосвязи приверженности личности определенной религии и ее ценностной структуры (Е.Н. Кофанова, М. Мчедлова, А.М Двойнин, В.И. Гараджа и других), любая религия несет в себе определенное понимание места и роли человека в мире, а вследствие, этого оказывает влияние на формирование системы её ценностно-смысовых ориентаций. Соответственно, можно предположить, что у личности с религиозным мировоззрением будет присутствовать более ясное понимание смысла собственной жизни, и общий уровень осмысленности жизни в целом будет более высок.

Результаты. Исходя из результатов проведённого исследования, синтезированы характеристики ценностно-смысовых предпочтений в сочетании со специфической конфигурацией защитных механизмов личности в отношении проблем смерти у изученных нами представителей различных религиозных конфессий и нерелигиозной молодёжи.

Православная молодежь предстаёт как целеустремленная, придающая жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Для православных молодых людей важно воспринимать процесс жизни как интересный и эмоционально насыщенный. Они уважают традиции и обычай и стараются их соблюдать. Готовы помогать ближним, ценят проявление доброты, а также наличие стабильности в жизни. Озабочены когнитивно-аффективным аспектом смерти, обеспокоены течением времени и его бесповоротностью. Их не очень волнует, что будет с их телом после смерти.

Предотвратить выражение неприятных или неприемлемых для себя мыслей, чувств или поступков им проще путем преувеличенного развития противоположных стремлений. Неосознаваемые и неприемлемые для личности чувства и мысли локализуются вовне, приписываются другим людям и таким образом становятся как бы вторичными. А значимым лицам приписываются позитивные, социально одобряемые чувства, мысли или действия, которые способны возвысить.

Представители православной молодёжи задумываются о смерти, и эти мысли влияют на их жизнь: помогают структурировать сегодняшнюю жизнь, ценить ее, более осознанно принимать решения. Они стараются успеть как можно больше, в том числе, уделить достаточно количества времени – покаянию. Они надеются, что смогут после смерти получить ответы на интересующие их вопросы, смогут встретиться с умершими родственниками, встретиться с самим Богом и полагают, что будут жить вечно.

Что касается молодежи, придерживающейся *евангельского христианства*, они придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Им важно воспринимать процесс жизни как интересный и эмоционально насыщенный. Отличаются более выраженным консерватизмом и самотрансцендентностью. Для них важно проявлять и ощущать доброту к окружающим, прислушиваться к их мнению. Озабочены когнитивно-аффективным аспектом смерти, обеспокоены течением времени и его бесповоротностью. Их беспокоит то, что их смерть может причинить боль близким и друзьям, что они не смогут больше о них заботиться. Осознавая течение времени, они больше ценят доброту к окружающим и заботу, и меньше думают о чувственных наслаждениях жизни.

Баптистам проще предотвратить выражение неприятных или неприемлемых для себя мыслей, чувств или поступков путем преувеличенного развития противоположных стремлений. Информация, которая тревожит и может привести к конфликту, не воспринимается. Имеется в виду конфликт, возникающий при проявлении мотивов, противоречащих основным установкам личности, или информация, которая угрожает ее самосохранению, самоуважению или социальному престижу.

Евангельские христиане, также, задумываются о смерти, и эти мысли влияют на их жизнь. Эти мысли утешают, когда наступают тяжелые времена, отражаются на поведении. Жизнь представляется великим даром от Бога и подготовкой к жизни вечной. По ту сторону смерти они надеются встретиться с Богом, все понять и соединиться с ним в вечности. Они понимают, что действительно живут, когда находятся в общении с Богом, прибывают во Христе.

Самыми значимыми в формировании и придании жизни смысла у *мусульманской молодежи* является целеустремленность, а также возможность контролировать свою жизнь и убежденность в том, что они вольны в принятии собственных решений, которые могут и будут воплощать. Они ценят и уважают традиции, ориентированы на проявление доброты и заботы о близких. Устремлены к новизне и глубоким переживаниям, самостоятельности.

Мусульмане озабочены болью и стрессом, которыми может сопровождаться смерть или смертельная хроническая болезнь. Их беспокоит то, что их смерть может причинить боль близким и друзьям, что они не смогут больше о них заботиться. Чем сильнее они обеспокоены характером жизни после смерти, тем более они конформны, сильнее ценят безопасность, самостоятельны, открыты изменениям и самотрансцендентны.

Выражение неприятных или неприемлемых для себя мыслей, чувств или поступков им проще предотвратить путем преувеличения противоположных стремлений. Информация, которая тревожит и может привести к конфликту, не воспринимается.

Около 70% мусульман говорят о том, что не задумываются о том, что их время ограничено смертью. И даже промелькнувшие мысли о смерти не влияют на их жизнь. Жизнь для них – это, в первую очередь, счастье и кайф, непередаваемая радость. Смерть воспринимается ими довольно разрозненно. Они чувствуют, что по-настоящему живут они, когда их близкие рядом и с ними всё хорошо, когда есть люди, ради которых стоит жить. И надеются, что после смерти смогут испытать спокойствие и умиротворение.

Для *нерелигиозной молодежи* важнее убежденность в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Важно воспринимать процесс жизни как интересный и эмоционально насыщенный. Они ориентированы на новизну и глубокие переживания, они ценят свою самостоятельность, хотят получать от жизни удовольствие, в том числе чувственное, стремятся к достижениям. Мотивацией для них выступает не только собственное благополучие и новые ощущения, но и благополучие окружающих, отношения с близкими.

Озабочены когнитивно-аффективным аспектом смерти, переживают о том, что с ними будет по ту сторону смерти и как к этому относиться, что с их смертью придет конец всем их начинаниям.

Неприемлемые для личности импульсы: желания, мысли, чувства, вызывающие тревогу, довольно эффективно подавляются. Разрядка негативных эмоций может направляться на тех людей, которые представляют меньшую опасность или более доступны, чем те, что вызвали отрицательные эмоции и чувства. Для тех, кому в большей степени характерно вытеснение в качестве защитной реакции, свойственно проявление конформизма, приверженности традициям.

Больше половины *нерелигиозной молодежи* иногда задумывается о смерти, и эти мысли помогают еще больше ценить отведенное человеку время, организовывать свою жизнь, чтобы больше успеть и находить время, в том числе и для близких. Многие утверждают, что вместе с жизнью заканчивается все. Но, при этом, надеются, что после смерти смогут жить снова. Жизнь познается для них, через испытываемые чувства и приятные, яркие события и эмоции. По-настоящему живут, когда осознают каждую минуту, делают то, что хотят и соотносится с их собственным Я, когда понимают, что они действительно дышат и живут.

Заключение. Таким образом, мы видим, что конфессиональные различия в отношении к жизни и смерти имеют значительное совпадение взглядов православной и мусульманской молодежи. Более значительную разницу мы наблюдаем между религиозной и *нерелигиозной молодежью*. При этом выявляется разница и «внутри» атеистических убеждений, которые в одном случае являются именно осознанными убеждениями зрелой личности, либо приобретаются стихийно и в этом случае отличаются неустойчивостью и неосмысленностью. В психологическом отношении последняя позиция выявляет большую уязвимость страхом смерти, незрелость смысложизненных установок и отношения к собственной смерти.

На основе изложенного, можно сделать вывод, что проблематизация своего существования личностью через выделение и осмысление системы противоречий (в их конкретном преломлении к реальным жизненным условиям), в том числе, и экзистенциального противоречия – жизни/смерти, нахождение конструктивных способов их решения, может способствовать продуктивному самоопределению личностью, повышению качества её жизни (в его субъективном восприятии), тем самым создавая фундамент для психологической безопасности личности. Конфессиональная принадлежность существенным образом влияет на способы и содержание разрешения указанного экзистенциального противоречия, определяя специфическую конфигурацию ценностно-смыслового опосредования отношения личности к смерти, что необходимо учитывать в психотерапевтической и консультативной работе с различными группами населения.

Примечания:

1. Бергсон А. Два источника морали и религии. М., Канон, 1994.
2. Бьюдженталь Д. Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентом в гуманистической терапии. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
3. Гараджа В.И. Религиоведение М.: Пресс. 1995.
4. Грановская Р.М. Психология веры. СПб.: Издательство «Речь», 2004.
5. Гуревич П.С. Психология чрезвычайных ситуаций: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
6. Двойнин А.М. Смысложизненные ориентации религиозной личности // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2011. вып. 3 (22). С. 139–151.
7. Зеленова М.Е. Неосознаваемые психологические защитные механизмы и безопасность личности / Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 160-181.
8. Кофанова Е.Н., Мchedлова М.М. Религиозность россиян и европейцев // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 2 (96). С. 220-252.
9. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. Как давать и обретать душевное здоровье. М.: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2002.
10. Орлова Ю.В. Смысловые установки личности в понимании жизни и смерти: автореф. дис... канд. психол. наук : 19.00.01. СПб., 2007.
11. Паращенко О.С., Портнова А.Г. Отношение человека к смерти (религиозно-культурологический аспект). // Вестник Кемеровского государственного университета. 2005. № 2 (22). С. 142-147.
12. Стратегии преодоления стресса в трудных ситуациях (анализ случаев плена в Чечне) // Стress, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001. С. 154-166.
13. Фоменко Г.Ю. Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. 2010. № 1. С. 83–99.
14. Харламенкова Н.Е. Личностная безопасность и стратегии её достижения / Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 133-159.
15. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
16. Ялом И. Эзистенциальная психотерапия. М.: "Класс", 1999.

UDC 159.9

Interpreting the Relationship with Death in Religious and Non-religious Youth from the Perspective of the Psychological Safety of the Self

¹ Galina Yu. Fomenko
² Julia I. Moshkovich

¹ Kuban State University, Russian Federation
350040 Krasnodar, Stavropolskaya St. 149
PhD (psychology), Professor
E-mail: fomgal27@mail.ru

² Kuban State University, Russian Federation
350040 Krasnodar, Stavropolskaya St. 149
PhD student
E-mail: moshkovich.yu@gmail.com

Abstract. The article analyses the results of research that identified a specific character within the interpretation of one's own relationship to death in various religious confessions and non-religious youths. The findings were examined from the point of view of the problem of the psychological safety of self. The article conducts a comparative analysis of the relationship between values as well as life orientations and components of the fear of death and the leading psychological defensive mechanisms within religious and non-religious youth.

Keywords: psychological safety of the self; existential contradictions; the fear of death; values in life; life orientation; psychological defence mechanisms.

Исследование правосознания сотрудников ОВД как фактор безопасности личности в обществе и правоохранительной системе

Алексей Анатольевич Фролов

Краснодарский университет МВД России, Российская Федерация

350005, г. Краснодар ул. Ярославская, 128

E-mail: ajeduk@mail.ru

Аннотация. Безопасность личности является одной из основных составляющих национальной безопасности любого государства. В частности, данное направление находит непосредственное отражение в деятельности сотрудников органов внутренних дел. Очевидно, что безопасность личности в обществе связана с качеством исполнения должностных обязанностей сотрудниками силовых структур. Все указанные процессы формируются, преломляются и отражаются в личностном самосознании, а более детально реализуются в правосознании. Проведенное исследование посвящено изучению правосознания сотрудников ОВД и профессиональной деятельности с позиции совершенных респондентами нарушений дисциплины и законности. В результате работы выделены взаимосвязи между уровнями правосознания личности сотрудников правоохранительных органов и совершенными ими нарушениями дисциплины и законности.

Ключевые слова: безопасность личности; уровень правосознания; нарушения дисциплины и законности; взыскания; морально-нравственное воспитание.

Введение. Безопасность личности является основополагающей составляющей безопасности всего общества. М.Ю. Тихомиров трактует понятие «безопасность» как защищенность или состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [7]. При этом под интересами понимается, как правило, совокупность потребностей определенного субъекта безопасности - личности, общества, государства [5].

Безопасность личности в обществе достигается через реализацию государством охранительных функций посредством законодательной, исполнительной и судебной власти. Также безопасность претворяется в жизнь посредством осуществления единой государственной политики в этой области, мерами экономического, политического, организационного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важных интересов личности.

Для обеспечения необходимого уровня безопасности личности действуют и постоянно совершенствуются сферы законодательства, определяются основные направления деятельности органов государственной власти, правоохранительных органов и вооруженных сил, постоянно совершенствуется механизм надзора и контроля за их деятельностью. Вместе с тем основные функции обеспечения безопасности личности в обществе и государстве выполняют структурные подразделения министерства внутренних дел - органы внутренних дел, соединения внутренних войск, подразделения по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, федеральная миграционная служба и т.д. Таким образом, помимо собственных усилий и окружающих условий жизнедеятельности безопасность личности в обществе во многом обеспечивается посредством выполнения своих должностных обязанностей сотрудниками соответствующих силовых структур. Но каждый сотрудник правоохранительных органов по умолчанию является таким же гражданином этого общества и сам испытывает потребность в безопасности, которую государство пытается удовлетворить через предоставление и реализацию определенного перечня социальных и правовых гарантий. И, казалось бы, все просто – присутствует взаимосвязь, достигнутое состояние безопасности и царит гармония. Однако действительность оказывается далека от совершенства. И здесь оказывается влияние множества различных объективных причин, но на наш взгляд все причины начинаются с особенностей самой личности, с ее восприятия действительности, с ее отношения к происходящим событиям и последующего поведения. Все указанные процессы формируются, преломляются и отражаются в личностном самосознании, а более детально реализуются в правосознании.

Согласно определения, данного И.И. Аминовым, правосознание - это система знаний, оценок и представлений о правопорядке общества, а также установок правоисполнительного поведения [1]. По мнению И.А. Ильина, творческим источником права является внутренний

мир человека и только обращаясь к мотивам человеческого поведения можно определить как будет действовать в жизни право. Без субъекта законы остаются внешней силой, способной воздействовать только путем принуждения и репрессивных мер, причем, по мысли И.А. Ильина, закон своим специфическим образом должен преломиться в сознании и судьи, и исполнителя, и самого гражданина, которые должны принять его «в свое правосознание и включить приказы, запреты и позволения, содержащиеся в законе, в процесс мотивации своего поведения» [6]. Закон не всегда бывает совершенен и справедлив, однако пока он не отменен, то должен применяться и соблюдаться по римской формуле «суров закон, но он закон», поскольку это единственное средство для поддержания в стране правопорядка, не зависящего от произвола и случайностей [4].

Исследование, проводимое нами в период с 2011 года с использованием методики Д. Тапп и Л. Колберга [9], посвящено диагностике правосознания сотрудников органов внутренних дел. Теоретическим основанием диагностики развития правосознания является концепция морального развития Л. Колберга, изучавшего вслед за Ж. Пиаже опыт социального взаимодействия и выделившего шесть стадий морального развития, составляющих три уровня: 1-й - доконвенциональный (нормы - это нечто внешнее для человека и он им следует лишь под давлением авторитета или из-за страха наказания); 2-й - конвенциональный (конвенция - поддерживание норм, желание соответствовать стереотипам, принятым в обществе, стремление к отношениям доверия, уважения и лояльности); 3-й - постконвенциональный (которого, по словам Л. Колберга, достигает меньшинство взрослых и только после 20-ти лет; и лишь на высшей – 6-й стадии - следование закону и нормам определяется внутренним этическим законом – совестью) [3].

Таким образом, следование высшим этическим принципам – это самая совершенная, по Л. Колбергу, стадия развития морали. Только если закон противоречит принципам справедливости и равенства, человек имеет право действовать в согласии с принципами, а не с законом.

Конкретизация этих уровней и стадий применительно к правовому сознанию выглядит (по Д. Тапп) следующим образом. На первом уровне находятся те, кто утверждает: законы предупреждают преступность, обеспечивают физическую безопасность граждан, им следуют, подчиняясь авторитету власти или во избежание наказания. Ко второму относятся те, кто считает, что законы служат поддержанию общественного порядка, их нужно исполнять, чтобы избежать хаоса и анархии. Закон, даже если он несправедлив, необходимо выполнять вплоть до его отмены конституционным путем. Третий - это «уровень законотворчества». Те, кто достигает его, осознают различие между ценностями социального порядка и общечеловеческой этикой, между конкретными законами и принципами справедливости. Юридические законы выступают как выражение внутренних моральных принципов [10].

В нашем исследовании приняло участие 400 человек, из которых 245 – действующие сотрудники органов внутренних дел, 155 – слушатели и курсанты Краснодарского университета МВД России. Репрезентативность выборки обеспечена представленностью среди испытуемых, как мужчин, так и женщин, возрастной категории от 18 до 48 лет, общим стажем работы от полутора до 30 лет, а также различным профилем служебной деятельности действующих сотрудников (подразделения ППС, УР, ЛРР, ПДН, ИВС, УУП, ДПС, ООП, ОД) и специализацией обучения слушателей и курсантов университета (юриспруденция, правоохранительная деятельность, психология служебной деятельности). В ходе изучения правосознания испытуемых полученные ответы подвергались традиционному для данной методики анализу (т. е. определению уровня морально-правового развития – по Л. Колбергу и Д. Тапп), а также осуществлялся контент-анализ профессиональной деятельности с позиции совершенных респондентами нарушений дисциплины и законности.

Результаты оказались следующими:

- на первом уровне развития правосознания (самый низший) находится 32,4 % опрошенных сотрудников (130 человек);
 - на втором уровне (средний) находится 61,6 % испытуемых (246 человек);
 - на третьем уровне (самый высокий) – 6 % респондентов (24 человека).

Одним из объективных факторов определения уровня правосознания нами был выбран критерий нарушения сотрудниками дисциплины и законности.

Все допускаемые нарушения сотрудниками ОВД можно классифицировать на три категории. К первой относятся действия, связанные с нарушениями в процессуально-правовой

сфере деятельности (нарушение установленных сроков рассмотрения материалов, неправильное составление документов, превышение полномочий в сфере руководства и управления и т.п.). Ко второй относятся действия, связанные с индивидуально-личностными особенностями самого сотрудника (опоздание на службу, отсутствие на рабочем месте без уважительной причины, повышенная конфликтность, грубость и т.п.). К третьей относятся действия, которые не связаны с предыдущими и не относятся к прямому умыслу сотрудника, но подвергаются наказанию по принципу «непосредственного отношения» (руководители несут ответственность за подчиненных, недоработки предшественников отражаются на действующих сотрудниках и т.п.).

Виды взысканий, полученных сотрудниками также можно разделить на группы по степени значимости: 1 группа – отсутствие взысканий за период службы, 2 группа – наличие взыскания вида «выговор», 3 группа – наличие взыскания вида «строгий выговор» или два «выговора», 4 группа – наличие взыскания вида «неполное служебное соответствие» или три и более взыскания разного уровня.

Были получены следующие результаты:

- сотрудники, не имеющие взысканий (1 группа) составили 65,8 % от общего числа обследуемых;

- сотрудники, имеющие незначительные взыскания (2 группа) составили 24,2 %;

- сотрудники, имеющие серьезные взыскания (3 группа) составили 6,5%;

- сотрудники, имеющие взыскания максимальной тяжести (4 группа) составили 3,5 %.

Сопоставив полученные данные уровня правосознания и нарушений в сфере дисциплины и законности, мы получили:

- сотрудники, относящиеся к первому минимальному уровню развития правосознания, больше остальных получают взыскания, относящиеся к категории серьезные и максимальной тяжести;

- сотрудники, относящиеся к третьему высшему уровню развития правосознания, не получают взыскания категории максимальной тяжести, а также выделяется предрасположенность к отсутствию взысканий вообще;

- сотрудники, относящиеся ко второму среднему уровню развития правосознания, больше других получают взыскания, относящиеся к категории незначительной степени, но также получают взыскания, относящиеся к категории серьезной и максимальной тяжести.

Гендерное соотношение данных исследования показало, что сотрудники-мужчины имеют большую склонность к совершению противоправных действий, чем сотрудники-женщины.

Анализ возрастных особенностей респондентов подтвердил сформулированное выше утверждение Л. Колберга о достижении третьего высшего уровня правосознания лишь после 20 лет – все респонденты, отнесенные к третьему уровню, были старше 20 лет. Более того, респонденты из числа курсантов и слушателей университета достигали высшего уровня правосознания только на четвертом-пятом курсе. В остальном, четкая зависимость уровня правосознания от возраста не выявлена – на каждом уровне развития правосознания возрастная представленность респондентов варьировалась от 18 до 48 лет (3-й уровень – от 20 до 41 года). Также отсутствует зависимость между возрастом респондентов и склонностью к нарушениям дисциплины и законности.

Полученные данные указывают на зависимость правомерного и противоправного поведения от уровня развития правосознания личности, что подтвердились методами корреляционного анализа на основе применения пакета IBM® SPSS® Statistics 20 (Statistical Package for Social Science).

Вместе с тем, результаты исследования с позиции безопасности личности в обществе вызывают тревогу. Если рассматривать образ сотрудника правоохранительных органов таким, каким он есть в настоящее время, становится очевидным, что у большинства респондентов отмечается ярко выраженный конформизм. Однако, следя общепринятым правилам, сотрудники могут совершать противоправные действия под влиянием определенных ситуаций. Кроме того, значительная часть испытуемых выполняет свои обязанности с позиции вседозволенности, искажая предоставленное государством право в собственных интересах. И лишь единицы достигают уровня исполнения своих обязанностей по призванию, по внутреннему убеждению и морально-нравственному воспитанию. Как правило, сотрудники, находящиеся на этом уровне имеют определенные успехи в службе и социальном окружении и противоправные действия они не совершают не потому, что не имеют возможностей, а потому –

что не испытывают желания. Они вполне самодостаточны, для того чтобы добиться результатов деятельности без нарушений.

В таких условиях безопасность простого гражданина в обществе становится избирательной и ситуативной, а не постоянной и стабильной. Рассмотрение данной проблемы становится особо актуальным в период реформирования правоохранительной системы, когда безопасность личности в обществе озвучивается как основное приоритетное направление, которое в настоящее время является не до конца реализованным. И дело здесь не только в переименовании и увеличении материального обеспечения, а в планомерном и комплексном подходе формирования личности сотрудника правопорядка. Все это позволит реально повысить существующий уровень безопасности личности в обществе и будет способствовать достижению образа сотрудника правоохранительной системы, как источника правовой, морально-нравственной и физической безопасности.

Примечания:

1. Аминов И.И. Юридическая психология. Учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2012.
2. Большой психологический словарь / под редакцией Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко. 4-е издание, расширенное. М.: АСТ, Прайм-ЕвроЗнак, 2009.
3. Брушинский А.В., Воловикова М.И. Психология индивидуального и группового субъекта. М., 2002.
4. Воловикова М.И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете. // Психологический журнал, Том 25, №5, 2004.
5. Иващенко Г.В. О понятии «безопасность». 2005 // http://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?subaction=showfull&id=1108062853&archive=0215&start_from=&ucat=1& (Дата обращения: 10.09.2013 г.)
6. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993.
7. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия /Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1997.
8. Kohlberg L. Moral stages and moralisation // Moral development and behavior. Holt, Rinehart & Winston. N. Y., 1977.
9. Tapp J. L., Kohlberg L. Developing senses of law and legal justice // Law, justice and the individual in society. N. Y., 1977.
10. Tapp J. Legal socialisation across age, culture, and context: psychological and legal justice systems. N. Y., 1987.

UDC 159.923/159.9.07

Researching the Legal Awareness of District Department of Internal Affairs Staff as a Factor of Personal Security within Society and within the Law Enforcement System

Alexey A. Frolov

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
350005 Krasnodar, Yaroslavskaya St. 128
E-mail: ajeduk@mail.ru

Abstract. Personal security is one of the main components of the national security of any state. The present idea is directly reflected within the activities of law enforcement officers. It is clear that personal safety within society is linked with how well law enforcement officers execute their professional duties. All of the abovementioned processes form, are refracted in and reflected within personal self-awareness and are realised further within legal awareness. This research is dedicated to examining the legal awareness of District Department of Internal Affairs staff and their official duties from the point of view of the respondents who have committed disciplinary offences or violated the law. This study has identified a correlation between the level of legal awareness within a law enforcement officer and the disciplinary offences and violations of the law committed by them.

Keywords: personal safety; the level of legal awareness; disciplinary offences and legal violations; penalties; moral education.

Наркомания как особая форма девиации поведения основы социокультурного анализа

Наталья Викторовна Царахова

Адыгейский государственный университет, Российская Федерация

Соискатель

E-mail: strekmetova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется этиология девиации поведения как проблема социокультурного содержания. Автор рассматривают наркозависимость значительной части молодежи, как особую форму девиантного поведения, используя при этом данные научных исследований ряда известных представителей классической социологии. В работе в качестве основной теории девиантного поведения соискателем используется известная в социологической науке теория аномии.

Ключевые слова: девиация; делинквентность; наркозависимость; наркопотребление; социокультурный анализ.

Введение. Актуализация проблемы развития девиации в поведении подростков в современном российском социуме, объясняется довольно резким переходом от государственно-плановой экономики к рыночной, от социалистической демократии к либеральной, от моноидеологии к плюрализму, происшедшем на рубеже двух веков.

Бессспорно, все эти преобразования сводятся к одному - к формированию гражданского общества. Ряд политических деятелей, а так же представителей других слоев нашего общества утверждают, что у нас уже сформированы институты гражданского общества. Другая часть склоняется к тому, что может эти институты и сформированы, однако их «действенность» незрима. Однако, параллельно со строительством гражданского общества автономно происходят и иные процессы. Это, прежде всего, «растрачивание» и искоренение морально-нравственных ценностей, устоев культуры, а самое главное утрата адекватных ориентиров на будущее, и, тем самым, дезадаптации манипулируемой части общества в социуме.

Материалы и методы. Работа подготовлена на основе личных исследований автора, с использованием материалов представленных в исследованиях представителей классической социологии а так же ряда современных ученых. В качестве основного метода исследования автором использовался метод междисциплинарный анализ.

Обсуждение. Проблема девиации поведения, наркомании как особой формы девиации исследовалась такими учеными как Э. Дюркгейм, Р. Мerton, современными исследователями Я.И. Гилинским, Г.С. Денисовой, И.С. Коном, А.В. Маркиным, А.П. Михайловым, Н.М. Григорашенко-Алиевой и др.

Ведущей тенденцией в обществе становится эскалация неопределенности, отсутствие адекватных представлений о будущем, поиск моделей и вариантов сиюминутного удовлетворения потребностей. Такая ситуация может быть определена как ситуация риска. Ее источниками являются: противоречия модернизации в современном мире, глобализация и интернетизация, виртуализация экономики, ускорение развития всех сфер жизни (5, с. 15) «Сегодня в любом обществе люди постоянно находятся в состоянии риска. Хотя в благополучном, процветающем обществе могут доминировать одни риски, а в нестабильном, кризисном - другие, избавиться от нарастающих угроз не удается никому» (6, с. 6).

Вероятнее всего, правильным следует признать мнение о том, что российский социум находится на этапе зачатия и развития гражданского общества, основой которого является мыслящий, интеллектуально и экономически независимый индивид.

Однако субъекты данного процесса, с имеющимся багажом средств и методов формирования «будущего» общества практически находятся за «завесой». Молодежь – молодое поколение, которое способно создавать новые знания, устои и активно притворять и применять их в жизни, это есть те активные субъекты «будущего». Полное определение молодежи дает И.С. Кон: «Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на

основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанные с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации»(4, с. 478).

Анализ наиболее значимых и актуальных проблем современного российского общества, оказывающих принципиальное влияние на уровень стабильности его функционирования, позволяет утверждать, что большинство из них попадает в сферу интегрированных междисциплинарных исследований. Одной из важных проблем этой сферы является тенденция криминализации молодежной среды и расширение в ней делинквентных практик. Данная проблема, безусловно, требует от российского социума комплексного культурно-правового подхода к построению институциональной модели профилактики молодежной девиации и делинквентности.

В социологической науке явление отклонения личности от установленного порядка, норм поведения называют девиантным (отклоняющимся) поведением. Однако, криминология справедливо изучает девиацию не как патологию конкретного индивида, а как всего общества, его социальных взаимосвязей, структуры.

В классической социологии данное явление получило название «аномия» («крушение норм», «безнормность»), характеризующие состояние общества, его социальных структур. Именно с этой точки зрения рассматривали проблему представители классической социологии Эмиль Дюркгейм и Роберт Мerton. Так, французский философ и социолог Э. Дюркгейм в своей работе «Элементарные формы религиозной жизни» рассматривает аномию как расплывчатое состояние нормативно-ценостной системы, отсутствие четкой общепринятой и общеобязательной трактовки социальных регуляторов (5, с.610).

Р. Мerton, анализировавший другую эпоху и другую социально-историческую систему – Соединенных Штатов Америки середины XX в., так же обращает внимание на социальные болезни общества, которые заложены в функционировании самого ценностно-нормативного механизма социальной регуляции. «Ценность – норма – социальный контроль» - это сложный, противоречивый механизм, который не может не давать сбои, в результате которых возникает девиантное поведение индивидов, социальных групп (5, с. 256).

Значительный объем исследований девиации личности проведен на научном поле юриспруденции. Так, российский юрист Я.И. Гилинский характеризует девиацию личности следующим образом:

- 1) поступок, действие человека, не соответствующее официально установленным или фактически сложившимся в обществе нормам (стандартам, шаблонам);
- 2) социальное явление, выраженное в массовых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (стандартам, шаблонам) (2, с. 134).

Другой современный исследователь Н.Е. Покровский, характеризуя многообразие спектра социальных девиаций в обществе, отмечает: «Аномия заявляет о себе присутствием, прежде всего, разнообразного и постоянно расширяющегося спектра социальных девиаций. К числу легко наблюдаемых и определяемых «индикаторов» аномии можно отнести рост преступности, социальный хаос, «смятение душ», неясность жизненных целей.

Рассматривая сегодняшнюю криминогенную ситуацию, следует, к примеру, согласиться с мнением Артюхова А.В., который в своей работе «Криминальные практики России сквозь призму культуры» справедливо определяет настоящее явление как социальную реальность, понимаемую как сплетение мотивов, устремлений, общепризнанных норм, регулирующих поведении (1, с. 34). В этом контексте рост количества правонарушений следует рассматривать как социальный процесс, который имеет определение «криминализация общества».

Современные исследователи социально – правовой проблематики справедливо отмечают, что наиболее рискованной категорией является молодежь. Так, Струрова М.П. отмечает: «Политический, экономический, духовно-нравственный и другие кризисы в России, которые сопровождаются ростом безработицы, алкоголизма, наркомании, распадом

семейных отношений, утратой позитивных институтов социального воспитания, в первую очередь отражаются на подростковом (12-15 лет) и юношеском (16-17 лет) возрасте в силу особенностей их биологического, психологического и педагогического развития. Для несовершеннолетних являются характерными такие преступления, как кражи, грабежи, разбой, изнасилования, убийства, телесные повреждения, вымогательства, угоны автотранспорта, употребление наркотиков (8, с. 418).

В свою очередь, девальвация ценностей транзитивного общества, совокупность знаний о социальной реальности, в контексте существующего широкого распространения и полноты вариативности форм коррупционных проявлений, усвоенная подростком, отсутствие эффективной системы социализации несовершеннолетних редуцируют в их сознании значения общепринятой нормативно-ценостной сферы, формируют деструктивный выбор поведенческих норм. Дублирование подходов свойственных и легитимных для общности, где несовершеннолетний проходит социализацию, придаёт криминализированным нормам характер практического императива (9, с. 8).

В тоже время, данные статистики, характеризующие состояние преступности сегодня, свидетельствуют, что принципиальных качественных сдвигов в деятельности по противодействию криминализации сознания подрастающего поколения не наблюдается. По-прежнему, в государстве отсутствует единственная система правовой пропаганды, единой методики формирования правокультурных стереотипов поведения. Это, бесспорно, провоцирует рост молодежной преступности и маргинальных проявлений в ее среде.

Наиболее опасной формой девиации поведения является наркозависимость молодежи. Опасность вызывает не только трагичность последствий наркопотребления, но и постепенное легитимирование в молодежной субкультуре увлечения наркотическими веществами. Как известно, наркомания – это заболевание, которое выражается в физической или психологической зависимости от наркотиков, непреодолимом влечении к ним, что постепенно приводит организм к физическому и психологическому истощению. На почве наркомании совершаются преступления, так как в состоянии «ломки» наркоман способен на любое противоправное действие. Приобретение наркотиков становится фоном для совершения ряда преступлений против личности: воровство, грабеж, разбой и т.д. Наркомания отрицательно влияет на потомство. Дети рождаются с серьезными физическими и психологическими отклонениями, что в свою очередь ведет к распаду семьи. Наркоман деградирует как личность, а так как рабская зависимость от наркотиков во многом, как известно, заставляет его совершать аморальные поступки.

Одной из психологических субъективных причин наркомании является неудовлетворенность жизнью в связи с самыми различными обстоятельствами: личными трудностями, недостатками социально-культурной сферы, неустроенный досуг, социальная несправедливость, неустроенность быта, неудачами в учебе или на работе, разочарование в людях.

Значительное место в этнологии причин наркомании занимает личность наркомана. Имеются в виду демографические, возрастные и социально-медицинские аспекты.

Заключение. Процессы предупреждения наркомании в современном российском обществе не могут признаваться эффективными в силу двух основных причин. Это, на наш взгляд, во-первых, социокультурный кризис процессов социализации, а во-вторых, дезорганизацией общественных связей и механизмов воспроизведения социальных отношений, в том числе и правокультурных.

Примечания:

1. Артюхов А.В. Криминальные практики России сквозь призму культуры: Изд-во РГПУ, Ростов-на-Дону, 2004. С. 113.
2. Гилинский Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 1991. №4. С. 74.
3. Durkheim E. Les formes elementaires de la vie religieuse. P., 1912. P. 610-611.
4. Общая социология: Учебное пособие / под общ. ред. проф. А.Г. Эфендиева. М.: ИНФРА М, 2002. С. 211.
5. Кон И.С. Молодежь // Большая советская энциклопедия. 3-е издание. Т. 16. С. 478.
6. Смирнов В.А. Социальные проблемы молодежи Российской провинции // Вестник Московского университета. Серия 18 Социология и политология. 2008. № 2. С. 15.

7. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежь в обществе риска. М., 2003. С. 6.
8. Юридическая педагогика. Под ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ ДАНА, Закон и право, 2004. С. 603.
9. Аверьянов М.В., Михайлов А.П. Детерминанты девиантных моделей поведения молодежи в условиях транзитивного общества. Социальные проблемы в модернизирующемся обществе. Сборник научных статей. Изд-во АГУ, Майкоп, 2011. С. 8.

UDC 15

Drug Addiction as a Certain Type of Behavioural Deviation: Basics of Socio-cultural Analysis

Natalia V. Tsarahova

Adyge State University, Maikop, Russian Federation
PhD student
E-mail: strekmetova@mail.ru

Abstract. The article analyses the aetiology of behavioural deviation as a problem of a socio-cultural nature. The author examines drug addiction within a significant part of youth as a special type of deviant behaviour, while using information from various studies done by a host of famous representatives of classical sociology. The work uses the anomie theory – renowned in sociology – as the basis for proving the theory of deviant behaviour.

Keywords: deviation; delinquency; drug addiction; drug use; socio-cultural analysis.

Модусы преодолевающей активности личности в контексте субъектно-бытийного подхода

Виктория В. Шиповская

Кубанский государственный университет, Российская Федерация

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Кандидат психологических наук, докторант

E-mail: victship@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются модусы преодоления с позиций субъектно-бытийного подхода, обосновывается применение конструкта преодолевающей активности для выявления специфики субъектной активности личности в повседневных условиях. Предлагается на основе авторской эволюционной модели преодолевающей активности и вне бинарной логики анализировать стадии преодоления как ступени духовного восхождения к целостной внутренней форме, а также трансформацию человека в процессе переходов от одного уровня субъектной активности к другому (внутренние «спуски и подъемы»).

Ключевые слова: повседневность; инновационность; модель преодолевающей активности; модусы преодоления; восхождение; внутренняя форма.

Введение. Многогранность, сложность и неопределенность современной реальности, по-новому, проблематизируют повседневную жизнь человека. В прежних социокультурных условиях он мог предусмотреть ход развития событий, учитывать свой вклад в решение проблем, следя определенному паттерну поведения. В усложненной реальности фундаментальной характеристикой социального окружения человека становится *изменение* [1, с.5], принцип неопределенности выходит на первый план, и появляются проблемы, которые невозможно решить привычными способами, для их понимания и разрешения требуются более изощренные способы, новые поведенческие практики, они требуют *изменения самого человека*. Для того, чтобы практиковать повышенную сложность в повседневной жизни и обеспечить полноценное аутентичное бытие, а не просто выживание и адаптированность (аналогичную прозябанию и конформизму), человек должен выработать открытую инновационную систему координат повседневных стратегий. Но большинство людей склонны «плыть по течению», считает Х. Ортега-и-Гассет. Отсутствие сопротивления внешним влияниям приводит к деформациям в человеческой природе, которые обусловливают *извергенные способы существования – тип наследника, избалованного ребенка и человека-массы* [13]. Неосмысленность и отстраненность от предназначения приводят к неаутентичности бытия, конформизму, беспомощности [19].

Материалы и методы. По мнению Б.Ф. Ломова, прогресс психологического знания предполагает как развитие внутренних связей между самими психологическими дисциплинами, так и развитие междисциплинарных связей [9, с. 24]. Сегодня этот «полифонический принцип» – сетевое переплетение исследований и полипарадигмальность, реализуется в психологии. Положения синергетики, первоначально оформленные в философии и естественных науках, обусловили возможность «парадигмального сдвига» к постнеклассической парадигме в психологии [5], введению нестабильности в качестве единицы анализа [1], «множественности контекстов и взаимосогласованности научных теорий» [16], выведению теоретических построений «за пределы бинарных шкал», переопределению объекта и предмета психологии [7; 8]. Синергетический подход позволил трактовать личность как открытую саморазвивающуюся систему, находящуюся в непрерывном становлении [7; 17]. На базисе психологии субъекта сформировались научные направления, в том числе, субъектно-бытийный подход, в контексте которого способность человека инициировать свою активность, определяя и расширяя свои бытийные пространства, признается важнейшим свойством субъекта [15; 16; 18]. Субъектно-бытийный подход открывает перспективы расширения смыслов психологических категорий, новой интерпретации феноменов бытия, по отношению к которым

она выступает субъектом, создавая возможность изучения определяющее человеком своего замысла, [15; 16], позволяя выразить многокачественность и целостность развития человека и конструктивно решать проблемы качественно нового уровня сложности [18].

Обсуждение. По мнению З.И. Рябикой, личность может быть понята, только если в поле анализируемых проблем включены «пространства ее реализаций» или «бытийные пространства», так как личность не замкнута во внутреннем, не ограничена психическим, а включает в себя внешние по отношению к психике объективные пространства явлений, реорганизуемых ею, в соответствие со структурой ее смыслов» [15, с.430]. Отталкиваясь от данного понимания личности и концепции личности как субъекта бытия в экстремальных условиях [18], мы вышли к конструкту субъектной активности, который позволяет изучать *конструкт преодоления*. Рассматривая феномен преодоления в онтологическом аспекте как конструкт, встраивающийся в предметную область «личность и ее бытие», мы опираемся на методологическое положение С.Л. Рубинштейна о человеке как *субъекте преобразований и самоосуществления*, способного к преобразованию действительности («сопротивляющейся» действиям человека) и конструированию своей сущности в процессе взаимодействия с жизнью, людьми, обществом и самой жизнью, как адекватной этой сущности [14]. На основании принципа субъектности, преодоление как специфический способ субъектной активности личности рассматривается как интегративный и многоуровневый феномен, содержание которого включает все уровни личностной бытийности (смысловое пространство, мотивационно-потребностная сфера, образ мира и внутренний образ, линия поведения). Конструкт преодоления представляет собой сложную иерархически организованную открытую систему, уровни которой включают в себя хорошо изученные понятийные конструкты – адаптацию, защитные механизмы, саморегуляцию, самодетерминацию, автономность [18], жизнестойкость [21] и др. Конструкт преодоления органично встраивается в категориальную сетку субъектно-бытийного подхода, позволяя изучать виды специфического конструирования реальности бытия, а также изменения личности в процессе преодоления. Поскольку преодоление выступает механизмом, запускающим процесс субъектной активности, то конструкт позволяет раскрывать специфику субъектной активности личности в онтологическом плане, прежде всего, как субъекта инновационной деятельности, склонного к творческому и синтетическому конструированию всех бытийных пространств, без жесткого разграничения внутреннего и внешнего бытийных пространств.

Вместе с тем, конструкт позволяет по-новому раскрыть аспекты дегуманизации, причины таких проявлений человеческой природы как злоупотребления, пытки, соблазн, предательство, трансформацию человека (см. Стэнфордский «тюремный эксперимент [6]»), когда «даже лучший представитель рода человеческого, поставленный в плохие социальные и институциональные условия, не гарантирован от дурных поступков» [12, с. 226]. Уже сделаны попытки объяснить деструктивность, исходя из построения личностных уровней. Согласно структурно-эволюционной модели протестной личности, деструктивные личностные тенденции указывают на актуализацию субличностного уровня «Эндо Я», отвечающего за удовлетворение первичных социальных потребностей и получение выгоды, а также уровень «Я», часто неправляющееся с ролью регулятора, когда оно перегружено проблемами внутренних конфликтов и ограничений внешних пространств [4]. В этом случае происходит искажение субъектности, формирование ложной субъектности [3]. Такие феномены, как мужество, стойкость (перед пытками, соблазном), героизм, самопожертвование, которые наблюдались и раньше, но оставались без должной интерпретации, благодаря конструкту преодоления могут получить расширенное толкование не только в контексте «границных» обстоятельств, но и в ракурсе повседневности. В то же время, наблюдается отмеченная З.И. Рябикой проблема инерции категориального аппарата, связанная с тем, что взаимодействие человека с миром все еще интерпретируется преимущественно в контексте «адаптивной парадигмы». Конструкт «преодоление», обнаружив семантическую близость с совладанием, продолжает синонимизироваться с конструктом «копинг-стратегии». И хотя сегодня все острее ставится вопрос о преобразующей, инновационной деятельности человека [8], обладающей процессуальностью, проявляющейся и в саморегуляции, и в саморазвитии [17], исследователи не стремятся выйти из «адаптивного понятийного круга», продолжая акцентировать свое внимание на зрелых и незрелых защитных механизмах, адаптации, продуктивных и непродуктивных копинг-стратегиях. Конструкт «совладание», обладающий статичностью, ориентированный на настоящее, вряд ли сможет объяснить все противоречия

личности в усложняющихся условиях бытия, тем более, ненормативную, сверхнормативную природу человека; он также не сможет включить в себя и неадаптивную «творческость» и инновационность. А. Маслоу видел большую скрытую опасность в возрождении в новой и более изощренной форме привычке отождествлять психическое здоровье со способностью приспособливаться, призывая «подниматься над окружением, быть независимым от него, противостоять ему, сражаться с ним, пренебрегать им, отвергать его или передельвать его» [11, с. 221-222]. К.Г. Юнг категоричен в оценках адаптации и нормальности, считая эти понятия ограниченными: «Нормальный человек» идеальная цель для неудачников, – для всех тех, кто находится ниже общего уровня приспособленности. Однако для людей, которые способны на большее, чем средний человек, ...для них идея или моральное принуждение ничем не отличаться от «нормальных людей» является, по сути, прокрустовым ложем, непереносимой смертельной скукой, бесплодным, безнадежным адом» [22, с. 30]. По А. Бергсону, задача человека состоит не в том, чтобы приспособливаться к реальности или властвовать над ней, а в том, чтобы развивать и продолжать в бесконечность жизненный порыв, совершенствовать наличные формы культуры и создавать новые [2].

Результаты. Многоуровневая модель преодолевающей активности [21], обладая процессуальностью, позволяет анализировать вне узких рамок бинарной логики модусы преодоления как стадии духовного восхождения или спуска, а также духовную трансформацию человека в процессе переходов от одного уровня субъектной активности к другому [20; 21]. Динамичность преодолевающей активности раскрывается через переходы от одного модуса бытия к другому. Следя *реактивному или стихийному модусу* (индивидуальный уровень преодоления), человек не совершенствуется в духовном плане, он предпочитает конформистскую линию приспособления, реализуя ее в защитах, беспомощности, агрессии, в результате чего, реальность может искажаться [3]. В этом модусе, «перегруженном» внутриличностными противоречиями, наблюдается тенденция к «скатыванию» личности, к «субчеловеческим формам существования» (по Д.А. Леонтьеву), вплоть до утраты личностности [10;13]. *Модус личностного преодоления* соотносится с продуктивным совладанием (ассертивностью, вступлению в социальные контакты, поиском социальной поддержки), зрелыми защитами. Выбор этого модуса, вероятно, связан с представлением о том, что «быть нормальным человеком – есть самое полезное и целесообразное, что можно придумать» [22, с.30]. Люди, следующие этому модусу (литературные герои: муж Анны Карениной или Сомс Форсайт) – люди «псевдосреды», способные решать проблемы, но вследствие ригидных установок, остающиеся на прежнем личностном уровне. *Субъектно-бытийный модус* направлен к преодолению ограниченности личностной ресурсности (персонажи Дж. Лондона, Э. Хемингуэя, Б.Полевого). Реализуя этот модус бытия, субъект может гибко перестраиваться, осуществляя одну из линий жизни, однако он не стремится к трансценденции. *Транссубъектный модус бытия* – творческий модус субъектной активности, направлен к трансцендированию, преодолению стереотипов, косности и сопротивления бытийных пространств (П. Корчагин А.Н. Островского).

Трансвременной модус один из высших уровней духовной эволюции (мы намеренно интерпретируем его в терминах А. Бергсона), поскольку фактом жертвенного служения человечеству приводит к «духовному бессмертию». Личность, воплощая этот модус бытия в гениальных произведениях или поступках, посредством волевых актов, невероятного самонапряженения, вносит значительный вклад в мировую культуру, открывает новые пути для совершенствования будущих поколений [20; 21]. И переходы, и сами модусы обладают качеством темпоральности, порождая, по А. Бергсону «мелодию внутренней жизни», они взаимодействуют и взаимопорождают друг друга. Успешная (в духовном плане) реализация какого-либо модуса «поднимает» человека на новую ступень, приближая его к пониманию этапов становления, достижению личностной сущности и предназначения. Это предположение согласуется со многими положениями, например, идеей В.Е. Клочки о том, что сущностью становления является «взаимопереход взаимодействующих сторон», «усложнение системы происходит за счет вбирания в себя результатов предыдущих взаимодействий» [8, с. 175]. Изначальную незаконченность человека, обусловившую необходимость его непрерывного самосозидания, отмечает М. Мамардашвили: «человек не создан природой и эволюцией. Человек создается... в истории, с участием его самого, его индивидуальных усилий. И вот эта непрерывная создаваемость и задана для него в

зеркальном отражении самого себя символом «образ и подобие Божье. То есть человек есть такое существо, возникновение которого непрерывно возобновляется... с каждым индивидуумом и в каждом индивидууме» [10, с. 58-59]. По К. Ясперсу, внутренняя противоречивость бытия не должна останавливать человека, он должен постоянно прорываться через круги пассивности, от его активности зависит продвижение к незнакомой цели и «то, как он себя преодолевает, составляет способ его проникновения в себя» [23, с. 378].

Заключение. Выделенные и описанные модусы преодоления сопряжены с уровнями преодолевающей активности [21] и раскрывают виды и качество субъектной активности, позволяют анализировать ее специфику с позиций истинной [18] или ложной субъектности [3]. Конструкт преодолевающей активности обладает качествами саморазвивающихся систем открытостью, непрерывностью, инновационностью и незавершенностью. Преодоление – это непрерывный процесс творения бытийных пространств, напряженный поиск целостности и обретение личностной формы, собственного образа, истинной субъектности.

Примечания:

1. Андреева Г.М. Социальная психология и социальные изменения // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 5. С.5-15.
2. Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Кучково поле, 2006. С. 384.
3. Гусейнов А.Ш. Искажение субъектности в некоторых видах протестной активности // Матер. VI Всероссийской науч.-практ. конф. / под ред. З.И. Рябикой, В.В. Знакова. М., Краснодар: КубГУ, 2013 С. 273-275.
4. Гусейнов А.Ш. Негативный потенциал протesta: психологический анализ // Армия и общество. М.: "Наука-XXI". №1. 2013. С. 169-175.
5. Гусельцева М.С. Типы методологических установок в психологии // Вопросы психологии. 2005. № 6. С. 98–103.
6. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Издательство «Альпина Нон-фикшн», 2013. 740 с.
7. Ключко В.Е. Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. Т.3 (1).2008. С. 165-178.
8. Ключко В.Е. Психология инновационного поведения // В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский. Томск: Томский госуниверситет, 2009. 240 с.
9. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии // Отв. ред. Ю.М. Забродин, Е.В. Шорохова. М.: «Наука», 1984. 444 с.
10. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
11. Маслоу А.Г. Психология бытия. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997. 304 с.
12. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1999. 430 с.
13. Ортега и Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991.639 с.
14. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
15. Рябикена З.И. Исследование бытия личности и ее события с теоретико-методологических позиций психологии субъекта // Человек, субъект, личность в современной психологии. Матер. Междунар. конф. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 430-433.
16. Рябикена З.И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикой. М.: ИПРАН, 2005. С. 45-57.
17. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // <http://filosof.historic.ru> (дата обращения: 04.11.2013).
18. Фоменко Г.Ю. Модусы бытия личности в контексте субъектно-бытийного подхода // Психология субъекта и психология человеческого бытия // Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикой, Е.А. Сергиенко. Краснодар: КубГУ. 2010. С. 158-174.
19. Шиповская В. В. Беспомощность: теория, эксперименты, практика. Краснодар: ИЭиУ МиСС, 2009. 245 с.
20. Шиповская В.В. Преодолевающая активность личности как потенциал субъектности // Человек, субъект, личность в современной психологии. Матер. Междунар. конф. М.: Институт психологии РАН, 2013. С. 463-466.

21. Шиповская В.В. Уровневая модель преодолевающей активности //Личность и бытие: субъектный подход: Материалы VI Всероссийской науч.-практ. конф. // Под ред. З.И. Рябикой, В.В. Знакова. М., Краснодар: Кубанский государственный университет, 2013. С. 303-305.
22. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 336 с.
23. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат. 1991. 527 с.
24. Ryan R., Deci E., Grolnick W. Autonomy, relatedness, and the self: Their relation to development and psycho-pathology // Developmental psychopathology / Eds. D. Cicchetti, D. Cohen. N. Y.: Wilev, 1995. V. 1. P. 618-655.

UDC 159.9

The Types of Overpowering Personality Activities from the Point of View of a Subjective and Existential Approach

Victoria V. Shipovskaya

Kuban State University, Russia
350040, Stavropolskaya str. 149, Krasnodar
PhD (psychology), Doctoral candidate
E-mail: victship@mail.ru

Abstract. The article examines the various types of overpowering from the point of view of a subjective and existential approach while at the same time justifying the use of the construct of an overpowering activity to identify the specific characteristics of the subjective active personality within everyday situations. On the basis of the author's evolutionary model of overpowering activity and outside of binary logic, the author proposes to analyse the stages of overpowering as steps within the spiritual ascent towards a harmonious inner form, as well as the transformation of the individual in the process of moving from one level of subjective activity to another (inner "falls and rises").

Keywords: every day; innovation; model of overpowering activity; types of overpowering; ascension; inner form.

Инженерная экология

УДК 005.5+004

Система управления жизненным циклом продукции вуза с использованием CALS-технологий

¹ Юрий Измайлович Дрейзис

² Владимир Васильевич Коваленко

³ Валерий Николаевич Сидоров

⁴ Ирина Леонидовна Макарова

¹⁻⁴ Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26а

¹ Кандидат технических наук, доцент

E-mail: yurid2006@yandex.ru

² Кандидат экономических наук, доцент

³ Кандидат технических наук, доцент

⁴ Кандидат технических наук, доцент

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы внедрения CALS-технологий в вузе в целях совершенствования системы его управления в современных условиях. Проанализированы аспекты, возникающие при разработке вузовских систем менеджмента качества (СМК). Показано, что использование CALS-технологий на сегодняшний день является необходимым условием повышения качества образовательного процесса.

Ключевые слова: вуз; образовательный процесс; ресурсы вуза; бизнес-процессы; СМК; CALS-технологии.

Введение. В условиях рыночной экономики вуз можно рассматривать как предприятие, выпускающее «продукцию» для различных отраслей человеческой деятельности. Многоканальное финансирование вуза направлено, главным образом, на предоставление (производство) образовательных услуг, которые являются его основной «продукцией», а также выполнение научно-исследовательских и производственных работ и представление их в виде соответствующих «результатов».

Образовательный процесс в вузе ориентирован на «выпуск продукции» - подготовку специалистов с конкретными характеристиками: необходимым уровнем профессиональных знаний, умений и навыков, определенных требованиями Федеральных Государственных образовательных стандартов (ФГОС) по соответствующим направлениям и специальностям. По аналогии с производственным предприятием, в качестве поставщика исходных сырьевых материалов для вуза выступают средние, средне-профессиональные и высшие учебные заведения. Как изготовители, которые инспектируют качество входных материалов и отбраковывают то, что не отвечает их требованиям, вузы не принимают всех желающих: они требуют наличия определенного уровня знаний и способностей.

Будучи однажды принятymi, студенты совершенствуются в процессе обучения, точно так же, как сырье проходит через процесс производства. Как при контроле качества и испытаниях, студенты экзаменуются и оцениваются в конце каждого семестра. Точно так же, как готовая продукция несет на себе торговую марку изготовителя, выпускник получает диплом, удостоверяющий полученное образование по соответствующей специальности. Выпускники университетов конкурируют в поисках работы точно так же, как торговые марки и продукция борются за потребителей. Число выпускников, устроившихся на работу по окончании вуза, можно рассматривать как объем продаж, а те, кто после окончания обучения остались без работы по специальности – как непроданную продукцию или запасы. Рассматривая работодателя как потребителя, начальную зарплату, которую работодатель устанавливает выпускнику, можно интерпретировать как стоимость, которую потребитель присваивает продукту. Тогда университеты могут использовать процент выпускников, которые получили работу в соответствующей сфере, и их среднюю начальную зарплату как меру эффективности работы. Конечно, нужно учитывать конкретный регион и полученную специальность.

Кроме того, различия между вузами в работе их выпускников можно отнести не только к полученному образованию, но также и к внутренним характеристикам студентов, и к

навыкам, приобретенным ими до получения высшего образования. Следовательно, чтобы правильно оценить свою эффективность, вузы должны измерять свой собственный вклад – стоимость, добавленную к своим выпускникам.

Очевидно, что рациональная, целесообразная политика вуза и последовательное ее воплощение в жизнь способны обеспечить создание прочной и развивающейся экономической базы вуза, характерной для образовательных систем стран с многоканальным финансированием.

В соответствии с принципом процессного подхода по ГОСТ Р ИСО 9000:2001 «желаемый результат достигается эффективнее, когда деятельность и соответствующими ресурсами управляют как процессом».

Обсуждение и результаты. Вуз представляет собой систему, состоящую из отдельных элементов/служб/подсистем, с одной стороны, с другой стороны - вуз взаимодействует с социально-экономической средой и, таким образом, является подсистемой более сложной системы. Модель системного управления университетом должна быть основана на процессном подходе к выпуску соответствующей продукции.

Основными процессами жизненного цикла (ЖЦ) продукции в сфере образовательной деятельности вуза с учетом ГОСТ Р ИСО 9001:2001 являются: планирование процессов образовательной деятельности; разработка учебной и учебно-методической документации; закупки ресурсов; процесс обучения; контроль успеваемости студентов и качества учебного процесса; процессы, связанные с потребителями продукции образовательной деятельности и др.

Основной целью эффективного управления образовательной деятельностью в вузе является определение реальной потребности в специалистах и распределение ресурсов, необходимых для осуществления образовательного процесса с учетом конечных требований к качеству (ФГОС), нормативно-правовых и нормативно-технических документов.

Образовательный процесс ориентирован на приобретение каждым конкретным студентом знаний, умений и навыков, определенных требованиями ФГОС по соответствующим направлениям и специальностям. Таким образом, продукция образовательной деятельности (по ГОСТ Р ИСО 9000:2001 «продукция – результат процесса») – дипломированные специалисты.

В общем случае, результат образовательной деятельности может определяться с помощью разных моделей. К таким моделям относятся:

1. Финансовая модель – результат как поступление денежных средств.

2. Модель качества – результат как уровень подготовки выпускников (либо количество выпускников, отвечающих некоторым заданным критериям качества – наличию конкретных знаний, умений, навыков).

3. Модель качества - результат как степень полезности выпускников для общества и хозяйства страны (работающих по специальности или использующих в какой-то мере полученные в процессе обучения знания, умения и навыки). Один из основополагающих принципов деятельности любой организации по ГОСТ Р ИСО 9000:2001 – ориентация на потребителя – наиболее близок к последней модели.

В основе модели эффективного управления ресурсами вуза лежит процессная модель обучения на операционном уровне с временной привязкой ресурсов в соответствии с технологиями обучения, определенными в учебно-методических документах, и расписанием занятий.

Ресурсами вуза в сфере образовательной деятельности выступают:

- профессорско-преподавательский состав (ППС), административно-управленческий (АУП) и учебно-вспомогательный персонал (УВП);

- финансовое и материально-техническое обеспечение (бюджетное, внебюджетное финансирование и т.п., а также лабораторный и аудиторный фонды, оборудование, техника, приборы, канцтовары, бумага и т.д.);

- интеллектуальные и информационные ресурсы (учебно - методическое обеспечение дисциплин, библиотека, электронные учебники, научные разработки, патенты, авторские свидетельства на изобретения и т.п.).

Задачей управления вузом является максимизация эффективности процессов управления при условии комплексного соблюдения требований ГОСТ Р ИСО 9000:2001 применительно к образовательной деятельности и полноценного ресурсного обеспечения всех процессов жизненного цикла (ЖЦ). Управляемыми параметрами в данной задаче оптимизации являются технологии обучения и ресурсы.

Для обеспечения качественного управления вузом, для отслеживания всех этапов и процессов ЖЦ образовательного продукта можно использовать систему, базирующуюся на современных CALS-технологиях.

Суть концепции CALS – создание единой интегрированной информационной модели выпускаемого образовательного продукта. Такая модель должна отражать все аспекты продукта – и его свойства, и знания о нем и о его производстве на всем протяжении его ЖЦ.

Целью создания системы, базирующейся на CALS, является обеспечение руководящего состава вуза возможностью проведения анализа:

- различного рода ресурсов для ведения образовательной деятельности;
- ресурсов вуза (финансовых, материальных, трудовых, временных и т.д.), используемых для решения регулярных управленических задач;
- критериев, характеризующих образовательную деятельность, финансовые и экономические показатели, необходимые для оперативного, тактического и стратегического управления вузом;
- состояния вуза, необходимого для прогнозирования и планирования путей его развития.

Получение руководителем вуза аналитической информации позволит принимать управленические решения с достаточно высокой степенью эффективности. С этой точки зрения задачи, стоящие перед создаваемой системой, можно представить в форме трех основных срезов: анализ текущего положения вуза; оценка последствий тех или иных инноваций, перемен, программ; разработка стратегии развития вуза.

Качественное выполнение *первой* из отмеченных функций позволяет сформировать эффективную, согласованную с другими подсистемами систему управления вузом. *Вторая функция* помогает избегать решения с недопустимыми последствиями, выбрать лучшую из альтернатив согласно заданным критериям. *Третий срез* позволяет структурировать развитие вуза, определив целевые ориентиры и/или ограничения.

Система должна обеспечивать комфортные условия функционирования СМК вуза за счет автоматизации измерения показателей качества образования; расширения возможностей обработки данных и повышения эффективности принимаемых решений; демократизации процессов доступа к вузовской информации; применения специализированных программно-методических комплексов тестирования студентов, входного и выходного тестирования знаний и способностей к применению знаний.

CALS-технологии обеспечивают информационную поддержку ЖЦ, поэтому, прежде всего, необходимо определить основные этапы ЖЦ для продукта вуза.

Укрупненный ЖЦ продукта вуза состоит из следующих этапов: *маркетинг вуза, планирование работы вуза, процесс обучения, выпуск специалистов, трудовая деятельность выпускников после окончания вуза*.

Тогда концептуальная модель CALS для вуза будет иметь вид, представленный на рис. 1.

Рис. 1. Концептуальная модель CALS для вуза

Необходимо учитывать, что очень большое влияние на ЖЦ образовательного продукта оказывает внешняя – социально-экономическая – среда.

Деятельность вуза, как и любого другого предприятия, направлена на удовлетворение потребностей общества в необходимых ему специалистах и результатах научных

исследований. Поэтому связь между этапами жизненного цикла образовательного продукта вуза можно представить следующим образом (рис. 2).

Рис. 2. Связь между этапами жизненного цикла образовательного продукта

Анализ деятельности вуза как системы обнаруживает ее сложность по сравнению с производством. На рис. 3 представлена причинная диаграмма, показывающая динамику поведения факторов, связанных с качеством, в системе «вуз – социально-экономическая среда».

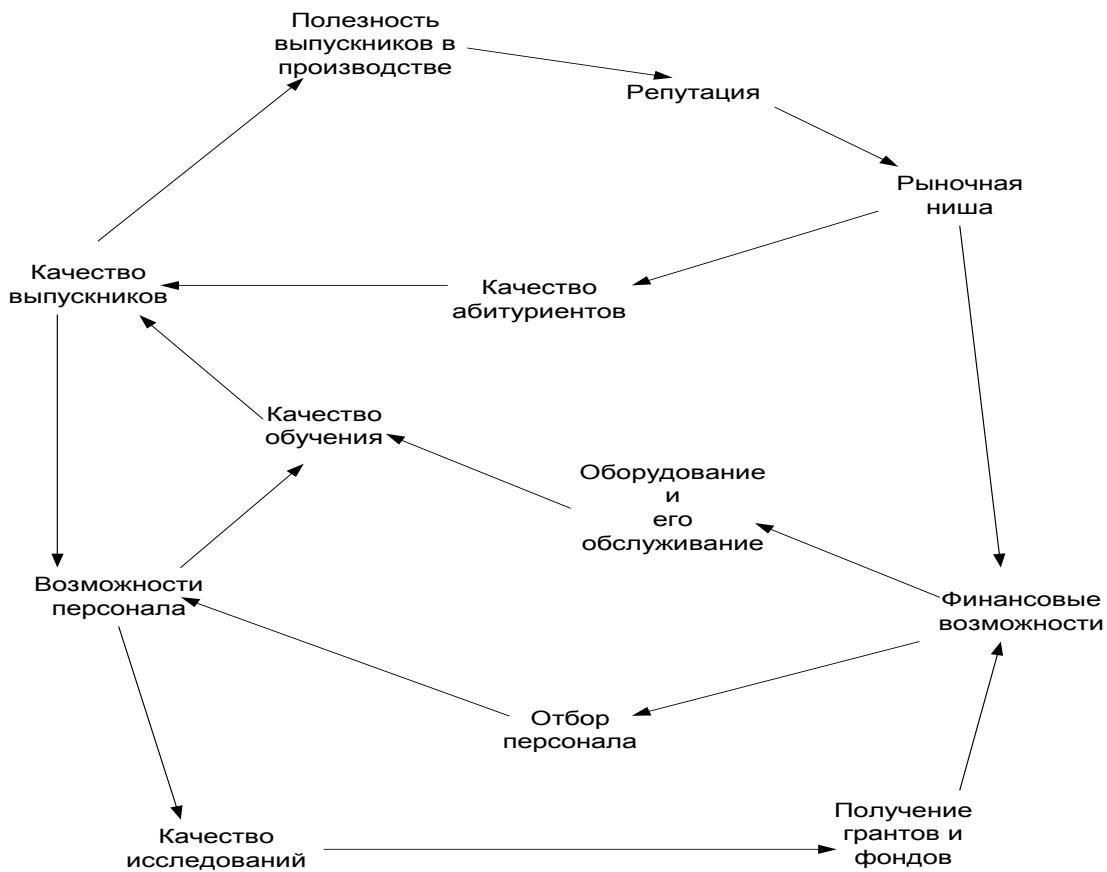

Рис. 3. Причинная диаграмма качества в вузе

Когда в системе присутствуют цепи положительной обратной связи, изменение переменной в одном направлении (увеличение или уменьшение) неизбежно приводит к ещё большим изменениям в том же самом направлении. Предположим, что университет

выпускает специалистов более высокого качества, чем раньше, то есть петля входит в стадию «качество выпускников», это привело бы к расширению для выпускников возможностей трудоустройства в промышленности, что, в свою очередь, улучшает репутацию университета. Возросшая репутация увеличивает число поступающих в университет (рыночную нишу), давая возможность выбирать более способных студентов, что само по себе ведет к повышению качества выпускников.

Качество обучения, влияющее на качество выпускников, в свою очередь зависит от уровня персонала, а также от качества (и количества) оборудования и уровня обслуживания - факторов, зависящих от финансовых возможностей университета. Однако большие финансовые возможности приобретаются благодаря большей рыночной нише, а также благодаря возможности использовать гранты и фонды, что зависит от эффективности исследований. Петля замкнется, когда мы примем во внимание то, что качественный персонал, как правило, в большей степени способен выполнять более эффективные исследования. Все связи могут действовать и в обратном направлении, как только одна из переменных начинает развиваться негативно. Например, низкое качество выпускников может привести к плохой репутации университета, что приведет к ухудшению качества поступающих, и, следовательно, качества выпускников.

В модели есть некоторые аналогии с производственной системой, однако, гуманитарная природа образования делает ее более сложной. Динамическое взаимодействие преподавателя и студентов, тот факт, что продукты системы прямо влияют на проходящие в ней процессы, являются одними из причин большей сложности системы образования. Трудности в определении требований потребителя при наличии разнообразия заинтересованных сторон (студентов, родителей, работодателей, преподавателей, правительства и общества, в целом), имеющих различные интересы, вносят свой вклад в эту сложность. Несмотря на это, определять качество образования необходимо, так как это открывает путь к совершенствованию.

Важным в модели является наличие связи между качеством и рыночными проблемами, более высокое качество приобретается путем привлечения более способных студентов и найма на работу персонала более высокого качества, а также получением большего числа научно-промышленных грантов, ориентированных на рынок.

Когда университет достигнет высокого качества в собственных процессах, ему нужно будет начать работать с «поставщиками» - преимущественно со средней школой, чтобы обеспечить наличие у «поставщиков» процессов соответствующего качества. Как только студент прошел входной тест, то есть выдержал вступительные испытания и был зачислен в вуз, любой провал студента после завершения обучения в университете должен рассматриваться как дефект качества в работе вуза – либо входные испытания были негодными, либо условия приема были простыми, либо университет в процессе обучения работает неэффективно.

Для создания системы, основанной на CALS-технологиях, необходимо создание в вузе специализированных подразделений, а именно, службы маркетинга и отдела менеджмента качества.

В качестве задач, решаемых службой маркетинга, могут выступать:

- прогнозирование востребованности специальностей университета;
- определение специальностей, открытие которых в университете наиболее целесообразно;
- сбор сведений о предприятиях, заинтересованных в выпускниках вуза;
- проведение анкетирования абитуриентов по вопросам, связанным с выбором вуза и специальности.

Отдел менеджмента качества должен работать на основе международных и российских стандартов качества, должностных инструкций по качеству. В его задачи должно входить создание и постоянное совершенствование СМК вуза, которая позволит отслеживать и управлять качеством образовательного продукта на протяжении всего его ЖЦ: на входе; в процессе обучения; на выходе.

Заключение. Использование CALS-технологий на сегодняшний день является одним из необходимых условий повышения качества образовательного процесса. Это понимает руководство вузов, и практически в каждом вузе можно встретить отдельные компоненты CALS-технологий. Однако, в настоящее время, в вузах практически отсутствует единая

система информационной поддержки образовательных, управлеченческих процессов и научных исследований.

Такая система позволит прослеживать состояние выпускаемой вузом «продукции» на протяжении ее ЖЦ, использовать в виде обратной связи, происходящие на этапах ЖЦ изменения ее характеристик для совершенствования как качества системы управления вузом, так и выпускаемой им «продукции».

Очевидно, что использование CALS-технологий в вузе должно быть направлено именно на повышение качества предоставляемых услуг. В настоящее время наиболее удачной формой реализации этого средства представляется интегрированная автоматизация информационных процессов.

Примечания:

1. Dreyzis Yu.I. Improvement by the life cycle control system of university production with use of CALS-technology. European Researcher, 2013, Vol.(48), № 5-1, pp. 1159-1162.
2. Dreyzis Yu.I., Burunin O.A. The program of application of CALS-technology in university management. European Researcher, 2013, Vol.(48), № 5-1, pp. 1168-1171.
3. Dreyzis Yu.I., Burunin O.A. Management of expenses for quality of the educational product of university. European Researcher, 2013, Vol.(48), № 5-1, pp. 1163-1167.
4. Dreyzis Yu.I., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Makarova I.L. Information support quality basic education programs of through a federal standard of the higher education. European Researcher, 2013, Vol.(48), № 5-1, pp. 1201-1205.
5. Дрейзис Ю.И., Манукян А.Д., Москалюк К.С., Переверзев В.В., Коваленко В.В. Особенности обеспечения СМК-проектов нормативными документами в среде пакета Business Studio. Вестник СГУ, №3, 2013. С. 75-78.
6. Вишняков О., Крохин В., Молодов М. Системы менеджмента качества: основы, проблемы, решения // URL: <http://quality.eup.ru>
7. CALS: концепция, стратегия и технологии. Материалы для руководителей предприятий, М.: ГНОЦ CALS-технологий, 2001.
8. А.Ф. Колчин, М.В. Овсянников, А.Ф. Стрекалов. С.В. Сумароков. Управление жизненным циклом продукции. М.: Анахарсис. 2002. 304 с.
9. Рубцова С.Ю. Система применения информационных технологий как средство повышения качества образования в вузе // Вестник РУДН. Серия «Информатизация образования». 2009. № 3. С. 22-25.
10. Рубцова С.Ю. Информационные технологии как средство повышения качества образования в вузе: Монография. Южно-Сахалинск: Изд-во Сах. обл. типогр., 2009. 171 с.

UDC 005.5+004

The System of Product Lifecycle Management within a University through the Use of CALS Technologies

¹ Yury I. Dreyzis

² Vladimir V. Kovalenko

³ Valery N. Sidorov

⁴ Irina L. Makarova

¹⁻⁴ Sochi State University, Russia

PhD (in technical science), Ass. professor

E-mail: Yurid2006@yandex.ru

² PhD (in technical science), Ass. professor

³ PhD (in technical science), Ass. professor

⁴ PhD (in technical science), Ass. professor

Abstract. The article examines the issues of implementing CALS technologies within a university with the aim of perfecting university management systems in a modern environment. The article analyses issues that arise during the development of university quality management systems. The article shows that utilising CALS technologies today is necessary to improve the quality of the process of providing education.

Keywords: university; process of providing education; university resources; business processes; quality management systems; CALS technologies.

Формирование искусственных мысов и бухтовых галечных пляжей под защитой волноломов

Николай Константинович Макаров

Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Аспирант
E-mail: ktk99@mail.ru

Аннотация. Искусственные пляжи бухтового очертания под защитой волноломов находят все большее распространение в практике берегозащитных мероприятий. Однако в настоящее время отсутствуют рекомендации по назначению основных параметров таких пляжей – длины волноломов, их расстояния от коренного берега и расстояния между волноломами. Это приводит в ряде случаев к не правильному проектированию указанных сооружений и, соответственно, дополнительным эксплуатационным затратам. Автором на основе математического моделирования определены указанные параметры систем волноломов, при которых из исходной отсыпки галечного материала в виде ленточного отвала, формируются искусственные мысы и устойчивые галечные пляжи бухтового очертания между ними.

Ключевые слова: волнолом; искусственный галечный пляж; искусственный мыс; динамика пляжа.

Введение. В последние десятилетия все большее распространение в практике искусственного пляжеобразования находят пляжи бухтового очертания с искусственными мысами под защитой волноломов – рис. 1, 2.

Рис. 1. Песчаные пляжи бухтового очертания с искусственными мысами под защитой волноломов (Франция)

Рис. 2. Пляжи с искусственными мысами под защитой волноломов (Новосибирское водохранилище)

На рисунке 1 видно, что в одной из бухт произошел размыв пляжа до волнозащитной стены, что угрожает ее разрушением.

На рисунке 2 показаны дополнительные волноломы, построенные для предотвращения размыва пляжа в средней части бухты.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что параметры искусственных мысов и расстояние между ними при проектировании были определены не достаточно достоверно.

Таким образом, при проектировании бухтовых пляжей возникают следующие задачи:

1. Определение расстояния от коренного берега (волнозащитной стены) до волнолома l и длины волнолома b , при которых из естественного вдольберегового потока наносов или из искусственной отсыпки формируется искусственный мыс, соединенный с волноломом (томболо), под действием заданного волнового режима.

2. Определение расстояния между мысами S , при котором между ними формируются устойчивые пляжи заданной ширины, обеспечивающие защиту берега и рекреационные цели.

Некоторые рекомендации по назначению указанных параметров для песчаных берегов даны в работах [1–3]. Однако они не применимы для берегов с галечными наносами ввиду существенно более низкой подвижности таких наносов.

Таким образом, определение параметров систем искусственных мысов с волноломами для галечных пляжей представляется актуальной задачей.

Материалы и методы. Современные теоретические представления о динамике пляжей под защитой волноломов заключаются в следующем. При наличии волнолома между ним и берегом возникает волновая тень. Фактически это означает, что линия обрушения волн придвигается к берегу и снижается транспортирующая способность водного потока. В результате меняется естественный режим транспорта наносов, и за волноломом возникают аккумулятивные формы (наволок, томболо).

Степень блокировки берега от волн зависит от угла видимости волнолома со стороны берега. В качестве основного параметра, характеризующего степень блокировки, в первом приближении принимается относительное расстояние от берега до волнолома b/l . Тогда угол видимости определяется из выражения: $\alpha = 53^\circ \times b/l$. По результатам исследований, проведенных в Черноморском отделении морских берегозащитных сооружений ВНИИ Транспортного строительства, на гидравлических моделях установлено, что для полного пропуска вдольберегового потока наносов необходимо выполнение соотношения $\alpha \leq 14^\circ$, а наибольшая их аккумуляция за волноломом происходит при $\alpha \geq 53^\circ$, то есть $b \geq l$.

Волноломы на галечных берегах рекомендуется располагать на расстоянии $l=20h_{cr}$, где h_{cr} – высота расчетной волны 5% обеспеченности по линии последнего обрушения [4, 5]. С другой стороны, волноломы на галечных берегах часто устраивают между головными частями бун, то есть на линии последнего обрушения расчетных волн. Тогда $l = d_{cr}/i$, где d_{cr} –

глубина обрушения волн, i – уклон подводной части пляжа. Размеры акваторий, замкнутых волноломами с траверсами рекомендуется принимать равными $S = 1.5 - 2.0 I$ [4, 5].

Для оценки параметров b , I , S было выполнено математическое моделирование формирования искусственных мысов из галечного пляжеобразующего материала и динамики пляжа в акваториях между мысами.

Основой для моделирования деформаций дна и берега (пляжа) является фундаментальное уравнение сохранения массы вещества:

$$\frac{\partial d}{\partial t} + \frac{1}{(1-n)} \left(\frac{\partial Q_m}{\partial x} + \frac{\partial Q_m}{\partial y} \right) = 0, \quad (1)$$

где d - глубина; t - время; n - коэффициент пористости грунта; x , y - оси координат; Q_m - расход наносов.

Использование приведенного уравнения требует знания составляющих расхода наносов отдельно в поперечном к берегу и продольном направлениях.

Однако, иногда бывает приемлемым определение выдвижения или отступания береговой линии по упрощенной методике, решая только одномерное уравнение [8, 9, 11]. При этом принимается, что уклон берегового склона (пляжа) быстро адаптируется к параметрам штормового волнения и в дальнейшем остается неизменным во времени на данном участке берега и, таким образом, берег смещается в сторону моря (аккумуляция) или в сторону суши (размыв) параллельно самому себе. Такие деформации описываются простым уравнением:

$$\frac{\Delta A}{\Delta t} = \frac{\Delta Q_m}{\Delta X} \quad (2)$$

где A - площадь поперечного сечения берегового склона, Q_m - вдольбереговой расход наносов, t - время, X - расстояние вдоль берега.

Для расчетов динамики береговой линии уравнение (2) преобразуется к виду:

$$\Delta A = \frac{\Delta Q_m}{\Delta X} \Delta t. \quad (3)$$

Учитывая, что $\Delta A = d_{cr} \Delta Y$, где ΔY – изменение положения береговой линии, получим окончательно для изменения ширины надводного пляжа, то есть для динамики береговой линии:

$$\Delta Y = K_e \frac{\Delta Q_m \Delta t}{\Delta X d_{cr}}, \quad (4)$$

где K_e - калибровочный коэффициент, учитывающий изменение профиля пляжа в процессе шторма, неточности в определении величины расхода наносов, редукцию расхода наносов за счет не полной величины фронта их переноса и другие погрешности математической модели. Этот коэффициент подлежит определению по лабораторным или натурным измерениям. В случае отсутствия таких данных, коэффициент K_e принимается равным $K_e = 1$.

Для галечных наносов (диаметр ≥ 2 мм) емкость вдольберегового потока наносов определяется из выражения [5]:

$$Q_T = 0,087 \frac{\rho}{\rho_n} g \frac{h_{cr1\%}^3 \bar{T} \Delta t}{k_{ok} d_{50\%}} \sin 2\alpha_{cr}, \quad (5)$$

где: $h_{cr1\%}$ - высота волн 1% обеспеченности в системе по линии последнего обрушения, м; \bar{T} - средний период волн, с; $d_{50\%}$ - медианный диаметр пляжеобразующего материала, м; ρ_n - объемный вес наносов; ρ - объемный вес воды; α_{cr} - угол подхода волн к линии последнего обрушения; Δt - время действия данного волнения, сут; k_{ok} - коэффициент, учитывающий влияние степени окатанности пляжевого материала на интенсивность его перемещения.

В модели, которая использована в данной работе, для оценки снижения расхода наносов за волноломом рассчитывается дифракция волн за ним согласно [7] и соответствующее уменьшение высот волн.

Модель динамики пляжа была откалибрована по данным гидравлического моделирования [10].

Примеры расчета дифракции волн за волноломом при различных углах подхода волн и при соотношении $b=l$ приведены на рис. 3.

Из рис. 3 следует, что при косом подходе волн к берегу, волновая тень смещается относительно волнолома и, следовательно, также должен смещаться образующийся искусственный мыс.

В модельных расчетах принимались следующие элементы волн: высота $h_{cr} = 3.0$ м, длина $\lambda = 60$ м, средний период $T = 10$ с, глубина обрушения

$d_{cr} = 3.6$ м, средний диаметр наносов $d_{50} = 30$ мм, угол подхода волн $\alpha_{cr} = 12^\circ$.

Вначале было выполнено моделирование формирования одиночного мыса за волноломом из исходной отсыпки в виде ленточного отвала галечного пляжеобразующего материала шириной 30 м. Начальные параметры задавались следующими: $l = 20h_{cr} = 60$ м, $b = l$. Расчет велся до достижения наволоком (томбolo) стационарного состояния. Результаты моделирования приведены на рис. 4.

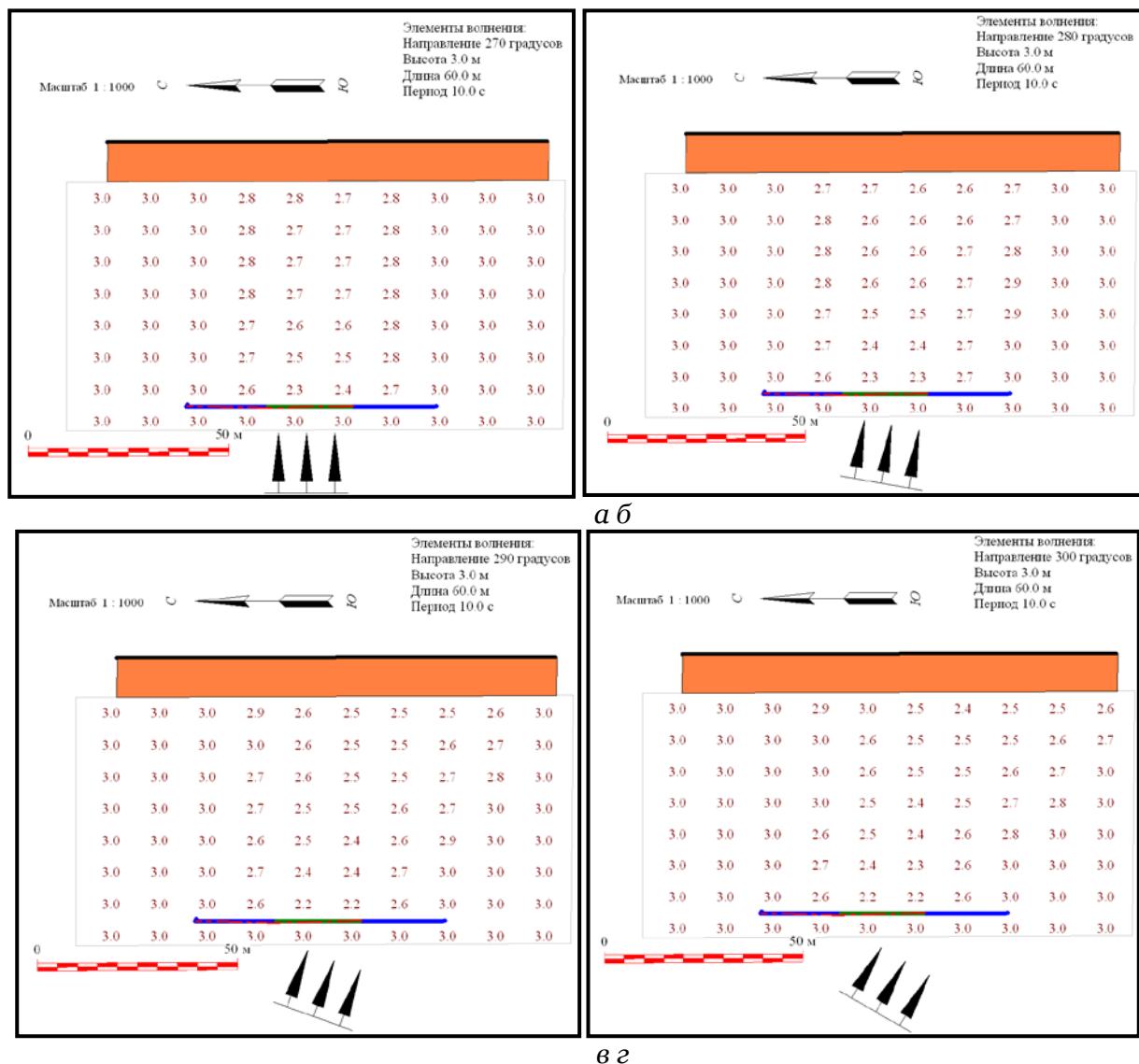

Рис. 3. Дифракция волн за волноломом при фронтальном подходе волн – a , при углах подхода $10^0 - \bar{b}$, $20^0 - \bar{v}$, $30^0 - \bar{z}$, $b=l$

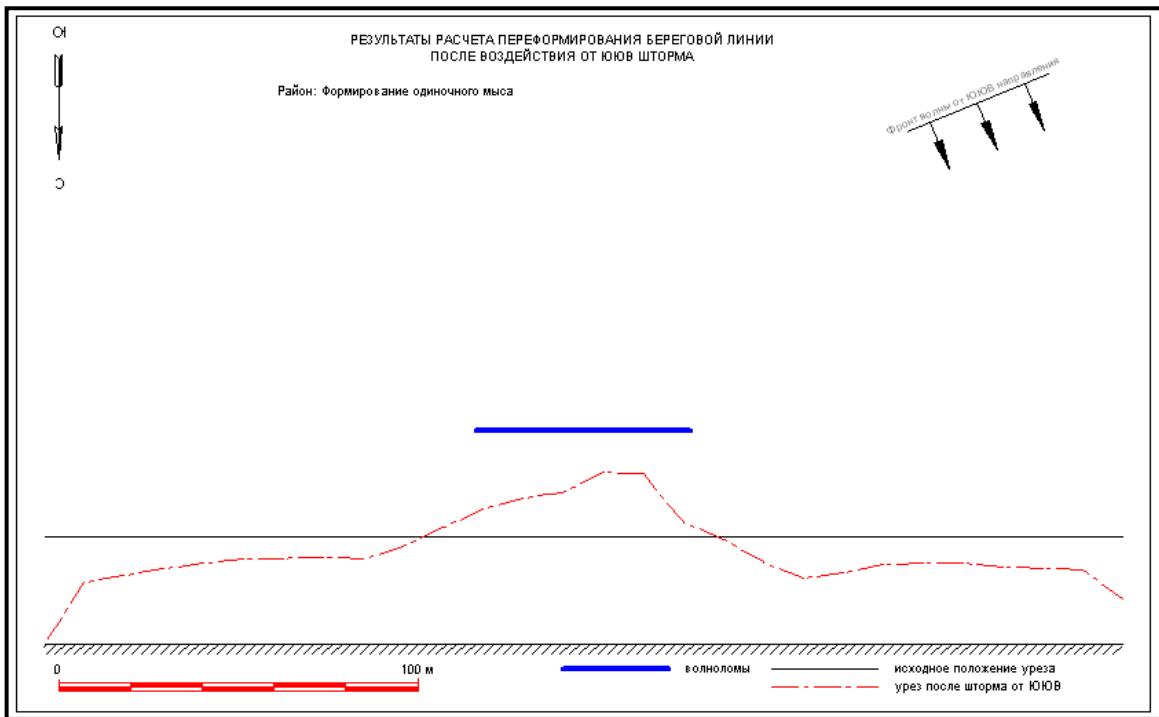

Рис. 4. Результаты моделирования формирования искусственного мыса при $I = 20h_{cr} = 60$ м, $b = I$

Как видно из рис. 4, при заданных значениях I и b формируется наволок, однако он не соединяется с волноломом и искусственный мыс не образуется. Поэтому в дальнейшем выполнялось моделирование с увеличением длины волнолома на 5 м, т.е. на 0.08 b . В результате моделирования установлено, что искусственный мыс примыкает к волнолому при $b = 75$ м, то есть при $b = 1.25I$ – рис. 5.

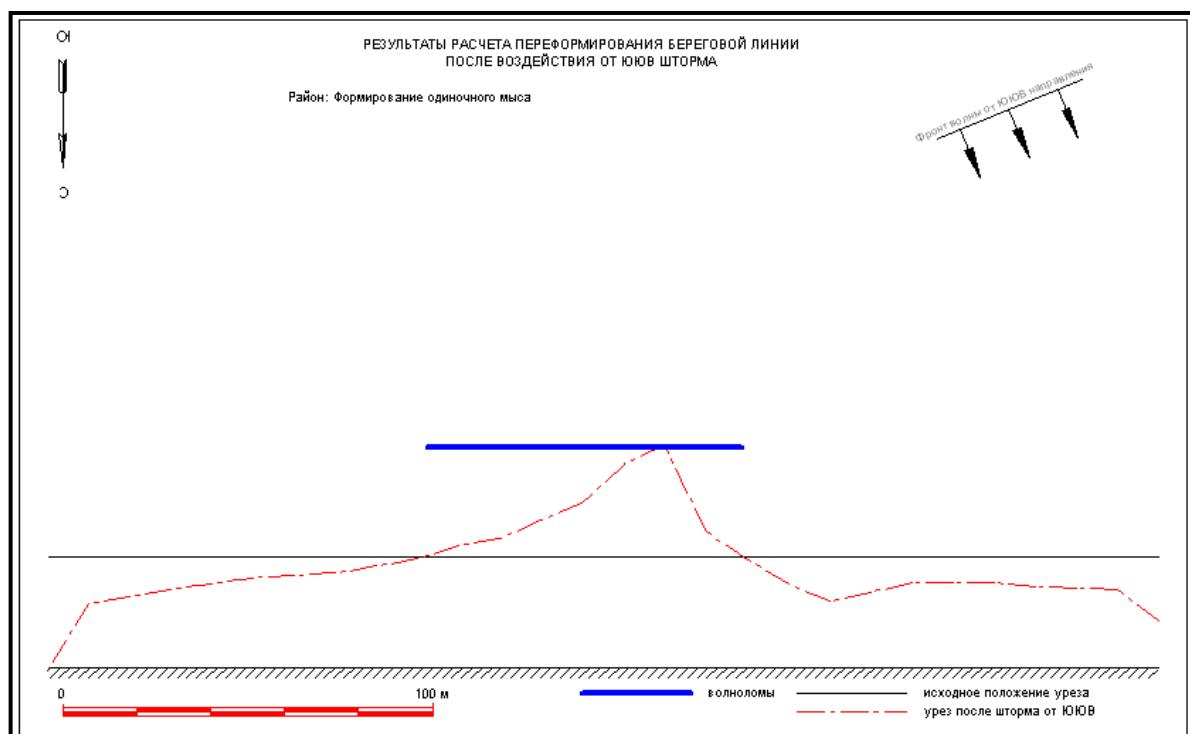

Рис. 5. Результаты моделирования формирования искусственного мыса при $I = 20h_{cr} = 60$ м, $b = 1.25I = 75$ м

Далее было выполнено моделирование для определения расстояния S , при котором ширина пляжа в акватории между искусственными мысами уменьшается не более, чем в 2 раза по сравнению с шириной исходной отсыпки. Вначале расстояние между мысами задавалось равным $S = 2l = 120$ м. Длина волноломов $b = 75$ м. Результаты расчета приведены на рис. 6.

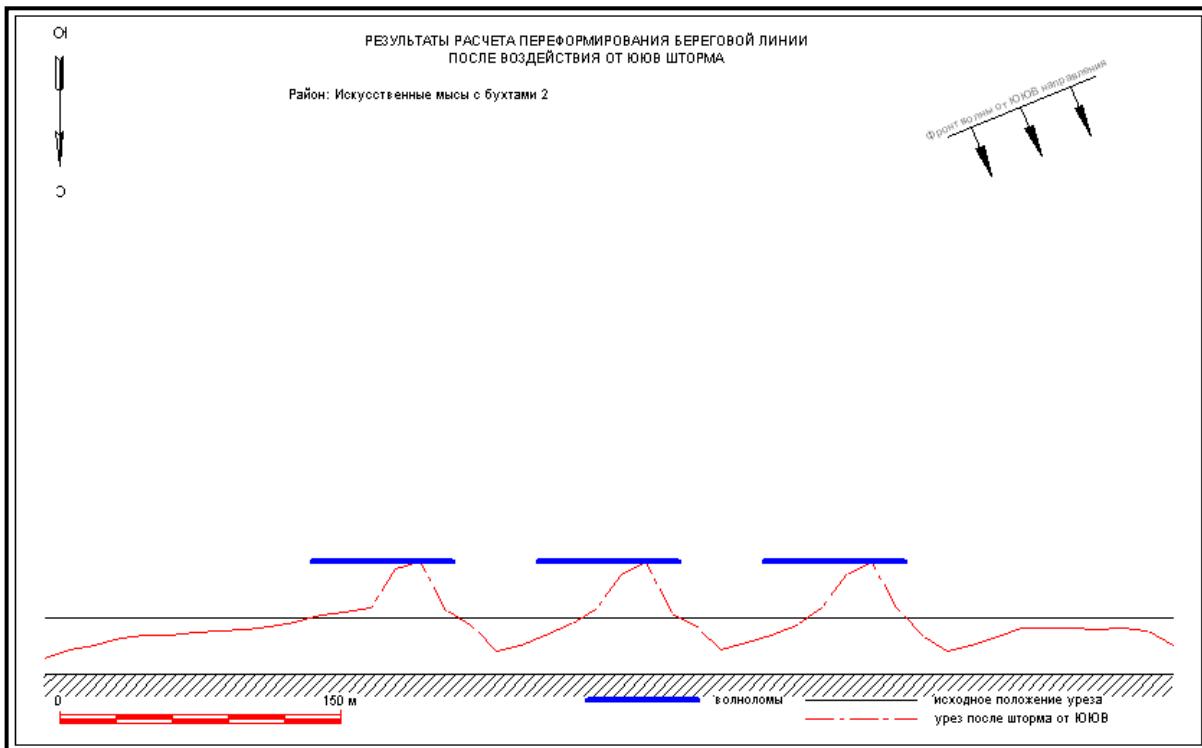

Рис. 6. Результаты моделирования динамики галечного пляжа между искусственными мысами при $l = 20h_{cr} = 60$ м, $b = 1.25l = 75$ м, $S = 2l = 120$ м

Из рис. 6 видно, что при заданных параметрах системы волноломов, пляжи в бухтах размываются до ширины 12 м, то есть их ширина сокращается более, чем в 2 раза по сравнению с шириной исходной отсыпки.

При дальнейшем моделировании ширина бухт (расстояние между волноломами) сокращалась с шагом 5 м. Приемлемые результаты получены при ширине бухт $S = 110$ м, то есть при $S = 1.83l$ – рис. 7.

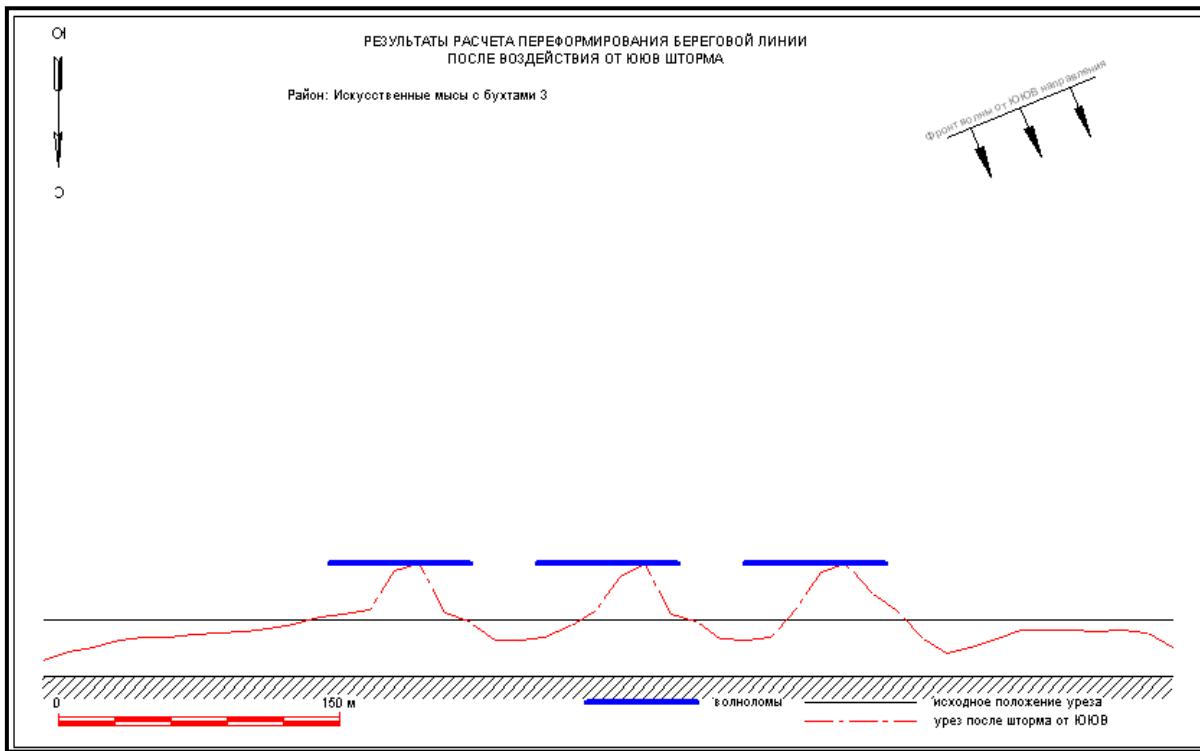

Рис. 7. Результаты моделирования динамики галечного пляжа между искусственными мысами при $l = 20h_{cr} = 60$ м, $b = 1.25l = 75$ м, $S = 1.83l = 110$ м

Результаты. По результатам выполненного математического моделирования формирования искусственных мысов и бухтовых пляжей из галечного пляжеобразующего материала могут быть сделаны следующие выводы:

1. Волноломы для формирования искусственных мысов на галечных берегах рекомендуется располагать на расстоянии от коренного берега или от волнозащитной стены $l=20h_{cr}$, где h_{cr} – высота расчетной волны 5% обеспеченности по линии последнего обрушения;

2. Искусственные мысы, примыкающие к волноломам (томболо), формируются при длине волноломов $b \geq 1.25l$;

3. Галечные пляжи в бухтах между искусственными мысами являются динамически устойчивыми при расстоянии между мысами $S \leq 1.8l$.

Заключение. Предложенные соотношения могут использоваться для предварительного назначения параметров систем искусственных мысов с бухтами между ними на галечных берегах, с дальнейшим уточнением этих параметров методами математического или гидравлического моделирования.

Работа выполнена в рамках госбюджетной НИР № 7.3694.2011 Сочинского государственного университета.

Примечания:

1. Смирнова Т.Г., Правдивец Ю.П., Смирнов Г.Н. Берегозащитные сооружения. Учебник. М., Изд-во АСВ, 2002, 302 с.
2. Смирнов Г.Н. Океанология: Учеб. для вузов. М., Высш. шк., 1987, 312 с.
3. Леонтьев И.О. Изменения береговой линии моря в условиях влияния гидротехнических сооружений. Океанология, 2007. т.47, № 6, с. 940-946.
4. ВСН 183–74. Технические указания по проектированию морских берегозащитных сооружений. М.: Минтрансстрой СССР, 1975, 118 с.
5. СП 32–103–97. Проектирование морских берегозащитных сооружений. М.: Трансстрой, 1998, 224 с.
6. Рекомендации по проектированию и строительству свободных галечных пляжей. М., ЦНИИС, 1988, 85 с.

7. СП 38.13330.2012. Нагрузки и воздействия на гидротехнические сооружения (волновые, ледовые и от судов). М.: Минрегионразвития РФ, 2012, 111 с.
8. Макаров К.Н. Математическое моделирование в морской гидротехнике. Сочи, СГУТ и КД, 2008, 397 с.
9. Макаров Н.К. Математическая модель динамики галечных пляжей искусственных островных комплексов. Гидротехника, 2012, № 2 (27), с. 84-87.
10. Kantargi I. G., Makarov N. K. Calibration of Mathematical Model of the Island Pebble Beach. European Journal of Technology and Design, 2013, Vol. (1), № 1, pp. 48-53.
11. Пешков В.М. Галечные пляжи неприливных морей. Основные проблемы теории и практики. Краснодар, 2005. 370 с.

UDC 626.01

Creating Artificial Capes and Cove-shaped Shingle Beaches which Are Protected by Breakwaters

Nikolay K. Makarov

Sochi State University, Russia
26a, Sovetskaya street, Sochi city, 354000
Post-graduate student
E-mail: ktk99@mail.ru

Abstract. Artificial cove-shaped beaches protected by breakwaters are being increasingly utilised as part of shore protection measures. However, presently there are no recommendations as to the key parameters of these beaches such as the length of the breakwaters, their distance from the main shore and the distance between the breakwaters. In numerous cases, this has led to these structures being incorrectly designed and, in turn, extra operating costs. The author uses mathematical modelling to define the abovementioned parameters for breakwater systems, which can be used to create artificial capes and reinforced cove-shaped shingle beaches between them from the initial dumping of the gravel material in a straight line.

Keywords: breakwater; artificial shingle beach; artificial cape; beach dynamics.

УДК 620.97 :697.7

**Использование теплонасосных установок в энергоэффективных зданиях
туристских дестинаций Краснодарского края**

¹ Александр Николаевич Волков

² Сергей Сергеевич Кученко

³ Егор Витальевич Радченко

¹ Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

кандидат технических наук

E-mail: volkovsochi@gmail.com

² Сочинский государственный университет, Российская Федерация

354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

студент

E-mail: s1lentsl1ter@gmail.com

³ Сочинский государственный университет, Российская Федерация

354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

E-mail: _messiah_@inbox.ru

студент

Аннотация. В статье рассмотрены аспекты применения технологий энергоэффективных зданий в туристских дестинациях Краснодарского края. Основное внимание уделено возможностям комплексного использования теплонасосных установок, использующих имеющийся потенциал возобновляемых источников энергии – тепла грунта, грунтовых и поверхностных вод, воздуха. Рассмотрены проблемы, препятствующие расширенному внедрению тепловых насосов в России, предложены пути их решения. На примере жилого фонда туристских дестинаций Краснодарского края определены экологический эффект и экономические показатели использования теплонасосных установок для повышения энергоэффективности объектов экономики.

Ключевые слова: теплонасосная установка; энергоэффективное здание; энергоэффективность и энергосбережение; возобновляемые источники энергии; туристские дестинации; рекреационный регион; инновации; низкопотенциальный источник тепла.

Введение. В развитых странах здания являются источником 40-50 % эмиссии парниковых газов. Поэтому можно рассматривать энергоэффективные здания с минимальной нагрузкой отопления и кондиционирования в качестве одной из важнейших инициатив, направленных на перевод экономики на траекторию низкоуглеродного климатически устойчивого развития [1]. С середины 90-х годов XX века энергопотребление строящихся зданий в США и Европе было значительно снижено благодаря требованиям новых законодательных актов, строительных кодексов и директив (строительных норм и правил). В соответствии с требованиями Германского стандарта «пассивных» зданий затраты на отопление здания могут достигать уровня 15 кВт·ч/м² в год [2]. В Германии построено уже более 50 тысяч таких зданий с ультра-низким энергопотреблением (менее 40кВт·ч/м² в год). В Швейцарии рынок энергоэффективных зданий составляет 25 % от всего объема нового строительства, в Австрии – более чем удваивается каждые два года, начиная с 2000 года до настоящего времени. «Пассивные» здания обеспечивают экономию энергии до 90 % по сравнению со среднестатистическим центральноевропейским зданием на 75 % по сравнению с обычными вновь строящимися зданиями [2]. Такие показатели достигаются, в первую очередь, благодаря эффективной тепловой изоляции, применению компактной формы здания, использованию энергоэффективного остекления с большим коэффициентом сопротивления теплопередаче, использованию внешних затеняющих конструкций, рекуперации тепла, максимального использования потенциала имеющихся возобновляемых источников энергии. В последнее время концепция «пассивного» здания трансформируется

в концепцию «здания с нулевым энергетическим балансом» (netzeroenergybuilding), которая подразумевает, что здание в течение года производит энергию за счет возобновляемых источников энергии не меньше, чем потребляет на свои нужды. Это может быть достигнуто за счет высокоеффективных ограждающих конструкций здания и ультра-низкого энергопотребления, что требует очень больших капитальных затрат, или за счет использования инновационных высокотехнологичных энергоустановок «активного» преобразования возобновляемых источников энергии.

Одним из наиболее экономически и экологически оправданных способов оптимального использования имеющегося потенциала ВИЭ в условиях Краснодарского края является применение теплонасосных установок (ТНУ), использующих низкопотенциальное тепло окружающей среды (воздуха, грунта, подземных вод, моря, а также геотермальных источников) [3-8]. Наиболее распространение ТНУ получили в США, Японии, Германии, Австрии, скандинавских странах. Краснодарский край является одним из лидеров среди российских регионов по внедрению тепловых насосов - школа в Усть-Лабинске (6300 m^2), административно-гостиничный центр в Краснодаре (10000 m^2), гостиница на 45 номеров в Адлере (3000 m^2), административные комплексы в г. Краснодар (4000 и 1700 m^2), торговый центр в г. Кропоткин (1500 m^2) и другие объекты [4, 9].

Материалы и методы. В проводимом исследовании, на основе анализа зарубежного опыта [2, 4, 7, 10], системы нормативных требований к проектированию и строительству энергосберегающих и энергоэффективных зданий [1-2, 11], произведена оценка возможностей расширенного внедрения ТНУ для решения задач комплексного повышения энергоэффективности объектов капитального строительства туристских дестинаций Краснодарского края. Для обоснованной оценки целесообразности использования теплонасосных установок, использующих ВИЭ (низкопотенциальное тепло окружающей среды) в условиях рекреационного региона, использована программа моделирования и технико-экономических расчетов RETScreen.

Обсуждение. Энергоэффективные здания характеризуются значительными преимуществами в области повышения комфорта, низкого уровня негативного воздействия на окружающую среду и экономической эффективности, благодаря:

- 1) более высокой температуре внутренней поверхности стен (снижение неравномерности распределения температур);
- 2) исключения сквозняков и повышенной подвижности воздуха в помещении за счет герметичности ограждающих конструкций и отсутствия неконтролируемой инфильтрации;
- 3) улучшению качества внутренней среды за счет механического удаления загрязнителей, запахов, влаги и фильтрации поступающего воздуха;
- 4) значительного снижения энергопотребления;
- 5) использованию низкотемпературного теплоносителя системы отопления, что делает еще более эффективным применение ТНУ;
- 6) экономии затрат на эксплуатацию инженерных систем;
- 7) низкой зависимости от цен на энергоносители;
- 8) относительно низким дополнительным первоначальным инвестициям (что пока в меньшей степени относится к Российским условиям).

Опыт расширенного внедрения энергоэффективных зданий в Европе позволяет выделить следующие особенности этого процесса: 1) в связи со значительным повышением энергетической эффективности ограждающих конструкций здания, значительную долю в энергопотреблении начинают занимать затраты на горячее водоснабжение; 2) эффективные светопрозрачные ограждения препятствуют естественной инфильтрации, поэтому необходима установка систем принудительной вентиляции; 3) в связи с большей тепловой инерцией ограждающих конструкций возникает риск перегрева в летний период, что требует особого внимания к системам охлаждения, особенно в южных регионах (к которым относится и Краснодарский край).

С учетом этих особенностей представляется целесообразным использование мультифункциональной, интегрированной в систему комплексного инженерного обеспечения здания, теплонасосной установки, поскольку 1) избыточное тепло, образующееся при охлаждении, наиболее эффективно использовать для производства горячей воды с использованием ТНУ; 2) ТНУ может эффективно использоваться для

комплексного параллельного покрытия различных нагрузок отопления, вентиляции и кондиционирования.

Источником энергии для ТНУ может служить тепло сточных и оборотных вод, что позволяет эффективно решать проблему утилизации вторичных энергоносителей. Сейчас широкое распространение получили парокомпрессионные тепловые насосы (ПТН), работающие на хладонах, абсорбционные же тепловые насосы, в которых рабочими веществами выступают вода и водный раствор бромистого лития, в связи с усложнностью конструкции не получили пока широкого распространения.

В зависимости от параметра «источник низкопотенциальной теплоты-агрегатное состояние рабочего тела» можно выделить четыре основных типа ПТН - «грунт-вода», «грунт-воздух», «вода-вода», «вода-воздух». Основные технические характеристики ТНУ – коэффициент преобразования (табл. 1) и тепловая мощность (количество вырабатываемого тепла).

ТНУ удачно вписываются практически в любые проектные решения, просты в установке и достаточно дешевы в эксплуатации. Такое оборудование эффективно используется в коттеджном строительстве, где малые геотермальные системы, выполненные по классическому кольцевому принципу, проявляют себя с наилучшей стороны.

Для систем с ТНУ, как правило, используется три основных варианта подачи дополнительного тепла: от низко-потенциального источника (окружающая среда или сбросное тепло), от автономного электрического или газового бойлера или от централизованного источника теплоснабжения. Выбор источника должен быть обоснован результатами технико-экономического обоснования. Целесообразность использования ТНУ повышается при наличии высокотемпературного источника теплоты (например, геотермальных вод), наличии достаточной подключенной мощности системы электроснабжения, отсутствии централизованного газо- и теплоснабжения.

Таблица 1

Изменение типового коэффициента преобразования ТНУ в зависимости от температуры низкопотенциального теплоносителя и температуры подающего трубопровода системы теплоснабжения (источники – табл. 29 [10], А.Н. Волков, 2013)

Тип ТНУ и температура источника низкопотенциального тепла (НПТ)	35 °C (теплый пол)	45 °C (теплый пол)	55 °C (теплый деревянный пол или горячее водоснабжение)	65 °C (радиатор или горячее водоснабжение)	75 °C (радиатор и горячее водоснабжение)	85 °C (радиатор и горячее водоснабжение)
Высокоэффективный воздушный тепловой насос ($T_{нпт} = -20^{\circ}\text{C}$)	2,2	2,0	-	-	-	-
Двухконтурный воздушный тепловой насос ($T_{нпт} = -20^{\circ}\text{C}$)	2,4	2,2	1,9	-	-	-
Высокоэффективный воздушный тепловой насос ($T_{нпт} = 0^{\circ}\text{C}$)	3,8	2,8	2,2	2,0	-	-
ТНУ с использованием тепла грунтовых вод ($T_{нпт} = 0^{\circ}\text{C}$)	5,0	3,7	2,9	2,4	-	-
ТНУ с использованием тепла грунта ($T_{нпт} = 10^{\circ}\text{C}$)	7,2	5,0	3,7	2,9	2,4	-
Теоретически достижимый по циклу Карно ($T_{нпт} = -20^{\circ}\text{C}$)	5,6	4,9	4,4	4,0	3,7	3,4

Теоретически достичимый по циклу Карно($T_{нпт}=0$ °C)	8,8	7,1	6,0	5,2	4,6	4,2
Теоретически достичимый по циклу Карно($T_{нпт}=10$ °C)	12,3	9,1	7,3	6,1	5,4	4,8

Для условий курортных территорий и туристских дестинаций Краснодарского края авторами было проведено моделирование производительности типовой мультифункциональной ТНУ для энергоэффективного жилого здания – коттеджа на одну семью (рис. 1). В расчетах использовались технические параметры теплового насоса Mitsubishi Electric PUGH18AYB, мощность 5,2 кВт, расчетные коэффициенты преобразования при охлаждении 3,15; при отоплении - 2,23 (низкопотенциальный теплоноситель – тепло грунта). В расчетах использовался типовой коттедж на одну семью (3-4 человека, отапливаемая площадь 150 м², уровень энергопотребления – низкий, не более 60 кВт·ч/м² в год).

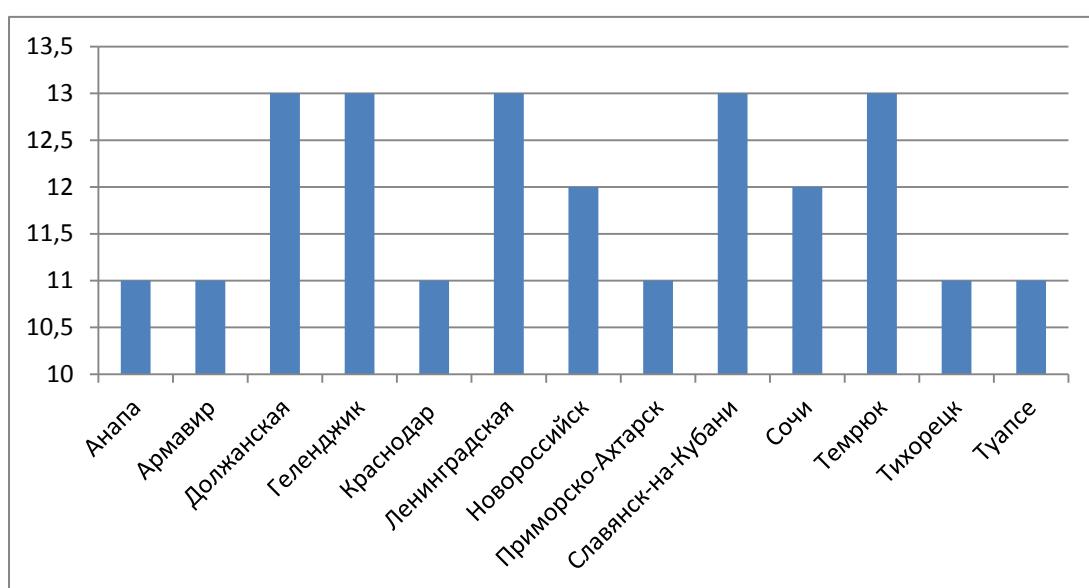

Рис. 1. Количество вырабатываемого тепла (МВт·ч в год) типовой мультифункциональной ТНУ для различных туристских дестинаций Краснодарского края

С использованием программного комплекса RETScreen были рассчитаны значения ежегодного уменьшения выбросов парниковых газов за счет устройства типовой мультифункциональной ТНУ для различных туристских дестинаций Краснодарского края (рис. 2).

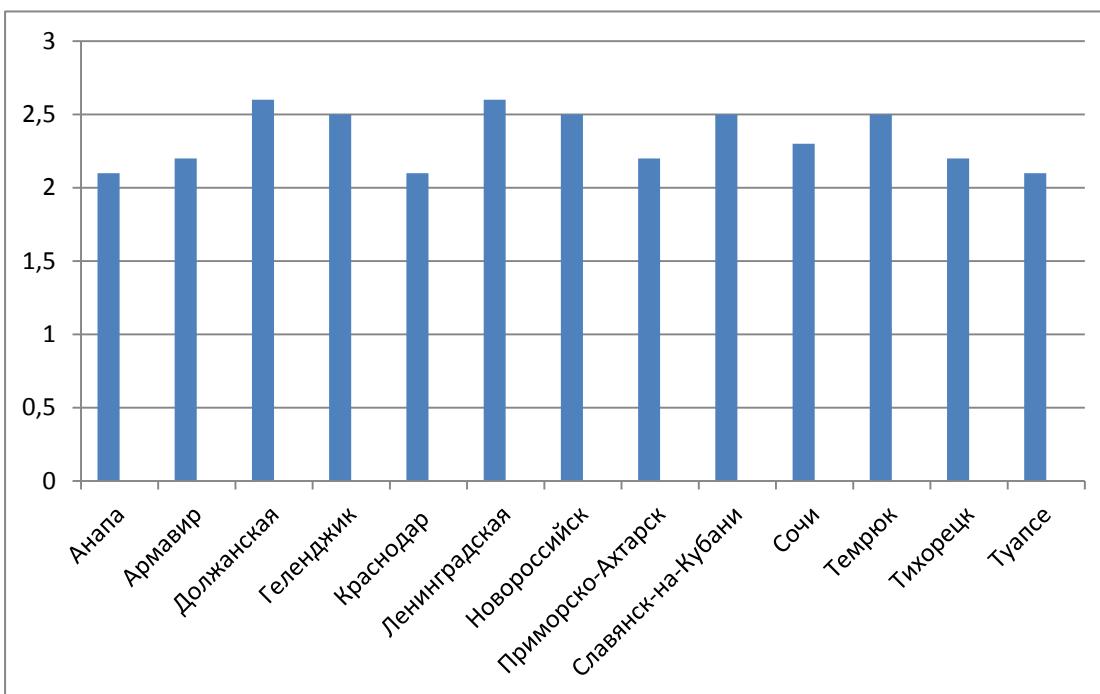

Рис. 2. Ежегодное уменьшение выбросов парниковых газов (тонн эквивалента CO₂) за счет устройства типовой мультифункциональной ТНУ для различных туристских дестинаций Краснодарского края

Расчет технико-экономических показателей установки показал, что при текущем уровне инфляции и цен на энергоносители срок окупаемости типовой установки составил 11,5 лет, что для энергоэффективного проекта является достаточно большой величиной и пока не позволяет отнести предлагаемое мероприятие к первоочередным в области энергосбережения и повышения энергоэффективности.

Заключение. Строительство энергоэффективных зданий, соответствующих требованиям «зеленых» стандартов, является одним из важнейших направлений устойчивого проектирования и строительства. Теплонасосные установки, использующие возобновляемые источники энергии (низкопотенциальное тепло окружающей среды) или вторичные энергоресурсы, могут служить эффективным источником тепло- и хладоснабжения в условиях Краснодарского края. Для повышения эффективности их внедрения необходима реализация системы мер государственной поддержки использования ВИЭ; разработка и исполнение региональных и муниципальных программ энергосбережения и повышения энергоэффективности [11]; оптимизация параметров энергокомплексов на основе ВИЭ, использующих ТНУ, с повышением коэффициента преобразования ТНУ за счет использования низкотемпературных систем отопления, вторичного использования сбросного тепла и наиболее полного использования потенциала местных ВИЭ.

Примечания:

1. Волков А.Н. Инновационное развитие энергетической сферы России в условиях перехода экономики на траекторию низкоуглеродного климатически устойчивого развития // В мире научных открытий. 2013. № 4.1 (40). С. 95-118.
2. PassiveHouseInstitute [Электронный ресурс]. URL: http://www.passiv.de/en/02_informations/01_what_is_a_passivehouse/01_what_is_a_passivehouse.htm (дата обращения 10.09.2013 г.).
3. Бутузов В.А. Современное состояние российских систем геотермального теплоснабжения и перспективы их развития // Промышленная энергетика. 2005. N 4. С. 53-54.
4. Бутузов В.А. Перспективы применения тепловых насосов // Промышленная энергетика. 2005. N 10. С. 5-7.
5. Бутузов В.А., Томаров Г.В., Шетов В. Х. Геотермальная система теплоснабжения с использованием солнечной энергии и тепловых насосов // Энергосбережение. 2008. №3. С. 68-72.

6. Волков А.Н., Садилов П.В. Инженерная экология: роль нетрадиционных источников энергии в обеспечении устойчивого развития горно-климатического курорта «Красная Поляна» // Инженерная экология. 2001. № 3. С. 48.
7. Садилов П.В., Петренко В.Н. Состояние и перспективы использования возобновляемых видов энергии в современных условиях // Вестник СГУТиКД. 2007. Выпуск 1-2. С. 31-40.
8. Кощеев С.В., Кученко С.С. Развитие топливно-энергетического комплекса Краснодарского края на основе применения инновационных технологий в области энергосбережения и энергоэффективности [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал). 2012. №10. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/10/koshcheev.pdf> (дата обращения 10.12.2012г.).
9. Российский рынок тепловых насосов [Электронный ресурс] // Журнал «Мир климата» (официальный сайт). URL: <http://www.mir-klimata.com/archive/number37/article/article14/> (дата обращения - 02.10.2013).
10. Commercial Earth Energy Systems: A Buyer's Guide[Электронный ресурс]. – URL:<http://dsp-psd.pwgsc.gc.ca/Collection/M92-251-2002E.pdf> (дата обращения 04.10.2013).
11. Волков А.Н. Разработка программ в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности бюджетных учреждений рекреационного региона с учетом рационального использования потенциала возобновляемых источников энергии // Известия Сочинского государственного университета. 2012. Т. 22. № 4. С. 166-172.

UDC 620.97 : 697.7

Using Heat-pump Systems in Energy Efficient Buildings at Tourist destinations across Krasnodar Region

¹Alexander N. Volkov

²Sergey S. Kuchenko

³Egor V. Radchenko

¹ Sochi State University, Russian Federation
354000 Sochi, 26a Sovetskaya St.

PhD (technical)

E-mail: volkovsochi@gmail.com

² Sochi State University, Russian Federation
354000 Sochi, 26a Sovetskaya St.

Student

E-mail: s1lents1ter@gmail.com

³ Sochi State University, Russian Federation
354000 Sochi, 26a Sovetskaya St.

Student

E-mail: _messiah_@inbox.ru

Abstract. The article examines the various aspects of using energy efficient building technologies at tourist destinations across Krasnodar Region. The article pays special attention to the present opportunities to widely use heat-pumping systems that use the existing potential for renewable energy resources such as heat from gravel, ground water, surface water and air. The article examines the issues standing in the way of expanding the use of heat-pumps in Russia and proposes ways to resolve these issues. By using the housing within tourist destinations in Krasnodar Region as an example, the article identifies the environmental effect and the economic indicators of utilising heat-pumping systems for increasing energy efficiency of buildings.

Keywords: heat-pumping systems; energy efficient buildings; energy efficiency and energy saving; renewable sources of energy; tourist destinations; recreational region; innovation; low-potential heat source.

Влияние давления на выход водорода и нановолокнистого углерода в процессе разложения метана на никель-медных катализаторах

¹ Максим Викторович Попов

² Евгений Алексеевич Соловьев

³ Армен Игоревич Арзуманян

⁴ Геннадий Георгиевич Кувшинов

¹ Новосибирский государственный технический университет, Российская Федерация
630092, Новосибирск, проспект К.Маркса, 20

Аспирант

E-mail: porovmaxvik@gmail.com

² Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

Аспирант

E-mail: arzum_gs@mail.ru

³ Сибирский федеральный университет, Российская Федерация
660041, Красноярск, проспект Свободный, 82

Кандидат технических наук, доцент

E-mail: soloviov@ngs.ru

⁴ Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

Доктор технических наук, профессор

E-mail: gennady.kuvshinov@gmail.com

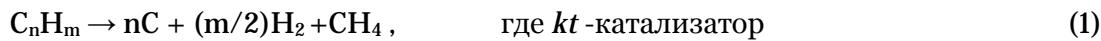
Аннотация. В данной работе представлены результаты экспериментальных исследований процесса получения водорода и нановолокнистого углерода пиролизом метана на биметаллических Ni-Cu катализаторах различного состава в диапазоне температур 600–650°C и диапазоне давлений 1–2.5 атм. Показано, что с увеличением давления в реакторе и содержания меди в катализаторе возрастает время стабильной работы катализатора и интегральный выход водорода и нановолокнистого углерода за период дезактивации катализатора.

Ключевые слова: каталитический пиролиз; повышенное давление; катализаторы; углеродные нановолокна; водород; альтернативная энергетика.

Введение. Водород является перспективным альтернативным энергоносителем, способным заменить традиционные виды топлива. Использование водорода в качестве топлива позволит существенно сократить количество оксидов углерода и других вредных выбросов в атмосферу, которые образуются в продуктах сгорания традиционных моторных топлив. Автономные энергоустановки на базе водородных топливных элементов способны в ближайшем будущем заменить дизельные и бензиновые агрегаты. В России использование автономных энергоустановок особо актуально, так как более 60 % территории страны не имеет централизованного энергоснабжения [1].

Водород, получаемый традиционным промышленным способом - паровой конверсией метана, содержит примеси оксидов углерода, которые отравляют платиновые электрокатализаторы, используемые в топливных элементах. Прецизионная многоступенчатая очистка от оксидов углерода получаемого традиционными методами водорода приводит к многократному удорожанию последнего и делает нерентабельным его применение, особенно в случае небольших автономных энергоустановок, интегрированных с генераторами водородного топлива.

В настоящее время большое внимание уделяется альтернативному способу получения водорода и ценного нановолокнистого углерода (НВУ) разложением газообразных углеводородов (преимущественно метана) с использованием катализаторов, содержащих металлы VIII группы (Fe, Ni, Co, Pd) в диапазоне температур 500-700°C [2-5]:

Из-за термодинамических ограничений процессов разложения углеводородов в продуктах реакции содержится также метан. В данном процессе катализатор дезактивируется и остается в углеродном продукте в качестве примеси. В этой связи важнейшими технологическими характеристиками данного процесса являются удельные выходы нановолокнистого углерода и водорода на единицу массы катализатора за период его дезактивации.

Получаемая метан-водородная газовая смесь может быть использована в качестве более эффективного альтернативного топлива [2]. При необходимости, остатки неразложившегося метана могут быть отделены от водорода, например, под давлением с помощью мембранных сепараторов. Коммерческая эффективность рассматриваемой технологии связана с простотой процесса синтеза водорода и одновременным производством второго ценного продукта – нановолокнистого углерода, обладающего уникальными физико-химическими свойствами [6-8].

Проведение процесса каталитического пиролиза под давлением позволит совместить в едином технологическом процессе реактор каталитического пиролиза и мембранный аппарат для отделения водорода. В этой связи важной для развития технологии задачей является установление закономерностей влияния давления в реакторе на процесс каталитического пиролиза метана и удельный выход водорода.

Из литературы и предварительных экспериментальных исследований известно, что добавление второго металла в катализатор (в частности Cu) позволяет повысить термостабильность Ni-содержащих катализаторов в процессе каталитического пиролиза углеводородов при атмосферном давлении [5, 9, 10]. Данные о влиянии повышенного давления на показатели процесса и характеристики катализатора в литературе отсутствуют.

Экспериментальная часть. Экспериментальные исследования процесса каталитического пиролиза метана проводились при использовании лабораторной проточной каталитической установки, разработанной на кафедре технологических процессов и аппаратов НГТУ. Процесс осуществлялся в проточном кварцевом реакторе с виброожиженным слоем катализатора в режиме, близком к идеальному перемешиванию по газу. Кроме того, применение виброожижения позволяет исключить процесс агломерации и слипания частиц нановолокнистого углеродного материала, образующегося в ходе реакции пиролиза. Конструкция реактора, позволяющего осуществлять процесс каталитического пиролиза газообразных углеводородов под давлением до 8 атм. показана на рисунке 1.

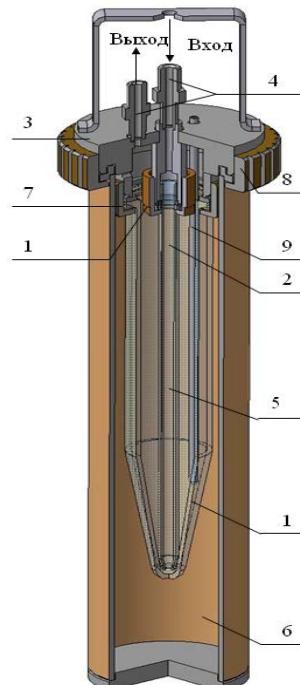

Рис. 1. Конструкция реактора

В процессе работы реактора метан по газопроводу подается во внутреннюю кварцевую колбу 1, проходя по кварцевой трубке ввода газа 2. Газоподводные трубы соединены с головкой реактора 3 через ниппели 4, тем самым обеспечивается герметизация системы. При подаче углеводородного газа в кварцевую колбу 1 происходит его взаимодействие с предварительно загруженным катализатором. В результате реакции происходит разложение углеводородов на водород и нановолокнистый углерод по уравнению 1. Прореагировавший газ удаляется из реактора через газоотводную трубку, соединенную с головкой реактора полуниппелем 4. Давление внутри кварцевой колбы 1 и во внешнем стакане 6 выравнивается по принципу сообщающихся сосудов, что позволяет проводить процесс под давлением без каких-либо повреждений кварцевой колбы. Кварцевая колба 1 и внешний стакан 6 соединены с головкой реактора 3 накидными гайками 7 и 8, соответственно. Температура процесса контролируется термопарой, размещенной в термопарном кармане 9.

Образующийся в результате реакции твердый осадок - нановолокнистый углерод, полностью остается в реакторе. Выгрузка углеродного материала осуществляется при полном охлаждении реактора.

Общий вид установки представлен на рисунке 2.

Рис. 2. Общий вид каталитической установки

В качестве сырья использовался высокочистый метан (99.999 об. %). Удельный расход метана поддерживался постоянным на уровне 100 л/ч·г_{кат}. Масса катализатора в каждом эксперименте составляла 0.015 г. В качестве катализаторов использовались биметаллические Ni-Cu катализаторы с текстурным промотором в виде окиси алюминия (Al_2O_3) и различным соотношением Ni и Cu (вес. %): 82Ni–8Cu и 70Ni–20Cu.

Контроль и регулировка расходов газов осуществлялись с помощью автоматического массового регулятора расхода. Контроль и регулировка температуры печи осуществлялись при помощи измерителя-регулятора «ОВЕН» 2TPM1, расположенного на панели корпуса установки.

Давление в реакторе регулировалось обратным регулятором давления и контролировалось датчиком давления. Анализ газообразных продуктов реакции проводился методом газовой хроматографии с применением хроматографа Хромос ГХ-1000.

Результаты и их обсуждение. Из полученных данных следует, что при увеличении давления в реакторе до 2.5 атм. существенно возрастает время стабильной работы катализатора 82Ni-8Cu при температуре 600°C (рис. 3). Активность катализатора сохраняется на достаточно высоком уровне в течение 40 ч, концентрация водорода в продуктах реакции при этом составляет не менее 24 об. %.

Дальнейшие исследования показали, что при увеличении содержания меди в катализаторе до 20 вес. % время стабильной работы катализатора увеличивается как при

атмосферном давлении, так и при 2.5 атм. (рис. 4). При этом концентрация водорода составляет не менее 30 об. % в течение порядка 40 ч при давлении 2.5 атм.

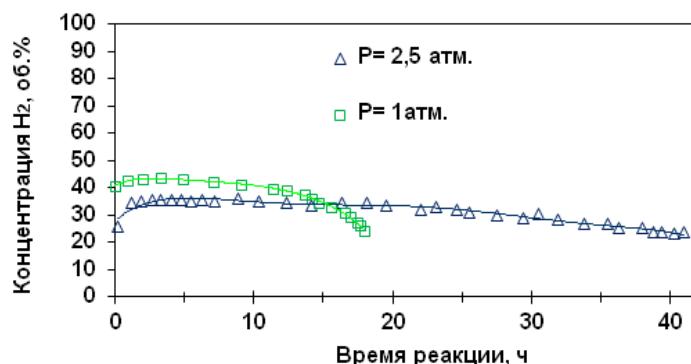

Рис. 3. Изменение концентрации водорода в продуктах пиролиза метана (катализатор 82Ni-8Cu, температура 600°C)

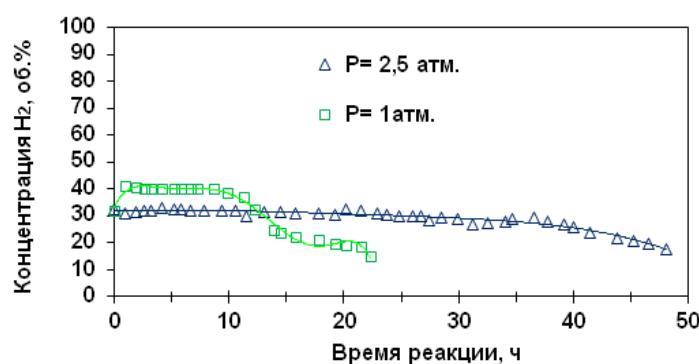

Рис. 4. Изменение концентрации водорода в продуктах пиролиза метана (катализатор 70Ni-20Cu, температура 650°C)

В таблице 1 приведены данные об удельном выходе водорода и углерода за период дезактивации катализатора.

Таблица 1

Катализатор	Давление, атм	Температура, °C	Выход	
			H ₂ , МОЛЬ/Г _{кат}	C, Г/Г _{кат}
82Ni-8Cu	1	600	32	192
	2,5		61	380
70Ni-20Cu	1	650	40	240
	2,5		66	392

Установлено, что с увеличением давления количество полученного водорода и нановолокнистого углерода на единицу массы катализатора возрастает. В частности, для катализатора 82Ni-8Cu удельный выход возрастает практически в 2 раза и составляет 61 моль/г_{кат} и 380 г/г_{кат}, соответственно. С увеличением температуры до 650°C и давления до

2.5 атм. в случае катализатора 70Ni–20Cu удельные выходы водорода и углерода составили 66 моль/г_{кат} и 392 г/г_{кат}, соответственно.

Заключение. Таким образом, установлено, что увеличение давления в реакторе приводит к увеличению времени жизни катализатора и удельных выходов нановолокнистого углерода и водорода за период дезактивации катализатора. Дополнительное увеличение удельных выходов продуктов реакции при повышенных давлениях достигается за счет увеличения содержания меди до 20 вес. % и температуры до 650°C.

Полученные данные указывают на перспективность разработки технологии получения водорода на основе процесса каталитического пиролиза углеводородов при давлениях выше атмосферного в области температур 600–650°C.

Примечания:

1. Михайлов А., Агафонов А., Сайданов В. Малая энергетика России. Классификация, задачи, применение // Новости электротехники 2005. №5(35).
2. Kuvshinov G.G. Environmentally sound nontraditional processing of hydrocarbon energy carriers to produce and use hydrogen. // Proc. of The Third Int. Conf. on New Energy Systems and Conversions, September, 8-13, 1997, Kazan, Russia
3. Kuvshinov G.G., Parmon V.N., Sadykov V.A., Sobyanin V.A. New catalysts and catalytic processes to produce hydrogen and syngas from natural gas and other light hydrocarbons. // Studies in Surface Science and Catalysis, 1998, Vol. 119. p. 677.
4. Патент РФ 2312059. С1 МПК C01 B 3/26 В01 J 23/755. Способ получения водорода и нановолокнистого углерода / Соловьев Е.А., Кувшинов Д.Г., Ермаков Д.Ю., Кувшинов Г.Г. №2006110780/15; Заявл. 03.04.2006; Опубл. 10.12.2007, Бюл. №34.
5. Reshetenko T.V., Avdeeva L.B., Ismagilov Z.R., Chuvilin A.L., Ushakov V.A. Carbon capacious Ni-Cu-Al₂O₃ catalysts for high-temperature methane decomposition // Applied Catalysis A: General 2003. V. 247. P. 51–63.
6. G.G. Kuvshinov, L.B. Avdeeva, O.V. Goncharova, Yu.I. Mogilnykh Peculiarities of the process of producing the granular carbon materials of fibrous structure by hydrocarbon decomposition in unstatic catalyst bed reactor. // ACHEMA`94. International Meeting on Chemical Engineering and Biotechnology. Reaction Engineering. Membranes, 9.6. 1994.
7. Bannov A.G., Uvarov N.F., Ukhina A.V., Chukanov I.S., Dyukova K.D., Kuvshinov G.G. Structural changes in carbon nanofibers induced by ball milling // Carbon. 2012. Vol. 3. P. 1090–1098.
8. Shinkarev V.V., Glushenkov A.M., Kuvshinov D.G., Kuvshinov G.G. Nanofibrous carbon with herringbone structure as an effective catalyst of the H₂S selective oxidation. // Carbon. 2010. V. 48. P. 2004–2012.
9. Соловьев Е.А., Кувшинов Д.Г., Чуканов И.С., Ермаков Д.Ю., Кувшинов Г.Г. Получение водорода на основе селективного каталитического пиролиза пропана // Химическая технология. 2007. №12. С. 544–555.
10. Соловьев Е.А., Кувшинов Г.Г. Влияние состава катализатора на процесс получения водорода селективным каталитическим пиролизом пропана // Альтернативная энергетика и экология. 2011, №10. с. 127–132.

UDC 66.097:547.213

The Impact of Pressure on the Output of Hydrogen and Nanofibrous Carbon during the Breakdown of Methane with Nickel and Copper Catalysts

¹Maxim V. Popov

²Yevgeny A. Soloviov

³Armen I. Arzumanyan

⁴Gennady G. Kuvshinov

¹Novosibirsk State Technical University, Russian Federation

Novosibirsk, 630092, Karl Marks prospect, 20

Graduate student

E-mail: popovmaxvik@gmail.com

² Sochi State University, Russian Federation

Sochi, 354000, Sovetskaya Street, 26 a

Postgraduate student

E-mail: arzum_gs@mail.ru

³ Siberian Federal University, Russian Federation

660041, Krasnoyarsk, ave. Svobodny, 82

Ph.D., Associate Professor

E-mail: soloviov@ngs.ru

⁴ Sochi State University, Russian Federation

Sochi, 354000, Sovetskaya Street, 26 a

Professor, Doctor of Technical Science

E-mail: gennady.kuvshinov@gmail.com

Abstract. The present article presents the results of experimenting with the process of obtaining hydrogen and nanofibrous carbon through the pyrolysis of methane in bimetallic Ni-Cu catalysts of various compositions within the range of temperatures from 600°C to 650°C and within the range of pressures from 1atm to 2.5atm. This study shows that increasing the pressure in the reactor and increasing the amount of nickel in the catalyst increases the time that the catalyst is stable and increases the integral yield of the hydrogen and the nanofibrous carbon during catalyst deactivation.

Keywords: catalyst pyrolysis; increased pressure; catalysts; nanofibrous carbon; hydrogen; alternative energy sources.

Оптические свойства металлических зеркал для CO_2 – лазеров

¹ Владимир Ефимович Рогалин

² Иван Александрович Каплунов

¹ Национальный центр лазерных систем и комплексов «Астрофизика», Российская Федерация
125424, Москва, Волоколамское ш., 95

Кандидат физико-математических наук

E-mail: v-rogalin@mail.ru

² Тверской государственный университет, Российская Федерация

170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33

Доктор технических наук, профессор

E-mail: Ivan.Kaplunov@tversu.ru

Аннотация. Рассмотрены оптические свойства металлических зеркал для мощных CO_2 -лазеров. Сопоставлены и проанализированы оптические, теплофизические и механические свойства перспективных материалов для изготовления зеркал – Al, Be, Au, Ag, Mo, Cu, Si.

Ключевые слова: CO_2 – лазеры; ИК-оптика; металлические зеркала; металлические покрытия; металлокерамические покрытия.

Введение. Лазерная техника уже более 30 лет успешно используются в промышленном производстве. Мощные лазеры на углекислом газе (CO_2 -лазеры) получили широкое применение на рынке непрерывной резки и сварки благодаря своей высокой мощности и эффективности с точки зрения потребления электричества, надежности и рентабельности. Газовые лазеры на углекислом газе с накачкой электрическим разрядом в газовой среде и с длиной волны 10,6 мкм (инфракрасная оптика, ИК-оптика) используются как источники непрерывного излучения и широко распространены в технологиях лазерной резки (металлы, пластик, компаунды, текстиль, дерево и др.) и лазерной сварки. Данные технологии осуществимы благодаря хорошо контролируемой, локализованной высокой плотности мощности, достигаемой в малом фокусном пятне лазерным излучением среднего и высокого качества [1-4].

Оптические элементы CO_2 -лазеров включают в себя отражающую оптику (зеркала оптических резонаторов) и выходные прозрачные окна. В производственных системах, оснащенных такими лазерами, передача лазерного излучения производится через атмосферу окружающей среды, отклонение луча производится обычно металлическими зеркалами. Кроме того, высокое по сравнению с традиционными газовыми лазерами, качество излучения дает большую стабильность параметров фокуса в рабочей зоне.

Отражающие зеркала изготавливают по обычной оптической технологии с использованием классических операций шлифовки и полировки, а также с использованием алмазного точения. Высокоточная механическая обработка алмазным инструментом с адаптацией под длину волны 10,6 мкм дает возможность производить надежную асферическую отражательную оптику без последующего шлифования и полирования. Зеркала изготавливают на основе различных материалов и покрывают высокоотражательными оптическими покрытиями или, для ряда применений, еще и высокопрочными отражающими покрытиями (например, из молибдена для зеркал, используемых в сварочных головках).

Лазерные зеркала

В мощных CO_2 – лазерах, излучающих на длине волны 10,6 мкм, применяют обычно металлические зеркала. В отличие от прозрачных диэлектриков металлы отражающих зеркал имеет комплексный показатель преломления. В металле световая волна затухает из-за интенсивного излучения электронами вторичных (отраженных) волн. При попадании излучения на гладкую металлическую поверхность большая часть излучения отражается [1, 5]. Особенno широко металлические покрытия применяются в инфракрасной оптике и

имеют преимущества перед многослойными интерференционными покрытиями в среднем и дальнем ИК-диапазонах, которые имеют низкую оптическую и механическую прочность вследствие невысоких физико-химических свойств (по сравнению с материалами для видимой и ближней ИК-областей) и большую толщину плёнки.

В работе [3] приведены данные о результатах цикла многолетних работ по созданию силовой (преимущественно зеркальной) лазерной оптики. На начальном этапе традиционные оптические элементы (окна; зеркала, нанесенные на стеклянные подложки) не выдерживали воздействия интенсивного оптического излучения, зеркальные покрытия отслаивались. Часть излучения, поглощенная в покрытиях, вызывающая нагрев зеркал, приводила кискажениям формы отражающей поверхности зеркал выше допустимых пределов и разъюстировке резонаторов.

Были сформулированы требования к оптическим материалам для изготовления силовых зеркал и проанализированы свойства известных материалов. На схеме (рис. 1) показаны перспективы материалов в зависимости от относительных значений их механических и теплофизических свойств. Ось ординат – отношение модуля Юнга (E) к плотности (ρ), называемое удельной жёсткостью. За 100% принята величина E/ρ бериллия. Ось абсцисс это процентное соотношение теплопроводности (λ) и коэффициента термического расширения (α).

Обычно в ИК-оптике используют отражающие металлические покрытия толщиной до 2000 – 3000 Å, нанесённые на полированную поверхность из стекла, кварца или ситалла. Однако, вследствие сравнительно низкой теплопроводности подложек для работы с мощным лазерным излучением такие зеркала не применимы. Для мощных технологических непрерывных CO₂-лазеров разработаны высокоотражающие металлокерамические покрытия с коэффициентом отражения $R \geq 99,5\%$, наносимые, обычно, на подложки из кремния [6-8]. Например, по данным ЗАО «Тидекс» [8], выпускаемые ими металлокерамические зеркала способны работать при плотности мощности непрерывного излучения 1 кВт/см². В импульсном режиме они выдерживают до 1 Дж/см². Однако, для применения в мощных импульсных ИК-лазерах этого недостаточно, и поэтому обычно используются цельнометаллические зеркала, поверхность которых иногда покрывается тонким однослойным влагозащитным покрытием [9]. Однако, и эти покрытия могут снижать оптическую стойкость. В работах [10, 11] исследовано взаимодействие интенсивного лазерного излучения с медными зеркалами, на которые наносились защитные алмазоподобные покрытия α – C:H. Показано, что коэффициент отражения зеркал после нанесения покрытия не ухудшается, а порог возникновения оптического пробоя при воздействии излучения импульсного CO₂-лазера сложным образом зависит от технологии нанесения покрытий и условий хранения. В случае применения зеркал в частотно-импульсных лазерах их делают охлаждаемыми [3].

В области 10 мкм высоким коэффициентом отражения ($R \geq 97\%$) обладают следующие металлы: алюминий, медь, серебро, золото, молибден и бериллий (рис. 2 – 5).

Серебро и золото, как драгоценные металлы, используются только для нанесения покрытий, причём серебро, ввиду слабой коррозионной стойкости, может быть использовано только с защитными покрытиями. Алюминиевые покрытия используются очень широко, в том числе из-за того, что они активно применяются и в других областях спектра, например, в УФ-области. Однако, алюминий сложен в обработке, и цельнометаллические зеркала высокого качества из него не делают.

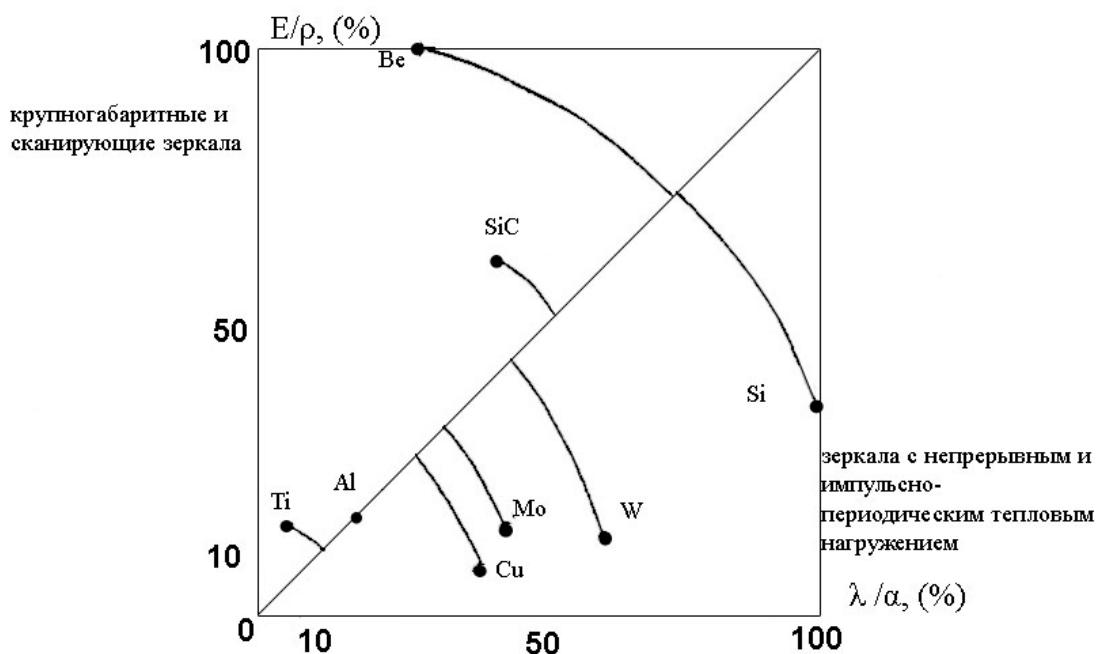

Рис. 1. Сопоставление перспективных материалов для подложек силовых лазерных зеркал в зависимости от их механических и тепловых свойств [3]

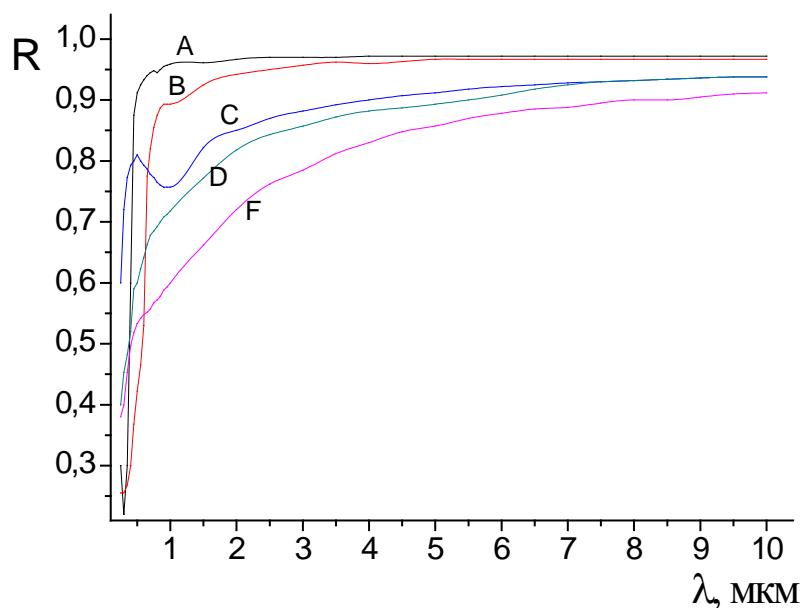

Рис. 2. Коэффициент отражения различных металлов как функция длины волны: А – полированное серебро, В – медь, С – алюминий, Д – никель, F – углеродистая сталь [4]

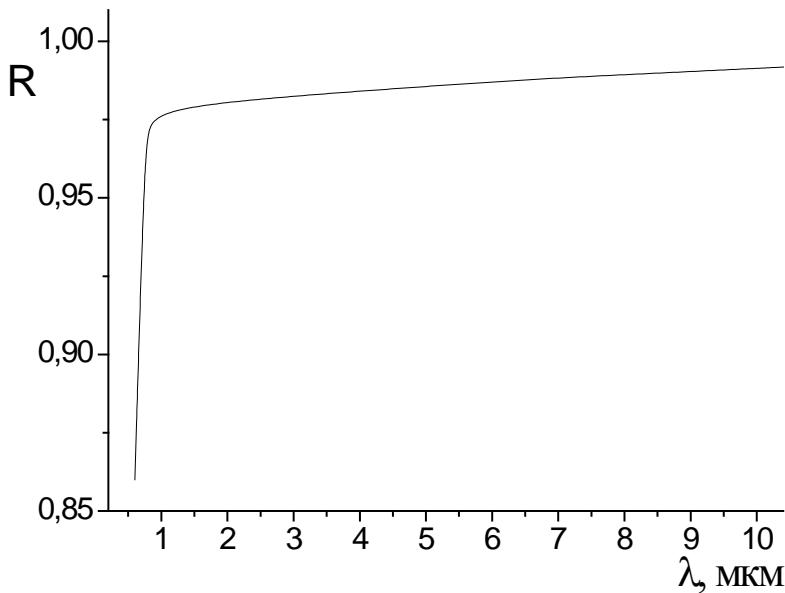

Рис. 3. Спектр отражения серебряного покрытия с защитой на подложке из стекла К-8.
(Отражение измерено при угле падения 41 градус) [12]

В таблице 1 приведены основные свойства металлов, используемых для изготовления мощных CO₂ – лазеров. Данные по механическим свойствам взяты из справочника [13], остальные, за исключением R для Be и Mo, из справочника [14].

Таблица 1

**Основные свойства металлов для изготовления зеркал
мощных CO₂ - лазеров**

Материал	$R, R_{\lambda=10 \mu\text{м}}$	$T_{пл}, K$	$\rho, \text{г}/\text{см}^3$	$\alpha, 10^6, \text{град}^{-1}$	$c, \text{Кал}/\text{моль}\cdot\text{град}$	$\chi, \text{Вт}/(\text{м} \times \text{К})$	$H_B, 10^7 \text{Н}/\text{м}^2$	$E, 10^7 \text{Н}/\text{м}^2$	$\sigma_T, 10^7 \text{Н}/\text{м}^2$
Al	98	933,5	2,699	23,4	5,82	221,5 (295K)	18,4	6,85	5,63-6,44
Be	98,5 [15]	1560	1,844	13,9	3,93	179 (373K)			
Au	98	1337,6	19,299	14,43	6,07	310 (273-373 K)	18,9	8,06	
Ag	99	1235	10,499	18,8	6,06	432,5 (300K)	20,6	2,59	
Mo	98 [16]	2890	10,218	5,0	5,98	138 (300K)	134	30900	29,4
Cu	98,5	1357	8,933	16,61	5,84	401,2 (300K)	52	11,2	6,85
Si	28	1688	2,332	2,56	4,79	152 (300K)			

В таблице: ρ – плотность; α - коэффициент линейного расширения; c – удельная теплоёмкость; χ - теплопроводность (при температуре); H_B – твёрдость по Бринеллю; E – модуль Юнга; σ_T – предел текучести.

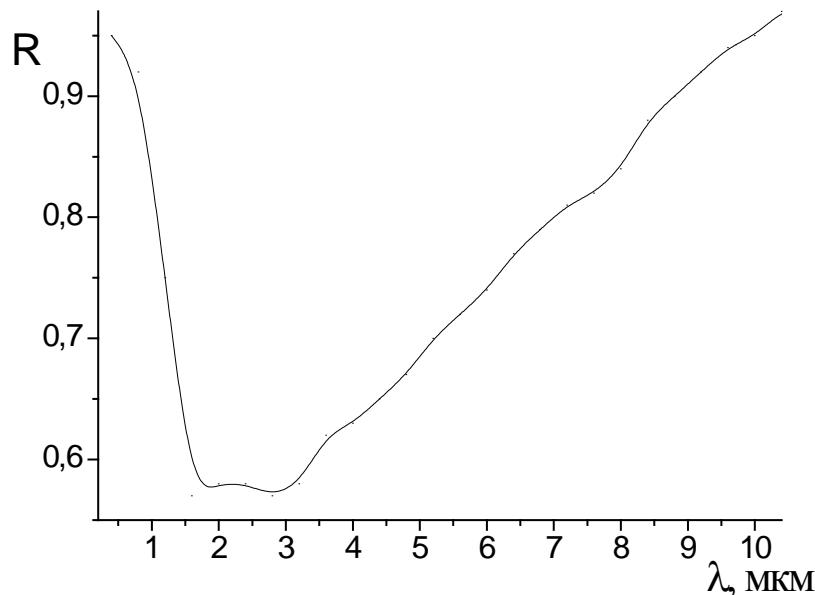

Рис. 4. Спектр отражения молибдена [11]

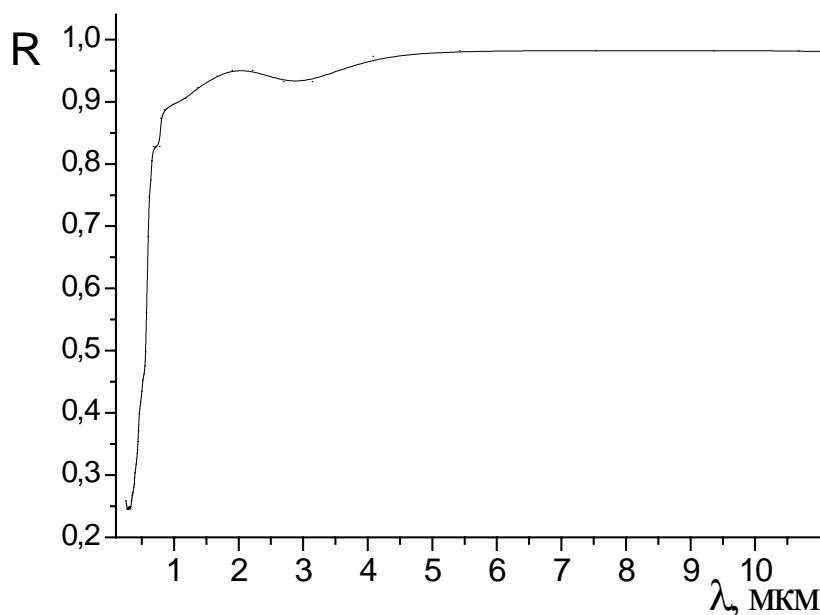

Рис. 5. Спектр отражения бескислородной меди в ИК-области [12]

Для изготовления облегчённых высококачественных зеркал, применяемых в космических аппаратах или иных ответственных приборах, иногда используют бериллий. Ограничения применения связаны с токсичностью, поэтому для его получения и обработки требуются специальные условия, что резко ограничивает использование. Тем не менее [12, 15, 17], одним из основных направлений применения бериллия в настоящее время остается металлооптика, причём преимущественно космическая. Применение бериллия в ряде случаев позволяет существенно повысить характеристики оптических зеркал по сравнению с изделиями из традиционных оптических материалов, таких, как ситалл и плавленый кварц, стекло К-8. Отношение прочности к плотности (E/ρ) – удельная жесткость – у бериллия значительно выше, чем у авиационных сталей и сплавов на основе титана и алюминия. Для оценки уровня стабильности формы оптических изделий во время эксплуатации

механические свойства материалов оценивают с помощью показателя удельной жесткости. Среди известных конструкционных материалов бериллий обладает наименьшей плотностью и максимальным модулем упругости и имеет рекордное значение удельной жесткости, величине которого бериллий превосходит другие легкие металлы в 5–6 и более раз. Высокая удельная жесткость в сочетании с хорошей удельной прочностью позволяет снизить массу конструкции при повышении ее механических характеристик. При одинаковой деформации формы оптической поверхности зеркал под действием силы тяжести зеркала из традиционных оптических материалов и других металлов будут тяжелее бериллиевых в два и более раз.

Перспективными изделиями из бериллия являются сканирующие зеркала для аппаратуры, работающей в ИК-области спектра. Одна из основных технических проблем – получение качественной оптической поверхности на бериллии. В некоторых случаях для улучшения качества поверхности бериллия на нем создают конструкционное стеклянное покрытие толщиной несколько миллиметров, на которое после оптической обработки наносится отражающее покрытие. Такие зеркала применяют при создании информационных систем. Существует технология [15] получения конструкционных стеклянных покрытий на изделиях диаметром до 1000 мм, не содержащих дефектов в виде трещин и газовых пузырей, способных подвергаться оптической обработке шлифованием и полированием и сохраняющих свою целостность при заданных воздействиях динамических нагрузок и перепадов температур.

Кроме использования бериллиевых зеркал для работы в диапазоне коротких длин волн ($\lambda \leq 300\ldots760$ нм), весьма перспективным является их применение в инфракрасном диапазоне ($\lambda = 2,0\ldots12,0$ мкм) для приборов дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) из космоса, а также силовой лазерной оптики. Оптические элементы ИК-систем ДЗЗ могут использоваться в условиях глубокого космического холода (190…240 К), а у силовых зеркал нагрузка может достигать $100 \text{ кВт}/\text{см}^2$ [15, 17-18].

Максимально полная реализация рекордно высоких весо-жесткостных свойств бериллия при создании оптических зеркал предполагает наличие заготовок материала необходимого качества. Бериллий – элемент с малым межатомным расстоянием, и введение большинства примесей в виде легирующих добавок создает сильные искажения кристаллической решетки. В связи с этим существенное внимание уделяется чистоте материала.

Молибден – прекрасный материал для зеркал CO₂ – лазеров (рис. 4). Он наиболее долговечен по сравнению с кремнием и медью, и может быть рекомендован для промышленного применения, абразивные и пылевые воздействия могут вызвать острые проблемы с другими типами зеркал. Молибден характеризуется высокой отражательной способностью, низким тепловым расширением и высокой твердостью. Отражательная способность зеркал из молибдена без покрытия на длине волны 10,6 мкм >98 %, так что эти зеркала применяют как с отражающим покрытием, так и без него. Молибденовые зеркала без покрытия представляют интерес в оптических системах, где отражательная способность не является первостепенной, но где важна долговечность. Поверхность молибденового зеркала без отражающего покрытия довольно долговечна и выдерживает менее квалифицированную и более грубую очистку, чем, например, серебряное отражающее покрытие, которое требует защиты [16].

Наиболее широко в мощных импульсных и частотно-импульсных CO₂ - лазерах применяются зеркала из меди или её сплавов. Небольшие добавки в медь бериллия, циркония или хрома практически не влияют на оптические свойства, но заметно повышают механические [3, 19].

Для изготовления работающих в ИК-диапазоне лазерных зеркал, в том числе и охлаждаемых, для высокомощных лазерных систем, используют либо бескислородную медь высокого качества (рис. 5), либо вышеупомянутые сплавы на её основе. В бескислородной меди марки МОБ содержится 99,97 % меди, а максимальное количество кислорода не превышает 0,001 % [19]. Медь характеризуется очень высокой теплопроводностью, что гарантирует максимальное качество лазерного излучения при предельных нагрузках. Медные зеркала достаточно дорогие в производстве, так как технология их полировки трудоёмка. При эксплуатации медных зеркал необходимо учитывать, что это очень мягкий, пластичный материал, который легко затирается. При чистке рабочей поверхности этих зеркал должна соблюдаться максимальная осторожность, даже в том случае, когда они имеют защитное покрытие [16, 20]. Для улучшения коррозионной стойкости на поверхность медного зеркала иногда наносят золотое покрытие.

Заключение. С самого начала CO₂ - лазеры проявили себя как «рабочие лошадки» в промышленных лазерных областях применения благодаря своей надежности, рентабельности и безопасности. Широкий диапазон материалов от акрила и алюминия до полистирола, титана и циркония делает CO₂ - лазер универсальным инструментом резки и сварки.

Основой лазеров является современная и признанная технология изготовления лазерного источника, а также рассмотренные выше материалы и на их основе изготовленные оптические компоненты – отражающие зеркала.

Примечания:

1. Шмаков В.А. Силовая оптика [Текст] / В.А. Шмаков. М.: Наука, 2004. 318 с.
2. ROFIN-SINAR Laser GmbH [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rofin.com>.
3. Алексеев В.А. Силовая лазерная оптика [Текст] / Алексеев В.А., Нарусбек Э.А., Ямпольский В.И. // Лазерные и оптические системы: Н.-тех.сб. М.: ГНЦ НПО Астрофизика, 1994. С. 124-130.
4. Сайт ООО «ЛАЗЕР ХИТ». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lazer-hit.tiu.ru/>.
5. Соколов А.В. Оптические свойства металлов. [Текст] / А.В. Соколов. М.: Физматгиз, 1961, 464 с.
6. Пат. 2097802 Российской Федерации, G02B5/28 Интерференционное зеркало [Текст] / Глебов В.Н.; заявитель и патентообладатель Научно-исследовательский центр по технологическим лазерам РАН. № 95100833/28; заявл. 19.01.1995; опуб. 27.11.1997.
7. Ledger, A.M., Inhomogeneous interface laser mirror coatings [Текст] / A.M. Ledger // Applied Optics. 1979. V. 18. № 17. P. 2979-2989.
8. Сайт ЗАО «Тидекс». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://tydexoptics.com/ru>.
9. Панасенко В.В. Оптические покрытия для CO₂ – лазеров [Текст] / В.В. Панасенко, И.С. Гайнутдинов, Н.Е. Залилова, В.А. Сапелкин, В.С. Нурумова // Тез. докл. IV Всесоюз. конф.: Оптика лазеров. Л: ГОИ, 1983. С. 275.
10. Коншина Е.А. Взаимодействие интенсивного лазерного излучения с защитными покрытиями α С:Н [Текст] / Е.А. Коншина // ЖТФ. 1998. Т. 68. № 9. С. 59–66.
11. Коншина, Е.А. Особенности колебательных спектров алмазоподобных и полимерных плёнок α С:Н [Текст] / Е.А. Коншина, А.И. Вангонен // ФТП. 2005. Т. 39. Вып. 5. С. 616 621.
12. Сайт ЗАО «Опто-Технологическая Лаборатория». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.optotl.ru/>
13. Таблицы физических величин. Справочник. [Текст] / Под ред. И.К. Кикоина. М.: Атомиздат, 1976. 1006 с.
14. Свойства элементов. Справочник. В двух частях. Часть 1. Физические свойства. [Текст] / Под ред. Г.В. Самсоновой; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Металлургия, 1976. 599 с.
15. Любарский С.В. Зеркала из нетрадиционных для оптики материалов [Текст] / С.В. Любарский // Оптический журнал. 1996. № 4. С. 33-39.
16. Производственная компания ООО «Электростекло». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.elektrosteklo.ru>.
17. Сизенев В.С. Оптические свойства полированного берилля в условиях воздействия факторов космического пространства [Текст] / В.С. Сизенев, И.Л. Струля, А.В. Григорьевский, В.М. Просвириков, В.Я. Менделеев, С.Н. Сквородько // Вопросы атомной науки и техники. Сер. Физика радиационных повреждений и радиационное материаловедение. 2010. № 1. С. 21-27.
18. Любарский С.В. Термооптический стенд для тестирования крупногабаритной оптики в условиях глубокого охлаждения в вакууме. [Текст] / С.В. Любарский, Л.Ш. Олейников, В.Б. Григорьев, М.М. Чулков, А.Д. Шнырев // Оптический журнал. 1997. № 8. С. 20–23.
19. Николаев А.К. Медь и жаропрочные медные сплавы [Текст] / А.К. Николаев, С.А. Костин. М. : ДПК Пресс. 2012. 715 с.
20. Дробот А.Д. Деградация и восстановление медных зеркал импульсного CO₂ – лазера [Текст] / А.Д. Дробот, М.К. Ильин, Р.М. Овнанян, В.Е. Рогалин, С.А. Филин, В.И. Ямпольский // Электронная техника, сер. Лаз. техн. и оптоэлектрон. 1990. Вып. 2(54). С. 49-51.

The Optic Properties of Metallic Mirrors for CO₂ Lasers

¹Vladimir E. Rogalin

²Ivan A. Kaplunov

¹National Center of Laser Systems and Complexes «Astrophysica», Russian Federation

Volokolamskoe sh., 95, Moscow, 125424

PhD (physics-matematical)

E-mail: v-rogalin@mail.ru

²Tver State University, Russian Federation

Zhelyabova Str. 33, Tver, 170100

Dr. (technical), Professor

E-mail: Ivan.Kaplunov@tversu.ru

Abstract. The article examines the optic properties of metallic mirrors for powerful CO₂ lasers. It compares and analyses the optic, thermophysical and mechanical properties of the following perspective materials for producing mirrors: Al, Be, Au, Ag, Mo, Cu, Si.

Keywords: CO₂ lasers; infrared optics; metallic mirrors; metallic coating; metal-dielectric coating.

Системный подход к проектированию интеллектуальных систем защиты информации*

¹ Симон Жоржевич Симаворян

² Арсен Рафикович Симонян

³ Улитина Елена Ивановна

⁴ Рафик Арсенович Симонян

¹ Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, г. Сочи, Краснодарский край, ул. Советская, 26а

Кандидат технических наук, доцент

E-mail: simsim58@mail.ru

² Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, г. Сочи, Краснодарский край, ул. Советская, 26а

кандидат физико-математических наук, доцент

E-mail: orpm@mail.ru

³ Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, г. Сочи, Краснодарский край, ул. Советская, 26а

кандидат физико-математических наук, доцент

E-mail: ulitinaelena@mail.ru

⁴ Кубанский государственный университет, Российская Федерация
350040, г. Краснодар, , ул. Ставропольская, 149

Аспирант

E-mail: raf55@list.ru

Аннотация. В данной статье сделана попытка формирования основ теории интеллектуальной защиты информации в автоматизированных системах обработки информации на основе системно-концептуального подхода и кратко изложен системный подход к проектированию интеллектуальных систем защиты информации.

Ключевые слова: интеллектуальные системы защиты информации; системный подход.

Введение. Применительно к проблеме проектирования интеллектуальных систем защиты информации необходимо отметить, что в основу методологии формирования теории интеллектуальной защиты информации необходимо положить так называемый системно-концептуальный подход к защите информации [1] и теории интеллектуальных информационных систем в области искусственного интеллекта [3]. Сущность системного подхода заключается в трех посылках [1]: 1) системное рассмотрение сущности исследуемой проблемы; 2) разработка и обоснование полной и непротиворечивой концепции решения проблемы; 3) системное использование методов моделирования исследуемых (разрабатываемых) процессов и явлений.

Постановка задачи. Данная статья является первой попыткой формирования основ теории интеллектуальной защиты информации в автоматизированных системах обработки информации (АСОД) на основе вышеприведенных подходов. Поэтому она и должна рассматриваться лишь как первое приближение к формированию полной и непротиворечивой теории.

Обсуждение. Под концепцией защиты информации понимается полная совокупность взглядов, положений и решений, необходимых и достаточных для целенаправленного и оптимального решения всех задач теоретических исследований и практической реализации проблем защиты информации в современных АСОД [1, 2]. Система требований к формированию концепции защиты информации сформулирована в [1, 2]:

* Работа поддержана грантом РФФИ 13-01-00544.

1) Общетеоретические требования: а) полнота, т.е. достаточность для решения всех задач анализа и синтеза систем защиты и управления их функционированием; б) непротиворечивость, т.е. взаимосвязанность и логическая стройность всех её компонентов; в) стройность, т.е. соответствие понятию научного дизайна;

2) прикладные требования: а) унифицированность, т.е. способность обеспечивать потребности решения задач комплексной защиты информации; б) учет всех основных положений современных и перспективных концепций построения и использования АСОД; в) реализуемость, т.е. возможность реализации при современном состоянии науки, техники и производства; г) перспективность, т.е. адекватность не только для нынешних, но и будущих потребностей и условий защиты информации в автоматизированных системах. Общая структура системной концепции защиты информации приводится в [1,2].

Искусственный интеллект (ИИ) как наука существует около полу века. Интеллектуальные информационные системы проникают во все сферы нашей жизни, например, в такие как: 1) разработка интеллектуальных информационных систем или систем, основанных на знаниях; 2) разработка естественно-языковых интерфейсов и машинный перевод; 3) генерация и распознавание речи; 4) обработка визуальной информации; 5) обучение и самообучение; 6) распознавание образов; 7) игры и машинное творчество; 8) программное обеспечение систем ИИ; 8) новые архитектуры компьютеров; 9) интеллектуальные роботы [3].

Интеллектуальные информационные системы (ИС) основаны на концепции использования базы знаний для генерации алгоритмов решения прикладных задач различных классов в зависимости от конкретных информационных потребностей пользователей [3, 9, 10].

Для интеллектуальной ИС характерны следующие признаки [3, 11]:

- развитые коммуникативные способности;
- умение решать сложные плохо формализуемые задачи;
- способность к самообучению;
- адаптивность.

Каждому из перечисленных признаков условно соответствует свой класс интеллектуальных ИС. Различные системы могут обладать одним или несколькими признаками интеллектуальности с различной степенью проявления.

Средства ИИ могут использоваться для реализации различных функций, выполняемых интеллектуальными ИС. Интеллектуальным ИС присущи следующие интеллектуальные функции:

- коммуникативные способности - способ взаимодействия конечного пользователя с системой;
- решение сложных плохо формализуемых задач, которые требуют построения оригинального алгоритма решения в зависимости от конкретной ситуации, характеризующейся неопределенностью и динамичностью исходных данных и знаний;
- способность к самообучению – умение системы автоматически извлекать знания из накопленного опыта и применять их для решения задач;
- адаптивность – способность системы к развитию в соответствии с объективными изменениями области знаний.

Общая структура унифицированной концепции интеллектуальной защиты информации приводится на рис.1, из которого следует, что исходную основу концепции интеллектуальной защиты составляют: 1) концепции построения интеллектуальных АСОД, 2) концепции построения интеллектуальных баз данных и технологий обработки информации, 3) условия функционирования. К параметрам защиты информации относятся: 1) объекты и элементы защиты информации с учетом их интеллектуализации;

- 2) уровни интеллектуальной защиты информации и требования к ним;
- 3) показатели защищенности информации.

Очень важным компонентом концепции является понятие интеллектуального множества каналов несанкционированного получения информации, базирующее на таком понятии как интеллектуальные злоумышленные действия [6, 7, 8]. Для обеспечения возможностей практической реализации концепции использования знаний о злоумышленных действиях с целью построения интеллектуальных баз данных и технологий

обработки информации должна быть разработана методология оценки интеллектуальной защищенности информации [4, 5, 7].

Конструктивными элементами концепции являются: 1) интеллектуальные функции защиты информации, 2) интеллектуальные задачи защиты информации, 3) интеллектуальные средства защиты информации, 4) интеллектуальная система защиты информации, 5) механизмы обеспечения функционирования интеллектуальной системой защиты информации, 6) механизмы управления интеллектуальной системой защиты информации.

Важнейшим элементом концепции является обратная связь от конструктивных элементов концепции к элементам составляющим исходную основу концепции.

Интеллектуальная функция защиты информации – совокупность однородных в функциональном отношении интеллектуальных мероприятий, регулярно осуществляемых в АСОД, с целью создания, поддержания и обеспечения условий, объективно необходимых для надежной защиты информации. Интеллектуальная задача защиты информации – интеллектуальные организованные возможности, интеллектуальных средств, методов и мероприятий, реализуемых в АСОД с целью реализации интеллектуальных средств защиты информации.

Интеллектуальное средство защиты информации – интеллектуальные устройства, программы и мероприятия, специально предназначенные для решения в АСОД интеллектуальных задач защиты информации. Интеллектуальная система защиты информации – организованная совокупность всех интеллектуальных средств, методов и мероприятий, предусматриваемых в АСОД с целью осуществления интеллектуальной защиты информации.

Разработка и обоснование основных положений концепции интеллектуальной защиты информации составляет основное содержание проекта 13-01-00544 – « Интеллектуальные системы защиты информации».

Условия, способствующие повышению эффективности интеллектуальной защиты информации

ИСХОДНАЯ ОСНОВА	ПАРАМЕТРЫ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ	СИСТЕМА ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ	ПАРАМЕТРЫ ЗАЩИЩЕННОСТИ	КОНСТРУКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
Концепции построения интеллектуальных АСОД	Объекты и элементы защиты с учетом возможности их интеллектуализации	Интеллектуальное множество КНПИ	Методика оценки интеллектуальной защищенности информации	Механизмы управления интеллектуальной системой защиты
Концепции построения интеллектуальных баз данных и технологий обработки информации	Уровни интеллектуальной защиты и требования к ним			Механизмы обеспечения функционирования интеллектуальной системой
Условия функционирования АСОД	Показатели интеллектуальной защищенности информации			Интеллектуальная система защиты информации
				Интеллектуальные функции защиты информации
				Интеллектуальные задачи защиты информации
				Интеллектуальные средства защиты информации

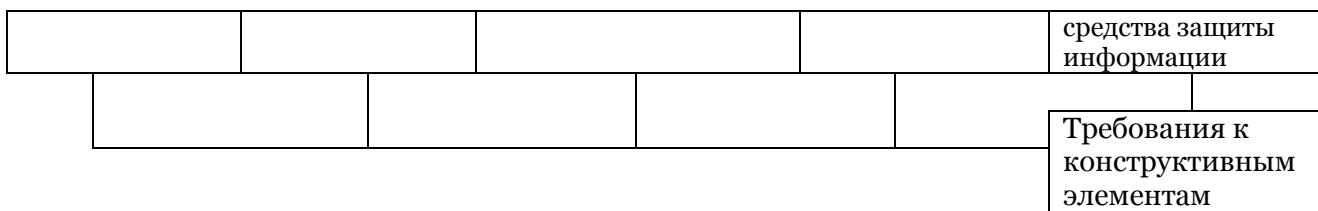

Рис. 1. Общая структура унифицированной концепции защиты информации

Материалы и методы. В работе использованы достижения системно-концептуального подхода к защите информации [1] и теория интеллектуальных информационных систем в области искусственного интеллекта [3].

Результаты. В работе кратко приведены результаты решения задачи «Разработка концепции построения интеллектуальной системы защиты информации на основе системного подхода» в рамках гранта РФФИ 13-01-00544.

Выводы. Нетрудно видеть, что перечисленные элементы концепции составляют логически стройную, полную и непротиворечивую последовательность решений, реализация которых создает предпосылки для разработки надежной интеллектуальной системы защиты информации.

Примечания.

1. Герасименко В.А. Защита информации в автоматизированных системах обработки данных. В 2-х кн.: М.: Энергоатомиздат, 1994.
2. Герасименко В.А., Малюк А.А. Основы защиты информации. Учебник: М.: Известия. 1997.
3. Тельнов Ю.Ф. Интеллектуальные информационные системы. (Учебное пособие) М., 2000.
4. Симаворян С.Ж. Понятие неопределенности в задачах защиты информации. Обозрение прикладной и промышленной математики, том 16, выпуск 6. Ред. Ю.В. Прохоров. М.:ООО Редакция журнала «ОПиПМ», 2009, с. 1115.
5. Симаворян С.Ж. Аналитическая модель определения показателя уязвимости информации в автоматизированных системах обработки информации (АСОД). Обозрение прикладной и промышленной математики, том 16, выпуск 6. Ред. Ю.В. Прохоров. М.: ООО Редакция журнала «ОПиПМ», 2009, с. 1114.
6. Симаворян С.Ж. Применение методов Data Mining для обнаружения инсайдеров. Обозрение прикладной и промышленной математики, том 17, выпуск 3. Ред. Ю.В. Прохоров. М.:ООО Редакция журнала «ОПиПМ», 2011, С. 455-456.
7. Simon Zh. Simavoryan, Arsen R. Simonyan. The Probabilistic Safety Assessment Model of Anti-Terrorist Security of Olympic games. European Researcher, 2012, Vol(20), № 5-1, pp. 532-536.
8. Дунин В.С., Хохлов Н.С. Модель угроз информационной безопасности комплексной автоматизированной интеллектуальной системы «безопасный город». //Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 4. С. 74-79.
9. Трегубов А.Г. Построение интеллектуальных комплексов защиты информации в автоматизированных системах. // Проблемы информационной безопасности. Компьютерные системы. 2007. № 1. С. 7-10.
10. Нестерук Ф.Г. К организации интеллектуальной защиты информации. // Труды СПИРАН. 2009. № 10. С. 148-159.
11. Макаров И.М., Лохин В.М., Манько С.В., Романов М.П. Искусственный интеллект и интеллектуальные системы управления. Наука, 2006, 336 с.

UDC 004.8

Systematic Approach to Designing Intelligent Information Security Systems

¹Simon Zh. Simavoryan

²Arsen R. Simonyan

³ Elena I. Ulitina
⁴ Rafik A. Simonyan

¹ Sochi State University, Russian Federation

354000 Sochi, 26a Sovetskaya St.

PhD (Technical), Associate professor

E-mail: simsim58@mail.ru

² Sochi State University, Russian Federation

354000 Sochi, 26a Sovetskaya St.

PhD (Physics and mathematical), Associate professor

E-mail: oppm@mail.ru

³ Sochi State University, Russian Federation

354000 Sochi, 26a Sovetskaya St.

PhD (Physics and mathematical), Associate professor

E-mail: elenaulitina@mail.ru

⁴ Kuban State University, Russian Federation

350040 Krasnodar, Stavropolskaya St., 149

E-mail: raf55@list.ru

Post-graduate student

Abstract. The present article attempts to create the basis for a theory of the intelligent protection of information within automated information processing systems on the basis of a systematic conceptual approach and briefly outlines the systematic approach to designing intelligent information security systems.

Keywords: intelligent information security systems; systematic approach.

Свойства долевых тенденций в иерархии динамики временного ряда

Анатолий Борисович Шутов

Сочинский государственный университет, Российская Федерация

354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а

Старший преподаватель

E-mail: abshutov@mail.ru

Аннотация. При изучении долевых тенденций динамики различных уровней были выявлены свойства, которые раскрывают особенности функционирования подуровней системы. Так в регуляции ритма сердца были выявлены доли участия симпатических и парасимпатических влияний, а при изучении динамики выпадения осадков в годовых циклах были выявлены доли участия теплого и холодного периодов.

Ключевые слова: эмерджентность; долевые тенденции; уровни динамики; динамическое сопряжение; приращения амплитуд; варьирование амплитуд.

Введение. В исследованиях динамики временных рядов выделяют иерархию тенденций и колеблемости. Сложная структура связи этих показателей в различных временных интервалах часто носит характер взаимозаменяемости. Использование и анализ уровней ряда осуществляется после выделения однородных групп. Эти группы должны содержать однокачественные периоды в развитии явлений или процессов. Для их выявления используются различные статистические методы по периодизации динамики. Выбор необходимого метода зависит от возможности определения детерминирующего показателя, однако, во многих случаях такой параметр вообще невозможно найти, так как он должен обладать весьма редкими свойствами - связью с анализируемым показателем и, главное, неоспоримыми временными границами периодов [1].

Однако, анализ уровней временного ряда может быть проведен путем разделение ряда на амплитуды положительных и отрицательных приростов, с последующим вычислением долевых величин. Это позволяет сохранить все характеристики динамического процесса и выявить новые свойства в тенденциях различных уровней иерархии [2, 3].

В исследованиях динамики развития явлений и процессов используется принцип эмерджентности, который направляет внимание исследователей на поиск специфической взаимообусловленности свойств биологических объектов. В поисках источника эмерджентных качеств «систем» используются разные методологии – элементаризм, холизм и другие [4].

При элементаризме систему разделяют на части и в деталях исследуют эти части. При холистическом подходе свойства изучаемой системы явно соотносят с определенными внешними системами, с которыми она вступает во взаимодействие [5, 6].

Материалы и методы. Изучались уровневые свойства временных рядов динамики биологических систем.

В первом случае рассматривались ряды динамики сердечных сокращений у 25 студентов юношей в возрасте 17-19 лет после выполнения ими функциональных проб. С помощью электрокардиографа FU CARDIOSUNY C300, автоматически измеряющего R-R интервалы электрокардиограммы (ЭКГ), во втором отведении велась запись, со скоростью 50 мм/сек.

В режиме учебных занятий у студентов снималась ЭКГ: в начале в положении лежа; затем при переводе его в вертикальное положение, следующие измерения шли после 20 приседаний и через 1 минуту отдыха после выполнения физической нагрузки.

Разделение выделенных амплитуд на отдельные динамические ряды, которые мы использовали в наших работах, дало возможность изучать влияния симпатических и парасимпатических звеньев на регуляцию ритма сердца в ответ на изменения факторов внешней среды [3].

Во втором случае изучались ряды сезонных колебаний выпадения осадков в климатических зонах предгорья (Н-566м) и высокогорья (Н-1860м) района Красной поляны по метеостанции «Ачишхо» с 1929 г. по 1989 г. и метеостанции «Красная поляна» с 1942 г. по

2001г.. Данные величин выпадения осадков теплого и холодного периодов были взяты из работ Н.А. Битюкова [7], см. рис. 1.

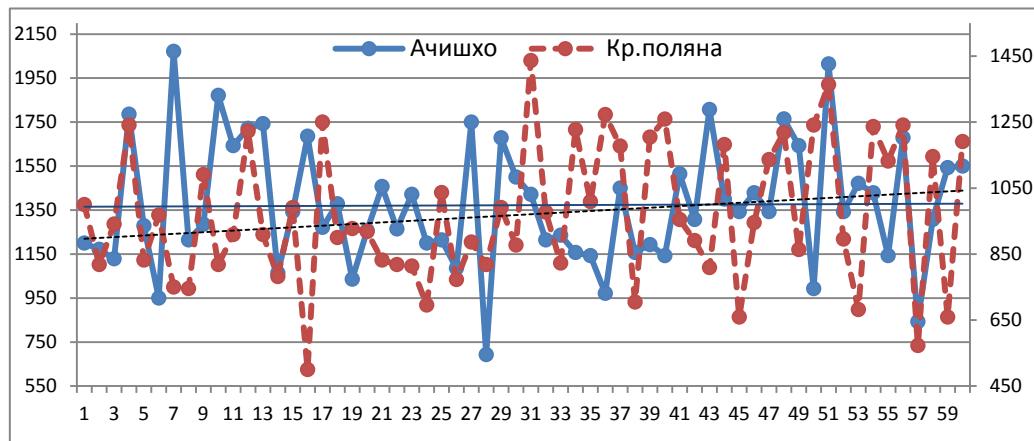

Рис.1. Величины осадков теплых периодов.

Чтобы отделить быстрые волны динамического ряда от медленных, нами использовалось разность. Уровневые долевые показатели динамики вычитались из под уровневых [3]. Получаемое ассиметричное противостояние положительных и отрицательных амплитуд быстрых волн к тенденциям медленных волн нами определялось по показателю резерва динамического сопряжения (РДС) [8, 9, 10].

Обсуждение. В результате исследований было выявлено, что после 20 приседаний у студентов в измеренных R-R интервалах ЭКГ амплитуды долевых тенденций положительных приростов постепенно увеличиваются (см. рис. 2, реакция парасимпатической системы по показателю 20+), а в ортостатической пробе, наоборот, отрицательные приросты стремятся к уменьшению (см. рис. 2, реакция симпатической системы по показателю ст-). Видимо, выявленная направленность в тенденциях приростов связана с напряжением данных систем [9].

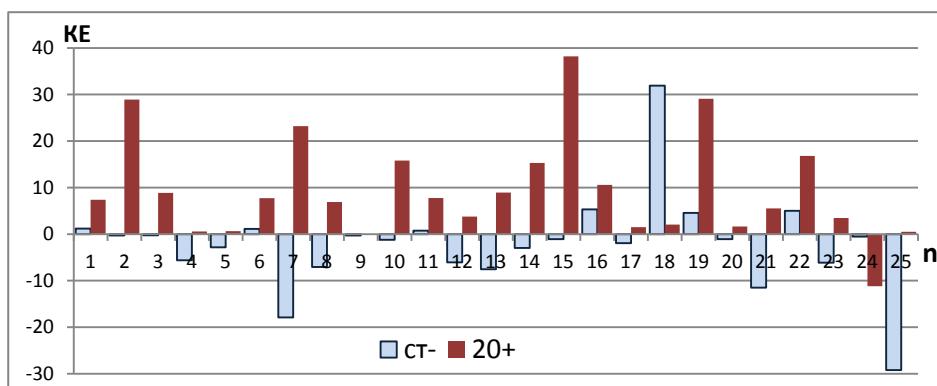

Рис. 2. Долевые тенденции увеличения (темный столбик) и снижения (светлый столбик) амплитуд по показателю кумулятивной емкости (КЕ) в динамике R-R интервалов ЭКГ у студентов.

Результаты исследования свойств показателя РДС в R-R интервалах электрокардиограммы на статистическую достоверность показал высокий уровень его значимости. Так, было доказано, что в разных функциональных пробах, симпатические и парасимпатические влияния на ритм сердца проявляются в уменьшении, или увеличении, варьирования амплитуд прироста второго уровня динамики [9].

Эти же свойства долевых тенденций мы наблюдали в рядах сезонных колебаний выпадения осадков разных климатических зон (см. табл. 1).

Показатель РДС при изучении климатических зон предгорья (Н-566м) и высокогорья (Н-1860м) в районе Красной поляны показал, что величины выпадения осадков теплого и холодного периодов существенно различаются.

Как мы видим из таблицы 1 в теплый период разброс амплитуд в высокогорье меньше, чем в предгорье (см. РДС 2,08;2,89;1,22 против 1,43;1,23;0,66).

В холодном периоде, наоборот, разброс амплитуд в выпадении осадков в высокогорье более значителен, чем в предгорье, но эти отличия незначительны (см. РДС 0,42;0,45;0,22 против 0,64;0,79;0,36). Здесь следует отметить, холодный период, по отношению к теплому, более контрастен и эти отличия характеризуются большим разбросом амплитуд.

В более ранней работе было выявлено, что в высокогорье зон Причерноморья годовая динамика колеблемости амплитуд выше, чем в предгорье [11]. Этот факт подтверждается и на более длительном временном интервале в 60 лет (см. в табл. 1 РДС 1,10;0,85 против 1,21;1,03).

Накопительный итог в приращении амплитуд в холодном периоде характеризуется большим уменьшением в предгорье (см. КЕ -3,47;-1,52;-2,32), чем в высокогорье (см. КЕ-1,36;-0,03;-0,43). Причем, более выражена тенденция уменьшения в положительных приростах (см. КЕ -3,47 в предгорье и -1,36 в высокогорье).

Таблица 1

Итоговые показатели осадков в величинах долевых тенденций. По метеостанции Ачишхо с 1929г. по 1989г. и метеостанции Красная поляна с 1942 по 2001 гг.

метео- станции	осадки	РДС		КЕ		РДС +/-	КЕ Орннт
		+	-	+	-		
Ачишхо (Н-1860)	годовые	1,10	0,85	0,04	0,02	1,85	-0,0001
	тепл.период	2,08	2,89	-0,51	-0,49	1,22	-0,48
	хол.период	0,42	0,45	-1,36	-0,03	0,22	-0,43
Кр.поляна (Н-566м.)	годовые	1,21	1,03	-0,19	-0,69	0,56	-0,38
	тепл.период	1,43	1,23	1,14	0,52	0,66	0,82
	хол.период	0,64	0,79	-3,47	-1,52	0,36	-2,32

В теплый период тенденция уменьшения разброса амплитуд в высокогорье сохранилась (см. КЕ -0,51 и - 0,49) , а в предгорье, наоборот, увеличилась (см. КЕ 1,14;0,52 и 0,82), но эти величины не перекрывают тенденции холодного периода (см. КЕ -3,47;-1,52 и -2,32).

Следовательно, за исследуемый временной период в 60 лет показатель тенденции разброса амплитуд в выпадении осадков по данным районам в целом уменьшился.

Результаты и выводы. В разных биологических системах определение долевых показателей кумулятивной емкости (КЕ) позволили выявить направленность в тенденциях разброса амплитуд на различных уровнях иерархии временного ряда динамики. Показатель динамического сопряжения (РДС) позволяет определить степень связи между выше и ниже лежащими уровнями иерархии временного ряда.

Примечания:

1. <http://gendocs.ru/v39299/?cc=9> Иерархия тенденций и колебаний.
2. Шутов А.Б., Лобова О.Е., Семенчук В.С. Метод долевого участия в исследовании тенденций динамики параметров физического развития у человека. // Вестник СГУТИКД. 2011. № 3 (17). С. 231–238.
3. Шутов А.Б., Семенчук В.С., Удовенко И.Л., Попов Л.Д., Нефедова Н.М. Долевые тенденции в динамике положительных и отрицательных амплитуд выделенных из R-R интервалов электрокардиограммы // Приволжский научный вестник, 2012. №6 (10). С. 67–72.
4. <http://ecopri.ru/journal/article.php?id=1481>
5. Флейшман Б. С. Основы системологии. М.: Радио и связь, 1982. С. 14.
6. Куприянова О.О., Нидеккер И.Г. Способ анализа суточной вариабельности ритма сердца. RU 2 417 741 C2, 16.07.2009.
7. Битюков Н.А., Пестерева Н.А., Ткаченко Ю.Ю., Шагаров Л.М. Рекреация и мониторинг экосистем особо охраняемых природных территорий Северного Кавказа: Монография / Сочи; ГОУ ВПО СГУ, 2012, С.293,294.

8. Шутов А.Б. Свойства сопряжения в долевых тенденциях медленных и быстрых волн динамических рядов биологических и экономических систем. // Вестник СГУТИКД. 2012. № 1 (19). С. 99–104.
9. Шутов А.Б., Семенчук В.С., Удовенко И.Л., Попов Л.Д., Корней К.В. Исследование механизмов регуляции сердечного ритма у студентов при выполнении функциональных проб. // Приволжский научный вестник, 2013. №3 (19). С. 134–139.
10. Шутов А.Б. Преобладание доли участия отрицательных амплитуд в тенденциях динамики солнечной активности. // Приволжский научный вестник, 2013. №7 (23). С. 5-12.
11. Шутов А.Б., Битюков Н.А. Применение метода долевых тенденций в анализе динамики климатических факторов буковых и дубравных зон Причерноморья. // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 2 (25). С. 156-161.

UDC 551.583

The Properties of Partial Trends within the Hierarchy of Time-sequence Dynamics

Anatoly B. Shutov

Sochi State University, Russia
26a, Sovetskaya street, Sochi city, 354000
Senior Instructor
E-mail: abshutov@mail.ru

Abstract. In studying partial trends of dynamics of various levels, the authors identified properties that reveal the characteristics of the functioning of the system's sublevels. As such, in regulating the rhythm of a heart, research revealed partial participation of both sympathetic and parasympathetic outflows to the heart; in studying the dynamics of precipitation within annual cycles, research revealed the partial participation of warm and cold periods.

Keywords: emergence; partial trends; levels of dynamics; dynamic coupling; increasing amplitudes; varying amplitudes.

УДК: 378.172+378.037

Здоровьесберегающие технологии для женщин различных конституциональных типов (на примере занятий гидроаэробикой)

¹ Борис Изральевич Гельцер

² Сергей Александрович Борщенко

³ Анатолий Николаевич Яковлев

⁴ Владимир Юрьевич Давыдов

¹ Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Российская Федерация 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41

Доктор медицинских наук, профессор

² Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Российская Федерация 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41

Кандидат медицинских наук, доцент

³ Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Российская Федерация 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41

кандидат педагогических наук, доцент

E-mail: Yak-33-c1957@mail.ru

⁴ Полесский государственный университет, Белоруссия

225710, г. Минск, ул. Пушкина, 4

Доктор биологических наук, профессор

Аннотация. В настоящей работе представлено воздействие занятий в условиях водной среды на уровень физического состояния женщин различных типологических групп. Доказано, что занятия гидроаэробикой могут повсеместно применяться как средства оптимизации двигательного режима и улучшения физического состояния населения. Ценность данного вида деятельности заключается в возможности привлечения контингента занимающихся, имеющих различные ограничения к занятиям на суше и так же лиц не умеющих плавать. Представляет интерес для инструкторов оздоровительных групп, групп реабилитации, людей, интересующихся не традиционными методиками оздоровительных гимнастик.

Ключевые слова: здоровьесберегающие технологии; женщины; конституциональные типы; функциональные показатели; гидроаэробика.

Введение. В условиях ухудшающейся экологической обстановки, пропаганды употребления алкоголя и никотина и многих других угроз для человечества возникает острый вопрос о здоровье нации, который невозможно решить без комплекса мер, направленных на оздоровление населения, таковыми являются **здоровьесберегающие технологии**. Физические упражнения являются средством сохранения здоровья и продления жизни. Систематические занятия физическими упражнениями оптимизируют функциональную активность основных систем организма - нервной, сердечно-сосудистой, дыхательной, мышечной и других[14].

Так, еще с древних времен известно благотворное влияние водной среды на организм человека, а также и то, что выполнение упражнений в воде способствует улучшению физического самочувствия. Снижение влияния гравитации смягчает негативное воздействие на суставы, что превращает водные занятия в наиболее удобный и безопасный вид двигательной деятельности для групп повышенного риска, в частности, людей пожилого возраста. Давление воды оказывает благоприятное воздействие на периферическое кровообращение и улучшает функции вегетативной системы. В последнее время в нашей стране разработано большое количество методик в области аква-фитнеса, способствующих решению различных задач.

Так, например, *гидроаэробика* – комбинированная система, совмещающая в себе различные виды движений, которые оказывают положительное влияние на физическое развитие и функциональное состояние занимающихся [10].

Гидроаэробика – это вид оздоровительно-рекреативной физической культуры на основе комплектации традиционных и нетрадиционных упражнений, выполняемых в аэробном режиме нагрузки в водной среде с музыкальным сопровождением.

Цель исследования. Определение влияния занятий оздоровительным плаванием в сочетании с нетрадиционными средствами на состояние здоровья, повышение уровня работоспособности женщин разных индивидуально-типологических групп. В соответствии с разработанной Т.Г. Меньшуткиной [11] классификации все средства гидроаэробики делятся на основные и дополнительные.

К основным относятся упражнения, выполняемые в водной среде. Они могут проводиться в различных положениях (стоя, в полуприседе, лежа, с подвижной опорой, у неподвижно опоры, в безопорном положении) и выполняться с предметами и без них.

По направленности эти упражнения делятся на следующие группы: целевой направленности – общеразвивающие и профилактические упражнения; воздействию на отдельные мышечные группы – упражнения локальной направленности; структуре движений – плавательные упражнения; проявлению определенных умений и навыков – игровые упражнения.

К дополнительным средствам относятся: упражнения в зале; музыкальное сопровождение; средства восстановления.

Целью *общеразвивающих упражнений* является повышение уровня физического развития, укрепление опорно-двигательного аппарата, формирование мышечного корсета. Все упражнения объединены в блоки (для мышц рук, плечевого пояса и туловища; для мышц ног; для мышц ног и нижней части туловища; для мышц ног и туловища; упражнения на растягивание, расслабление и дыхание). Эффективность воздействия обусловлена методикой, которая учитывает индивидуальные особенности занимающихся с учетом специфики упражнений и внешних условий.

Упражнения локального воздействия направлены на формирование телосложения, особенно в «проблемных» зонах (талия, ягодицы, бедра). Разработка и подбор упражнений этой группы проводятся на основе анатомического анализа движений, экспертной оценки, биомеханического анализа статических положений, анализа гидродинамических особенностей выполнения упражнений в воде, анализа научно-методической литературы.

В группу упражнений *профилактической направленности* включены: противоостеохондрозная гимнастика, релаксация с элементами аутотренинга и дыхательные упражнения, самомассаж (гидромассаж). Использование профилактических средств может иметь несколько вариантов использования, а также носить комплексный характер. Особое значение имеет группа дыхательных упражнений. Их можно выполнять на суше и в воде с направленностью на формирование форсированного дыхания, увеличения продолжительности задержки дыхания, повышение эффективности дыхания. Во время занятий на воде добавляется группа упражнений на координацию движений и дыхания.

Плавательные упражнения применяются для обучения и совершенствования техники плавания. Подбор упражнений зависит от уровня плавательной подготовленности занимающихся. Это должны быть аналитические гребковые упражнения, силовые и скоростно-силовые упражнения, координационные упражнения, средства переключения и восстановления.

Игровые упражнения используются с целью повышения эмоциональности занятий гидроаэробикой. Выбор игры зависит от педагогической задачи урока, количества занимающихся, их возраста и уровня подготовленности, условий занятий. Игры могут быть направлены на совершенствование полученных умений и навыков, использоваться как средство активного отдыха, переключения на другие виды двигательной деятельности. Популярно использование образных названий упражнений («Паровой двигатель», «Резиновые весла»). Игровые серии упражнений могут включать в себя упражнения развлекательного характера, сюжетные, групповые и индивидуальные передвижения.

В типовой урок гидроаэробики входят все группы упражнений. В основу подбора упражнений положен принцип разностороннего воздействия упражнений на организм занимающихся [12, 14].

В уроке гидропрофилактики обычно планируются: 15 % - общеразвивающих упражнений, 75 % - упражнений профилактической направленности, 10 % - плавательных упражнений.

С первого до последующих лет занятий происходит использование сочетание разнообразных традиционных и нетрадиционных упражнений в зале (восточная гимнастика, ритмичная гимнастика, калланетика, шейпинг, танцевальные программы, суставная гимнастика для пожилых, медитативно-дыхательные упражнения, массаж рефлекторных зон, гидротерапия и др.), а на воде - использование разнообразных приспособлений, тренажеров, увеличение продолжительности занятий и количества посещений в неделю.

Вариантами усложнения программ занятий является: подбор упражнений и дозировка; темп выполнения движений и темп музыкального сопровождения; амплитуда движений; изменение площади гребущей поверхности; форма проведения (круговая тренировка, интервальная тренировка, аэробные волны и др.).

С целью выявления особенностей регулирования и оптимизации нагрузки в процессе занятий гидроаэробикой и их влияния на разные системы организма определена интенсивность упражнений по показателям ЧСС [17]. Продолжительность занятий гидроаэробикой для женщин среднего возраста – 45-60 минут. Урок включал в себя подготовительную, основную и заключительную части. Интенсивность выполнения упражнений определяется по ЧСС.

Материалы и методы. Это: соматоскопия, антропометрия, теоретический расчет компонентов состава массы тела по формулам J.Matiegka [18], определение типа конституции по В.Г. Штефко и А.Д. Островскому [16], спирометрия, пульсометрия, измерение артериального давления, функциональные пробы Мартина и «сидя – стоя» по Н.Е.Тесленко, тест PWC₁₇₀, косвенное определение максимального потребления кислорода (МПК), оценка уровня здоровья проводилась по Г.Л. Апанасенко [1, 2] тестирование физической подготовленности.

Всего были обследованы 84 женщины. Каждая из них прошла тестирование по комплексной программе, разработанной нами на основе известных рекомендаций [5, 6, 7, 8, 13, 15], включавшей блоки тестов и проб, позволяющих оценить уровень морффункционального состояния организма. Полученные результаты анализировались в соответствии с представлениями о типологической принадлежности обследуемых по соответствующим блокам: морффункциональный статус, уровень здоровья, физическая подготовленность. Полученный материал был подвергнут анализу с использованием методов математической статистики. Статистический анализ включал в себя расчет среднего арифметического (M), ошибки презентативности (m). Достоверность различий показателей оценивали по t-критерию Стьюдента.

Обсуждение проблемы. В основу классификации соматотипов (СТ) Шелдона положена степень развития дериватов (производных) зародышевых листков. Он выделил три компонента: эндоморфию, мезоморфию, эктоморфию. Диагностика соматотипа осуществляется по схеме, в который выделено пять типов: дигестивный, мышечный, торакальный, абдоминальный, астеноидный [4, с. 17].

Данные диаграммы свидетельствует, что в группе обследованных женщин представлен каждый соматотип с относительно одинаковой степенью встречаемости, за исключением неопределенного, который является переходным (рис.1). В процентном соотношении соматотипы распределились следующим образом: дигестивный – 30 %; торакальный – 24 %; астеноидный – 21 %; мышечный -19 %; неопределенный – 6 %. Важным аспектом организации занятий является учет основных мотивов занятий гидроаэробикой женщин среднего возраста (Рис. 2).

В таблице 1 представлены средние значения показателей, отражающих особенности морффункционального статуса обследованных женщин, занимающихся в группах гидроаэробики.

Анализ показателей тотальных размеров тела обследованных нами женщин, разных типов конституции (табл. 1) выявил, что по длине тела наибольшие показатели отмечены у женщин мышечного типа - наименьшие торакального. Женщины дигестивного типа имеют наибольшие значения масса тела, обхвата грудной клетки в отличие от показателей у женщин астеноидного типа конституции. Анализ показателей компонентов состава массы тела, женщин среднего возраста разных типов конституции (таблица 2) выявил, что наибольшие показатели абсолютной и относительной жировой массы отмечены и женщин

дигестивного типа конституции, они же имеют наибольшие абсолютные (кг.) значения мышечного компонента, наименьшие значения имеют женщины – астеники.

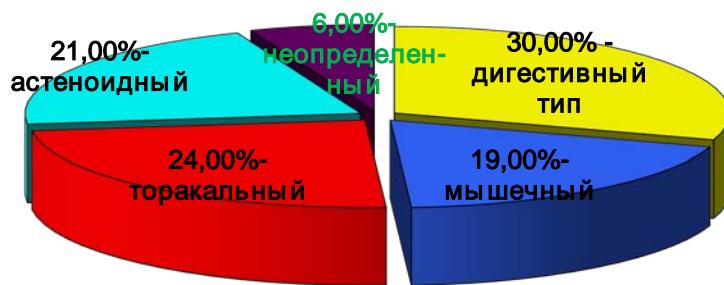

Рис. 1. Конституционные типы среди женщин, занимающихся гидроаэробикой, в %)

Наибольшие показатели относительного мышечного компонента (%), отмечены у женщин мышечного типа, наименьшие у неопределенного типа. Наибольшие значения абсолютного костного компонента отмечены у женщин дигестивного, наименьшие – женщин астеноидного. Наибольшие значения относительного костного компонента у женщин астеноидного и мышечного типа конституции, наименьшие у женщин – дигестивного типа конституции.

*Таблица 1
Тотальные размеры тела женщин среднего возраста разного конституционального типа, занимающихся гидроаэробикой ($M \pm m$)*

Типы конституции	Показатели			
	Длина тела, см	Масса тела, кг	Обхват грудной клетки (пауза), см	Абсолют.поверх. тела, м ²
Астеноидный (n=18)	163,2±1,2	51,2±0,8	79,4±0,7	1,5±0,02
Торакальный (n=20)	161,5±0,9	57,0±1,0	82,3±0,7	1,6±0,02
Дигестивный (n=25)	164,6±0,8	74,2±2,6	92,5±1,5	1,8±0,03
Мышечный (n=16)	165,4±1,0	60,5±2,0	85,3±0,9	1,6±0,03
Неопределённый (n=5)	163,9±3,4	69,5±4,4	89,5±3,5	1,7±0,05

*Таблица 2
Показатели компонентов состава массы тела женщин среднего возраста разных конституциональных типов, занимающихся гидроаэробикой ($M \pm m$)*

Типы конституции	Показатели					
	Жировая масса		Мышечная масса		Костная масса	
	кг	%	кг	%	кг	%
Астеноидный (n=18)	10,7±0,5	20,9±0,7	24,2±0,6	47,3±0,7	6,0±0,2	11,8±0,3
Торакальный (n=20)	15,6±0,7	27,2±1,0	25,7±0,5	45,2±0,6	6,2±0,2	10,8±0,3

Дигестивный (n=25)	$28,1 \pm 1,6$	$37,4 \pm 1,1$	$30,9 \pm 1,2$	$41,7 \pm 0,6$	$7,6 \pm 0,3$	$10,3 \pm 0,2$
Мышечный (n=16)	$15,8 \pm 1,5$	$25,7 \pm 2,0$	$28,7 \pm 0,7$	$47,7 \pm 1,0$	$7,0 \pm 0,2$	$11,6 \pm 0,3$
Неопределённый (n=5)	$24,7 \pm 3,4$	$34,9 \pm 2,5$	$27,9 \pm 1,4$	$40,7 \pm 2,7$	$7,3 \pm 0,6$	$10,5 \pm 0,6$

Результаты. Анализ показателей функциональные показатели кардио - респираторной системы женщин среднего возраста разного типа конституции, занимающихся оздоровительной аэробикой (таблица 3) выявил, что наибольшие показатели абсолютных значений ЖЕЛ отмечены у женщин мышечного типа конституции, наименьшие значения имеют женщины астеноидного типа конституции. Наибольшие относительные значения ЖЕЛ отмечены у женщин астеноидного и торакального типа конституции. По артериальному систолическому давлению наибольшие показатели отмечены у женщин дигестивного и неопределенного типов, наименьшие – торакального типа конституции, по диастолическому артериальному давлению наибольшие показатели отмечены у женщин неопределенного, наименьшие – астеноидного типа конституции. Показатели ЧСС в покое сидя и стоя наибольшие у женщин неопределенного, наименьшие – торакального типа конституции. Прирост ЧСС % наибольший у женщин торакального и наименьший у женщин астеноидного типа конституции.

Анализ показателей физической работоспособности, МПК и кистевой динамометрии женщин среднего возраста различных конституциональных типов представлен в таблице 4. Анализ таблицы показал, что наибольшие показатели PWC₁₇₀ кг м/мин. отмечены у женщин дигестивного, наименьшие – астеноидного типа конституции, наибольшие показатели PWC₁₇₀ кг м/мин. кг отмечены у женщин астеноидного, наименьшие – мышечного типа конституции. Наибольшие показатели МПК л/мин отмечены у женщин неопределенного, наименьшие – астеноидного типа конституции, наибольшие показатели МПК мл/мин.кг отмечены у женщин торакального, наименьшие – дигестивного типа конституции.

Таблица 3

Функциональные показатели кардио - респираторной системы женщин среднего возраста разных конституциональных типов, занимающихся гидроаэробикой (M ± m)

Типы конституции	Показатели						
	ЖЕЛ (абсолют.) л	ЖЕЛ (относит.) мл / кг	АД систоли- ческое	АД диастоли- ческое	ЧСС в покое сидя, уд./ мин.	ЧСС в покое стоя, уд./ мин.	Прирост ЧСС,%
Астеноидный (n=18)	3158 ± 125	$61,7 \pm 2,4$	$109 \pm 2,6$	$70 \pm 2,2$	$70 \pm 2,5$	$79 \pm 2,6$	$39 \pm 13,2$
Торакальный (n=20)	3333 ± 101	$58,8 \pm 2,1$	$112 \pm 2,3$	$74 \pm 1,6$	$67 \pm 1,9$	$75 \pm 2,3$	$57 \pm 3,9$
Дигестивный (n=25)	3212 ± 86	$44,5 \pm 1,9$	$120 \pm 1,5$	$78 \pm 1,8$	$71 \pm 1,7$	$81 \pm 1,8$	$53 \pm 2,6$
Мышечный (n=16)	3441 ± 173	$57,3 \pm 2,8$	$115 \pm 2,4$	$78 \pm 1,5$	$69 \pm 2,4$	$76 \pm 2,8$	$51 \pm 3,4$
Неопределённый (n=5)	3420 ± 294	$50,7 \pm 6,2$	$120 \pm 6,0$	$79 \pm 2,4$	$73 \pm 2,5$	$88 \pm 3,5$	$44 \pm 7,6$

Кистевая динамометрия наибольшая у женщин мышечного, наименьшая у женщин астеноидного типа конституции. Анализ показателей теста «Оценка уровня здоровья по Г.Л.Апанасенко женщин среднего возраста различных конституциональных типов представленных в таблице 5 выявил, что наибольшие показатели индекса Кетле отмечены у женщин дигестивного, наименьшие – астеноидного типа конституции. Наибольшие

показатели жизненного индекса и относительной силы отмечены у женщин астеноидного, наименьшие – дигестивного типа конституции. В тесте Г.Л.Апанасенко женщины мышечного и астенического типа конституции имеют самый большой балл и средний уровень здоровья. Женщины дигестивного типа конституции имеют самый низкий балл по тесту Г.Л.Апанасенко и уровень здоровья ниже среднего. Анализ показателей двигательных тестов женщин различных конституциональных типов представленных в таблице 6 выявил, что прыжке в длину и в высоту, поднимании ног за 20 секунд, гибкости, подъеме туловища за 30 секунд, отжимания – наибольшие показатели отмечены у женщин мышечного типа конституции, наибольшая частота поступиваний отмечена у женщин торакального типа конституции. Наименьшие показатели в прыжке в длину отмечены у женщин неопределенного типа, в прыжке в высоту – дигестивного типа, гибкости – торакального, поднимании ног за 20 секунд – дигестивного, подъеме туловища за 30 секунд – дигестивного, отжимания – неопределенного, частоты поступиваний – дигестивного типов конституции.

Таблица 4
Показатели физической работоспособности, МПК и кистевой динамометрии женщин среднего возраста различных конституциональных типов, занимающихся гидроаэробикой ($M \pm m$)

Типы конституции	Показатели				
	PWC 170, кг м / мин	PWC 170, кг м / мин кг	МПК, л / мин	МПК, л / мин кг	Кистевая динамометрия, кг
Астеноидный (n=18)	635±36,8	12,7±0,7	2,0±0,1	39,7±2,2	24,0±0,9
Торакальный (n=20)	670±36,1	11,7±0,6	2,3±0,08	41,8±1,7	24,4±0,9
Дигестивный (n=25)	812±41,6	10,9±0,4	2,6±0,1	36,4±1,3	27,0±1,0
Мышечный (n=16)	691±30,3	10,8±0,9	2,4±0,1	40,5±1,5	27,5±1,3
Неопределённый (n=5)	773±78,1	11,0±0,5	2,7±0,2	39,0±1,0	26,2±1,7

Таблица 5
Показатели теста «Оценка уровня здоровья (по Г.Л.Апанасенко, 1988)» женщин среднего возраста различного типа конституции, занимающихся оздоровительной аэробикой ($M \pm m$)

Типы конституции	Показатели						
	Индекс Кетле	Жизненный индекс мл / кг	Относительная сила, %	Двойное произведение, ед.	Восстановл. ЧСС (после 20 присед.) баллы	Сумма баллов	Градуальная оценка
Астеноидный (n=18)	314±4,0	61,8±2,3	47,0±1,7	76±3,3	3±0,2	10±0,7	средний
Торакальный (n=20)	352±5,9	58,8±2,1	42,4±1,6	76±3,4	3±0,3	8±0,7	нижеср.
Дигестивный (n=25)	450±15,3	44,5±1,9	37,5±1,1	85±2,1	3±0,3	5±0,6	нижеср.
Мышечный (n=16)	361±11	57,8±2,8	46,3±2,2	79±3,4	3±10,4	10±0,8	средний
Неопределённый (n=5)	425±30,5	50,5±6,1	38,5±4,0	89±7,0	2±0,8	6±1,8	нижеср.

Таблица 6

Показатели двигательных тестов женщин среднего возраста различных конституциональных типов, занимающихся гидроаэробикой ($M \pm m$)

Типы конституции	Показатели						
	прыжко к в длину, см	прыжок в высоту, см	Гибкость, см	поднимание ног за 20 сек. (к-во раз)	подъёмы туловища за 30 сек. (к-во раз)	Отжимания за 30 сек. (к-во раз)	Частота постукиваний, (сек)
АстенOIDНЫЙ (n=18)	167,2±3,9	27,4±1,0	14,5±0,8	12,1±0,5	14,4±1,3	22,5±0,9	13,8±0,2
Торакальный (n=20)	131,4±4,1	26,9±0,9	10,8±0,6	12,3±0,7	15,7±0,7	23,7±0,7	15,4±0,3
Дигестивный (n=25)	156,0±2,6	25,0±0,5	15,3±0,6	12,0±0,2	14,0±0,4	21,4±0,7	13,1±0,09
Мышечный (n=16)	167,8±3,5	29,8±0,6	16,9±1,0	12,9±0,2	18,7±0,7	23,8±1,0	14,8±0,2
Неопределённый (n=5)	119,4±8,1	26,4±1,7	12,0±0,2	12,2±0,7	16,0±0,9	21,3±0,5	13,0±0,2

Из всего комплекса изучаемых показателей у представителей разных конституциональных типов достоверные различия ($P < 0,05$) наблюдаются в основном по показателям тотальных размеров, компонентного состава массы тела, весо-ростового индекса Кетле, гибкости и максимальной частоты движений в теппинг-тесте.

Различия выявленные в показателях, отражающих состояние кардиореспираторной системы наиболее статистически значимы у женщин астенOIDного и дигестивного типов телосложения. Можно отметить достоверность различий ($P < 0,05$) в абсолютных значениях теста PWC₁₇₀ и МПК между представителями астенOIDного, дигестивного и мышечного типов. Однако в относительных значениях этой достоверности не наблюдается.

В отношении показателей физической подготовленности достоверны различия среди крайних типов по показателям прыжка в длину, гибкости, кистевой динамометрии и относительной силы.

Комплексная оценка здоровья показала, что представители торакального, дигестивного и неопределенного типа конституции имеют уровень ниже среднего, а мышечного и астенOIDного - средний уровень здоровья.

Таким образом, наиболее статистически значимые различия среди изучаемых соматотипов выявлены у представителей дигестивного типа конституции.

Заключение. В связи с вышеизложенным представляется необходимым выяснение закономерностей развития адаптации к специфическим нагрузкам у женщин в процессе систематических занятий оздоровительным плаванием во взаимосвязи с индивидуально-типологическими особенностями организма при групповой и индивидуально дифференцированной формах организации тренирующих воздействий.

В первую очередь, для рациональной организации занятий оздоровительной гидроаэробикой необходимо выяснение морфофункционального статуса и выявление индивидуально-типологических особенностей организма женщин, занимающихся гидроаэробикой.

Применение типологического подхода на данном этапе исследования позволило выяснить морфофункциональные особенности физиологических систем у представительниц разных типов конституции. В результате исследования обнаружено относительно равномерное представительство (в процентном соотношении) разных типологических форм среди женщин, занимающихся гидроаэробикой.

Анализ показателей морфофункционального статуса в зависимости от типов конституции показал, что женщины дигестивного типа конституции имеют наибольшие

значения тотальных размеров тела и отдельных компонентов массы тела (жирового и костного), высокие значения абсолютных показателей и низкие относительные, достаточный уровень развития физических качеств. Однако общий уровень здоровья оценивается как низкий. Близкие к дигестивному типу значения показателей морфофункционального статуса обнаружены у представительниц неопределенного типа конституции.

Отличительной чертой *астеноидного типа* конституции являются наименьшие показатели тотальных размеров и абсолютной физической работоспособности, более высокие относительные величины показателей кардиореспираторной системы, хорошая физическая подготовленность, но вместе с тем уровень здоровья ниже среднего.

Для *торакального типа* конституции в основном характерны средние значения всех исследуемых показателей, за исключением достаточно высокого уровня физической работоспособности и аэробной производительности.

Мышечный тип конституции выделяется более высоким относительно других типов уровнем физической подготовленности, работоспособности и аэробной производительности. Тем не менее, общий уровень здоровья находится на границе между средним и ниже среднего. Полученные результаты указывают на значительную вариабельность и типологическую принадлежность морфологических и физиологических показателей женщин, посещающих занятия оздоровительным плаванием. Выявленные достоверные типологические различия показателей физического развития, физической работоспособности, являются основанием для рекомендации индивидуально дифференцированного подхода в выборе двигательных режимов, оказывающих эффективное тренирующее воздействие. Формирование эффективной деятельности организма в условиях применения индивидуально дифференцированных нагрузок способствует повышению уровня тренированности женщин, занимающихся гидроаэробикой, что выражается в повышении выносливости организма (рост абсолютных и относительных показателей PWC₁₇₀ и МПК), уменьшении физиологических сдвигов на единицу выполненной работы, повышении скорости утилизации метаболитов, использовании более энергоёмких субстратов энергообеспечения. Всё вышеизложенное свидетельствует о том, что применение индивидуально дифференциированной организации тренирующих воздействий при занятиях гидроаэробикой обеспечивает оптимальную динамику повышения функциональных возможностей и физической подготовленности женщин, занимающихся в этих группах.

Примечания:

1. Апанасенко Г.Л. Физическое здоровье максимальная аэробная способность [Текст] / Г.Л. Апанасенко, Р.Г. Науменко // Теория и практика физической культуры, 1988. №4. С. 29-31.
2. Апанасенко Г.Л. Медицинская валеология [Текст] / Г.Л. Апанасенко, Л.А. Попова // Серия «Гиппократ». Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 248 с.
3. Бунак В.В. Антропометрия [Текст] / В.В. Бунак. М., 1941. 376 с.
4. Губа В.П. Теория и практика спортивного отбора и ранней ориентации в виды спорта [Текст] : монография / В.П. Губа. М.: Советский спорт, 2008. 304 с.
5. Годик М.А. Система общеевропейских тестов для оценки физического состояния человека [Текст] / М.А. Годик, В.К. Бальсевич, В.Н. Тимошкин // Теория и практика физической культуры, 1984. №5-6. С. 24-32.
6. Давыдов В.Ю. Научно-методическое обеспечение тренировочного процесса спортсменок, занимающихся аэробикой [Текст]: учебное пособие / В.Ю. Давыдов, Г.О. Краснова. Волгоград: ВГАФК, 2000. 158 с.
7. Зайцева В.В. Методология индивидуального подхода в оздоровительной физической культуре на основе современных информационных технологий [Текст] / В.В. Зайцева // автореферат доктора пед. наук. Москва: ВНИИФК, 1995. 47 с.
8. Казначеев В.П. Донозологическая диагностика в практике массовых обследований населения [Текст] / В.П. Казначеев, К.М. Баевский К.М., А.П. Берсенев. Л.: Медицина, 1980. 98 с.
9. Кучкин С.Н. Методы оценки уровня здоровья и физической работоспособности [Текст]: учебное пособие / С.Н. Кучкин. Волгоград, 1994. 104 с.
10. Меньшуткина Т.Г. Теоретические и методические основы оздоровительно-рекреационной работы по плаванию с женщинами [Текст]: монография / Т.Г. Меньшуткина.

СПб. СПбГАФК им.П.Ф.Лесгафта, 1999. 192 с.

11. Меньшуткина Т.Г. Теория и методика оздоровительного плавания женщин разного возраста: автореф. дис. ... док-ра пед. наук [Текст]. СПб., 2000. 47 с.

12. Моченов В.Н. Социально-педагогические аспекты исследования нетрадиционных форм и средств физической культуры в практике физкультурно-оздоровительной работы: автореф. дис. ... канд. пед. наук[Текст] / В.Н. Моченов. М., 1994. 24 с.

13. Никишин И.В. Моделирование и комплексное тестирование в оздоровительной физической культуре [Текст] / И.В. Никишин, С.В. Чернышев // Сб. научн. тр. / Под общ.ред. В.Д. Сонькина. М., 1993. С. 161-164.

14. Ратов, И.П. Двигательные возможности человека и нетрадиционные методы их развития и восстановления [Текст] / И.П. Ратов. Минск: Минтеппроект, 2004. 116 с.

15. Щедрина, А.Г. Онтогенез и теория здоровья: методологические аспекты [Текст] / А.Г.Щедрина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд.;1989. 123 с.

16. Штефко, В.Г. Схемы клинической диагностики конституциональных типов [Текст] / В.Г.Штефко. М.:1929. 34с.

17. Karpovich P. Water Resistance in swimming [Text] / P. Karpovich // Res. Quart, 1933. №4. 21-28 p.

18. Matiegka J.The testing of physical efficiency [Text] / J. Matiegka – Amer., J.Physiol.Antropol, 1921. № 4.- S.133-230.

UDK: 378.172+378.037

Technologies that Promote Health for Women of Various Body Types (Using the Example of Water Aerobics)

¹Boris I. Geltser

²Sergey A. Borschenko

³Anatoly N. Yakovlev

⁴Vladimir Y. Davydov

¹Vladivostok State University of Economics and Service , Russian Federation
690014 Vladivostok, Gogol St., 41

Doctor of medical sciences, Professor

²Vladivostok State University of Economics and Service , Russian Federation
690014 Vladivostok, Gogol St., 41

Candidate of Medical Science

³Vladivostok State University of Economics and Service , Russian Federation
690014 Vladivostok, Gogol St., 41

Candidate of pedagogical sciences

Polessky State University, Belarus

225710 Pinsk , Pushkin St., 4

Doctor of Biological Sciences, Professor

Abstract. The present article presents evidence that exercises in an aquatic environment influence the physical condition of women within various typological groups. The study shows that water aerobics can be widely used as a means of optimising movement and improving the physical condition of the population. These activities are important because they can attract those groups of people that have various difficulties with exercising on dry land as well as those who are unable to swim. This research will be useful to health group instructors, rehabilitation groups and those individuals who are interested in non-traditional methods of fitness gymnastics.

Keywords: technologies that promote health; women; body types; functional indicators; water aerobics.

Спортивная ответственность и спортивные санкции

¹ Марина Геннадьевна Князькова
² Максим Леванович Кортиев

¹ Сочинский государственный университет, Российской Федерации
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат юридических наук, доцент
E-mail: urfakultet@mail.ru

² Сочинский государственный университет, Российской Федерации
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Лаборант-исследователь

Аннотация. Каждая игра имеет свои правила. Будь то теннис, бадминтон, баскетбол или футбол. Если есть правила игры, правила ее проведения, то обязательно существуют и санкции за нарушение этих правил.

Ключевые слова: спорт; ответственность; санкция.

Введение. Спорт – организованная по определённым правилам деятельность людей, состоящая в сопоставлении их физических или интеллектуальных способностей [1]. Как становится понятным из определения, данная деятельность должна быть урегулированная определенными нормами, которые призваны организовать как сам спортивный процесс, так и обеспечить исполнение всеми участниками единых правил. Не исполнение участником предписаний ведет к ответственности в форме санкций. Но возникает вопрос: какой вид ответственности возникает в сфере спорта?

Методы и методология. Методологической основой данной работы является диалектический метод. Также использовались следующие общенакальные методы: анализ, наблюдение.

Обсуждение. Действительно, становится не ясным юридическая ли ответственность накладывается на виновное лицо. Юридическая ответственность – предусмотренная нормами права обязанность субъекта правонарушения претерпевать неблагоприятные последствия. Таким образом, данный вид наступает вследствие правонарушения, а спортивное нарушение в свою очередь вытекает из нарушения норм, содержавшихся в документах соответствующих некоммерческих спортивных организаций (например Национальная хоккейная лига, Международный союз биатлонистов, Международная федерация футбола). Это значит, что спортивную ответственность может понести только участник, присоединившийся к определенной спортивной организации в определенной форме. Это может говорить о корпоративной природе данной сферы, так как ответственность наступает только на определенный круг лиц, принявших на себя определенную совокупность прав и обязанностей и, как следствие, распространяется только на них в порядке, установленном опять же ими.

Что же касается формы реализации данного положения, то возможно применение положений о договоре присоединения. Например, таким договором является для футбольного клуба процедура лицензирования, а также подписания договора с Российской футбольной премьер-лигой или Профессиональной футбольной лигой (Россия), в котором они принимают на себя права и обязанности участника чемпионата по футболу, в том числе и обязанность, подчиняться тем санкциям, которые могут быть на него наложены компетентными органами.

Такая же ситуация и с футболистом или тренером. Процедура заявки футболиста является, по сути, признанием футболистом всех прав и обязанностей, в том числе и обязанность, подчиняться тем санкциям, которые могут быть на него наложены компетентными органами. В некоторых странах, проходя процедуру заявки, футболист подписывает документ, в котором четко указаны все его права и обязанности, в том числе и санкции, налагаемые на него в случае невыполнения таких обязанности.

Недостатки такой системы - продолжения ее достоинств. Выйти из нее, а соответственно и из-под юрисдикции карающих органов так же легко, как и присоединиться. Приведем несколько примеров. Менеджер Ювентуса после наложения на него внушительного штрафа в связи с «делом Ювентуса» в 2006 году просто сказал, что он уволен из футбольного клуба и больше не является официальным лицом в соответствии с регламентными нормами Итальянской федерации и не намерен платить штраф. В России такая ситуация возможна например когда клубы, имеющие задолженности по оплате штрафов лишаются профессионального статуса и прекращают свое существование в качестве юридического лица. Тогда Контрольно-дисциплинарный комитет принимает решение о списании с них задолженности в связи с прекращением их деятельности в качестве субъекта футбола. В таких случаях остается лишь обращаться в суд, в котором отсутствие практики по спортивным спорам не дает нам оснований, чтобы дать хотя бы приблизительный прогноз на исход подобного дела [2].

Все существующие виды юридической ответственности будь то дисциплинарная, материальная, уголовная или административная хоть и регулируют правоотношения в различных сферах деятельности, но все же имеют признаки характерные всем видам юридической ответственности. Во-первых, все санкции, налагаемые в связи с деятельностью, регулируемой этими видами ответственности нормативно закреплены в законодательстве РФ и, во-вторых, наложение и выполнение таких санкций обеспечивается силами государственного принуждения. Если рассматривать в этом контексте спортивную ответственность то она, безусловно, не является юридической. Во всяком случае, пока. Упоминания спортивных санкций не содержаться ни в одном нормативно правовом акте РФ, и соответственно они не обеспечиваются силами государственного принуждения. Единственное упоминание спортивных санкций встречается в тексте Международной Конвенции о борьбе с допингом в спорте ООН 19 окт.2005 (ст. 9 и 16) ратифицированной РФ. Санкции, связанные с допингом названы там «последствовыми процедурами» и накладываются антидопинговой организацией не только на спортсмена, но и на вспомогательный персонал спортсмена (врачи, тренеры, помощники).

Кроме того, упоминание спортивных санкций можно встретить в проекте закона о физической культуре и спорте, к разработке которого причастны многие из здесь присутствующих. В проекте закона право разрабатывать и применять спортивные санкции дается спортивным федерациям. Также этот проект закона уполномочивает спортивные федерации применять санкции в отношении спортсменов, применивших допинг. Министерство спорта получает право приостанавливать и прекращать действие государственной аккредитации общероссийских и региональных спортивных федераций, если они выступили организаторами соревнований, и были выявлены факты противоправного влияния на их результаты.

Федерации обязуются не допускать к участию в соревнованиях спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей спортивных команд и других участников состязаний, являющихся подозреваемыми или обвиняемыми в оказании противоправного влияния, до вступления в силу в отношении них приговора суда либо до прекращения уголовного преследования. Также они должны информировать международную спортивную федерацию по соответствующему виду спорта, Минспорта и другие органы о санкциях, которые были применены за причастность к сговору.

Вводятся и санкции за договорные соревнования. Так, за подкуп будут наказывать штрафом от 300 тыс. до 500 тыс. рублей или в размере зарплаты за период от 1-го года до 3-х лет. Совершенное организованной группой преступление будет караться штрафом от 500 тыс. до 1 млн рублей или в размере заработной платы за период от 2 до 5 лет.

Получение спортсменом, тренером, руководителем спортивной команды денег, ценных бумаг, иного имущества, пользование услугами имущественного характера, извлечение других выгод и преимуществ либо вступление их в сговор будет наказываться штрафом от 300 тыс. до 500 тыс. рублей или в размере заработной платы за период от 1 года до 3 лет. Если на взятке попался судья или организатор официального спортивного соревнования, либо член жюри штраф будет уже от 500 тыс. до 1 млн. рублей или в размере зарплаты за период от 2 до 5 лет.

Прием ставок в букмекерских конторах и тотализаторах (которые обязаны вести учет участников азартных игр и предоставлять данные учета в налоговые органы), а также

выплата по ним выигрышей будет осуществляться только при предъявлении участником азартной игры документа, удостоверяющего личность. За прием ставок и выплату выигрыша без этого документа предлагается ввести административные штрафы для должностных лиц – от 30 тыс. до 50 тыс. рублей, для юридических лиц – от 700 тыс. до 1 млн. рублей. За нарушение порядка информирования о выплаченных выигрышах будет грозить административный штраф для должностных лиц от 50 тыс. до 70 тыс. рублей, для юридических лиц – от 800 тыс. до 1 млн. рублей. За нарушение порядка учета участников азартных игр – штраф для чиновников составит от 50 тыс. до 70 тыс. рублей, для юридических лиц – от 800 тыс. до 1 млн. рублей.

Таким образом, пройдет еще много времени, прежде чем спортивная ответственность займет место в одном ряду с иными видами юридической ответственности. Да и вряд ли этого требует сложившаяся ситуация.

Если говорить об аналогии в существующем законодательстве, то стоит обратить внимание на так называемые саморегулирующиеся организации. Они есть у арбитражных управляющих, оценщиков, брокеров, рг-менеджеров, лиц действующих на рынке ценных бумаг. Такие организации, так же как и спортивные являются некоммерческими и ставят своей целью объединение группы лиц занимающейся определенной деятельностью. В таких организациях также существуют санкции, применяемые только лишь к членам этих организаций. Самой же жесткой санкцией в таких организациях, как правило, является исключение.

Но данный пример можно признать лишь поверхностной аналогией, ведь сама деятельность членов, например коллегии нотариусов, проходит вне этой коллегии, чего нельзя сказать, например, о клубах РФПЛ исключение из членов которой для них куда более серьезное, так как лишает возможности заниматься футболом в рамках зачастую единственной футбольной организации.

Что касается спортивных санкций, то они принимаются международными организациями, которые используются за основу на национальном уровне, что дает возможность унификации и объективности регулирования. Выделяют два вида санкций: текущие и последующие [3]. Первые - налагаются и приводятся в действие судьей спортивного мероприятия непосредственно во время проведения такого мероприятия и не требуют решения юрисдикционных органов для вступления в силу. Это, например удаление с футбольного поля, удаление на скамейку штрафников, показ желтой карточки. Вторые - налагаемые специально созданными дисциплинарными органами, например Дисциплинарным комитетом, Комиссией по дисциплине (НХЛ). Применяются не только к непосредственным участникам мероприятия, но и к юридическим лицам (футбольным клубам, ассоциациям, комитетам).

Видов санкций множество и они разнятся так же как виды спорта. Это и дисквалификации и дисквалификации стадионов, снятие с команд очков, штрафы, лишения наград техническое поражение и т.д. Все санкции, по сути, устанавливаются самими участниками соревнования, путем разработки и утверждения Дисциплинарного регламента. Для всех санкций существует только лишь одно обязательное условия применения – такая санкция должна содержаться в дисциплинарном регламенте и быть наложена в соответствии с данным регламентом.

Штраф игрока – основанием для споров является то, что штраф существует только в рамках уголовного и гражданского законодательства и возникает вопрос, как может накладываться на игрока без вмешательства государства. По-моему, тут классический случай гражданско-правовой ответственности, ведь когда игрок проходит заявку на мероприятия он таким образом соглашается с возможными дисциплинарными санкциями в том числе и штрафами. Таким образом, здесь штраф выступает некой мерой ответственности за нарушение договора.

Дисквалификация игрока и запрет заниматься деятельностью связанной с футболом - основанием для споров является то, что данная санкция очень схожа с запретом заниматься определенной деятельностью, установленным в Уголовном кодексе РФ. Не происходит ли тут незаконное отстранение от работы игрока или тренера? С моей точки зрения дисквалификацию и отстранение надо рассматривать не как запрет игроку выходить на поле. Нет, это ему никто не запрещает. Только в данном случае, в соответствии с правилами игры с команды будут сняты очки или защищено поражение. Также теоретически не исключается (хотя и международные и национальные федерации стараются свести такую

возможность к минимуму) наличие альтернативных спортивных федераций, где дисквалифицированный игрок может выступать.

Спортивные санкции применяются строго в соответствии с Регламентирующими документами. В одних видах спорта это Дисциплинарный регламент, в других просто правила игры. В отдельных случаях возможно распространение санкций до мирового масштаба (ст. 2 Дисциплинарного регламента РФС: «Сфера действия решений РФС может быть расширена до всемирного масштаба согласно регламентирующему документом ФИФА.») В данном контексте можно вспомнить случая произошедший с футболистом московского «Спартака» Даниэлем Погатецом. Сломав в одной игре своему сопернику ногу, Погатец был подвергнут длительной дисквалификации. Во время этой дисквалификации между «Спартаком» и английским «Мидлсборо» был заключен трансферный договор о переходе Погатеца в английский клуб. Но и перейдя в Англию Погатец был вынужден отбыть дисквалификацию в полном объеме.

Если говорить о Дисциплинарном регламенте РФС, то сфера его действия распространяется на: ассоциации; лиги; федерации; клубы (команды); официальных лиц; игроков; официальных лиц матча; иных лиц.

Следует отличать другие виды ответственности, вытекающие из спортивных правонарушений, например, статья 234 часть 3 Уголовного Кодекса Российской Федерации «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта», так как субъектом данного преступления является любое шестнадцатилетнее лицо, даже не занимающегося спортивной деятельностью.

Заключение. Таким образом, природа спортивной ответственности является дискуссионной, и в настоящее время, возможно, требует государственного регулирования посредством нормативного правовых актов, однако факт остается фактом - любое нарушение будь то в уголовной или спортивной сфере должно иметь соответствующий механизм привлечения к ответственности, ведь без упорядоченности отношений смысл спорта, как сопоставление их физических или интеллектуальных способностей не имеет смысла.

Примечания:

1. Свободная энциклопедия Википедия // www.ru.wikipedia.org.
2. Прокопец М.А. Спортивная ответственность и спортивные санкции // Материалы международной научно-практической конференции «Спортивное право: перспективы развития» 29 июня 2007 года. М., 2007.
3. Амиров И.М. Юридическая ответственность в сфере спорта (вопросы теории и практики) // Учебное пособие. Уфа. 2006.

УДК 79

Responsibility in Sports and Sporting Sanctions

¹Marina G. Knyazkova

²Maxim L. Kortiev

¹ Sochi State University, Russian Federation

354000 Sochi, 26a Sovetskaya St.

PhD (Legal), Associate Professor

E-mail: urfakultet@mail.ru

² Sochi State University, Russian Federation

354000 Sochi, 26a Sovetskaya St.

Research Assistant

E-mail: ewqasdewqasd@mail.ru

Abstract. Every game has its own rules. Be it tennis, badminton, basketball or football. If there are game rules, rules regarding how a game should be played, then there must also be sanctions for violating these rules.

Keywords: sport; responsibility; sanctions.

Международный спортивный арбитраж: теория и практика

¹ Наталья Викторовна Лебедева

² Игорь Олегович Коваль

¹ Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

Кандидат юридических наук, доцент

E-mail: urfakultet@mail.ru

² Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

Лаборант-исследователь

E-mail: dean151292@rambler.ru

Аннотация. Решение многих спортивных споров невозможно, основываясь на внутренних актах, для этого был создан Спортивный Арбитражный Суд. В сфере установления справедливости, как и во всех правовых сферах, возникают проблемы, которые необходимо решать.

Ключевые слова: спортивный арбитражный суд; справедливость; международный олимпийский комитет.

Введение. Спорт давно вышел за пределы моногосударственности и на данный момент является в большей степени бизнесом, чем средством объединения людей. Актуальность темы исследования не пропадет, пока в спорте завязаны интересы не только спортсменов, но и менеджеров, спонсоров, и лиц обеспечивающих работу команд, спортивных объединений, учреждений и т.д. Международный спортивный арбитраж орган, который позволяет в некоторой степени унифицировать и систематизировать хаос происходящей в правовом обеспечении спорта в Российской Федерации, как и в других странах во всем мире.

Методы и методология. Методологической основой данной работы является диалектический метод. Также использовались следующие общенаучные методы: анализ, наблюдение.

Обсуждение. Правовое регулирование особенностей рассмотрения спортивных споров относительно новое явление. Низкий уровень научной разработанности по данной теме привел к многочисленным проблемам практического и теоретического характера, коллизиям в нормах государственного права в спорте, неспособных урегулировать порядок разрешения спортивных споров в государственных и специально учрежденных для их рассмотрения третейских судах.

Основываясь на мировом опыте можно сделать вывод, что наиболее эффективным способом создания третейского суда, осуществляющего правосудие в области спорта, является учреждение специализированного спортивного некоммерческого арбитражного центра, при котором и создается третейский суд. Исходя из специфики внутриспортивной психологии и, опираясь на наиболее привлекательную для спортивной общественности практику деятельности Международного спортивного арбитражного суда в Лозанне, подобный специализированный арбитраж может существовать и функционировать исключительно внутри самой спортивной отрасли.

По данной схеме созданы и осуществляют свою деятельность практически все известные на сегодняшний день специализированные арбитражные центры в мире. Самыми известными арбитражными центрами на сегодняшний день являются Бельгийская арбитражная комиссия по спорту (Comission Belged'arbitrage pour lesport), Национальный спортивный центр по разрешению споров в Австралии (National Sport Dispute Center), Палата по разрешению споров в области спорта в Италии и т.д. (Cameradi Conciliazione e Arbitrato per lo Sport). На международном уровне действует Международный спортивный арбитражный совет (International Council of Arbitration for Sport), при котором был создан известный сегодня Международный спортивный арбитражный суд (Court of Arbitration for Sport), который уполномочен рассматривать все споры, возникающие в области спорта на международном уровне.

Отличительной особенностью практически всех спортивных арбитражных центров, в том числе и Международного спортивного арбитражного суда, является их особое место в системе третейских судов. Являясь весьма специфической сферой общественных отношений, спорт занимает также особое место и в плане правового обеспечения. Зачастую конфликты, возникающие в области спорта, подлежат разрешению не только в соответствии с действующим законодательством, но и с нормами международных и национальных спортивных организаций. Именно поэтому для квалифицированного разрешения спора требуются как юристы, специализирующиеся именно в области правового обеспечения спорта, так и непосредственно спортивные функционеры, менеджеры, тренеры, т.е. специалисты, глубоко и точно знающие и понимающие спорт.

Инициатором создания спортивного арбитражного суда стал Хуан Антонио Самаранч, в 1980 году избранный президентом Международного олимпийского комитета. Он поручил сенегальцу Кебембайе разработать проект органа осуществляющего международное спортивное арбитражное правосудие. В 1983 году МОК принял решение о создании суда, в 1984 году был утвержден его устав. Мбайе стал первым президентом суда и оставался на этом посту до своей смерти в 2007 году.

Первые годы Спортивный арбитражный суд функционировал при МОК. В начале 1990-х CAS рассматривал дело германского конника Эльмара Гунделя, оспаривавшего дисквалификацию, основанием стало обнаружение допинга у его лошади. CAS оставил дисквалификацию в силе, и тогда Гундель обжаловал решение суда в швейцарском суде общей юрисдикции. Решение, вынесенное 15 марта 1993 года, подтвердило решение CAS и его полномочия рассматривать спортивные споры, однако в целях обеспечения его беспристрастности рекомендовал отделиться от МОК [1]. Реформа была оформлена 22 июня 1994 года Парижским соглашением, которое подписали МОК, Ассоциация зимних видов спорта, Ассоциация летних видов и Ассоциация национальных олимпийских комитетов. Эти четыре организации стали учредителями суда, а руководящим органом был сделан Международный спортивный арбитражный совет (MCAC). Соглашение также определило порядок финансирования CAS.

5 марта 2003 года большинство спортивных федераций мира одобрило новый Всемирный антидопинговый кодекс ВАДА, признававший CAS отдельным органом, уполномоченным разбирать жалобы на решения по международным допинговым спорам.

Суд состоит из двух палат, одна разбирает споры в качестве суда первой инстанции, другая является апелляционной инстанцией для дел, ранее рассмотренных другими органами государственного спортивного правосудия.

Арбитры назначаются MCAC на четыре года с возможностью переназначения. Каждый арбитр может рассматривать дела, относящиеся к компетенции любой из палат. Дела рассматриваются арбитром единолично или в составе коллегии из трёх арбитров. В состав CAS должно входить не менее 150 арбитров. В 2007 году их было 275 [1, 3].

Кроме того, создаются непостоянные трибуналы для ускоренного разрешения споров во время ряда крупнейших международных соревнований [2]:

- с 1996 года — на Олимпийских играх;
- с 1998 года — на Играх Содружества;
- с 2000 года — на чемпионатах Европы по футболу;
- с 2006 года — на чемпионатах мира по футболу;
- с 2014 года — на Азиатских играх.

Для того чтобы CAS был правомочен рассматривать споры, требуется, чтобы такая возможность была предусмотрена соглашением сторон («арбитражная оговорка») [1]. Такая оговорка может содержаться в трудовом договоре спортсмена, если это допускается внутренним законодательством, в гражданско-правовом договоре (например, рекламном контракте) и в регламенте спортивных организаций.

Дела, попадающие на рассмотрение CAS, можно условно разделить на «комерческие» и «дисциплинарные». Среди последних значительную долю составляют споры о дисквалификациях, связанных с использованием допинга. При этом большинство «комерческих» споров CAS рассматривает как суд первой инстанции, а «дисциплинарные» обычно попадают в арбитраж после того, как их рассмотрела предшествующая инстанция [4, 5, 6].

Судопроизводство имеет различные формы, и осуществляться в несколько этапов, в соответствии с регламентирующими документами.

Во первых арбитражное соглашение поступившее в канцелярию международного Спортивного арбитражного рассматривается группой по рассмотрению ходатайств, принимается к производству или отклоняется.

«Краткий процесс» может быть начат по ходатайству одной из сторон спора. Основная цель этого процесса состоит в попытке прийти к мирному соглашению сторон. Инициатором примирения сторон может выступить председатель международного Спортивного арбитражного суда. Использование попытки примирения может быть также предусмотрено в арбитражном соглашении. «Краткий процесс» прекращается в случае когда не удалось прийти к мирному разрешению спора. Частичное примирение влечет прекращение «краткого процесса», но при дальнейшем рассмотрении дела речь идет только о тех моментах, по которым не удалось прийти к соглашению.

Документы, на которые намерены ссылаться в ходе основного (устного) расследования подаются в канцелярию международного Спортивного арбитражного суда. В ходе письменного расследования стороны спора передают противоположной стороне свои жалобы, контржалобы, возражения. Вся эта информация доводится до адвокатов или представителей сторон, оговоренных в арбитражном соглашении.

Председатель международного Спортивного арбитражного суда по истечении всех предусмотренных нормативно-правовыми документами сроков (с учетом их возможного продления по объективным причинам) распоряжением закрывает письменное расследование.

На этапе письменного расследования по инициативе сторон спора или группы арбитров может быть принято решение о принятии предварительных мер для защиты прав сторон спора.

Устное (основное) расследование или дебаты, прения сторон спора проходит при закрытых дверях. В процессе прений суд в лице группы арбитров заслушивает стороны спора, их адвокатов или представителей, свидетелей или экспертов. Группа экспертов, по согласованию со сторонами, принимает решение о присутствии на заседании других лиц, не поименованных выше, включая сотрудников спортивного арбитражного суда, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей. Участники прений могут иметь переводчика за свой счет. Любой документ, который не был подготовлен и представлен на этапе письменного расследования в ходе дебатов не рассматривается. Устное расследование фиксируется в протоколе, который ведется генеральным секретарем международного Спортивного арбитражного суда, подписывается им и председателем группы арбитров. Прения должны быть сдержанными по форме, в противном случае группа арбитров может принять решение в форме судебного постановления по процессуальному вопросу с последующим принятием санкций в отношении нарушителя.

В случае, если возникший спор это позволяет, может быть применена «ускоренная» процедура рассмотрения спора, порядок, условия и формы которой фиксируются в специальном протоколе, подписанном председателем группы арбитров и сторонами, или в акте, подписанном сторонами.

На любом этапе судопроизводства до оглашения решения суда стороны спора могут отказаться от иска.

Обсуждение решения ведется группой арбитров при закрытых дверях. Никакие комментарии со стороны истца или ответчика на этом этапе не допускаются. Вместе с тем группа арбитров может потребовать тот или иной документ, способствующий большей ясности рассматриваемого спора. Решение выносится в письменной форме и принимается большинством голосов членов группы арбитров. Оно должно быть мотивировано, упоминает фамилии арбитров, подписывается всеми членами группы и генеральным секретарем суда. Решение может быть оглашено генеральным секретарем суда на публичном заседании, если это не противоречит арбитражному соглашению или другим договоренностям. Решение доводится до сторон, обязательно только для них и обжалованию не подлежит. Решение может стать предметом исправления только по фактическим ошибкам, которые вносятся генеральным секретарем суда и утверждаются председателем группы арбитров.

Решение может стать предметом толкования или пересмотра. Ходатайство о толковании вынесенного решения может быть возбуждено одной стороной спора или сторонами сообща. Оно направляется председателю международного Спортивного арбитражного суда. Вопрос о пересмотре решения может возникнуть только в том случае, если это было предусмотрено арбитражным соглашением, и только на основе неожиданного появления нового факта, который может повлиять на решение. Пересмотр назначается

председателем международного Спортивного арбитражного суда. В случае ходатайства о толковании или пересмотре дела возможна отсрочка исполнения решения.

Работа международного Спортивного арбитражного суда проанализирована в рамках дискуссий по ряду специальных тем – «Допинг», «Уголовная ответственность в спортивной практике», «Правосудие в спорте» и др..

На сегодняшний день деятельности Международного Арбитражного Суда характерны следующие черты:

1. **независимость**, подтверждаемая всем ходом и итогами деятельности и мнением Швейцарского федерального суда;
2. **конфиденциальность**, проявляющаяся в принятии решений об опубликовании материалов, несмотря на возможность предоставленную Уставом и Регламентом;
3. **быстрота процедуры**, по просьбе сторон решение выносится незамедлительно;
4. **экономия средств**, связанная с финансированием деятельности суда по преимуществу со стороны Международного олимпийского комитета, с предоставлением бесплатных консультаций и др.

В осуществлении правосудия и решение споров Международным Арбитражным судом необходимо четко определить грань, где для принятия решений необходимы юристы, а где в большей степени спортсмены и прочие лица имеющие отношение к той или иной спортивной ветви.

Все члены международного Спортивного арбитражного суда, в соответствии с регламентирующими нормативно-правовыми актами, имеют самое непосредственное отношение к юриспруденции. Необходимо обратить внимание на тот факт, что 15 членов суда доктора наук, так же в состав входят девять профессоров. Представителей России на сегодняшний день в составе международного Спортивного арбитражного суда нет.

Заключение. Внутреннее (национальное) законодательство необходимо: во-первых, систематизировать, а во-вторых, изменить в соответствии с международными стандартами, что позволит избежать лишних споров и разгрузить работу МСАС. Так как бизнес вошел в спортивную сферу и не покинет ее, совершенно очевидно стоит вопрос о том, что споров как было, так и будет колоссальное количество. Эти споры должны решаться специальным органом, которым стал МСАС, но не стоит забывать, что спорт это не только деньги, но и человеческие жизни. Права спортсменов должны решаться в большей степени профессиональными юристами, которые должны обладать достаточными профессиональными знаниями, как в праве, так и спорте.

Способом решения данных проблем может стать подготовка юристов узкой, спортивной направленности. Так как их подготовка занимает длительный период, на данном этапе совершенно ясна необходимость взаимодействия лиц без юридического образования участвующих в спортивной жизни мира и правоведов многих государств.

Примечания:

1. Бриллиантов А. М. Спортивный арбитраж как способ рассмотрения споров в области спорта (сравнительно-правовой аспект) // Теория и практика физической культуры. 2004.
2. Устав международного Спортивного арбитражного суда. Вступил в силу 30 июня 1984 г. // По материалам официального сайта Международного спортивного арбитражного суда: <http://www.tas-cas.org>.
2. Спортивно-арбитражный кодекс (*Code of Sports-related Arbitration*). Вступил в силу 22 ноября 1994 г. // По материалам официального сайта Международного спортивного арбитражного суда: <http://www.tas-cas.org>.
3. Регламент Спортивного арбитражного суда при ТПП РФ. Утвержден приказом ТПП РФ от 24 октября 2003 г. № 114 // По материалам официального сайта ТПП РФ: <http://www.tpprf.ru.1>. Судебная практика.
4. Case of Bosman v Royal Club Liégeois SA and UEFA (ECJ, 15.12.95, case no. C 415/93).
5. CAS (20.8.1999 98/2000) AEK Athens and Slavia Prague v/ UEFA, in Reeb (Hrsg) Digest of CAS Awards II 1998 -2000, 2002, P. 38, 103.
6. CAS (15.12.2002 2002/0/372) NOC et al. v/IOC, Rn. 27, Digest of CAS Awards 1 1986-1998, 2000, S. 351,358.

International Court of Arbitration for Sport: Theory and Practice

¹Natalia V. Lebedeva

²Igor O. Koval'

¹ Sochi State University, Russian Federation

354000 Sochi, 26a Sovetskaya St.

PhD (Legal), Associate Professor

E-mail: urfakultet@mail.ru

² Sochi State University, Russian Federation

354000 Sochi, 26a Sovetskaya St.

Research Assistant

E-mail: dean151292@rambler.ru

Abstract. Many disputes within sports cannot be solved merely through using internal sporting regulations, which is why the Court of Arbitration for Sport was created. Certain problems arise within the sphere of establishing justice, as in any legal sphere, which need to be resolved.

Keywords: Court of Arbitration for Sport; justice; International Olympic Committee.

Использование программы по физической подготовке юных футболистов в период проведения двухгодичного педагогического исследования

¹ Евгений Александрович Масловский

² Анатолий Николаевич Яковлев

³ Алексей Петрович Саскевич

¹ Полесский государственный университет», Белоруссия

225710, г.Пинск, ул. Пушкина, 4

Доктор педагогических наук, профессор

E-mail: evgeniy_maslovskiy@mail.ru

² Владивостокский государственный университет, Российская Федерация

690014, г. Владивосток, ул. Державина, д. 59, к.6.

Кандидат педагогических наук, доцент, докторант

E-mail: Yak-33-c1957@mail.ru

³ Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина», Белоруссия

247760, г. Мозырь, ул. Студенческая, д.28

Магистрант

E-mail: saskevich_a@mail.ru

Аннотация. В статье на основе проведенного двухгодичного педагогического эксперимента представлены механизмы соревновательной деятельности, в контексте интеграции процессов восприятия, мышления и моторной деятельности, которые выражаются в технико-тактических действиях в зависимости от игрового амплуа.

Ключевые слова: физическая подготовка; педагогический эксперимент; морффункциональные особенности; жизнедеятельность специфических функций; индивидуальный подход.

Введение. В системе современного спорта огромные объемы тренировочных и соревновательных нагрузок являются следствием повышения уровня спортивной работоспособности. Уровень развития физических качеств отражает эффективность процесса их воспитания с методологических позиций современности.

В связи с этим становится очевидным, что в построении и практической реализации программ подготовки юных футболистов лежат запрограммированные двигательные действия, которые проявляются в техническом арсенале игроков.

Все времена, физические качества, были востребованы человеком в разные периоды его жизни, что уж говорить о юношеском возрасте, где они проявляются во всей своей красе [11, 12].

Механизмы соревновательной деятельности в футболе предусматривают одновременное протекание процессов восприятия, мышления и моторной деятельности. Результаты данной деятельности выражаются в конкретных технических действий (ТД), избираемых футболистом с учётом всех условий конкретной ситуации. Таким образом, вопросы общей физической подготовки (ОФП) и специальной физической подготовки (СФП) юных спортсменов, подлежат тщательному и объективному изучению.

Физическая подготовка на начальном этапе спортивного совершенствования представляет собой сложную, многокомпонентную функциональную систему. Важнейшая характеристика системы отражена в понятии сложности. Под сложностью понимают наличие степеней свободы, то есть число независимых параметров, определяющих состояние системы [9].

Морффункциональные особенности юношей заключаются в относительной сформированности морфологических структур различных систем организма, обеспечивающих и осуществляющих жизнедеятельность специфических функций и практической готовности для осуществления спортивной деятельности.

Психологические особенности контингента указанного возраста свидетельствуют о необходимости применения индивидуального подхода при выборе средств физической подготовки в учебно-тренировочном процессе юных футболистов [2].

Таким образом, можно отметить, что в научно-методической литературе присутствует теоретический материал по данной теме, но применение нетрадиционных методик в учебно-тренировочном процессе юных футболистов, на практике, встречается довольно редко.

Материалы и методы. Апробация разработанной программы ОФП и СФП, а также технической подготовленности (ТП) проходила, в четыре этапа, в ходе формирующего педагогического эксперимента с конца апреля 2010 по апрель 2012 гг., на базе центра физической культуры и спорта (ЦФК и С) Полесского государственного университета (ПолесГУ) и спортивной детско-юношеской школы олимпийского резерва № 3 (СДЮШОР – 3) (г. Пинск). В эксперименте приняли участие 58 юных футболистов 10-14 лет. Экспериментальную группу (ЭГ) составили 29 детей, занимающихся в секции футбола на базе ЦФК и СПолесГУ, контрольную группу (КГ) составили так же 29 детей, но занимающиеся на базе СДЮШОР – 3 (г. Пинск). Занятия в каждой группе проводились 3-4 раза в неделю по 90 минут: в ЭГ - с использованием разработанных средств и методов [8]; в КГ - по традиционной методике.

Обсуждение проблемы. Формирующий педагогический эксперимент был проведён в соответствии с методическими принципами и положениями, изложенными в работах Б.А. Ашмарина [1], Ю.В. Верхошанского [2], В.М. Дьячкова [3], В.М. Зациорского [4], Е.А. Масловского [5], Ю.В. Менхина [6], Н.Г. Озолина [7].

Несмотря на прогресс в учебно-тренировочном процессе актуальными остаются работы Солодкова А.С. [8], так как раскрывают адаптационные процессы: теоретические и прикладные аспекты.

Функциональная подготовка спортсменов нашла отражение в трудах И.Н.Солопова, А.И. Шамардина [9].

Динамика состояния спортсменов в условиях монотонной деятельности в зависимости от особенностей нервной системы отражена в работе В. Ф. Сопова[10].

На основе изучения специальной литературы и педагогического опыта авторов были разработаны физические упражнения избирательной направленности, которые были распределены в два блока упражнений. Упражнения блока «А»:

- тесты тренировочной программы ОФП: «Прыжок в длину с места, см», «Бег 300 метров, с», «Подтягивание на перекладине, количество раз», «Подъём туловища на наклонной скамье из положения лёжа, за 30 с, количество раз», «Бег 15 метров, с».

- тесты тренировочной программы СФП: «Бег по ломанной, с», «Челночное ведение мяча 30 метров, с», «Вбрасывание мяча (аут), м», «Челночный бег 3x10 метров, с», «Бег 60 м, с».

Упражнения блока «Б». Отобранные упражнения для овладения ТД индивидуальной техники владения мячом (техническая подготовленность): «Жонглирование, количество раз», «Удары на дальность, м», «Ведение мяча 30 м, с», «Челночный бег 3x10 м., с», «Жонглирование (ПЗ), количество раз», «Удары по воротам (ПЗ), количество раз», «Сprint – бег трусцой – спринт, 50 м., с», «Обводка футбольным мячом флагов, 15 м., с», «Маятник, с» [8].

Статистическая обработка исходных данных (апрель 2010 г.), отражающих уровень ОФП и СФП юных футболистов ЭГ и КГ, в целом, не выявила существенных достоверных различий между испытуемыми, следовательно, ЭГ и КГ были равнозначны и соответствовали требованиям, предъявляемым к организации педагогического эксперимента.

Учитывая тот факт, что испытуемые КГ также регулярно занимались физической подготовкой, их результаты повысились. Динамика результатов положительна, хотя не так впечатляюща, как в ЭГ. Результаты исходного и итогового тестирования ОФП и СФП испытуемых (апрель 2010–2011 гг.) КГ (n=29) юных футболистов (упражнения блока «А») показывают, что значимые различия результатов исходного и итогового тестирования физической подготовленности испытуемых КГ выявились только по четырем показателям: «Бег 300 м., с», «Бег 15 м., с», «Бег по ломанной, с» - достоверность в этих упражнениях составила ($p<0,001$). В упражнении «Челночный бег 3x10 м., с» достоверность составила ($p<0,05$).

Близкие к значимым изменения произошли у испытуемых КГ в показателях выполнения упражнений блока «А»: «Челночное ведение мяча, 30м., с», «Бег 60 м., с» и «Подъём туловища на наклонной скамье из положения лёжа за 30 с., количество раз» ($p>0,05$). В то же время, близко к значимому, улучшился результат в прыжках в длину с

места и подтягивании в висе на перекладине. Этот факт можно объяснить общим улучшением, которое произошло у испытуемых в процессе занятий физическими упражнениями, хотя результат КГ против результата в ЭГ - достаточно низок.

Результаты. При сравнении показателей исходного и итогового уровней ОФП и СФП у ЭГ ($n=29$) (апрель 2010–2011 гг.), значимо возросли все скоростные и скоростно-силовые показатели, так как разработанные упражнения комплексного воздействия были направлены на развитие таких комплексных качеств («скоростно-силовые качества», «скоростная выносливость» и т. д.), в проявлении которых эти качества играли ведущую роль.

Обращают на себя внимание изменения в показателях упражнения «Бег 15 м., с» ($p<0,001$). Отметим значимую позитивную динамику прыжков в длину с места, «Челночный бег 3x10 м., с», «Бег по ломанной, с», «Челночное ведение мяча 30м., с», «Бег 60 м., с» и «Подъём туловища на наклонной скамье из положения лёжа за 30 с., количество раз» ($p<0,001$).

Полагаем, что именно за счет специальных упражнений комплексного воздействия, включенных в состав комбинаций, а не особо выделенных, в ЭГ результаты приблизились к максимально возможному уровню ($p<0,01$) упражнения «Бег 300 м., с» и «Подтягивание в висе на перекладине, количество раз» ($p<0,05$).

В конце формирующего педагогического эксперимента (апрель 2012 г.), когда процесс углубленного разучивания ТД (упражнения блока «Б») подошёл к завершению, и были сопоставлены данные годичного исследования.

Результаты тестирования, достигнутые в ОФП и СФП (упражнения блока «А») у КГ, естественно оказали влияние на результативность овладения ТД (упражнения блока «Б»), которая так же повысилась по сравнению с исходным тестированием.

По этому, при сравнении полученных результатов тестирования ТП юных футболистов КГ ($n=29$) в начале и в конце формирующего педагогического эксперимента (апрель 2011–апрель 2012 гг.), с целью подтверждения эффективности методики применения упражнений комплексного воздействия, анализу была подвергнута динамика показателей ОФП и СФП (упражнения блока «А»), а так же ТД (упражнения блока «Б») юных футболистов КГ и ЭГ.

Сравнение результатов тестирования исходного и итогового уровня ТП испытуемых КГ, показало положительную динамику. Значимые изменения выявлены в трех ТД: «Удары на дальность, м», достоверность составила ($p<0,001$); «Челночный бег 3x10 м., с» и «Обводка футбольным мячом флагов, 15 м., с.», получившие достоверность на уровне ($p<0,05$). Остальные шесть упражнений из блока «Б», оказались на статистически не достоверном уровне ($p>0,05$). Отметим, что максимальное увеличение результата выполнения ТД выявлено в упражнении «Удары на дальность, м». Остальные изменения не значимы.

Так же как и у КГ, было проведено сопоставление результатов тестирования начального и итогового уровней (апрель 2011–2012 гг.) ТД (упражнения блока «Б») юных спортсменов в структуре технических навыков игры в футбол у ЭГ ($n=29$).

Все показатели ТД в ЭГ оказались на статистически достоверном уровне. Шесть из девяти упражнений оказались на максимальном уровне ($p<0,001$). Три упражнения, такие как «Удары на дальность, м», «Сprint – бег трусцой – спринт, 50 м., с» и «Маятник, с» – близко к максимальному ($p<0,01$). Эффективность методики применения упражнений комплексного воздействия в процессе ТП ещё раз подтвердилась и в ходе оценивания ТД.

В результате выполнения упражнений комплексного воздействия улучшились показатели физической подготовленности испытуемых ЭГ. В обеих группах впечатляет изменение показателей силы спины и ног. Но следует повторить, что высокие темпы и достижение высоких уровней развития координационных и скоростно-силовых качеств предопределены у занимающихся низкими исходными уровнями развития необходимых качеств и подбором адекватных упражнений [2]. А с другой стороны, подтверждена благоприятность данного возраста для подобранных упражнений и показана при этом возможность применения необходимых нагрузок.

Заключение. В целом, приведенные материалы свидетельствуют о значимом ($p<0,001$) преимуществе в плане физической подготовленности и ТП испытуемых ЭГ по всем наблюдаемым признакам и характеризующих их параметрам. Результаты исследования служат подтверждением нашего предположения о том, что для физического совершенствования юных спортсменов в структуре технических навыков игры в футбол наиболее адекватными и эффективными являются именно упражнения комплексного воздействия.

В то же время эксперимент показал, что и в случае применения упражнений комплексного воздействия целесообразно вводить «методические акценты» для наибольшего стимулирования каких-то определенных физических качеств и двигательных способностей, уровень развития которых в данный момент оказывается недостаточно высоким или эти качества и способности наиболее востребованы.

На основе зарегистрированной гетерохронности процесса развития разных качеств можно полагать, что при этом следует учитывать «естественную» консервативность развития некоторых качеств и относительно большие временные затраты на их совершенствование.

Примечания:

1. Ашмарин Б.А. Теория и методика педагогических исследований в физическом воспитании / Б.А. Ашмарин. М.: Физкультура и спорт, 1978. 223 с.
2. Верхошанский Ю.В. Экспериментальное обоснование средств скоростно-силовой подготовки в связи с биодинамическими особенностями спортивных упражнений: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Ю.В. Верхошанский. М., 1963. 21 с.
3. Дьячков В.М. Физическая подготовка спортсмена / В.М. Дьячков. М.: Физкультура и спорт, 1961. 60 с.
4. Зациорский В.М. Физические качества спортсмена: основы теории и методики воспитания / В.М. Зациорский. 3-е изд. М.: Советский спорт, 2009. 200 с.
5. Масловский Е.А. Теоретические и методические основы использования индивидуально-сопряженного подхода в физическом воспитании школьников и подготовке юных спортсменов: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.04 / Е.А. Масловский. Минск, 1993. 49 с.
6. Менхин Ю.В. Физическая подготовка к высшим спортивным достижениям в видах спорта со сложной координацией действий: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.04 / Ю.В. Менхин. М., 1990. 48 с.
7. Озолин Н.Г. Современная система спортивной тренировки / Н.Г. Озолин. М.: Физкультура и спорт, 1970. 479 с.
8. Солодков А. С. Адаптация в спорте: теоретические и прикладные аспекты / А.С. Солодков // Теория и практика физической культуры. 1990. № 5. С. 3-5.
9. Соловьев И. Н. Функциональная подготовка спортсменов / И.Н. Соловьев, А.И. Шамардин. Волгоград: Прин – Терра – Дизайн, 2003. 263 с.
10. Соловьев В. Ф. Динамика состояния спортсменов в условиях монотонной деятельности в зависимости от особенностей нервной системы / В. Ф. Соловьев // Вопросы спортивной психологии. 1977. Вып. 5. С. 55-63.
11. Саскевич А.П. Комплексы специально-подготовительных упражнений для обучения технике игры в футбол с подключением периферического зрения на этапе начальной спортивной специализации: практические рекомендации / А.П. Саскевич. Пинск: ПолесГУ, 2012. 14 с.
12. Юный футболист / под ред. А.П. Лаптева. М.: Физкультура и спорт, 1983. 255 с.

UDC 796.01.61

Utilising a Programme for Physically Training Young Football Players during a Two-year Educational Research Study

¹Eugene A. Maslowski

²Anatoly N. Yakovlev

³Alexey P. Saskevich

¹Polessky State University", Belarus

225710, Pinsk, st. Pushkin, 4

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

E-mail: evgeniy_maslovskiy@mail.ru

²Vladivostoksky State University, Russian Federation

690014, Vladivostok, ul.Derzhavina, 59, k.6.

Ph.D., Associate Professor

E-mail: Yak-33-c1957@mail.ru

³ Mozyr State Pedagogical University IP Shamyakin", Belorussia

247760, Mozyr, st. Student Street 28

PhD student

E-mail: saskevich_a@mail.ru

Abstract. Based on a two-year educational experiment, the article presents the mechanisms within competitive activities from the point of view of integrating the processes of perception, thinking and motor activity, which are expressed within technical and tactical actions depending on the role within a game.

Keywords: physical training; educational experiment; morpho-functional features; the viability of specific functions; individual approach.

Технология физической подготовки студентов в процессе физического воспитания в вузе

Лидия Константиновна Федякина

Сочинский государственный университет, Российская Федерация

354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

Кандидат педагогических наук, доцент

E-mail: afkfed@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка научного обоснования технологии физической подготовки студентов в процессе физического воспитания в вузе. Рассматриваются компоненты технологии физической подготовки студентов вуза, оказывающие влияние на уровень физической подготовленности. Технология физической подготовки студентов предусматривает комплексное использование циклических упражнений, выполняемых в аэробном режиме, локальных силовых упражнений, выполняемых в квазизотоническом режиме. Определена наиболее оптимальная величина нагрузки, рациональная последовательность и режимы выполнения упражнений различной направленности в недельном цикле, что выразилось в улучшении физической подготовленности студентов.

Ключевые слова: технология; студенты вуза; физическая подготовка; физическая подготовленность; аэробные и силовые упражнения; квазизотонический режим.

Введение. В последнее время многими исследователями [1, 2, 3, 4, 5, 6 и др.] отмечается снижение уровня физической и функциональной подготовленности, ухудшения состояния здоровья студентов вузов. Ряд авторов [4, 5, 6, 7] констатирует, что снижение уровня физической подготовленности происходит у студентов не только последующих поколений, но и одного поколения в течение всего периода обучения в вузе. В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» (от 29.12.2012 г.) физическое развитие человека является важнейшей компонентой образования студенческой молодежи (статья 2). Таким образом, занятия физической культурой в вузе должны способствовать физическому развитию, повышению уровня физической подготовленности и, соответственно, улучшению состояния здоровья студентов.

Динамика физической подготовленности студентов в процессе всего обучения в вузе может рассматриваться как один из основных критериев эффективности построения учебного процесса по физическому воспитанию в вузе. Таким образом, на современном этапе развития общества необходимость совершенствования учебного процесса физического воспитания в вузе не утратила своей актуальности.

Материалы и методы. Анализ, представленный в статье, основан на материалах научной и научно-методической литературы и собственных исследованиях.

Результаты и обсуждение. Решением данной проблемы может быть разработка технологии физической подготовки студентов вуза, выявление условий, оказывающих существенное влияние на эффективность академических занятий по физической культуре. Анализ диссертационных работ за последние годы [7] свидетельствует о расширении средств, используемых в физическом воспитании студентов вуза. Это виды традиционные, такие как спортивные игры, легкая атлетика, общая физическая подготовка, так и новые системы физических упражнений, такие как атлетическая гимнастика, различные виды аэробики, шейпинг, пилатес, элементы йоги и восточных единоборств и др. Нельзя забывать, что эффективность той или иной программы построения занятий определяется не только содержанием и средствами. Преимущественное воздействие тех или иных средств физической культуры тесно связано с длительностью и интенсивностью выполнения упражнения, режимом выполнения упражнения, с определением оптимальной величины нагрузки и ее динамики в процессе занятий, определения наиболее рациональной последовательности выполнения упражнений и т.д. [8, 9] При этом следует отметить, что

применение средств и методов физической культуры должно базироваться на знаниях об их воздействии на организм занимающихся.

Физическая подготовка направлена на укрепление здоровья, достижение определенного уровня физического развития, воспитание физических качеств (способностей). Одной из составляющих физической подготовки является общая физическая подготовка. Она включает в себя разностороннее воспитание физических качеств. Эта сторона подготовки играет первостепенную роль в повышении общего уровня функциональных возможностей организма, комплексном развитии физической работоспособности применительно к широкому кругу различных видов деятельности и систематическом пополнении фонда двигательных навыков и умений [10].

В вузе общая физическая подготовка является приоритетным направлением подготовки студентов на занятиях физической культурой. Задача воспитания физических качеств в рамках занятий физической культурой в вузе связана, прежде всего, с выполнением программных требований. Можно предположить, что научно-обоснованная технология физической подготовки будет способствовать более эффективному физическому развитию студентов, совершенствованию их общего функционального состояния. Это поможет решить задачи повышения уровня физической подготовленности студентов, коррекции состояния здоровья, создаст предпосылки для более успешного овладения будущей профессией.

С целью дальнейшего совершенствования технологии физической подготовки студентов было организовано настоящее исследование. Цель настоящего исследования – научное обоснование технологии физической подготовки студентов в процессе физического воспитания в вузе. Технология физической подготовки студентов предусматривает комплексное использование, на основе данных оперативного и текущего контроля, циклических упражнений, выполняемых в аэробном режиме, локальных силовых упражнений на основные группы мышц, выполняемых в квазизотоническом режиме.

Одной из задач, которая должна решаться на занятиях физической культурой в вузе, будет улучшение уровня физической подготовленности как результата физической подготовки и расширение резервных возможностей организма студента.

Предлагается следующий алгоритм технологии физической подготовки:

1. Сбор информации (анкета) о студенте с получением следующих данных: паспортные данные, опыт занятий физической культурой в школе, опыт занятий спортом, в том числе разрядность, перенесенные заболевания, вредные привычки и т.д.; об уровне физической и функциональной подготовленности.

2. Анализ полученной информации, принятие решения о стратегии построения занятий, составление программы занятий с учетом уровня физической подготовленности и возможных отклонений в состоянии здоровья.

3. Реализация намеченной программы.

4. Контроль за реализацией намеченной программы на основе результатов которого вносятся изменения в документы планирования и стратегию занятий. Учитывается динамика физической подготовленности студентов. Использование среднестатистических данных и нормативов для контроля уровня физической подготовленности студентов не вполне корректно, так как при этом не учитываются индивидуальные особенности студентов.

При разработке технологии физической подготовки студентов мы опирались на результаты – научно-методической литературы и передового практического опыта; – предварительного исследования о влиянии урочных форм занятий физической культурой; – выявление воздействий аэробных и силовых физических упражнений на организм студентов.

Продолжительность эксперимента составила один учебный год. В соответствии с программой эксперимента в начале и в конце проводилось педагогическое тестирование, которое предусматривало оценку уровня и динамики физической подготовленности участниц эксперимента. Студентки были разделены на две группы: контрольная (КГ) и экспериментальная (ЭГ).

Студентки КГ на первом занятии в неделю выполняли циклические упражнения в аэробном режиме, далее упражнения на гибкость («мягкий» стретчинг). На втором занятии в неделю выполняли локальные силовые упражнения в квазизотоническом режиме на основные группы мышц. Планирование занятий аэробной и изотонической направленности в разные дни недельного цикла – наиболее эффективная форма оздоровительной тренировки.

Студентки ЭГ, выполняли циклические упражнения в аэробном режиме в начале каждого занятия 2 раза в неделю, упражнения на гибкость («мягкий» стретчинг), а затем выполняли локальные силовые упражнения в квазизотоническом режиме на основные группы мышц. Величина тренировочной нагрузки в группах не имела существенных отличий. Перед началом педагогического эксперимента студентки групп значимо ($p>0,05$) не отличались ни по одному из изучаемых показателей. Уровень физической подготовленности студенток обеих групп перед началом эксперимента может быть оценен как средний.

Анализ результатов исследования позволяет определить изменения, произошедшие за время педагогического эксперимента (таблица 1), вызванные особенностями применения предлагаемой технологии физической подготовки студенток.

Следует отметить, что за время эксперимента в обеих группах произошли достоверные ($p<0,05$) положительные изменения результатов большинства тестов, характеризующих уровень физической подготовленности.

Выявленные в ходе эксперимента особенности динамики уровня физической подготовленности студенток свидетельствуют о том, что распределение нагрузки различной направленности по дням недельного микроцикла оказывает существенное влияние на величину положительных изменений физической подготовленности.

Таблица 1

Изменение физической подготовленности студенток за время педагогического эксперимента

Тесты	К		ЭГ		Достоверность различий (p)
	\bar{x}	m	\bar{x}	m	
Бег 100 м, с	17,3	0,62	17,2	0,57	$p>0,05$
ИГСТ, усл. ед.	63,2	2,9	67,9	2,2	$p<0,05$
Поднимание туловища из положения лежа на спине, раз	35	2,91	39	2,81	$p<0,05$
Интенсивность выполнения теста, раз/с	0,47	0,11	0,52	0,12	$p<0,05$
Поднимание туловища из положения лежа на животе, раз	30	2,74	31	2,65	$p>0,05$
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа на гимнастической скамейке, раз	22	2,09	27	2,13	$p<0,05$

Выводы. Педагогический эксперимент показал эффективность разработанной технологии физической подготовки проведения занятий физической культурой. Положительный результат эксперимента выразился в достоверном улучшении показателей функционального состояния сердечнососудистой системы, темпов прироста результатов тестов, характеризующих физическую подготовленность студентов. Положительные результаты экспериментальных исследований дают основание для внедрения предлагаемой технологии комплексного применения циклических аэробных упражнений умеренной мощности, локальных силовых упражнений, выполняемых в квазизотоническом режиме, в практику работы кафедр физического воспитания вузов.

Примечания:

1. Васильковская Ю.А. Физическое воспитание студентов вузов с использованием терренкура и туризма: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Васильковская Юлия Алексеевна. Краснодар, 2009. 24 с.
2. Гилев Г.А. Проблемы физического воспитания студентов и пути их преодоления / Г.А. Гилев // Актуальные проблемы физической культуры и спорта: сборник научных статей. Выпуск 3. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2012. С. 251-256.
3. Давыдов О.Ю. Влияние занятий атлетической гимнастикой на общую физическую подготовленность студентов вуза / О.Ю. Давыдов // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2011. № 11 (81). С. 48-52.

4. Козлов Р.С. Формирование физической культуры личности студентов вузов на занятиях в секции по общей физической подготовке: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Козлов Роман Сергеевич. Майкоп: АГУ, 2006. 23 с.
5. Тумасян Ю.А. Технология физической подготовки студенток с нарушениями регуляторных функций сердечнососудистой системы автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Тумасян Юлия Александровна. М.: РГУФКСиТ, 2005.—25 с.
6. Федякин А.А. Физическое воспитание студентов вузов в различные периоды учебного процесса / А.А. Федякин, Г.Р. Авсарагов. Palmarium Academic Publishing is a trademark of: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co KG Heinrich-Bocking-Str. 6-8, 66121 Saarbrucken, Germany, 2012. 163 с.
7. Федякина Л.К. Анализ исследований по совершенствованию процесса физического воспитания студентов вузов / Л.К. Федякина, Ю.А. Васильковская, Г.Р. Авсарагов // Физическое воспитание студентов: научный журнал. Харьков: ХООНOKУ-ХГАДИ, 2010. №2. С. 119-123.
8. Селуянов В.Н. Биологические основы оздоровительного туризма / В.Н. Селуянов, А.А. Федякин. М.:СпортАкадемПресс, 2000. 123 с.
9. Федякин А.А. Эффективность комплексного использования средств физической культуры в санаторно-курортных условиях / А.А. Федякин, Ж.Г. Кортава, Л.К. Федякина // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта: научно-теоретический журнал. 2010. №6 (64). С. 96-99.
10. Матвеев Л.П. Опыт использования «круговой тренировки» в занятиях по общефизической подготовке с людьми зрелого возраста / Л.П. Матвеев, С.Г. Егиков // Теория и практика физической культуры. 1986. № 5. С. 8-10.

УДК 796.015

The Technology behind Physically Training Students during the Process of Their Physical Education in University

Lidiya K. Fedyakina

Sochi State University, Russian Federation
354000 Sochi, 26a Sovetskaya St.
PhD (Pedagogy), Assistant Professor
E-mail: afkfed@mail.ru

Abstract. The present article attempts to scientifically justify the technologies behind the physical training of students that are currently undertaking physical education in a university. The article examines components of the technology behind physical training of students in a university which influence the level of their physical fitness. The technology behind the physical training of students includes the widespread use of cyclical exercises that are conducted aerobically as well as local strength exercises that are conducted in a quasi-isotonic regime. This research has identified the most optimal amount of stress, the rational order and the ways of performing the various exercises within a weekly cycle, which has improved the physical fitness of students.

Keywords: technology; university students; physical training; physical fitness; aerobics and strength training; quasi-isotonic regime.

Медицина

УДК 57

Влияние условий профессиональной деятельности лиц опасных профессий на показатели кардиореспираторной системы и перекисного окисления липидов

Галина Михайловна Коновалова

Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Доктор биологических наук
E-mail: risot2010@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены влияния факторов профессиональной деятельности в условиях повышенного риска для здоровья на адаптационные механизмы кардиореспираторной системы и перекисное окисление липидов.

Ключевые слова: профессиональная деятельность; адаптационные механизмы; резервные возможности организма; гомеостаз; кардиореспираторная система; перекисное окисление липидов.

Введение. Влияние внешних факторов во многом определяет состояние функциональных резервов организма человека и его способность адаптироваться к различным неблагоприятным условиям среды. Эти изменения носят неспецифический характер и связаны с формированием устойчивой системы обеспечения организма энергетическими субстратами и кислородом, для поддержания основных гомеостатических показателей. В обеспечении организма кислородом в экстремальных условиях принимают участие практически все важнейшие структуры организма, мобилизация, которых способствует не только достаточному поступлению кислорода к жизненно важным органам и тканям, но и лучшей его утилизации из крови, а также выведению из организма избытка углекислоты и других метаболитов. Кроме того, физические, психоэмоциональные нагрузки действуют на целостный организм через сердечно–сосудистую и респираторную системы. Поэтому кардиореспираторная (КРС) система является универсальным индикатором функциональных резервов и компенсаторно-приспособительных функций организма, а также центральным звеном в кислородтранспортном конвейере, обеспечивающем энергетические потребности организма [1,2].

Изучение реакции системы дыхания в сочетании с показателями сердечно-сосудистой системы и перекисного окисления липидов может раскрыть особенности механизмов регуляции действия стресс-факторов на формирование адаптационных и резервных возможностей организма.

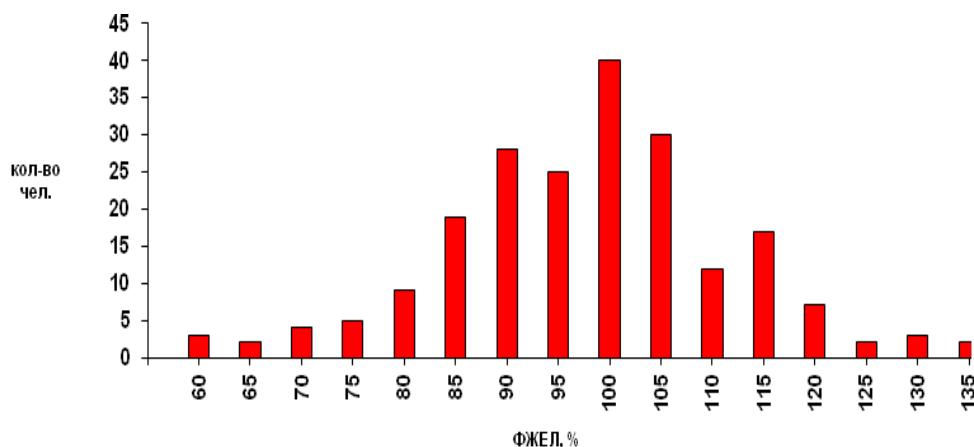
В исследованиях приняли участие 470 военнослужащих из различных регионов России. В процессе исследования определялись резервы адаптации дыхательной системы, сердечно-сосудистой системы на основе изучения функции внешнего дыхания (компьютерная спирометрия) с использованием диагностического комплекса КДК-1. С помощью метода ритмокардиографии исследовали регуляцию сердечной деятельности [2,3].

Оценка перекисного окисления липидов и активность антиоксидантной системы плазмы крови осуществлялась методом индуцированной биохемилюминесценции на биохемилюминометре БХЛ – об, с сопряженном с компьютером IBC PC/AT в диалоговом режиме [Е.И. Кузьмин, А.С. Нелюбин, М.К. Щенников, 1983].

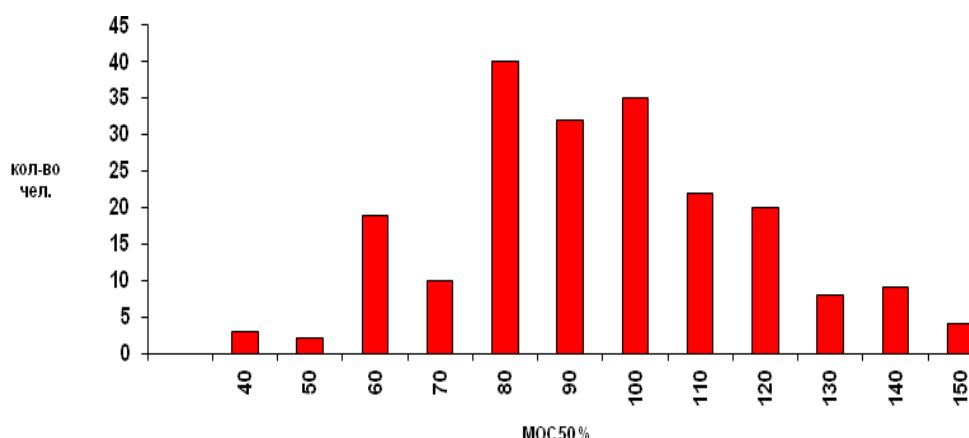
Проведенные исследования позволили выявить достоверные отличия в показателях жизненной емкости легких (ФЖЕЛ) и проходимости трахеобронхиального дерева у военнослужащих из контрастных регионов (северные и южные регионы России). Различия заключаются в высоких значениях ФЖЕЛ у военнослужащих северных и южных регионов, по сравнению с лицами гражданских профессий этих же регионов. Вместе с тем у военнослужащих из южных регионов показатели ФЖЕЛ имели достоверные отличия ($p < 0,05$) по сравнению с военнослужащими из северного региона. Проходимость бронхов у военнослужащих также была

существенно выше, чем у гражданского населения из в изучаемых регионах ($p < 0,05$).

Характеризуя, распределение показателей функции внешнего дыхания среди обследуемых военнослужащих было выявлено значительное количество лиц, у которых снижена ФЖЕЛ или проходимость бронхов, что характеризует систему внешнего дыхания, как снижение функциональных резервов военнослужащих.

А

Б

Рис. 1. Гистограммы распределения показателей ФЖЕЛ (А) и МОС50 (Б) у военнослужащих (в % к должным значениям)

Примечание: цифрами на графике указано значение (%) доли лиц с показателями ниже 100 % от возрастной нормы.

Как видно из приведенных на рис. 1 значений, до 58 % от общего числа военнослужащих имеют отклонения различной степени от должных значений по показателям жизненной емкости легких или трахеобронхиальной проходимости.

Современные представления о сердечно-сосудистой системе как индикаторе адаптационных реакций всего организма [5] позволяют нам обратиться к анализу ритма сердечных сокращений [3]. Ритм и сила сердечных сокращений, регулируемые через симпатический и парасимпатический отделы вегетативной нервной системы, очень чутко реагируют на любые стрессорные воздействия. Информация о том, как сложился гомеостаз, какова «цена» адаптации, содержится в структуре сердечного ритма и закодирована в последовательности кардиоинтервалов.

Показатели, характеризующие регуляцию сердечной деятельности (по данным ритмокардиографии) свидетельствуют о большем напряжении сердечно–сосудистой системы у военнослужащих из северного региона. При сравнении групп различной профессиональной деятельности выявлено, что у военнослужащих напряжение сердечной деятельности менее выражено, чем у лиц гражданских профессий.

Изучение показателей ритма сердца у обследуемых групп выявило уменьшение длительности сердечного цикла у лиц из северных регионов, по сравнению с военнослужащими из южных регионов. Амплитуда моды кардиоритмограммы и разброс кардиоинтервалов изменились разнонаправлено. Индекс напряжения (ИН) был выше у военнослужащих северян по сравнению с ИН южан. Однако нами было выявлено, что у лиц военных профессий ИН менее выражен, чем у лиц неопасных профессий.

Анализ результатов многолетних исследований влияния профессиональной деятельности в экстремальных условиях свидетельствуют о том, что они связаны с постоянным психофизиологическим напряжением вызывающим у здорового человека дисбаланс между сознательной и подсознательной сферами центральной нервной системой. Это выражается в неподвластном состоянии тревоги, страха, появлении психической дезадаптации, снижении резервных возможностей, воздействующих на психофизиологический гомеостаз [6];[7];[8].

В развитии стресса имеют значение много факторов, в том, числе и исходное состояние центральной нервной системы, так как эмоциональный стресс – это системная реакция организма на конфликтную ситуацию и проявляется, прежде всего, в изменениях функций высших отделов головного мозга.

Известно, что активация симпатоадреналовой системы, при действии стрессовых раздражителей играет ведущую роль в срочной мобилизации физиологических функций и энергетических ресурсов организма. В повреждающих эффектах стресса большое значение имеет активация процессов перекисного окисления липидов, а также процессы свободнорадикального окисления и антиоксидантной защиты организма.

По современным представлениям многие жизненно важные физиологические процессы тесно связаны со свободнорадикальным окислением, скорость которого поддерживается в норме на определенном стационарном уровне с помощью сложной многоступенчатой системы регуляции [8]. Эндогенные механизмы образования свободных радикалов связаны с нарушением восстановления кислорода. В условиях стрессовых реакций развивается тканевая гипоксия, которая оказывает влияние на окислительные процессы в тканях, происходит быстрое истощение резерва кислорода, повреждается структура мембран митохондрий, что снижает активность митохондриальных ферментов и соответственно синтез АТФ и как следствие оказывается на эффективности адаптации. Как показывают исследования А.Т. Быкова с сотр. (2000) нахождение военнослужащих в экстремальных условиях в зоне локальных военных конфликтов провоцирует развитие циркуляторной гипоксии, обусловленной снижением скорости доставки кислорода тканями из-за нарушений центральной гемодинамики и микроциркуляции. Возникающее в этих условиях кислородное голодание может привести к развитию тканевой гипоксии, обусловленной повреждением механизмов утилизации кислорода в клетках и как следствие приводит к повышению ПОЛ.

По результатам биохемилюминесцентного анализа плазмы было показано, что до командировки военнослужащих в условия социальных конфликтов отношения I_{max}/S составило $0,119 \pm 0,003$ ($p < 0,05$) отражающего антиоксидантную активность плазмы, тогда как после командировки этот показатель увеличился и составил $0,124 \pm 0,002$ ($p > 0,05$). После проведенной санаторно-курортной рекреации наблюдалось достоверное повышение АОА (I_{max}) до $0,159 \pm 0,02$. Кроме того, имело место достоверное снижение максимальной интенсивности свечения (I_{max}) с $2,259$ ($p < 0,05$) до $2,392$ ($p < 0,05$), которая отражает потенциальную способность перекисного окисления липидов [4]. Вместе с тем до командировки отмечалось повышенное содержание радикалов, так до командировки светосумма (S) составила $19,357 \pm 0,069$, а после командировки $19,168 \pm 0,48$ ($p < 0,05$), после отдыха $18,639 \pm 0,42$ ($p < 0,05$).

Полученные результаты убедительно указывают на высокие резервные возможности АОА военнослужащих. По возвращению из командировки наблюдается повышение показателей активности АОА. Но в ходе восстановления наблюдается совсем иная картина: на фоне незначительного снижения перекисного окисления липидов отмечается значительный прирост антиоксидантной активности (на 33%).

Исследованиями Г. Селье показано, что стресс-реакция связана с нейрогенно-детерминированной активацией гипоталамо-гипофизарно-адренокартикальной систем и вызывает повышение ПОЛ и усиленный окислительный стресс в неокортексе. По данным Барабой В.А (1989) стресс сопровождается активацией ПОЛ, как первичного медиатора

стресса. В исследованиях М.В. Лапшиной (2000) наблюдалась зависимость между повышением ПОЛ и активностью ферментативного звена антиоксидантной системы крови при велоэргометрических нагрузках большой мощности.

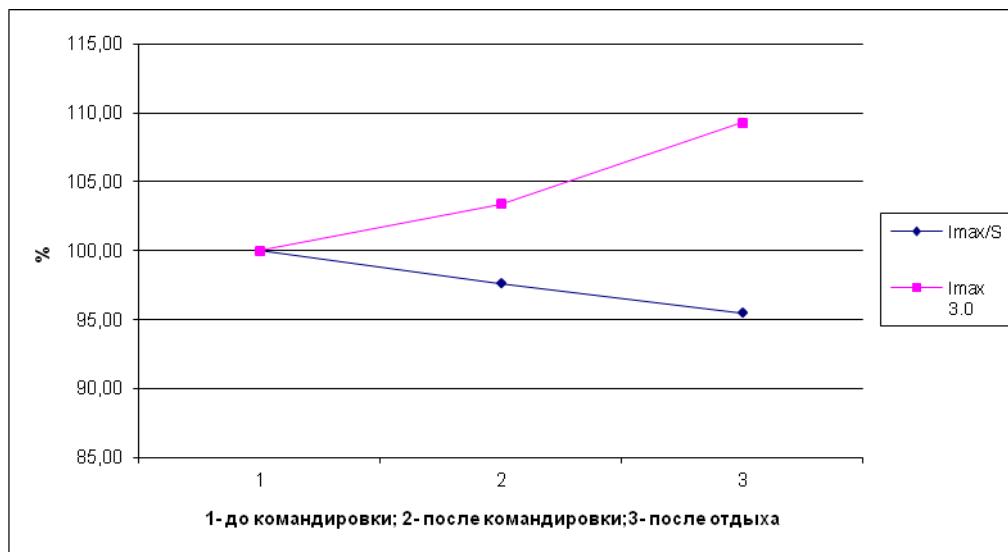

Рис. 3. Динамика показателей перекисного окисления липидов (ПОЛ) и антиоксидантной активности (АОА) плазмы крови

Данная зависимость, позволяет сохранить целостность клеточных структур при нарастающей стрессовой реакции [10].

Заключение. Анализ собственных экспериментальных данных показывает, что в процессе профессиональной деятельности в экстремальных условиях у военнослужащих происходят существенные сдвиги в кардиореспираторной системе и перекисном окислении липидов, определяющих степень астенизации в зависимости от продолжительности действия экстремальных факторов или способности организма к оптимизации функционального состояния.

Оценивая степень воздействия экстремальных факторов профессиональной деятельности, связанных с риском для здоровья, на уровень функционального состояния и на адаптационные возможности организма человека, необходимо предусматривать систему корректирующих мероприятия для восстановления нарушенных функций кардиореспираторной системы и психофизиологического статуса организма военнослужащих.

Примечания:

1. Агаджанян Н.А. Эколого-физиологические и социальные подходы к оценке здоровья // Экспериментальная и прикладная физиология. Социальная физиология: оценка состояния человека / Под редакцией К.В. Судакова. 1994. Т.4. С. 6-20.
2. Баевский Р.М., Кирилов О.И., Клецкин С.З. Математический анализ изменений сердечного ритма при стрессе. Л. : Наука, 1984. 210 с.
3. Карпман В.Л. , Белоцерковский З.Б., Гудков И.А. Тестирование в спортивной медицине. М. ФиС , 1988. 75 с.
4. Коновалова Г.М. Влияние стресс-факторов на процессы метаболизма лиц опасных профессий // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья. 2003. №2. С. 101-106.
5. Панин с соавт. Энергетические аспекты адаптации. Л.: Медицина, 1978. 192 с.
6. Макаров В.Л. Чугунова А.Н. Оценка коррекции особенностей психологического статуса профессиональных спасателей после проведения спасательных работ // Человек и катастрофы: Междунар. симпозиум, Москва 1–2 июня 1999: Пленарные и секционные доклады, тезисы выступлений. М., 1999. С. 444–445.
7. Кононенко В.В., Скоробреха В.З., Паламар О.Д. Боевая психическая травма // Одесск. мед. жур. 2001. №3. С. 99-101.
8. Morgan Charles A., Hazlett Maj Gary, Symptoms of dissociation in humans experiencing acute, uncontrollable stress: A prospective investigation // Amer. J. Psychiat. 2001. 158. № 8. С. 1239-1247.

9. Барабой В.А. Роль перекисного окисления липидов в механизме стресса // Физиологический журнал. Т. 35. 1989. С. 85-96.
10. Морозов Д.В., Губань В.И., Ноженов А.В. Эффективность антиоксидантной терапии при пневмонии // Военно-медицинский журнал. № 5. С. 49-50.
11. Трубников Г.А., Журавлев Ю.И. Антиоксиданты в комплексной терапии больных хроническим бронхитом // Рос. мед жур. 1998. № 2. С. 38-41.

UDC 57

The Influence Exerted by the Professional Environment of Individuals Working in Dangerous Professions on the Indicators of the Cardiorespiratory System and Lipid Peroxidation

Galina M. Konovalova

Sochi State University, Russian Federation
354000 Sochi, 26a Sovetskaya St.

Doctor of Biology
E-mail: risot2010@mail.ru

Abstract. The article examines the influence professional activities conducted in an environment of increased health risks have on the adaptive mechanisms of the cardiorespiratory system and lipid peroxidation.

Keywords: professional activities; adaptive mechanisms; reserve capacity of the organism; homeostasis; cardiorespiratory system; lipid peroxidation.

Филология

УДК 811.161.1

Особенности интервью в рекрутинговом дискурсе

Юлия Викторовна Агеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: jageeva@yandex.ru

Аннотация. В статье описываются основные характеристики интервью-собеседования как дискурсивнообразующей речевой ситуации в рекрутинговом дискурсе, которые предопределяют специфику данной коммуникативной сферы.

Ключевые слова: профессиональный дискурс; рекрутинг; интервью-собеседование; коммуникативная ситуация.

Введение. В современном российском языкоznании заметно усилился интерес к изучению и описанию особенностей профессионально-ориентированного дискурса. Перспективность данных исследований обусловлена различными факторами и прежде всего необходимостью развивать дискурсивную компетенцию будущих специалистов, которая включает в себя «знание различных типов дискурса и правил их построения, а также умение создавать и понимать их с учётом ситуации общения» [1: 174].

Цель данной статьи – представить и описать особенности нового типа профессионального дискурса – рекрутинга, в основе которого лежит коммуникативная ситуация (КС) собеседования. Поставленная цель предполагает определение характерных особенностей интервью-собеседования по следующим параметрам: 1) типологическая стратификация КС; 2) способ общения; 3) организация общения; 4) объективные характеристики коммуникантов (по модели И.Н.Борисовой [2: 42-43]).

Актуальность исследования имеет не только лингвистические, но и экстралингвистические предпосылки, так как при подготовке конкурентоспособного профессионала необходимо учитывать тот факт, что главный критерий успешности – это устройство на хорошую должность с перспективой карьерного роста. И, безусловно, первым и очень важным шагом в этом процессе является собеседование с представителем работодателя – рекрутером.

Материалы и методы. В процессе исследования устного коммуникативного материала были использованы следующие методы: метод дискурс-анализа, описательный метод, контекстуальный и интерпретативный анализ. Источником для анализа послужили стенограммы записей он-лайн телепрограммы «Кадры решают всё» телеканала «Успех» (собеседование-интервью специалиста в области рекрутинга и соискателя (900 минут)).

Обсуждение. Рекрутинг является новой для российской речевой среды сферой, которая практически не изучена с позиции лингвистики. В России данный институциональный дискурс сформировался лишь к концу XX в. как необходимая составляющая рыночной экономики. Новое время требовало новых коммуникативных ситуаций и новых коммуникативных стратегий. «Рекрутинг начинается до начала самого бизнеса и продолжается до самого конца, не останавливаясь ни на минуту, потому что потребность в квалифицированном, мотивированном, лояльном, дисциплинированном, креативном, работоспособном персонале неиссякаема <...>, потому что хорошие кадры всегда в дефиците» [3: 13]. Центрообразующей частью коммуникации в сфере рекрутинга, главной составляющей процесса подбора кандидата на нужную должность является интервью или интервью-собеседование.

Несмотря на то, что феномен интервью всегда был в центре внимания языковедов, в последние годы в ряду лингвистических работ появилось большое количество исследований, посвященных жанру интервью в коммуникативно-прагматическом аспекте: описываются отличительные признаки интервью как особой формы коммуникации (экстралингвистические, языковые, дискурсивные, феноменологические и т.п.) [4-5]; интервью исследуется как один из самых популярных видов публичного диалога в

политической сфере [6-7], в сфере СМИ [8-9]. Интервью, как правило, традиционно относят к сфере массовой коммуникации. «По определению, данному в ряде словарей, интервью – это беседа журналиста с каким-либо лицом или группой лиц, представляющая общественный интерес и предназначенная для передачи в средствах массовой информации» [10: 87]. К сожалению, данное определение не достаточно ёмко, так как оно ограничивает понятие «интервью» рамками журналистики, публичности. Более широким и в то же время более точным можно считать определение, данное в словаре Т.Ф. Ефремовой: «беседа по заранее намеченной программе со специально или случайно избранными собеседниками» [11]. В нашем контексте оно будет звучать следующим образом: интервью-собеседование – это «непубличная беседа с соискателями при отборе и приёме на работу, которая проходит по заранее намеченной программе».

Перспективность глубокого лингвистического исследования интервью-собеседования как факта профессионального рекрутингового дискурса обусловлена уникальностью самой коммуникативной ситуации: если первый коммуникант является профессионалом-рекрутёром, то второй – соискатель – может быть представителем совершенно разных профессиональных сфер (менеджер по рекламе, руководитель юридического отдела, генеральный директор, редактор политического интернет-издания и т.д.). В результате анализа стенограмм 30 собеседований были выделены следующие основные характеристики собеседования как дискурсивнообразующей КС:

I. Типологическая стратификация КС:

Тип общения: официальное и межличностное.

Сфера общения: официально-деловая.

Наличие/отсутствие наблюдателей: непубличное; происходит без присутствия наблюдателей.

II. Способ общения:

Контакт: непосредственный.

Форма речевого контакта: устная.

Код общения – языковой, паралингвистический.

Языковая подсистема: литературный язык, элементы разговорного стиля.

III. Организация общения:

Степень подготовленности: запланированное.

Стратегии и тактики: стандартные и нестандартные.

Результат коммуникации: запланированный.

Распределение коммуникативной инициативы: гибкий сценарий.

Тональность общения: официально-нейтральная.

IV. Объективные характеристики коммуникантов:

Количество участников: два человека (диалог).

Социальные роли: профессиональные.

Макроинтенция коммуникантов: нефатическая (регулятивная и эвристическая).

Результаты и выводы. Как уже было отмечено, объектом исследования является относительно новый и уникальный вид интервью – интервью-собеседование при приёме на работу. В результате анализа стенограмм собеседований был сделан следующий вывод: особенностью рекрутингового дискурса и собеседования как его основной КС является принадлежность к деловой речевой культуре с включениями элементов разговорной речи. В отличие от других профессиональных дискурсов данная сфера межличностного общения может считаться, с одной стороны (с позиции рекрутёра), профессионально-ориентированной, а с другой стороны (с позиции соискателя) – межпрофессиональной, так как объединяет коммуникантов разных специальностей. Кроме того, данный вид интервью отличается от других типов своей «непубличностью» и определённой конфиденциальностью, что обуславливает специфику реализуемых рекрутёром и соискателем коммуникативных стратегий и тактик. В качестве перспектив исследования отметим также возможность рассмотрения исследуемого жанра в системе терминологических координат лингвориторической парадигмы (см., напр.: [12–15]).

Примечания:

1. Шатурная Е.А. Профессионально-ориентированный дискурс как объект овладения в неязыковом вузе // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 321. С. 174-176.

2. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.
3. Иванов А.И. Рекрутинг. Как это делается в России. М.: Феникс, 2008. 256с.
4. Штырева С.В. Прагмалингвистическая характеристика интервью: (на материале французской прессы): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 2006. 23 с.
5. Волкова Ю.Ю. Особенности макротекстовой организации интервью: на материале актуальных немецких медийных текстов: диссертация кандидата филологических наук. Воронеж, 2010. 266 с.
6. Лавринова Н.И. Текстовая актуализация речевого поведения коммуникантов в политическом интервью: (на материале современного английского языка): автореферат докторской диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2010. 26 с.
7. Юрина М.В. Коммуникативные стратегии партнеров в политическом интервью: на материале современной прессы ФРГ: диссертация кандидата филологических наук. Самара, 2006. 187 с.
8. Швец Е.В. «Звездное» интервью в коммуникативно-прагматическом аспекте: автореферат докторской диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Калининград, 2008. 23 с.
9. Стрельникова М.А. Национальные особенности речевого жанра телевидения в российской и американской коммуникативных культурах: диссертация кандидата филологических наук. Воронеж, 2005. 273 с.
10. Джандалиева Е.Ю. Портретное интервью как жанр речевого общения: некоторые особенности коммуникативного поведения участников (на материале немецкого языка) // Научный диалог. 2012. № 12: Филология. С. 86–101.
11. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2-х т. М.: Русский язык, 2000. Т.1: А-О. VII, 1213 с.
12. Ворожбитова А.А. Сочинская лингвоторическая школа: программа и некоторые итоги // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 77-83.
13. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // European researcher. 2010. № 2. p. 183-190.
14. Vorozhbitova A.A. Program of professional linguistic personality study in linguo-rhetorical paradigm: scientist-philologist and classic writer // European researcher. 2011. № 4. p. 398–401.
15. Vorozhbitova A.A. Discourse-paradigmatics and Discourse-syntagmatics Categories in Linguo-rhetoric Paradigm // European researcher. 2011. № 11 (14). p. 1532-1537.

UDC 811.161.1

Specifics of the Interview within a Recruiting Discourse

Julia Ageeva

Kazan Federal University, Russian Federation
420008 Kazan, Kremlyovskaya St., 18
PhD (philology) Associate Professor
E-mail: jageeva@yandex.ru

Abstract. The article describes the main characteristics of the interview as a discursive-forming speech situation within a recruiting discourse, which predetermine the specifics of the present communicative sphere.

Keywords: professional discourse; recruiting, interview; communicative situation.

Социокультурные особенности комического текста (анекдота)

Елена Викторовна Зайсанова

Государственный морской университет им. Адмирала Ф.Ф. Ушакова, Российская Федерация
353918, г. Новороссийск, пр-т Ленина, 93
преподаватель кафедры иностранных языков
E-mail: fr-el@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются социокультурные особенности комического текста (анекдота), который может выступать средством социальной/этнической интеграции и дифференциации. Отмечается существование многочисленных трудностей и ограничений в адекватном восприятии и понимании юмора друг друга представителями разных этносов.

Ключевые слова: анекдот; этнос; этнокультурные стереотипы; национальный характер.

Введение. Согласно исследованиям отечественных и зарубежных ученых (В.И. Карасик, В.А. Маслова, Н.В. Уфимцева, F. Buell и др.) активный процесс глобализации, имеющий место в наши дни, ведет к нивелированию культурного своеобразия народов, стандартизации и унификации образа жизни людей. Это вызывает у людей стремление сохранять и защищать уникальность своей культуры и приводит к росту этнического самосознания людей. Естественно, подобные социокультурные изменения в обществе отражаются как в языковых процессах в целом, так и в процессах понимания текста, в частности, текста комического (в том числе и анекдота).

Материалы и методы. Материалом исследования послужили социокультурные особенности комического текста (анекдота). Использовались методы анализа, описательный, сопоставительный, категоризации понятий, интерпретационный.

Обсуждение. Анекдот (от греч. ανέκδοτος – неопубликованный, неизданный) представляет собой короткую комическую историю, вымыщенную или реальную [1].

Особый интерес представляют анекдоты, которые затрагивают этнические и социальные ситуации, так как общеизвестно, что то, что смешно для одной группы людей, совершенно не обязательно вызывает улыбку у другой. Причиной является непонимание реалий, употребляемых в юмористическом тексте и, в целом, незнание окружающей действительности. В результате, люди смотрят на мир по-разному и реагируют на юмор по-разному [2].

Существуют универсальные общечеловеческие ситуации, которые включают интернациональные темы, на базе которых возникают шутки и анекдоты, смешные для людей любых социальных групп и этнокультур. Сюда следует отнести такие темы как: "Семейные отношения", "Дети", "Здоровье", "Еда", "Студенческая жизнь", "Спорт", "Путешествия", "Искусство", "Музыка" и т.п.

В.В. Лазарев отмечает, что "социально-культурные стандарты поведения людей определяются их индивидуальным и коллективным менталитетом, который закреплен в языковом сознании представителей сообщества" [3].

Человеку кажется смешным то, что неожиданно, что выходит за рамки общепринятых норм. Именно такое понимание информации невозможно для представителя другого этноса даже в том случае, когда ему подробно переводят и разъясняют смысл шутки. Адекватность восприятия и понимания юмора другого этноса практически недостижима. На понимание человеком представителя другого этноса оказывают влияние его психические установки, представления об образе жизни, уровне культуры и нравственности другого народа и его представителей, воплощающиеся в виде этнических стереотипов, имеющих свою внутреннюю логику.

Этнокультурные стереотипы - обобщенные представления о типичных чертах, присущих какому-либо народу. Русское "авось", немецкая аккуратность, африканский темперамент, китайские церемонии, итальянская вспыльчивость, финское упрямство, польская галантность, эстонская медлительность – стереотипные представления о нации, которые при этом распространяются на каждого его индивида. Именно такие стереотипные представления легли в основу большинства анекдотов и шуток о национальных характерах. В качестве примера можно привести следующий анекдот:

"Показали представителям различных национальностей кинофильм следующего содержания: «Палящее солнце, раскаленная пустыня, по которой с трудом идут женщины и

мужчина. И, неожиданно, мужчина достает сочный красивый апельсин и отдает женщине». Всем зрителям задают вопрос, какой национальности мужчина? Зритель-француз: "Только настоящий француз мог так галантно отнестись к dame!" Русский отвечает: "Нет, он - русский: надо же быть таким дураком! Сам бы съел". Еврей: "Нет, это точно еврей: кто бы мог еще отыскать в пустыне апельсин?" В этом анекдоте отражены следующие стереотипы - сообразительность евреев, галантность французов, бесшабашность русских [4].

В основе этноспецифических ситуаций находится этнический юмор, включающий шутки и анекдоты об иностранцах, иммигрантах и "малых" этнических группах, который широко представлен в большинстве цивилизованных языковых обществ. В последние годы в зарубежных публикациях отмечается тот факт, что анекдоты, основанные на различии рас, цвета кожи, вероисповеданий и национальностей, стали считаться неприличными и непопулярными, особенно у американцев, так как у каждого американца есть предки, родственники и друзья, которые принадлежат к разным этническим группам.

Специалисты в области этнической психологии, занимающиеся изучением этнокультурных стереотипов, отмечают, что народы с высоким уровнем экономического развития, подчеркивают у себя такие качества, как ум, деловитость, предприимчивость, а народы с более слабой экономикой – гостеприимство, доброту, сердечность. Подтверждением вышесказанному может служить исследование С.Г. Тер-Минасовой, согласно которому, в английском обществе более ценятся трудолюбие, профессионализм, ответственность и т.п., а в русском обществе - гостеприимство, общительность, справедливость [5].

Являясь социальным явлением, комическое контролирует поведение членов той или иной социальной группы, соответствие их социальному статусу: если смешно, значит, есть отклонение от нормы социального поведения. При этом комическое служит важным средством осознания человеком своей принадлежности к определенной социальной группе, то есть его самоидентификации в обществе.

Как отмечает российский социолог А.В. Дмитриев, многие комические вещи совершенно непонятны одним и близки другим, так как общество распадается на более дробные субкультуры. Поэтому, чувство юмора у людей, принадлежащих к одному и тому же обществу, различается в зависимости от социальной группы [6].

По мнению социологов и политологов, комическое выступает маркером границ класса, социального слоя, является средством социальной / этнической интеграции и дифференциации.

Считается, что между определенными группами в обществе всегда существуют отношения, которые позволяют одной из группе высмеивать другую, но при этом ожидается, что высмеиваемая сторона не станет воспринимать насмешку как нечто оскорбительное [7]. Подобные отношения могут быть как симметричными, так и односторонними [8]. Изучение подобных шутливых отношений ведется на материале социальных групп различной степени близости (неродственные отношения, близкие родственники, дальние родственники, родственники одного или разных поколений). Отмечается, что в большинстве культур шутливые отношения чрезвычайно редки среди прямых родственников (дети - родители; братья - сестры и пр.) и родственников одного пола (сын - отец, мать - дочь) [9].

Отношения между супругами и их родителями - особая тема семейных отношений. Отражение взаимоотношений супругов с родней одного из супругов, привело к появлению цикла русских анекдотов о тещах с негативно-оценочной окраской. Теща - образ-тираж зла, всех бед, ссор, разлада в семье, виновница всех неудач зятя.

Уровни образования и культуры тоже являются причинами понимания юмора и связаны с предпочтением в "тонкости" юмора. Грубый, "солдафонский" юмор вызывает отторжение, неприязнь или снисходительное равнодушие у высокоинтеллектуальных особ. Особенности воспитания могут сделать заведомо неприемлемыми шутки, содержащие ненормативную лексику. Слишком тонкий юмор, напротив, может быть не воспринят людьми с низким уровнем образования. Профессия и образ жизни также могут влиять на чувство юмора человека. Выделяя профессиональный юмор, отметим, что историку могут быть непонятны шутки экономистов, и наоборот, "программистский" юмор без пояснений доступен только людям, разбирающимся в компьютерах.

Кроме того, ученые приходят к выводу, что при восприятии и создании комических текстов важна половая, или гендерная дифференциация. По мнению ряда исследователей, мужчина и женщина, рассказывающие анекдот или шутку, преследуют абсолютно разные цели: женщина стремится создать комфортную дружескую обстановку, а мужчина желает показать

себя, самоутвердиться. Также отмечается, что женщины предпочитают рассказывать анекдоты из жизни своих знакомых или собственной жизни, при этом отождествляя себя с персонажем анекдота. Тема анекдота, рассказываемого женщиной, обусловлена контекстом всего дискурса, тогда как для мужского юмора характерно отсутствие макроконтекстуальной обусловленности выбора темы. Юмор мужчин отличается большей агрессивностью, употреблением ненормированной лексики [10]. Общение мужчин и женщин в юмористическом дискурсе признается асимметричным, так как автором анекдота или шутки чаще выступает мужчина, женщина же играет роль слушателя [11].

Заключение. Таким образом, приведенные факты свидетельствуют о существовании многочисленных трудностей и ограничений в адекватном восприятии и понимании юмора друг друга представителями разных этносов. Основой подобных трудностей являются различия и особенности парадигмы этнического менталитета, включающие в себя несовпадающие у разных этносов представления о нормах нравственности, поведения, различия в системах стереотипов и пропагандистских символов, несовпадения в жизненном опыте, в представлениях о смешном и безнравственном. Кроме того, на понимание человеком представителя другого этноса оказывают влияние его психические установки, представления об образе жизни, уровне культуры и нравственности другого народа и его представителей, воплощающиеся в виде этнических стереотипов, имеющих свою внутреннюю логику.

Примечания:

1. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. 3-е издание, исправленное и дополненное. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
2. Макиенко И.И. Юмор в рекламе [Текст] / И.И. Макиенко // Маркетинг в России и за рубежом. 2002. № 5 (31). С. 54-62.
3. Лазарев В.В. Язык, мышление и действительность: когнитивно-фреймовые и семиотические аспекты [Текст] / В.В. Лазарев // Развитие научного познания: категория и отношение. Вестник ПГЛУ. 2003. № 3. С. 29-37.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. М.: Издательский центр Академия, 2001. 208 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. М.: Слово, 2000. 264 с.
6. Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки [Текст] / А.В. Дмитриев. М., 1996.-214 с.
7. Radcliffe-Brown A. On joking relationships [Text] I A. Radcliffe-Brown II Africa 13. London, Oxford: University Press, 1940. Pp. 195-210.
8. Wilson C. P. Jokes: Form, Content, Use and Function [Text] I C.P. Wilson. -London, New York, Sydney, Toronto, San Francisco: Published in cooperation with European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press, 1979. 252 p.
9. Murdock G. Social Structure [Text] I G. Murdock. New York, McMillan, 1975. 387 p.
10. Jenkins M. What's so funny? Joking among women [Text] I M. Jenkins II Proceeding of the First Berkeley women and language Conference. N. Caskey, S. Bremner, B. Moon woman (eds) Berkeley, C A: Berkeley, women and language Group, 1985. Pp. 4-18/
11. Mulkay M. On Humor. Its Nature and its Place in Modern Society [Text] I M. Mulkay. Cambridge: Polity Press, 1988. 232 p.

UDC 81

The Socio-cultural Specifics of Comic Text (an Anecdote)

Elena V. Zaysanova

Admiral Ushakov Maritime University, Russia
353918, Novorossiysk, av. Lenina, 93
lecturer of Department of Foreign Languages
E-mail: fr-el@yandex.ru

Abstract. The article examines the socio-cultural specifics of comic text (an anecdote), which could act as a means of social/ethnic integration and differentiation. It emphasises the presence of numerous difficulties and limitations to adequately perceiving and understanding each other's humour by representatives of various ethnicities.

Keywords: anecdote; ethnicity; ethno-cultural stereotypes; national character.

Вторичный текст сочинения как способ репрезентации картины мира

¹ Лидия Алексеевна Исаева

² Ирина Владимировна Лаврова

¹ Кубанский государственный университет, Российская Федерация
350058 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 134
Доктор филологических наук, профессор

E-mail: vliisaev@rambler.ru

² Краснодарский кооперативный институт, Российская Федерация
350015 г. Краснодар, ул. Митрофана Седина 168/1
кандидат филологических наук, доцент

E-mail: ro_na@list.ru

Аннотация. Вторичный текст рассматривается в статье как одна из форм работы с текстом, предоставляющих возможность анализировать смысловые акценты и концептуальную составляющую фрагмента языковой картины мира автора сочинения. Обосновывается применение различных способов преобразования информативных структур первичного текста. Типы таких преобразований касаются всех уровней информации и отражают различные аспекты языковой картины мира автора сочинения: фактологические, концептуальные, эстетические и модальные.

Ключевые слова: языковая личность; картина мира автора вторичного текста; интерпретация различных видов информации; аргументативные тексты; проекции исходного текста во вторичном тексте сочинения.

Введение: Воздействуя на адресата, автора сочинения-рассуждения, первичный текст в той или иной мере меняет «совокупность предметного содержания, которым обладает человек» [1] и заставляет реципиента моделировать новую схему восприятия действительности с учетом концептуально значимой информации, транслируемой автором первичного текста. Сформированность навыка создавать вторичные тексты, опираясь на информацию, представленную в исходном тексте, а также пояснять и/или доказывать собственный взгляд на проблему, поднятую адресантом, проверяет задание части «С» Единого государственного экзамена по русскому языку за курс средней общей школы, в котором учащимся предлагается вступить в диалог с автором первичного текста. В результате вторичного текстопорождения актуализируется необходимый для взаимопонимания фрагмент картины мира языковой личности, соответствующий речевым интенциям коммуникантов.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили данные, которые были получены в результате анализа вторичных текстов сочинений-рассуждений части С ЕГЭ по русскому языку. Применялся коммуникативно-деятельностный подход к тексту как форме коммуникации, явлению идиостиля с учетом структуры, семантики, pragmatики текста. Данный подход интегрирует такие взаимосвязанные и дополняющие друг друга принципы, как антропоцентрический, интерпретационный, текстоцентрический, лингвоцентрический, а также когнитивно-концептуальный. В работе использованы статистический и описательный методы.

Обсуждение. В настоящее время вторичные явления на всех уровнях языковой системы привлекают внимание лингвистов: описаны признаки вторичности текстообразования, изучаются внутриязыковые механизмы порождения вторичных текстов. Указано, что в основе всех этих явлений лежит общий когнитивный механизм – механизм концептуальной деривации [2, 3]. Возникающие при трансформации языковые или речевые единицы позволяют вторично вербализовать уже существующие в сознании человека понятия или концепты. Это и дает основание говорить, с одной стороны, о концептуальной деривации как о едином когнитивном механизме, обеспечивающем порождение вторичных текстов разного плана, и, с другой стороны, о вторичной репрезентации концептов как особом типе представления языковой личности. Это положение является отправным в нашем исследовании, основывающимся на сопоставлении вторичного текста ученического сочинения-рассуждения и исходного (первичного) текста в части

возможностей адресата фиксировать и одним из способов преобразовывать информативные структуры первичного текста (см. об этом подробнее: [4]).

ЕГЭ, по замыслу его авторов, позволяет в определенной мере выявить степень зрелости учащегося, а также способность посредством текстовой деятельности моделировать картину мира, отражающую индивидуальный характер и творческий потенциал языковой личности выпускника. Задание части С требует от экзаменуемого не простого изложения фактуальной информации, представленной в первичном тексте, а анализа текстового содержания с опорой на картину мира адресата. Существует несколько подходов к анализу текста, т.е. к выявлению заложенной в нем информации: от автора к тексту (понимая автора, его жизнь, психологию, время, мы подходим к пониманию текста); от текста к автору (выявляя особенности языкового построения, внутритекстовых связей единиц, приращенных значений и т.д., мы подходим к пониманию заложенной в тексте информации). Еще один подход – от читателя к тесту – выявляет возможности не столько текста, сколько читателя. Таким образом, вторичный текст сочинения – это такая форма работы с текстом, которая предоставляет возможность анализировать смысловые акценты и концептуальную составляющую фрагмента языковой картины мира его создателя.

Если обратиться к вторичным текстам ученических сочинений по первичному тексту, то, согласно коммуникативной задаче их создателей, эти текстовые образования должны показать прирост новой информации за счет вторичной категоризации адресатом концептуальной информации первичного текста. Вторичная текстовая деятельность в данном значении понимается как особый тип коммуникативной ситуации, где «речевой смысл» возникает в результате соотнесения плана содержания единиц текста с текстовой ситуацией, элементами которой являются «текущий функционально-смысловой тип речи, композиционно-смысловой тип речи, речевые смыслы предшествующих высказываний» [5].

Изучение многообразных форм вторичных текстов и способов представления в них содержания текста-основы показывает, что один и тот же полученный материал во вторичном тексте организуется по-разному, различными являются также проекции исходного текста, полученные при его вторичной репрезентации одним и тем же автором. Такие явления неизбежно приводят к выводу о применении различных способов преобразования информативных структур первичного текста. Типы таких преобразований касаются всех уровней информации и отражающих различные аспекты языковой картины мира: фактологические, концептуальные, эстетические и модальные. Рассмотрим их в отдельности и установим параметры репрезентации картины мира во вторичном тексте в отношении к языковой личности автора.

Фактологической информацией мы считаем факты и события, положенные адресантом в основу своего высказывания. Это результат бытийной и социальной практики, в ходе которой языковая личность присваивает историко-культурный опыт и конструирует собственный фрагмент картины мира. «Стереотипизация элементов бытийной пресуппозиции и прецедентизация фактов историко-культурного контекста – независимо друг от друга развивающиеся процессы, которые приводят к образованию стереотипов и прецедентных феноменов, подвергающихся в дальнейшем концептуализации» [6]. Указанные феномены соответствуют эмпирическому уровню познания мира и воспринимаются адресатом в том объеме, какой наличествует у языковой личности на момент знакомства с текстом. Это объем прецедентной информации, освоенной учащимися, т.н. фоновые знания, а также уровень владения прецедентными текстами. В целом вторичные тексты сочинений-рассуждений по первичному тексту демонстрируют особенности стереотипов мировоззрения и могут служить материалом для характеристики подрастающего поколения на пороге вступления во взрослую жизнь.

Как показывает анализ, во вторичных текстах сочинений части С ЕГЭ по русскому языку учащиеся обнаруживают низкий уровень знакомства с прецедентными текстами, предложенными для изучения в школе. Так, из 91 сочинения по исходному тексту С. Кудряшова, поднимающего проблему чести и достоинства в современном обществе, читательские аргументы содержались в 11 ВТ (10%). Нам встретилось 6 читательских аргументов, связанных с именем Чичикова, героя поэмы Н.В. Гоголя. В 2 работах приведен в качестве примера герой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» Понтий Пилат как человек, поступившийся собственной совестью. Был упомянут Швондер из повести М.А. Булгакова «Собачье сердце», а также его «воспитанник» Шариков. По одному разу были упомянуты герои повести «Судьба человека»

М.А. Шолохова Андрей Соколов и эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», авторы сочинений упоминали эпиграф к повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и Библейские заповеди «не укради», «возлюби ближнего своего». Таким образом, фактологическая информация во вторичных текстах сочинений актуализирует фоновые знания учащихся, которые объективизируются в виде фрагмента речевой картины мира. Приведенные факты позволяют сделать вывод о недостаточно сформированном навыке создавать аргументативные тексты, доказывать тезис, опираясь на собственный читательский опыт, а также о недостаточности прецедентной информации, освоенной учащимися.

Содержательно-концептуальная информация отражает авторское миропонимание, воплощенное в идее вторичного текста, на которую ориентирована вся его многоуровневая системная организация. Она опирается на «способность индивида структурировать знания о реалиях действительности в сознании, а также номинировать приобретенные знания определенными понятиями и разноуровневыми языковыми единицами» [7]. Степень усвоения реципиентом концептуальной информации соответствует теоретическому уровню его знаний о мире и объективируется в применении разных способов категоризации и концептуализации знаний при осуществлении процесса вторичной презентации информативного ряда текста (в том числе и одной и той же языковой личностью).

Как показывает наше исследование, самой распространенной ошибкой во вторичных текстах сочинений является неточное разграничение главной и второстепенной информации. Так, например, сужение автором проблемы первичного текста наблюдалось в 7 % работ, расширенный подход к рассмотрению поставленной автором текста проблемы — в 12,7 % сочинений, фактические ошибки в формулировке проблемы, заключающиеся в неправильном определении концептуальной проблемы, — в 24 % исследованного материала. Очевидно, что разность картин мира и когнитивного потенциала адресанта и адресата — автора вторичного текста сочинения — ведет к отличию в отражении фрагмента действительности, «стоящей» за текстом: смысловое ядро концептуализированной проблемы первичного текста оказывается на периферии смысловых акцентов адресата. Результатом такого «сдвига» является несовпадение первичной и вторичной концептуализации проблемы первичного текста, что свидетельствует об ошибке при выполнении задания части С ЕГЭ по русскому языку «сформулировать и прокомментировать одну из проблем ... текста».

Эстетическая информация первичного текста в ее отношении к адресату обращена к оценочному, эмоциональному, нравственно-этическому аспектам картины мира языковой личности. В отличие от содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной, эстетическая информация направлена на формирование различными средствами образности эстетического чувства адресата, она воздействует не только на его ум, сколько на его сердце. Цель эстетической информации, по словам Н.С. Болотновой, — «отражая авторское мировидение, вызвать лирическую эмоцию у адресата» [8]. Особенностью такого рода содержательной стороны текста является воплощение адресантом знаний о мире в образной форме в целях самовыражения и художественного воздействия на адресата. Таким образом, эстетическая информация первичного текста связана с картиной мира его автора, его целями, мотивами, эмоциями и оценками, воплощенными в образной форме.

Что касается категории модальности первичного текста, то она, донося до реципиента отношения автора к реальности, кциальному, к адресату, формирует модальность вторичного текстового образования. Средства аксиологической и рациональной оценки в первичном тексте выражаются в различного рода «выдвижениях» на передний план объектов повествования, «подчеркиваниях» важных для адресанта лексико-семантических знаков и сочетаний слов. Они характеризуют речевую картину мира коммуниканта с точки зрения отношения к практической деятельности, соответствия явления норме, достоверности, вероятности события, сомнения, желания/нежелания создателя текста.

Особое значение для выявления специфики формирования картины мира автора вторичного текста имеет обращение к различным дискурсивным практикам, реализующим миромоделирующий потенциал языковой личности через определенные языковые и коммуникативные приемы: стратегии и тактики, речевые жанры, стилистические средства и др. Работа с текстом на уроках русского языка предполагает формирование широкой лингвистической эрудиции учеников, понимание связи языка и культуры, осознание языка как духовно-социального феномена («духа народа»).

Результаты и выводы. В статье вторичная текстовая деятельность по созданию сочинения-рассуждения представлена как особый тип коммуникативной ситуации, где «речевой смысл» возникает в результате соотнесения плана содержания единиц текста с текстовой ситуацией. Различные способы преобразования информативных структур первичного текста касаются всех уровней информации и отражают следующие аспекты языковой картины мира авторов вторичных текстов: фактологические, концептуальные, эстетические и модальные. Таким образом, картина мира школьника вводится во вторичные тексты через интерпретацию различных видов информации и через модальный компонент. Вторичные тексты ученических сочинений позволяют анализировать не только степень языковой компетентности выпускников, но и в значительной мере выявляет способы презентации картины мира. Они представлены следующими параметрами:

1. Объемом прецедентной информации, освоенной учащимися, т.н. фоновыми знаниями, а также степенью овладения прецедентными текстами.
2. Содержательно-концептуальной информацией вторичного текста.
3. Способностью воспринимать и оценивать модально-концептуальную информацию первичного текста.
4. Миромоделирующим потенциалом языковой личности, выражаящимся в способах вторичной языковой презентации информации первичного текста.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о целесообразности интегрированного подхода к изучению вторичных текстов ученических сочинений, предполагающего совмещение методик собственно языковых, культурологических и социолингвистических исследований; актуален в этом плане также интегративный лингвогориторический подход [9–11].

Примечания:

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Ясперс К. М.: Республика. 1994.
2. Голев Н.Д. К основаниям деривационной лексикологии русского языка: лексико-деривационные контексты как форма проявления деривационной энергетики слова в тексте (проблемы, задачи, перспективы) / Н.Д. Голев // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998.
3. Мурзин Л.Н. Принцип деривации и деривационная грамматика / Л.Н. Мурзин // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998.
4. Лаврова И.В. Ученическое сочинение-рассуждение как вторичный аргументативный текст / И.В. Лаврова // Культурная жизнь юга России. Краснодар: Изд-во КГУКИ, 2009. Вып. 5 (34).
5. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст / М.Я. Дымарский. СПб.: СПГУ, 1999.
6. Исаева Л.А. О соотношении понятий "концептуализация", "стереотипизация" и "прецедентизация" / Л.А. Исаева // Культурная жизнь Юга России. Краснодар: Изд-во КГУКИ, 2012. Вып. 2(45).
7. Исаева Л.А., Будanova С.Г. Лингвоконцептология текста: базовые понятия и методические советы / Исаева Л.А., Будanova С.Г. // Культурная жизнь Юга России. Краснодар: Изд-во КГУКИ, 2012. Вып. 1(44).
8. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. М.: Флинта, Наука, 2009.
9. Ворожбитова А.А. Сочинская лингвогориторическая школа: программа и некоторые итоги // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 77-83.
10. Ворожбитова А.А. Теория и практика лингвогориторической парадигмы: Сочинская школа // Вестник Российской Федерации дружбы народов Серия, «Вопросы образования: языки и специальность». №4. 2012. С. 77-84.
11. Ворожбитова А.А. Лингвогориторическое образование как инновационная педагогическая система (принципы проектирования и опыт реализации): монография / А.А. Ворожбитова; под науч. ред. Ю.С. Тюнникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 312 с.

Secondary Texts as a Means of Representing a Worldview

¹Lidiya A. Isayeva

²Irina V. Lavrova

¹Kuban State University, Russian Federation
350058 Krasnodar, ul. Stavropolskaya St., 134
Doctor of Philology, Professor
E-mail: vlisaev@rambler.ru

²Cooperative Institute Krasnodar, Russian Federation
350015 Krasnodar, ul. Metrophanes Sedina St, 168/1
PhD, Associate Professor
E-mail: ro_na@list.ru

Abstract. The article examines secondary texts as one of the forms of working with texts that allows for the analysis of semantic accents and the conceptual components of a fragment of the linguistic worldview of the text's author. The article justifies the use of various methods of transforming the informative structures of the primary text. The types of transformations affect all levels of information and reflect the various aspects of the linguistic worldview of the text's author: factual, conceptual, aesthetic and modal.

Keywords: linguistic personality; the worldview of the author of a secondary text; interpreting various types of information; argumentative texts; the projections of a primary text within a secondary text.

Гендерный аспект текстов детской рекламы

Аида Марсовна Казанцева

Казанский (Поволжский) федеральный университет, Российская Федерация
420127 г. Казань, ул. Копылова, 12-56

Аспирант

E-mail: aida.kazanceva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются рекламные тексты для детей и подростков как отдельный вид рекламного дискурса. Данные тексты имеют свои характеристики, обусловленные возрастными особенностями целевой группы. При исследовании было замечено, что детская реклама, как и дискурс в целом, имеет гендерную дифференциацию, что особенно прослеживается в рекламе игрушек.

Ключевые слова: рекламный текст; реклама для детей; гендер; лексико-тематические группы (ЛТГ).

Введение. Реклама прочно вошла в нашу жизнь, став частью не только коммерческой сферы, но и культуры, и жизни в целом. В силу этого она, естественно, имеет влияние на подрастающее поколение, оказывая влияние (как отрицательное, так и положительное) на психику и мировоззрение детей и подростков. В связи с этим исследование рекламы для детей и подростков имеет научную ценность и социокультурную важность, потому что дети – это будущее, и они должны расти в правильной культурной среде, а реклама – немалая ее часть. Новизна данного исследования состоит в том, что реклама, адресованная детям и подросткам, ранее с лингвистической точки зрения не изучалась. Вместе с тем, реклама, адресованная детям, – своеобразный вид рекламы, имеющий свои характеристики, обусловленные возрастными особенностями целевой группы.

Материалы и методы. Источниками фактического материала являются современные рекламные тексты, извлеченные из российских детских газет и журналов, сети Интернет, наружная, радио- и телереклама. Материалом исследования послужила картотека автора, составленная по результатам выборки из данных источников. Общее количество собранного и обработанного материала составило около 1000 примеров. Условием отбора рекламы, адресованной детям и подросткам, служил характер рекламируемых товаров: игрушки, компьютерные игры, детская косметика и одежда, а также определенные продукты питания (шоколад и шоколадные батончики, конфеты, газированная вода, кукурузные хлопья, йогурты и другие молочные продукты для детей и др.), то есть такие товары, главными потребителями которых являются дети. В работе применялись следующие общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение, обобщение, наблюдение, приемы классификации и систематизации; лингвистические методы: непосредственное лингвистическое наблюдение, компонентный и контекстуальный анализ, методы количественной обработки данных и др.

Обсуждение. Гендер, или «совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола» [1], давно учитывается при создании рекламных текстов, этому посвящено достаточно большое количество лингвистических исследований за последние двадцать лет (Е. Гофман, И. Грошева, Т. Дашкова, К. Кейн, В. Пропп, Л. Школьник, А. Альчук, Е. Анисимова, А. Дударева и др.).

Гендерная характеристика, т.е. пол предполагаемого покупателя, – один из решающих факторов в создании рекламного сообщения. Очевидно, что рекламные тексты для женщин и для мужчин, при всей общности рекламных приемов и лингвистических стратегий, имеют ряд специфических особенностей, обусловленных действием гендерного фактора (см., к примеру, [2]).

В рекламе для детей также прослеживается гендерный аспект. Представлен он неярко: продукты, рекламируемые в этой области, как правило, не имеют различных по полу адресатов (продукты питания, развлекательные услуги), но все же гендероориентированные тексты в рекламе для детей есть – это реклама игрушек. Игрушки для детей от трех лет предназначаются дифференцированно для девочек и мальчиков, поэтому в этой части

рекламных текстов прослеживаются гендерные различия. Как правило, касаются они лексической стороны данных текстов.

Психологи утверждают, что уже в три года дети с уверенностью относят себя к мужскому или женскому полу, что называется гендерной идентификацией. Здесь очень велика роль детских игрушек. Игрушки и игры помогают мальчикам и девочкам освоить будущие социальные роли, естественно, различные в зависимости от пола. В магазине сразу можно увидеть, что большинство игрушек конкретно предназначены либо для мальчиков, либо для девочек (см. [3]): куклы, мягкие игрушки для девочек и различного рода боевые герои, оружие, а также логические настольные игры для мальчиков.

Для анализа были взяты тексты телевизионной рекламы игрушек, так как она представлена многообразнее и ярче, чем, к примеру, печатные тексты.

Как показывает материал, различается, во-первых, уже форма подачи рекламного сообщения: в рекламе для девочек – это рифмованный мотив, иногда даже веселая песенка, у мальчиков же – всегда сдержанный, лаконичный текст. Заметим, что передача звукового сообщения осуществляется разными голосами: для девочек вещает чаще женский голос, для мальчиков – причем, во всех собранных нами примерах – мужской.

Мультимедийное сопровождение также гендерно дифференцированно: мелодия для девочек – всегда веселая, звонкая, иногда со звуками природы, для мальчиков же – это резкий, жесткий мотив, обязательно переплетающийся со звуками военных действий (звук стреляющего оружия, взрывов, рев тяжелой военной техники). То же касается и визуального ряда. Для рекламы девочек характерны яркие цвета – красный, розовый, желтый, оранжевый, светло-зеленый, отсылающие к мирной, радостной, чаще домашней обстановке. Для мальчиков – тона неяркие, скорее мрачные (серые, черные, синие), передающие атмосферу военных событий, сражений.

Анализируя язык рекламных сообщений, в первую очередь следует сказать о лексике, употребляемой в гендерно различаемых текстах.

Реклама для девочек.

Лексико-тематические группы, используемые для этой части аудитории:

1) ЛТГ с архилексемой «волшебство». В данную группу включаются лексемы чудо, чары, магия, сказка: «Новая коллекция кукол Винкс – **волшебный** питомец. Их **волшебные** крылья унесут тебя в мир **магии и чудес**», «**Волшебные** лошадки, маленькие Филли, в **волшебный** мир прекрасный дверь тебе открыли. Филли-Филли, разные такие! Все они **чудесные, сказочно красивы!**»

2) ЛТГ с архилексемой «мечта». В группу входят лексемы желание, иллюзия: «Я всегда **мечтала** о собственном пони. И однажды...Это же пони! Ириска, ты живая! Ты чувствуешь прикосновения и все-все понимаешь! Моя **мечта** сбылась!», «Мокси Тинс воплощает твои **мечты!**», «Попади в мир **иллюзий** с клубом Винкс!», «Волшебная палочка от Винкс исполнит любое твое **желание!**»

3) ЛТГ с архилексемой «moda». В группу включаются слова гламур, стиль, роскошь, блеск, идеал, шик, страсть, образ, звезда: «Приглашения на бал! **Роскошь, стиль** – мой **идеал!** Куклы Братз – принцессы **шикарны**, интересны. Моя **страсть** – мой мир Братз», «Братз – подружки Ковбоя! Банда девчонок в **гламурных** нарядах зовет за собою на дикий запад!», «Мир открои **модных** тайн. Заходи! Маскарад он-лайн! Братз. Для девчонок, знающих толк в **моде**».

Еще одной особенностью рекламы для девочек являются характерные словообразовательные черты, а именно, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «Меняй Братз-кидс **одежжу**, застегивай **сапожки**, все, что нужно для концерта есть у маленьких Братз-кидс!», «Невероятная новинка от Винкс! Куклы Винкс – волшебные крылья! Их новые магические **крылышки** сверкают яркими **огоньками!**»

Морфологически тексты для девочек отличаются обилием имен прилагательных. С гендерной точки зрения это объясняется психологическими особенностями женщин: прилагательное, чье категориальное значение – признак, качество, свойство, естественным образом коррелирует с женской эмоциональностью. Женщины, по утверждению психологов, смотрят на мир не конкретно, как мужчины, они внимательны к мелочам, способны лучше описать свойства предмета: «Ты **модный** Братз-дизайнер! **Яркий, крутой, красивый** наряд, **новый** стиль в моде, пусть все говорят!», «Встречайте!

Неповторимые подружки Братц! Стильные и обворожительные, энергичные и жизнерадостные, они готовы устроить лучшую вечеринку, приглашают и тебя!»

Подводя итог, отметим, что описанные выше особенности текстов рекламы не просто отличают рекламу для девочек, но и объясняются с точки зрения гендерных различий. Женская чувствительность, эмоциональность, мечтательность, стремление к чудесному, прекрасному, а также желание выглядеть стильно и модно, быть всегда красивой находит отражение в рекламе, рассчитанной на девочек.

Реклама для мальчиков.

Отвечая потребностям этой группы потребителей, игрушки для мальчиков – это, в основном, герои-воины и все, что связано с военными действиями (ср. игры «в войнушку»). Следовательно, главная ЛТГ, на которой строятся рекламные тексты – это ЛТГ с архилексемой «война». Сюда относится большой круг слов военной тематики – воин, сила, сражение, победа, меч, герой, злодей, враг, стража, огонь, бой и др.: «Звездные воины и воины клонов. Новые карточки галактических сражений. Клоны против дроидов! Но...победит лишь один!», «С абсолютно новым световым мечом Джедая ты познаешь свою силу. Судьба галактики теперь в твоих руках! Да прибудет с тобой сила!». «Новая фабрика героев от «Лего». Побег с фабрики героев. Злодеи сбежали из-под стражи, чтобы уничтожить всех героев. Демон-байкер уходит! Огонь! Присоединяйся к погоне за злодеями в он-лайн игре!»

Также отметим, что если в текстах для девочек отмечается обилие прилагательных, то здесь преобладают глаголы (часто в повелительном наклонении): «*Будь умным! Играй!* Логические настольные игры «Smart Games», «Придумай! Построй! Играй! «Лего», «Нано-машинки. Они обладают невероятной мощностью. Тренируют ловкость и развиваются. Преодолевай препятствия! Управляй мощью Нано-машинок!»

Отмеченные черты отвечают гендерным характеристикам: мужчины активны, от них ожидают действия (глаголы), немногословны (мало прилагательных), мужественность и геройство всегда связываются с военными событиями (игрушки военной тематики).

Результаты и выводы. Приведенный материал показывает, что, несмотря на детский возраст целевой аудитории, рекламодатели четко разделяют потенциальных покупателей игрушек по половой принадлежности. Это накладывает отпечаток на содержание и форму подачи рекламного сообщения. Вербальные и невербальные различия рекламных текстов, обусловленные гендерным фактором, вполне закономерно прослеживаются в рекламе для детей. Но сказать однозначно, что такие рекламные установки действительно отвечают потребностям детей, нельзя, и, возможно, здесь играют роль гендерные стереотипы, сложившиеся в обществе. «Основным источником и проводником новых знаний, идей и образов в современном мире являются средства массовой информации, играющие большую роль при презентации гендерных стереотипов, которые отражаются в текстах рекламных сообщений» [4], к таким установленным СМИ стереотипам следует относиться более внимательно, так как они влияют на поведение и самоопределение детей в обществе. В связи с этим представляется актуальным лингвистический подход к изучению дискурса СМИ в целом и рекламного дискурса в частности [5] (см. также [6, 7].

Примечания:

1. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. М: Информация XXI век, 2002. 256 с.
2. Акуличева В.В. Рекламный текст как предмет исследования в гендерной лингвистике // Филологические науки, № 3, 2008, С. 100–109.
3. Берн Шон. Гендерная психология. СПб: Прайм-ЕвроЗнак, 2001. 320 с.
4. Гусейнова И.А. Дескриптивные рекламные тексты как инструмент воздействия в системе маркетинговой коммуникации (на материале журнальной прессы ФРГ). Дис... канд. филол. наук. М., 1999. 223 с.
5. Ворожбитова А.А. Лингвистические основы исследования дискурсивных процессов и формирования полиэтносоциокультурно-образовательного пространства в аспекте PR-деятельности профессиональной языковой личности // Інформаційне суспільство: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «З'язки з громадськістю в економіці та бізнесі». Київ, 2013. Вип. 18. С. 129–136.

6. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // European researcher. 2010. № 2. C. 183–190.
7. Vorozhbitova A.A. Discourse-paradigmatics and Discourse-syntagmatics Categories in Linguo-rhetoric Paradigm // European researcher. 2011. № 11 (14). P. 1532–1537.

UDC 81'276.3

The Gender Aspect in Children's Advertising Texts

Aida M. Kazantseva

Kazan Federal University, Russian Federation
420127 Kazan, Kopylova St., 12-56
PhD student
E-mail: aida.kazanceva@mail.ru

Abstract. The article examines advertising texts for children and youths as a separate type of advertising discourse. These texts have their own characteristics that are conditioned by the age specifics of the target group. The present research has noted that children's advertising, together with discourse as a whole, has gender differentiation, which can be clearly seen within the advertising of toys.

Keywords: advertising text; children's advertising; gender; lexical and thematic groups.

**Поэтика рассказа И.А. Бунина «огнь пожирающий»:
пейзаж, контрапротивные мотивы, композиционная модель**

Елена Владимировна Капинос

Институт филологии СО РАН, Российская Федерация
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
E-mail: dzerv@mail.ru

Аннотация. Композиция рассказа И.А. Бунина «Огнь пожирающий» построена на контрапротивных мотивах смерти/тления/Апокалипсиса и возрождения/цветения/Воскресения. Поддержанная контрапротивная композиционная модель мотивами скорости /мгновенности/конечности и длительности/протяженности/торможения. Темы скорости и торможения передают нелинейность бунинского художественного времени, его одновременную устремленность вперед и возвратность.

Ключевые слова: антонимические мотивы; композиционная модель; сюжет; повествовательный и описательный дискурс; мотив.

Введение. Сюжет рассказа «Огнь пожирающий» (который послужил материалом данного исследования) вырастает из глумливого анекдота на тему смерти и воскресения: «И вот как-то за чаем... кто-то... вспомнил старика В. <...> старомодного богача и едкого причудника, умершего в прошлом году и завещавшего себя сжечь, пожелавшего, как он выразился, “быть тотчас же после смерти ввергнутым в пещь огненную, в огнь пожирающий, без всякой, впрочем, претензии на роль Феникса” <...> И вдруг хозяина... произнесла с неожиданной отчетливостью: – А я как нельзя более понимаю В., хотя тоже не одобряю остроту в его завещании, и пользуюсь случаем заявить при всех здесь присутствующих свою непреклонную посмертную волю, которая, как известно, священна и неоспорима: после моей смерти я тоже должна быть сожжена <...> А ровно через неделю после того именно это и случилось – она умерла перед самым выездом в театр» [1].

Противопоставление мотивов смерти и воскресения в «Огне...» положено в основу композиции рассказа, эти мотивы проводятся от начала до конца текста, они чередуются, то и дело перебивая друг друга. Смерть символизирована неожиданной кончиной героини, ее кремированием на Пер-Лашезе, описанием самого процесса кремирования и апокалиптическими образами «огня пожирающего», «геенны огненной», подкрашенными ритуальным притворством кремационного погребения. Воскресение же символизируется весной, оживющей природой, музыкой, детством, «мельканием праздничного, солнечного, людного Парижа».

Обсуждение проблемы. Судя по рукописи, Бунин много работал над начальными страницами «Огня...». Завещание старика В. не сразу, а постепенно обрастило светскими шутками, превращаясь в анекдот. Сначала в завещании не было фразы о птице Феникс [2], как не было в беседе гостей реплики о трех отроках, по вере своей избежавших участи быть сожженными царем Навуходоносором, три отрока появились в беловике: «– Да, это очень чисто и скоро, эта пещь огненная, но все-таки не желал бы я попасть в нее. Уж очень жарко. Мне даже участь Феникса не кажется завидной.

Все засмеялись, кто-то прибавил: – Так же, как мне участь тех трех отроков, что в пещи огненной пели хвалы Господу!

А еще кто-то подхватил: – Тем более, что вы уже далеко не в отроческом возрасте» [3].

Небрежная шутка почти пародийно звучит в устах случайного персонажа, но добавляет серьезные штрихи к картине сгорающего и нетленного. Библейский «огнь» сливается с архаическим, дохристианским вариантом смерти и воскресения. Внесенные писателем добавления были направлены на то, чтобы еще больше заострить шутливо снятый светской болтовней контраст между Библейской идеей Воскресения и дохристианским мифом возрождения через смерть. Сюжет «Огня...» предполагает эффект неожиданности, он трагичен, поскольку концентрирует в себе апокалиптические смыслы, однако в тексте сильно не столько сюжетное, сколько описательное начало. Весенние городские этюды в начале, в середине и конце текста как бы «прикрывают» крематорий и «огнь пожирающий». Мертвый Пер-Лашез возвышается над живым суеверным Парижем, а в глубине, в сердце

кладбища, вознесенного над городом, зияет крематорий. Весть о смерти героини тоже замаскирована весенним пейзажем, сначала увиденным рассказчиком из окна квартиры, потом кладбищенским. Весенний пейзаж испещрен едва заметными цитатами из русской поэтической классики (например, пушкинским *веселым треском* из «Зимнего утра» и тютчевским *дальним гулом* из стихотворения «Тени сизые смесились...»): «Там, за окном, сыпали веселым треском воробы, поминутно заливалась сладкими трелями какая-то птичка, а наверху топали и играли, и все это сливалось с непрерывным смутным шумом города, с дальним гулом трамваев, с рожками автомобилей, со всем тем, чем так беззаботно при всей своей озабоченности жил весенний Париж» [4].

Красота жизни и мира, с которой разлучает смерть, – это тема героини, но от нее, молодой и благополучной красавицы, она распространяется на рассказчика, созерцающего весенние пейзажи, а затем пересиливает и его, становится независимой, самостоятельной. Два пейзажа внутри рассказа как будто слегка повторяют и дублируют друг друга: «В открытое окно входила весенняя свежесть и глядела верхушка старого черного дерева, широко раскинувшего узор своей мелкой изумрудно-яркой зелени, особенно прелестной в силу противоположности с черной сетью сучьев» [5], «сквозной чернотой деревьев, осыпанных изумрудными мушками» [6]. Зимняя чернота и нагота деревьев играют роль какого-то невнятного темного предзнаменования, «затушеванного» весенними красками, это предзнаменование геенны огненной, уже бушующей где-то рядом, но все еще проявленной не вполне, прикрытой мерным ходом жизни, самообновляющимся каждой весне.

Рассказ начинается с яркого портрета героини, царственная гранатовая бархатная накидка, отороченная соболем, довершает ее живой, «божественный», величественный и сильный облик. Этот портрет антитетичен финальной картине, рисующей прах, вытащенный из огненной пещи: «тащили железными крюками... прямоугольник из асбеста, насквозь розовый, насквозь светящийся, раскаленный до прозрачности. И те прозрачно-розовые, инде горящие ярко-синим огоньком известковые бугры и возвышенности, что были на этом прямоугольнике, это и были скучные останки нашего друга, всего ее божественного тела, еще позавчера жившего всей полнотой и силой жизни» [7]. При сопоставлении отрывков видно, что царственный, несокрушимый «гранатовый» как бы меркнет и истлевает в «прозрачно-розовом» и «ярко-синем». Между этими двумя изображениями есть и другие образы-метаморфозы героини. Рассказчик опаздывает на кремацию, и художественные причины такого опоздания ясны: в отличие от тех, кто находится внутри крематория, он один воочию застигает процесс сожжения, лишь перед ним героиня является в виде «страшного, молчаливого дыма». Дым этот рассказчик видит дважды: по дороге в крематорий, и уже в крематории, «мысленно» возвращаясь к увиденному только что. Двойные, тройные, множественные впечатления от одного события выдают *мнемотическую* природу бунинского стиля, где любой факт отшлифован в воспоминаниях, проведен сквозь череду времен, отражен в молве, легенде. Второй раз, в крематории, дым превращается в абстрактное видение, связанное не только с героиней, но и самим крематорием, со смертью и идеей светского погребения: «А я сидел и мысленно видел этот густой черный дым, медленно валивший из трубы в небо над нами и в небе мне все-таки грезился Некто безмерный, широко простерший свои длани и молчаливо обоняющий жертву, приносимую ему» [8]. Это одна из самых минорных реализаций обычного бунинского инварианта, хорошо известного по рассказу «Легкое дыхание», только в «Огне» героиня рассеивается не «легким дыханием» «в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре», а валом «черных клубов дыма», обнажающих скрываемый, стыдный (не случайно участники действа не должны этого видеть) ужас смерти, обжигающий тлением все живое. Крематорий преображает красавицу: сжигаемая, она становится жертвой неназванному дьяволу, питающемуся дымом. Из «нашего друга» героиня превращается в исчадье ада, а сравнение крематория с храмом и высокий ландшафт кладбища усиливает и заостряет ощущение подмены, замещения высокого низким, божественного дьявольским. Черный дым устремляется в небо, но сжигание происходит где-то в укрытом от глаз месте, «адской подземной печи», дым вырывается из преисподних глубин. Дьявольский крематорий «Огня» довольно отчетливо повторяет образ дьявольского корабля «Атлантида», нарисованный в более раннем рассказе «Господин из Сан-Франциско». Как и в «Господине...», в «Огне...», несомненно, угадываются интенции посмертного наказания за грехи цивилизации, революции, богохульства, но есть и другое,

более обобщенное значение: движение времени и человеческой судьбы неотвратимо устремлено навстречу гибели [9], и это тем трагичнее, чем более прекрасный, свежий и благополучный мир ввергается в геенну огненную.

Смерть и воскресение составляют смысловой центр «Огня пожирающего», но мастерство Бунина сказывается в том, что противостояние смерти и жизни проводится и через другие мотивы: через мотивы быстроты, внезапности и торможения. Вот выбранный из сравнительно небольшого текста рассказа длинный ряд мотивов скорости и внезапности: «быть *тотчас же* после смерти ввергнутым в пещь огненную»¹, «автомобиль *мчал* меня», «точно сам злой дух *внезапно* шепнул ей», «я с какой-то *кощунственно-веселой быстротой* *мчусь*», «с *быстрым* бегом автомобиля», «мельканием праздничного, солнечного, людного Парижа», «быстро... вошел... молодой человек», «огнь пожирающий должен действовать с *быстротой* всесокрушающей», «я *быстро...* встал», «быстро соскребли железными лопаточками эти неровности», «быстро... исполнив этот обычай», «мы *тотчас же* почти разбежались в разные стороны», «теперь он *мчался* уже совсем бешено, и его автомобиль *поминутно* ревел на бегу».

Особенно перенасыщен такого рода семантикой отрывок, описывающий смерть героини, смерть настигает ее внезапно как ответ на ее дерзкое и поспешное желание быть сожженной, как мистическое исполнение торопливой шутки старика В.: «Она умерла *перед самым выездом в театр*: уже шла по вестибюлю к выходу и вдруг со странной улыбкой схватилась за руку сопровождавшего ее лакея – и тот *едва успел* поддержать ее. Я узнал эту совершенно дикую по неожиданности новость от знакомого на улице и почему-то с *необыкновенной поспешностью* пошел домой, простясь с ним. Мне показалось, что *тотчас же* надо сделать что-то решительное, чем-то резко проявить себя. Но дома моей изобретательности хватило только на то, чтобы *торопливо* набить трубку, *торопливо* закурить, сесть в кресло» [10]. Значение этого мотива открыто и прозрачно: суетливая скорость выступает как знак греха, в бездну которого поспешает человек и человечество. Ближайший аналог «Огня...» по чувству трагизма бытия – уже упомянутый «Господин из Сан-Франциско», где такого же безымянного героя смерть неожиданно настигает в преддверии роскошного ужина, в самом начале долгожданного кругосветного путешествия, не давая исполниться блестательному финалу его богатой и счастливой жизни.

При всей прозрачности семантики скорости темпоральная структура рассказа не так проста, как может показаться. Сюжет дается в двух временных проекциях: с одной стороны, он спешит, неожиданно обрывая всевозможные чаяния и надежды, он неуклонно направлен к точке конца, к Апокалипсису, пламень которого уже разгорается; с другой – перед нами сюжет напряженного ожидания этого, еще не наступившего, но наступающего события. В нарративном поле совмещены два этих противоположных плана. Ряд торможения, замирания в «Огне» тоже выразителен, к значениям торможения примыкают семы тишины, молчания, окаменения, замирания: «молчаливость, спокойная беспощадность», «как окаменелые, сидели мы в большой полукруглой зале», «спины всех сидящих перед нами были согнуты, как бы подавлены той невыразимой тишиной, в которой лилось наше ожидание ужасных итогов этой ужаснейшей в мире церемонии», «мертвая тишина, в которой мы сидели и ждали, казалась от этого света еще более гнетущей», «час, которому, казалось, конца не будет», «почему же всё это длится *так нестерпимо долго*». Мгновенной смерти соответствуют долгие мучительно тянувшиеся похороны, при этом мотивы ожидания не проигрывают мотивам внезапности по силе, и они вообще характерны для растянутых бунинских описаний кладбищ и похорон, всегда контрастных по отношению к мгновенной, ранней, внезапной, нечаянной смерти.

Результаты и заключение. Таким образом, соединение контрапротивных мотивов не создает ситуации взаимоисключения, напротив, одно усиливается через другое, становится более напряженным. Горящий, всесокрушающий пламень неумолимо и быстро приближающий конец и в то же время томительно длившееся ожидание этого конца – типичная для Бунина пара мотивов, есть она и в более поздних текстах, к примеру, в «Позднем часе», тесно связанном с «Огнем...» мотивом парижских похорон. Завязка любовного сюжета в «Позднем часе» отмечена пожаром, но пожар не мешает осуществиться любовному сюжету, делает его лишь ярче и напряженнее. Темпоральный оксюморон является не периферийным, а ключевым звеном

¹ Здесь и далее курсив наш – Е.К.

«Огня...», поскольку он скрывает тему Апокалипсиса, заявленную в заглавии рассказа. Темы быстроты и торможения, разыгранные в рассказе, передают нелинейность времени, его одновременную устремленность вперед и возвратность. Временная нелинейность выражена в «Огне» и мотивно, на композиционном уровне: сюжет стремительно развернут на полутора первых страницах, а весь последующий текст – это неспешный, эмоциональный и описательный рисунок, нанесенный вокруг события. «Внутреннюю», эмоциональную сущность всего, что следует за смертью героини, подчеркивает полное отсутствие каких бы то ни было слов по этому поводу. Серия нечаянных, быстрых, многочисленных, серьезных и шутливых, пророческих и необдуманных реплик в начале: «оживленного и беспредметного разговора», «хозяин сказал», «кто-то подхватил», «хозяйка... произнесла» – меняется на всеобщее молчание в конце: «невыразимой тишиной», «мертвая тишина», «молча исполнив свой обычай».

Четкая линия раздела проходит между парижским фрагментом и кладбищенским пейзажем, весенняя panorama за окном очень похожа на оживляющие деревья кладбища, но в доме и за окном все звучит и шумит, а на кладбище и в крематории стущается гнетущая тишина. Дважды «молчаливым» назван дым. «Молчанием» маркирована беспощадная и злая тайна смерти, более того, она даже олицетворена в ней. Вторая часть рассказа, погруженная в тишину, длится гораздо дольше «шумной» событийной первой части, и такая композиционная схема, включающая в себя быстро свершившееся событие и его протяженное переживание, характерна для многих рассказов Бунина – «Солнечного удара», «Генриха» и мн. др. Кажется порой, что все творчество Бунина – это продленная во времени картина воспоминаний о России, мгновенно вспыхнувшей, просиявшей и исчезнувшей в огне, но еще продолжающей существовать в качестве временного «сгустка» в преддверии Апокалипсиса.

Примечания:

1. Бунин И.А. Собр. соч. в 9-ти тт. М.: Худ. лит., 1966. Т. 5. С. 111-112.
2. Бунин И.А. Огнь пожирающий // РГАЛИ. Ф. 44 оп. 2 ед. хр. 58. Л. 1, 2.
3. Бунин И.А. Собр. соч. в 9-ти тт. Т. 5. С. 112.
4. Там же. С. 113.
5. Там же.
6. Там же. С. 114.
7. Там же. С. 116.
8. Там же. С. 115-116.
9. Об апокалиптических сюжетах у Бунина: Куликова Е.Ю. Мертвые корабли и мертвые моряки в поэзии И.А. Бунина (к литературным истокам бунинской морской темы) // Куликова Е.Ю. Пространство и его динамический аспект в лирике акмеистов. Новосибирск: Изд-во «Свиины и сыновья», 2011. С. 453, 456, 461-462, 468.
10. Бунин И.А. Собр. соч. в 9-ти тт. Т. 5. С. 112-113.

UDC 821.161.1+82-3

The Poetics of I. A. Bunin's Short Story *The Devouring Flame*: the Landscape, Contrary Motifs and the Compositional Model

Elena V. Kapinos

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Russia
Candidate of philology, senior researcher

Novosibirsk 630090, 8 Nikolayeva St.
E-mail: dzerv@mail.ru

Abstract. Ivan Bunin's short story *The Devouring Flame* is built on the juxtaposition of the motifs of death/withering/Apocalypse and rebirth/flowering/Renaissance. The contrary compositional model is also supported by the juxtaposition of speed/immediacy/end and continuance/duration/slowing down. The themes of speed and deceleration convey the non-linearity of Bunin's artistic time as well as his simultaneous aspirations for moving forward and returning.

Keywords: antonymic motifs; compositional model; plot; narrative and descriptive discourse; motif.

Заемствования в строительной терминологии ингушского языка

Фатима Мухарбековна Костоева

Ингушский государственный университет, Российская Федерация
386102, Республика Ингушетия, г. Магас, ул. Х.-Б. Муталиева, 6

Аспирант

E-mail: kostoeva@1969mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются причины появления заимствований в строительной терминологии ингушского языка. Анализируемый лексический материал объединен в группы по источнику их происхождения. Проведено наблюдение над звуковыми соответствиями в языке источнике и языке-реципиенте.

Ключевые слова: терминология; заимствованная лексика; термины; фонетические изменения; интернационализмы.

Введение. Терминология – часть словарного состава языка, наиболее интенсивно пополняющаяся новообразованиями, появление которых связано с развитием науки и производства. Проблеме заимствования иноязычной лексики посвящено множество научных работ таких авторитетных исследователей, как: Н.А. Смирнов, Л.П. Крысин, И.А. Василевская, Л.П. Кутина, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, А.К. Казкенова и др. В нахском языкоznании проблема заимствований в строительной лексике находит свое отражение в трудах А.Г. Мациева [1], И.Ю. Алироева [2], А.С. Куркиева [3], И.М. Сигаури [4], М.М. Султыговой [5] и др. В этих работах дается анализ происхождения и особенностей функционирования отраслевой терминологии нахских языков. Также структура терминов, способы их производства в языке рассматриваются в работе Н. М. Барахоевой [6].

Как показывает специальный анализ материала, в становлении ингушской терминологии важную роль сыграли различного типа заимствования – прямые (заимствованные слова) и косвенные или промежуточные (кальки или полукальки). Это относится непосредственно как ко всему ингушскому литературному языку, так и ее неразрывной части – терминологии.

Заимствование особенно широко распространено в строительной терминологии, потому что эта лексика связана с одним из подвижных элементов материальной культуры. Известно, что ингушский народ издавна имел культурные, политические и экономические контакты с другими народами. Отразилось на терминологической лексике ингушей и чрезвычайно пестрое языковое окружение: на юге – грузины, на востоке – дагестанцы, на западе – тюркоязычные народы, на севере – русские. В результате этих внеязыковых факторов в ингушский язык начали проникать в большом количестве иноязычные слова.

Основная же причина заимствования отраслевой лексики – языковая, то есть «необходимость номинации новых заимствуемых» реалий и замены описательного наименования простым [7]. Строительные терминологические единицы, входя в ингушский язык, сохраняют свой лингвокультурологический потенциал, так как отражают элементы строительной жизни другой страны и других регионов.

Материалы и методы. Материал исследования извлекался из лексикографических источников, т. е. известных словарей ингушско-русского, чеченско-ингушско-русского языков.

Для решения поставленных задач в реферируемой работе привлекаются следующие методы исследования: описательный метод, заключающийся в исследовании характеристик терминологической лексики в разных контекстах; метод функционального анализа; метод семантического анализа, индуктивный метод, т. е. систематизация конкретных наблюдений за языковыми фактами и их обобщение в теоретические положения, сравнительный метод, объяснительно-разъяснятельный метод; в работе применяются также и приемы когнитивного метода анализа.

Обсуждение. Исследуемая нами строительная лексика так же, как и терминология любой другой отрасли, аккумулирует в себе, помимо собственно языковой трансформации, еще и культурологическую информацию о языках, из которых идет процесс заимствования,

то есть изучаемые единицы составляют один из фрагментов языковой картины мира. Эти термины приходят в специальную терминологию как готовые языковые единицы вместе с понятиями и реалиями, наименованиями которых они являются.

Многие отраслевые терминологии формировались под влиянием нескольких иностранных языков. В результате сопоставления и анализа полученных данных заимствованные номинации нами объединены в группы по источнику их происхождения. Так, в строительной лексике, которая является одной из частей ингушского литературного языка, заимствования представлены в основном словами грузинского, арабского, тюркского, русского происхождения, а также интернациональными словами, усвоенными, как правило, через русский язык. Различаются два способа проникновения в языки заимствуемых слов – устное (дописьменного периода) и письменное (после появления письменности в 1923 г.). Устное заимствование значительно приспособляется к фонетике заимствовавшего его языка, а письменное имеет тенденцию становиться интернационализмом. Наиболее ранними из них являются заимствования из грузинского, персидского и тюркских языков.

Довольно часто встречаются в ингушском языке грузинизмы. Среди терминов строительной лексики нами отмечаются следующие термины грузинского происхождения: **херх** (<груз. **херхи**) – «пила»; **моарзаг1а** (< груз. **морзациух**) «клещи»; **к1ув** (<груз. **к1уви**) – «смола»; **элгац** (< груз. **экклесиа** из греческ.) – «языческий храм»; **ч1ега** (<груз. **ч1ека**) – «замок»; **болат** (<груз. **полад**) – «сталь»; **цаца** (<груз. **сацери**) – «решето, веялка»; **оста** (<груз. **аст1ами**) – «долото».

Необходимо отметить то, что при заимствовании в ингушском языке слова подверглись фонетическим изменениям, процесс лабиализации наблюдается относительно гласных, например, гласные первого слога в слове **моарзаг1а**: вместо грузинского монофтонга **а** в ингушском звучит дифтонг **оа**. Изменениям подверглись и согласные звуки: **ц1-з**, конечный согласный **х** перешел в ингушском в **г1**.

Целому ряду изменений согласных и гласных звуков подверглось грузинское слово **сацери** «решето», в котором выделяются префикс **са** и корень **цер // цар** [8]: начальный согласный звук **с** в ингушском переходит в **ц**, гласный звук **е** произносится как **а**, конечный слог **ри** – выпадает. Таким же изменениям подверглось слово **орзапи** «кувалда». Объяснить эти закономерности фонетических изменений можно тем, что заимствование происходило устным путем.

Поскольку ингушский и грузинский языки входят в общую иберийско-кавказскую языковую семью языков, в строительной лексике названных языков встречаются общие лексемы: инг. **хе** – груз. **хен** «дерево»; инг. **тхов** «крыша», «потолок» – груз. **тхави** «голова», «верх»; инг. **кор** «окно» – груз. **кори** «этаж», «потолок»; инг.- груз. **ч1ерга** – «перекладина»; инг. **кхимар** – груз. **кхимари** – «мельничная воронка» и т.д.

Грузинский язык издревле является одним из основных источников обогащения лексики ингушского языка. При посредстве грузинского языка заимствованы многие персизмы в ингушском языке, в том числе и строительные термины.

К персизмам относятся следующие лексемы-термины из области строительного дела: **к1ир** (ср. груз. **к1ири**, персидск. **к1ира**) – «известье»; **диг** (персидск. **дигърэ** – «секач») – «топор»; **чарх** (ср. груз. **чархи**, персидск. **чарх**) – «колесо»; **гали** (ср. груз. **гвалаги** – «чемодан») – «мешок»; **сангар** (ср. груз. **сангари** < персидск.) – «ров», «канава», «окоп».

Имеются в ингушском языке и термины тюрканизмы, заимствованные из тюркских языков: **топпар** (<кум. **саз-топуракъ**) – «глина»; **амбар** (<кум. **гъамар**) – «амбар»; **бел** (<кум. **бел**, тадж., узб. **бел**) – «железная штыковая лопата»; **г1ап** (<кум. **къапу // кхап**) – «крепость, обнесенная стеной», «застава»; **г1ат** (<кум. **къят**) – «слой»; **г1ум** (<кум. **хум**) – «песок»; **отув** (<кум. **отов**) – «прихожая», «коридорчик»; **тунгалг** (<кум. **тюнгюлк**) – «дымоход»; **г1уркх** (<кум. **къурух**) – «жердь»; **отар** (<кум. **от** – «трава», **-ар** – словообразовательный суффикс) – «хутор», «летний навес с открытой четвертой стеной»; **г1айракх** (<кум., тат., башк., кирг. **къайракх**) – «точило, точильный бруск»; **кизга** (<кум. **гюзго**) – «зеркало», «стекло» и др.

Как видно из примеров, некоторые тюркские слова в ингушском языке получили фонетическую окраску, подчиняясь фонетическим законам ингушского языка. В обоих языках наблюдаются соответствия согласных фонем (**г1-къ**, **г1-х**, **х-къ**, **т-д**, **к1-къ**, **г-к**). Вследствие этого в заимствованиях данного типа наблюдаются меньшее количество фонетических изменений [9].

Заимствования из арабского языка стали проникать в ингушский язык вместе с исламизацией ингушей. К арабизмам в сфере строительной терминологии нами относятся: **чътар** (<арабск. **шатер**) – «палатка»; **маяждиг** (<арабск. **масджиг**) – «мечеть»; **мимар** (<арабск. **майнаре**) – «минарет (высокая башня при мечети, с которой муэдзин сзывает мусульман на молитву)»; **минбар** (<арабск. **минбарь**) – «кафедра при мечети»; **хъужаре** (<арабск. **хъуджра** «комната») – «медресе (мусульманская духовная школа)»; **мрамар** (арабск. **мармарун**) – «мрамор».

Строительные термины, заимствованные из арабского языка также подверглись тем или иным фонетическим изменениям, связанными с особенностями ингушской фонетики: утеря назализации или усечение конечного **-ун**, переход **ч > ш, къ > г1, масж > маж, ид > ди(г), аь > и,** выпадение звуков **д, 1** и др.

Итак, в строительных терминах произошли вполне закономерные при усвоении иноязычных лексем фонетические процессы, благодаря которым арабизмы почти не отличаются от исконно ингушских слов.

Но, как известно, русский язык является одним из основных источников обогащения лексики ингушского языка, как и лексики других младописьменных языков Кавказа. Многочисленные русизмы, интернационализмы заимствованы ингушским языком без изменения основ из русского языка. Таковы лексемы «гараж», «участок», «плитка», «гипс», «алебастр», «шифер» и т.д.

Влияние русского языка на формирование строительной терминологии ингушского языка проявляется, например, в использовании значительного количества калек и полукалок: **хъастамий доаха моарзаг1а** – «гвоздодер»; **г1ишлонхуо (г1ишло** – «строительство») – «строитель»; **етта кирпишк** – «ожженный кирпич»; **хъухъокхар** – «лесоруб»; **кизгаштедарг** – «стеклорез»; **кизгаштеттар** – «стекольщик»; **герга хъу** – «кругляк», «круглая древесина»; **хинтруба** – «водяная труба»; **й1овхал чакх1оалийта** – «теплопроводный»; **йоккхий блокаш йола** – «круглоблочный»; **шлаккхухъар** – «шлаковоз»; **муххадуа** – «коррозостойкий» и т.д.

Специализация терминологии достигается употреблением прямых заимствований из русского языка: **сарпал** – «стропило»; **пишк** – «печка»; **турб** – «труба»; **рейк** – «рейка»; **чон** – «чугун»; **пиларам** – «пилорама»; **кухни** – «кухня»; **кирпишк** – «кирпич» и мн. др.

Как отмечает Ф.С. Льянова, заимствованное слово **кирпишк** в ингушском языке приобретает новое значение. Сочетаясь с исконными и заимствованными словами, оно употребляется и в значении «черепица», «саман», например: **ц1ен т1а ехка кирпишк** – «желобчатая черепица», **бийда кирпишк** – «саман», **машин кирпишк** – «прессованная черепица», **етта кирпишк** – «ожженный кирпич» [10].

Для дореволюционных заимствований характерна значительная фонетическая и морфологическая адаптация заимствованных слов к ингушскому языку. Несоответствие фонемообразующих характеристик ингушских и русских звуков приводит к заметным фонетическим изменениям усвоенных из русского слов. Так, в ингушском языке воспринимались не все стечения согласных, а только те, которые свойственны языку: **сарпал** (стропило; комплекс **ст-с**); **турб** (труба; **тр-т**); стечение согласных в начальной позиции также устраивалось вставкой перед ними гласных звуков: **п1астин** (пластина; **п1-п**). Слова русского языка, имевшие в своем составе аффрикаты, в ингушском произносятся со звуком **ш** или **ч**: **яышк** (ящик); мягкие согласные в старых устных заимствованиях произносятся твердо: **пешк // пишк** («печка»).

Среди заимствований из русского языка имеются также слова, которые вошли в литературный язык в неадаптированной форме: сохраняя основу, слова с финальным гласным изменяют окончание. Этим изменениям подвержены слова, оканчивающиеся на **-я, -ие, -а**, которые в ингушском языке получают окончание **-и** или вовсе теряют окончание: **бани** – «баня»; **кухни** – «кухня»; **общежити** – «общежитие»; **рейк** – «рейка»; **рам** – «рама» и мн. др.

Строительные термины русского происхождения в ингушском языке относятся наиболее поздним заимствованиям. В настоящее время они в речи ингушей встречаются довольно часто. Связано это, в первую очередь, с возросшей ролью русского языка, ставшего, по сути, вторым родным языком. Огромную роль играет тут и развитие средств массовой информации. Несмотря на широкое распространение, круг имен русского происхождения

ограничен. Довольно редки заимствования из языков других народов, в частности из абхазского языка.

Результаты и выводы. Таким образом, существуют два основных источника развития и дальнейшего обогащения терминологии – использование собственных лексических возможностей и процесс заимствования.

Заимствование рассматривается как один из основных источников пополнения лексики ингушского языка.

В процессе заимствования заимствуемые слова в принимающем языке, как правило, подвергаются определенной адаптации, т.е. при заимствовании происходят определенного характера изменения во внешней оболочке и внутренней структуре заимствованных лексем.

Определение соотношения между заимствованной лексикой и собственными языковыми возможностями, как и использование каждого из этих источников, требует изучения и регулирования со стороны ученых языковедов.

Примечания:

1. Мациев А.П. Очерки лексикологии современного чеченского языка. Грозный, 1973. 143 с.
2. Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков. Махачкала, 1975. 386 с.
3. Куркиев А.С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд., 1979. 254 с.
4. Сигаури И.М. Исконная лексика чеченского языка. Дис... канд. филол. наук: 10.02.02. М., 2011. 194 с.
5. Султыгова М.М. Сельскохозяйственная лексика ингушского языка. Дис... докт. филол. наук. Махачкала, 2012. 247 с.
6. Барахоева Н.М. О структуре аналитических форм ингушского языка. // Гуманитарные исследования. Астрахань, 2011. №1 (37). С.12-16. С. 14.
7. Белица Т.И. Проблемы освоения и лексикографического описания французских лексических заимствований в русском языке. Дис... канд. филол. наук. Томск, 2003. 27 с. С. 6.
8. Куркиев А.С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд., 1979. 254 с. С. 31.
9. Куркиев А.С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд., 1979. 254 с. С. 127.
10. Льянова Ф.С. Характеристика влияния русского языка на развитие и обогащение словарного состава чеченского и ингушского языков (на материале лексических заимствований). // Известия ЧИНИИЯЛ и Э. Вып. 2. Языкоизнание. Грозный, 1975. С. 22-29. С. 22.

UDC 811.351.43

Construction Term Borrowings in the Ingush Language

Fatima M. Kostoyeva

Ingush State University, Russian Federation
386102, Republic of Ingushetia, Magas, H.-B. Mutaliyeva St., 6.
Post-graduate student
E-mail: kostoeva@1969mail.ru

Abstract. The article examines the reasons for the appearance of borrowings within the construction terminology of the Ingush language. The lexical material under analyses has been grouped according to its original sources. This research has noted the phonic correspondence between the donor and the recipient languages.

Keywords: terminology; borrowed vocabulary; terms; phonetic changes; internationalism.

Когнитивно-дискурсивная характеристика жанровой личности в благопожеланиях и проклятиях

Марина Чагленовна Кремшокалова

Кабардино-Балкарский государственный университет, Российская Федерация

360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Кандидат филологических наук, доцент

E-mail: marina_kremshokalova@mail.ru

Аннотация. В статье предложена концепция жанровой личности, которая рассматривается как коррелят языковой личности. Автор интерпретирует данное понятие в приложении к трансляторам жанров благопожеланий и проклятий. Постулируются основные характеристики жанровой личности, а также их соответствие культурно-ценностной парадигме народа.

Ключевые слова: языковая личность; жанровая личность; благопожелания; проклятия; образ автора; культурные ценности.

Введение. Концепция языковой личности, многогранно представленная в современной лингвистической науке, еще не в полном объеме определила компонентный состав данного понятия и его содержательные слои. Термин «языковая личность» как парадигмальная единица не только лингвистики, но и других гуманитарных областей знания, детализируется и дополняется субстратными единицами, которые образуют единое понятийное поле. В нашем случае мы считаем возможным дополнить структурно-содержательный аспект языковой личности его частным репрезентантом – жанровой личностью.

Материалы и методы. Основным объектом исследования послужил устно-речевой дискурс русского и кабардино-черкесского языков, в котором актуализировались жанры благопожелания и проклятия. Привлечены материалы из различных сборников текстов данных жанров, в том числе и фразеологических, этнографических, фольклорных. Для интерпретации материала использованы методы дискурсивного и контекстуального анализа, моделирования, комплексного семантико-прагматического анализа, а также сопоставительного анализа языковых единиц.

Обсуждение. В российском языкоznании одним из первых о языковой личности писал В.В. Виноградов, изучивший данный феномен в аспекте личности персонажа и личности автора, но моделирование языковой личности в приложении к разным видам речи принадлежит Г.И. Богину [1]. Ю.Н. Караполов под языковой личностью понимал личность, выраженную в языке (текстах) и через язык, реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств [2]. Т.Г. Винокур видит в языковой личности средоточие когнитивно-коммуникативных потенций, материализующихся на широком фоне социально окрашенной действительности, которая дает место проявлению психологических свойств и устремлений человека [3]. Характеризуя языковую личность, В.И. Карасик считает нужным определить его речевой портрет и языковой идеостиль [4]. Этот же термин использует М.С. Саломатина, включая в него такие параметры, как коммуникативные стратегии и тактики, правила и приемы речевого воздействия, тематику общения и другие, чисто коммуникативные (а не чисто языковые) параметры [5]. Значительное расширение аспектуального поля термина «языковая личность» связано с исследованиями, в которых наблюдается социально-культурный подход и дискурсивная интерпретация данного феномена [6-8].

В последние годы в лингвистических исследованиях наряду с термином «коммуникативная личность» достаточно часто применяется понятие «дискурсивной личности». По утверждению С.Н. Плотниковой, дискурсивная личность представляет собой языковую личность, порождающую определенный дискурс в виде непрерывно возобновляемого или законченного, фрагментарного или цельного, устного или письменного сообщения [9]. Немаловажным аспектом представляется взгляд на дискурсивную личность как субъект социальной интеракции, являющейся носителем реального жизненного и языкового опыта. Дискурсивная личность, по мнению

Л.Н. Синельниковой, – многопараметральный феномен, это гибкий конструкт, постоянно трансформируемый в ходе социального взаимодействия [10].

В настоящем исследовании мы считаем возможным использовать понятие «жанровой личности» для наиболее полного осмыслиения личности коммуникатора (реализатора или транслятора жанра), а также для характеристики когнитивно-дискурсивных особенностей речевого поведения. Важным моментом дифференциации жанровой личности может служить ее соответствие культурному идеалу, возможная оценка через проекцию ценностных представлений. Существенным фактором портретирования жанровой личности служит «уровень «погружения» данной языковой личности в систему ценностных представлений народа.

В нашем случае роль адресанта речи во многом полифункциональна, многоаспектна и магична. Определенная ответственность за реализацию текстового ритуального общения и соблюдение регламентированных правил поведения накладывает дополнительную нагрузку культурного плана. Будучи транслятором традиционного ментального процесса, жанровая личность несет определенную ответственность за свои действия и поступки, поэтому чаще всего такие функции берет на себя достаточно опытный и уважаемый человек, способный противостоять социальному злу и защищать коллектив от всякого хаоса.

В ритуальных обрядовых процедурах произносить благопожелания, открывать и закрывать мероприятия доверяют обычно авторитетным старцам (наиболее ярко они присутствуют в застольном, сельскохозяйственном и других ритуализированных дискурсах). Такие личности способны консолидировать общество вокруг себя, смоделировать важнейшие жизненные ценности и следить за соблюдением этических и этикетных правил. Своими ораторскими речами они умеют убеждать людей, заставляют поверить в возможные позитивные изменения. Их слова обладают определенным синергетическим потенциалом, а потому они имеют возможность быть трансляторами людских желаний перед Богом. В связи с таким положением дел в данном случае жанровая личность ассоциируется с мудрым и авторитетным человеком, который способен защищать общество и просить блага у Всевышнего.

В тех случаях, когда реализуются простые тексты благопожеланий, личность говорящего отождествляется с вежливым носителем языка, умеющим проводить определенную позитивную линию в коммуникативных отношениях. Образ доброжелательного человека подкрепляется всей текстовой организацией, определенными переходами и связками, не выходящими за рамки этикета. В данном случае важна роль реализатора этикетного поведения, формирующего коммуникативную прагматику [11-13]. Позитивная вежливость говорящего, направленная на собеседника, способствует созданию благоприятной коммуникативной среды. Следует сказать о том, что в большинстве случаев благопожелательные тексты моделируют коллективное благополучие, все просьбы связаны со всеобщим благосостоянием, в чем можно усмотреть некую соборность, общность определенных групп или всего этноса.

В кабардинской культуре составной частью застольных благопожеланий является бранная речь, автор которой выступает как сложная жанровая личность, реализующая многоступенчатый замысел. Следует заметить, что подобные тексты обычно не могут быть произнесены тамадой, обладающей светлой аурой. В качестве ритора выступают любые другие участники застолья, которые несут меньшую ответственность и более свободны в своем речевом поведении. Как неоднозначен жанр застольной браны, так и сам автор текста выступает как сложная личность. Б.Х. Бгажноков отмечает, что автор бранного послания может сначала обращаться к оппоненту как к своему личному врагу, а в конце тирады выступать от имени общества, государства, интересы которого он защищает [14].

Произносить тексты проклятий могут люди особого склада характера и поведения. В целом, в народе боятся людей, которые могут своими речами смоделировать негативную жизненную установку, принести зло человеку или обществу. В основном авторами подобных текстов в кабардинском социуме выступают женщины – злые, недоброжелательные, завистливые и с некоторыми задатками колдуны. Таких людей пытаются обходить стороной, держаться от них подальше или не злить их. Выражение *Фызыбгэм Тхъэм дыщихъумэ* (Пусть Бог оберегает нас от проклинающей женщины) достаточно ярко демонстрирует отношение к личности жанра. Мужчины в кабардинском культурном пространстве (в отличие от русского) обычно не являются трансляторами текстов-проклятий, имеющих негативную модальность, но есть и случаи их использования в игровой форме. Речь идет о тех ситуациях, когда проклятия встречаются в речи *джэгугакIуэ*

(скоморохов), позволявших себе вставлять в тексты практически все то, что запрещалось правилами речевого поведения. В устах таких людей пожелание зла кому-либо больше забавляло толпу, нежели заставляло их расстраиваться. В связи с этим можно говорить о том, что большой силы сами тексты проклятий не имели, а произносящий их автор не формировал негативных эмоций, а скорее, выражал народное недовольство и изливал зло не только со своей души, но своих соплеменников.

В такой текстовой организации, несомненно, важен фактор личностного начала, умение вербально выстраивать определенную модель жизни и увлечь собственной идеей своих слушателей. Здесь можно говорить о роли ритора, в первую очередь, о его авторитете, без которого невозможно реализовать действенную речь. Адресант устно-речевого дискурса – это оратор, носитель определенного риторического жанра. Каждый раз речь должна быть организована таким образом, чтобы избежать коммуникативные неудачи, чтобы произнесенная речь адекватно воспринималась слушателем.

Результаты и выводы. Важнейшую роль в реализации жанров несет личность говорящего, а иногда и слушающего, в отношении которой мы в работе используем термин «жанровая личность». Жанровая личность служит не только инструментом передачи жанра, но и организатором текста с учетом культурных, языковых знаний и одновременно транслятором ценностных приоритетов, важных для социума. Жанровая личность должна соответствовать тем параметрам, которые веками вырабатывались в культурном сознании, в связи с этим уделяется большое внимание воспитанию культурной личности, развитию ее духовного потенциала. Интересным в этом плане представляется разработка категории «совокупная жанрово-стратная языковая личность», выполненная в русле Сочинской лингвогороднической школы на материале современного российского верлибра [15].

Примечания:

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореферат дисс... докт. фил.наук. Ленинград, 1984. 33 с.
2. Карапулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987, 2004. 263 с.
3. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993. 172 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. 477 с.
5. Саломатина М.С. Языковая и коммуникативная личность: соотношение понятий // Проблемы лингвокультурологии и теории дискурса: Сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2003, С. 167-172.
6. Vorozhbitova A.A. Program of professional linguistic personality study in linguo-rhetorical paradigm: scientist-philologist and classic writer // European researcher. 2011. № 4. С. 398–401.
7. Ворожбитова А.А. Языковая личность россиянина как классификационный тип (к постановке проблемы) // Россия и Славянский мир в контексте многополярности. Материалы VII Международной научной конференции. Славянск – на- Кубани: Издательский центр СГПИ. 2010. С. 46-52.
8. Бashiева С.К., Дохова З.Р., Шогенова М.Ч., Безрокова М.Б. Социальный статус как фактор формирования языковой личности // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2012. Т.II. №3. С.78-82.
9. Плотникова С.Н. Говорящий / пишущий как языковая, коммуникативная и дискурсивная личность // Вестник НГГУ. 2008. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/govoryaschy-pishushiy-kak-yazykovaya-kommunikativnaya-lichnost>.
10. Синельникова Л.Н. Концепт «дискурсивная личность»: междисциплинарная параметризация // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Границы познания». №1 (21). Февраль 2013. www.grani.vspu.ru.
11. Бashiева С.К., Геляева А.И. Место и роль речевого этикета в формировании культуры толерантности // Язык. Словесность. Культура. №1, 2011. С. 45-55.
12. Bashieva S.K., Dokhova Z.R., Shogenova M.Ch. The role of etiquette speech expression in linguistic personality communicative competencies formation (the Kabardino-Balkarian Republic case study) // European Jurnal of Contemporary Education, 2013, Vol. (3), № 110. P. 4-10.
13. Габуниа З.М., Бashiева С.К. Риторика как часть традиционной культуры. Нальчик: «ЭЛЬ-ФА», 1993. 88 с.
14. Бгажноков Б.Х. Отрицание зла в адыгских тостах. Нальчик, 2010. 118 с.

15. Ворожбитова А.А., Мишина М.М. Типологические характеристики верлибра как актуального лингвориторического компонента дискурсивных процессов социокультурно-образовательного пространства // Известия Сочинского государственного университета. 2013. №2 (25) С. 174–178.

UDC 81

The Cognitive and Discursive Characteristics of the Genre Personality within the Context of Well-wishing and Cursing

Marina Ch. Kremshokalova

Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation
360004 Nalchik, Chernyshevskogo Str. 173
PhD (Philology), Associate Professor
E-mail: marina_kremshokalova@mail.ru

Abstract. The article proposes the concept of a genre personality which is examined as correlating to a linguistic personality. The author interprets the present concept by applying it to the translations of well-wishing and cursing statements made by translation software. The author postulates the main characteristics of a genre personality as well as their correspondence to people's cultural value paradigm.

Keywords: linguistic personality; genre personality; well-wishing; cursing; the image of the author; cultural values.

Сложные существительные с сочинительной связью компонентов в карачаево-балкарском языке

Ахмат Магометович Мизиев

Кабардино-Балкарский государственный университет, Российская Федерация

360004 КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Кандидат филологических наук, доцент

E-mail: amb_76@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема структурно-семантической организации парных существительных в карачаево-балкарском языке. В ней определены их основные типы, осуществлена попытка отграничения парных существительных от слов-повторов, выявлена система семантических отношений между компонентами сложного слова, выявлены грамматические и фонетические особенности парных существительных карачаево-балкарского языка.

Ключевые слова: парные существительные; сложение; производящая основа; собирательное значение; обобщенное значение; лексикализация; синонимичные отношения; антонимические отношения; ассоциативные пары.

Введение. Исследователей давно интересуют причины возникновения парных слов. Главной из них признается смешение языков родственных племен и народов. Это находит подтверждение и в материалах тюркских языков. Например, первые компоненты неполного повтора *артыкъ-буртукъ* «излишки» и парного слова *азыкъ-тюлюкъ* «продовольствие» известны многим тюркским языкам, а вторые употребляются лишь в некоторых из них (например, в киргизском, казахском, татарском). В карачаево-балкарском же языке *тюлюкъ, буртукъ* отдельно не употребляются.

Материалы и методы. Материалом исследования послужила толковые словари тюркских языков, а также фактологический материал, извлеченный из художественной литературы, карачаево-балкарских авторов. Использовался метод семантического и грамматического анализа образования сложных слов.

Обсуждение. В тюркских языках парное сращение возникают в эпоху межплеменных контактов, когда создается необходимость использовать разноплеменную, а иногда разноязычную лексику, с целью сделать высказывание понятным для носителей разных родственных языков [1]. Таким образом, как совершенно правильно заключает Ф.А. Ганиев, «... сложение двух разных слов с одинаковым значением, относящихся к разным диалектам (племенам) или языкам (народам), осуществлялось сделать эти слова понятными для представителей данных племен и народов» [2].

Второй причиной является выражение множественности и собирательности обозначаемых предметов. Например, татар. *туган-тумача* «родственники» (*туган* «родной» + *тумача* « дальний родственник»), киргиз. *тууган-түүшкан* с этим же значением. Как видно, для этой цели использованы синонимичные слова. Используются и антонимичные слова: киргиз. *ачекей-жумакей* (название детской игры) (*ачакей* «раздвоенный» + *жумакей* «соединенный»).

Третья причина – выражение экспрессивно-эмоциональных значений, например: карач.-балк. *кюнтийmez* (ирон.) «кисейная барышня», *ашберmez* (пренебр.) «скряга». киргиз. *жатып ичер* (разг.) «дармоед» и др.

Четвертая причина – образование собирательного, более обобщенного и абстрактного понятия, например: карач.-балк. *ашау-ичшу*, татар. *ашау эчя «пир»* (*ашау* «еда» + *ичшу* ~ *эчя* «питье»), киргиз. *алдым-жуттум* «хапуга» (*алдым* «я взял» + *жуттум* «я проглотил») и др.

Поскольку в большинстве исследований, как уже отмечалось, парные слова не отграничиваются от повторов, следует попытаться это сделать.

С нашей точки зрения, эти языковые единицы имеют ряд отличительных особенностей, а именно:

- 1) парные существительные исследуемого типа образуются путем сложения двух

производящих основ, что дает слово с собирательным и обобщенным значением, а повторы образуются при редупликации, ср.: *альши-бериши* «спекуляция» и *соруу-орруу* «разрешение» и др.;

2) компоненты парных существительных являются самостоятельными лексическими единицами или их формами, а в компонентах повторов самостоятельность имеет только первый, второй же не употребляется как отдельное слово, ср.: *сатыу-алыу* «торговля» и *къалгъан-булгъан* «отходы, остатки, объедки, отбросы» и др.;

3) парные существительные часто образуются из слов, значения которых находятся в одном понятийном поле и могут находиться между собой в синонимических, антонимических и ассоциативных отношениях, компоненты повторов таких связей между собой не имеют, так как они являются формами одного и того же слова; ср. *келиши-кетшии* «взаимное гостеприимство» (антонимы), *жилияу-сарнау* «оплакивание умершего» (синонимы) и *соргъан-оргъан* «разрешение» и др.;

4) парные существительные не имеют морфологических признаков, т.е. фонемный состав их не изменяется, а в неполных повторах этот состав сплошь и рядом изменяется, ср.: *ашау-жашау* «житие-бытие» и *арткан-ярткын* «остатки, последки» и др.;

5) парные существительные – давно сложившиеся классы слов, по всем признакам представляющие собой самостоятельные словарные единицы, а повторы в большинстве случаев выполняют эмоционально-экспрессивные и стилистические функции.

Сравниваемые языковые единицы отличаются друг от друга и по сфере употребления. Так, парные существительные употребляются во всех сферах национального языка, а повторы в большинстве случаев окказиональны.

Парные существительные в тюркских языках образованы путем лексикализации форм причастий прошедшего времени, взаимно-совместного залога деепричастий: карач.-балк. *алгъан-берген* «взаимообмен» (*алгъан* «взявшись» + *берген* «давший»), *альши-бериши-* – с тем же значением (*альши* – «брать что-л. вместе с кем.-л.» + *бериши* – «давать что-л. вместе с кем.-л.»), *алыу-беришу* – с тем же значением (*алыу* «взятие» + *беришу* «отдавание»). Их в каждом из этих языков незначительное количество. В отличие от собственно сложных существительных, компоненты которых связаны между собой подчинительной связью, у парных слов, отношения между компонентами представлены синтаксически равноправными, ср., например: *карач.-балк. келген-кетген* «посетители» (*келген* «приходивший» + *кетген* «уходивший»).

Исследователи тюркских языков отмечают, что в основе образования парных слов, кроме лексико-грамматических признаков, лежит еще и семантическая закономерность, состоящая в том, что в парные слова могут объединяться не любые слова, а только такие, которые связаны между собой определенными синтаксическими отношениями [3].

По мнению некоторых исследователей, в парных словах соединяются однородные или одни и те же понятия [4]. С нашей точки зрения, во-первых, это относится главным образом к парным словам, компоненты которых являются словарными (лексическими) формами, ср.: *карач.-балк. кюч-карьыцу* «сила, мощь, энергия» (*кюч* «сила» + *къарьыцу* «мощь, энергия»), *мюлк-ырысхы* «имущество, достояние, собственность; богатство» (*мюлк* «имущество» + *ырысхы* «достояние») и др. Во-вторых, компоненты парных слов имеют не одно и то же или близкие значения, могут иметь и противоположные значения, например: *къул-бий* «господа и рабы» (*къул* «раб» + *бий* «господин»), *дос-душман* «друзья и враги» (*дос* «друг» + *душман* «враг») и др.

В парных же существительных, компоненты которых являются грамматическими формами отношения между последними, как правило, антонимичны и отчасти ассоциативны. Первые имеют следующие модели:

1) «причастие + причастие (прошедшего времени)»: *кирген-чыкъыгъан* «посетители» (букв. *кирген* «заходивший» + *чыкъыгъан* «уходивший»), *баргъан-келген* «взаимопосещение» (букв. *баргъан* «сходивший, съездивший» + *келген* «приходивший, приехавший»), *алгъан-берген* «взаимообмен» (*алгъан* «взявшись» + *берген* «отдавший») и др.: (Аминат Маруугъа:) Ай юйонг бла, иш башлангынчы окъуна алгъан-берген боллукъ тюйолду деп келишген ушай эдик да! – «(Аминат Маару:) Слушай, мы же еще до начала этого дела вроде договорились, что никакого **взаимообмена** (подарками) не будет!» (Х. Кациев. Тамада); *Кирген-чыкъыгъан* сёз этер деп, Айшат эри тюнене кече келтирген кийик мыллык болгъан отоуну эшигине кирит салды – «Чтобы **посетители** не судачили, Айшат замкнула комнату, в которой лежала туша серны, которую принес ее

супруг вчера ночью (Ж. Токумаев. Пожар); *Жуукъланы араларына сууукълукъ кирди, бир берге баргъан-келген да тохтады – «Взаимоотношения между родственниками ухудшились, взаимопосещение их прекратилось»* (Ж. Залиханов. Горные орлы);

2) «имя действия + имя действия»: сатыу-алыу «торговля» (сатыу «продажа» + алтыу «покупка»), тигиу-бичиу «кройка и шитье» (тигиу «шитье» + бичиу «кройка»), барыу-келиу «взаимопосещение» (барыу «отправление» + келиу «приход, приезд»): *Эни бизде тигиу-бичиу бла кюрешген тиширу да хазна жокъду – «Теперь у нас мало кто занимается кройкой и шитьем»* (И. Бабаев. Безграницная земля); *Сатыу-алыу бла бусагъатда бек кёп адам кюрешеди – «В настоящее время очень много людей, занимающихся торговлей»* (газ. «Заман»); *Арт жыллада къарындашланы араларында бир берге барыу-келиу биле-бile сел болгъанды – «В последние годы взаимное посещение между братьями стало значительно редким»* (Ж. Токумаев. Сталь не сгибается);

3) «взаимно-совместный залог + взаимно-совместный залог»: карач.-балк. киргиз., башкир., татар. атыш-тутуш «взаимное сражение» (атыш «взаимная стрельба» + тутуш «взаимная схватка»), киргиз. келиш-кетиши «взаимное гостеприимство» (келиш «приход» + кетиши «уход») и др.: *Адамла бла эмегенлени арасында атыш-тутуш башланды – «Между людьми и великанами началось сражение»* (карач.-балк. фольклор); *Келиши-кетиши туугандыктын белгиси – «Взаимное гостеприимство – признак родственности»* (киргиз. поговорка).

Ассоциативные парные существительные, компоненты которых являются лексическими единицами, в тюркских языках представлены довольно широко. Что касается ассоциативных парных существительных с компонентами – грамматическими формами слов, то их в этих языках немного: киргиз., карач.-балк., башкир., татар. талаш-тартыш «споры и пререкания» (букв. талаш- «спорить, пререкаться, тягаться, претендовать» + тартыш- «тягаться»); киргиз. журуш-туруш «поведение» (букв. жяряш- «совместноходить» + туруш- «совместно находиться где-л.»); карач.-балк. ашау-жашау «житье-бытье» (ашау «поедание» + жашау «житье, существование»), жиляу-сарнау «плач по умершему, оплакивание умершего» (букв. жиляу «оплакивание» + сарнау «причитание, рыданье») и др.: *Тойгъа келебиз деп, жиляу-сарнау болгъан жерге келип къалдыкъ – Мы хотели попасть на той (свадьбу), а пришли на оплакивание умершего* (Б. Гуртуев. Новый талисман); *Халкъыны ашауу-жашаауу Къайсынны чыгъармаларында аламат суратланғандыла – В произведениях Кайсына замечательно показана жизнь его народа* (А. Теппеев. Мост Сыйрат); *Ата-энелердин жыйналышында Касымалынын жяряш-туршун класстын жетекчиси аябай мактады – На родительском собрании классный руководитель очень похвалил поведение Касымалы* (К. Жапаров. Степи); *Талаш-тартыш маселелерди тынчтык сялцишялэрдян жолу менен чечиягү умтулуу цсяп жатат – Раствет стремление решать вопросы, связанные со спорами, мирным путем* (киргиз. фольклор).

Как видно из приведенных примеров, в отличие от антонимичных сложных существительных, ассоциативные сложные существительные не образуются сочетанием причастий.

Что касается синонимичных сложных существительных, то они сочетанием причастий, имен действия и форм взаимного залога в данных языках обычно не образуются. Следует отметить, что парные существительные, компоненты которых не связаны между собой ни синонимичными, ни антонимичными отношениями, многими исследователями зачастую включаются в группу синонимичных сложных существительных. С этим вряд ли можно согласиться. Слова, объединяющиеся в ассоциативные пары, во многом сходны с синонимичными словами: компоненты и тех, и других принадлежат к одной части речи, оба типа слов выражают значение субъектности и обобщенности. Однако если компоненты синонимических парных существительных имеют одинаковые или близкие значения, то у ассоциативных парных существительных значения разные. Семантические компоненты последних соотносятся друг с другом как видовые понятия, объединяемые в более родовые понятия. Такие существительные выражают категорию совокупной, неделимой множественности, обобщающей конкретные понятия в одно целое. Например: *ашау-ичиу «пир» (ашау «поедание» + ичиу «питье»)*. С другой стороны общее лексическое значение ассоциативного парного существительного выходит за пределы значений компонентов. Так, *барыщ-келиши*- означает не только «ходить туда» и «заходить куда-нибудь», но и общую связь во многих делах.

Результаты и выводы. Вышеизложенное показывает, что у абсолютного большинства

парных существительных, образованных путем лексикализации грамматических форм (т.е. причастий, имен действия и взаимно-совместного залога), компоненты между собой находятся в антонимических отношениях и лишь у отдельных из них они объединяются ассоциативными корреляциями.

Судя по приведенным здесь примерам, парные существительные строятся на основе аллитерации, рифмы и на созвучии согласных. Исходя из этого, они имеют следующие фонетические особенности:

1. парные существительные, построенные на основе аллитерации, характеризуются тождеством начальных согласных звуков обоих компонентов: *келиш-кетиши* «взаимное гостеприимство», *талаш-тартыши* «споры и пререкания» и др.;
2. парные существительные, созданные на основе рифмы, характеризуются наличием созвучия в конце сочетающихся компонентов: *барыш-кереш* «взаимосвязь, взаимопосещение», *ашау-ичиу* «пир» и др.;
3. в исходе обоих компонентов парных существительных повторяются одинаковые согласные, обычно *у* и *иши*: *ашау-жашау* «житье-бытье», *жяряш-туруши* «поведение» и др.

Примечания:

1. Ганиев Ф.А. Словообразование // Татарская грамматика. Казань, 1995. С. 298.

2. Ганиев Ф.А. Словообразование // Татарская грамматика. Казань, 1995. С. 307.

3. Кайдаров А.Т. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958. С. 78; Аганин Р.А. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком литературном языке. М., 1959. С. 72; Абдуразманов Н. Парные слова в тюркских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1975. С. 37; Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972. С. 182-183; Жабелова Л.Ж. Сложные имена существительные в современно карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1986. С. 70.

4. Севортиян Э.В. Словообразование в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. 2. М., 1956. С. 322.

UDC 811.512.1'367.625.1

Coordinative Compound Nouns in the Karachay-Balkar Language

Ahmat M. Miziev

Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation
360004 Nalchik Chernyshevskogo St. 173
Candidate of Philological Science, Assistant Professor
E-mail: amb_76@mail.ru

Abstract. The article examines the issue of the structural and semantic organisation of pair nouns in the Karachay-Balkar language. It identifies their main types, attempts to separate the pair nouns from reduplicated words, identifies a system of semantic relationships between the components of a compound noun and identifies the grammatical and phonetic characteristics of pair nouns in the Karachay-Balkar language.

Keywords: pair nouns; compound; originating base; collective nouns; generalised meaning; lexicalization; synonymous relations; antonymous relations; associative pairs.

Эссеизация дискурса как коммуникативный процесс

Георгий Николаевич Немец

Кубанский государственный университет, Российская Федерация

350000, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Кандидат филологических наук, доцент

E-mail: nemets@kubannet.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена эссеизации дискурса, изучению факторов, влияющих на коммуникативные процессы в эссеизированных дискурсах. Рассматривается специфика влияния факторов эссеизации на систему текста/дискурса через взаимосвязь субъекта и объекта с такими феноменами рецептивной эстетики как субъективация повествования, (само)рефлексия и подтекст. В качестве основной особенности эссеизированного дискурса названо взаимодействие двух актантов (субъекта и объекта), определяющее специфику остальных компонентов эссеизированного дискурса.

Ключевые слова: эссе; эссеизация; эссеизированный текст; эссеизированный дискурс.

Введение. В современных филологических исследованиях методологические подходы к изучению текста/дискурса претерпевают изменения. С одной стороны, это связано со структурно-модификационными особенностями самих жанров («размывание» жанров, появление «стилистических гибридов»), с другой – со спецификой самой коммуникации (интерактивность, автореферентность, трансперсональность и т.п.). В связи с этим исследователей стали интересовать не «твердые риторические структуры» как «коммуникативные эффекты», а континуумы, иллюстрирующие специфику сложных явлений. Эссеизация дискурса – достаточно востребованная тема современной науки, связанная с такими направлениями, как теория языка, теория литературы и журналистики, но ее рассмотрение в коммуникативном аспекте требует дальнейшей теоретико-методологической разработки.

Материалы и методы. Материалом для статьи послужили исследования в области теории текста, теории дискурса, журналистики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Использованы следующие методы: анализ, дедукция, описательный, сравнительно-сопоставительный, структурно-функциональный, факторный анализ.

Обсуждение. Одним из основных признаков современной публицистики является, прежде всего, актуализация точки зрения автора как «персонифицированного субъекта высказывания». Проявлением такой персонификации выступает эссеизация, которая становится «одной из самых перспективных и продуктивных коммуникативных стратегий функционирования публицистического текста, как особой нелинейной, ассоциативной стратегии публицистического письма, открывающей широкие возможности для самовыражения автора». Именно нелинейность письма указывает на нелинейность воспроизведенного дискурса. Эссеизм как явление лингвистики и риторики «проникает в другие публицистические жанры, существенно обогащая их жанровую палитру», что в свою очередь свидетельствует о тенденции «к сближению художественной литературы и публицистики». Он определяется как особый, основанный на саморефлексии принцип *познания мира*, и раскрытие темы, кристаллизация идеи и постановка проблемы происходят в процессе анализа действительности публицистом.

Рассуждая о природе авторской индивидуальности, следует помнить, что она при взаимодействии с субъективным опытом читателя «высекает публицистическую искру, порождая ситуацию внутреннего диалога, когда главным для читателя становится возможность, приняв или отстранившись от авторской точки зрения, выработать свое отношение к факту, теме, проблеме. Отраженная реальность публицистического текста усиливается тем, что и сам по себе человеческий опыт – отражение реальности» [1]. Сама ситуация внутреннего диалога, «внутреннего интонирования» (М.М. Бахтин) подталкивает

публициста к определенному отношению к фактографии и образности, а также к принятию разнообразных читательских точек зрения как множества аксиологических и онтологических альтернатив. Следовательно, эссеизация как речетворческий процесс и дискурсивная стратегия выражает не только **«субъектно-субъектный»** (процессы индивидуального речевого творчества, замысел текста, идеино-композиционное содержание текста/дискурса, его цельность и связность), но и **«субъектно-объектный»** (процессы языковой и речевой рецепции, понимание и интерпретация текста/дискурса, его логичность и информативность) аспекты публицистического текста.

Типологические особенности повествователей в эссеизированном тексте/дискурсе. Типология авторов в эссеизированном тексте/дискурсе строится в соответствии с бинарными оппозициями (**«внешнее/внутреннее»**, **«включение/исключение»**, **«скриптор/ауктор»**) и включает такие категории, как: Автор-1 («биографический автор»), Автор-2 («повествователь»), Автор-3 («наблюдатель событий»), Автор-4 («комментатор событий») и Автор-5 («герой, участник происходящего»). Процессы рецепции в эссеистическом тексте/дискурсе могут быть представлены соответствующей типологией читателей: Читатель-1 (адресат, принадлежащий тексту, один из героев), Читатель-2 (адресат, с которым полемизирует автор, скрыто присутствующий в тексте), Читатель-3 (читатель-современник автора), Читатель-4 (автор как адресат) и Читатель-5 (адресат как результат смены повествовательных планов; стилистический эффект). В этом случае для теории и истории литературы будут использоваться конструкты 1, 3 и 4, а для комплексного лингвистического анализа – 2 и 5. Безусловно, каждая филологическая теория будет содержать элементы смежных и заключать в себе определенную методологическую новизну как на общефилософском, так и на предметно-практическом уровнях.

В задачу современного публициста входит трансформация личностно значимых событий и фактов в личностно значимые для читательской аудитории, что не может не сказаться на характере развертывания эссеизированного дискурса, его **«целостности, связанности и аналитичности»**.

Публицистический текст, существуя в контексте идеи постструктурализма о «смерти автора», обретает со-авторов, что делает его не просто переосмысленным, но «субъективно осмысленным многочисленной аудиторией» [2]. Благодаря этому он становится коммуникативно ориентированной динамической структурой, опирающейся на такие понятия, как **«автор/повествователь»**, **«адресат/читатель»**, **«произведение/текст»**, **«действительность/затекст/референтная область»**.

При этом, помимо «публицистической заостренности», в данном случае возникает проблема со-творчества и со-переживания в самом эссеизированном дискурсе, где сталкиваются индивидуальный опыт автора и стратегии понимания интерпретатора. В результате такого творческого взаимодействия «происходит своеобразное слияние двух начал – авторского и читательского – в рамках новой, постиндустриальной личности, погруженной в общую для всех членов социума информационную среду» [3]. Эта среда приобретает свойства дискурса по отношению к самой публицистической личности Автора/Читателя. Более того, в ситуации, когда публицист «рисует образ» и «передает свое отношение к нему» [4], появляются «новые ментальные пространства в целях актуализации темпоральных и пространственных измерений в переживаемых событиях», которые «усиливают сосредоточенность внимания рассказчика на своем «Я»» [5]. При таком понимании субъективации повествования на первый план выходят не диалог и обратная связь как таковые, а подтекст как дискурсивная сущность текста. В этом плане эссе и эссеизированные тексты, богатые субъективированным подтекстом, направлены на активизацию рецептивных возможностей читателя.

Процесс трансляции образов в эссе и эссеизированных текстах сопровождается определенной энтропией, которая «может быть обусловлена как интеллектуально-когнитивными качествами адресата-интерпретатора», так и «качествами интерпретируемого речевого произведения» [6].

Эссеизированный текст vs. Эссеизированный дискурс. Текст зависит от интерпретатора в том смысле, что «дает возможность вывода читательских смыслов, в том числе и тех, которые не были предусмотрены автором, в пределах, накладываемых целостностью текста и его социально-историческим контекстом» [7]. Как известно, текст –

это материальная данность, результативная составляющая коммуникации, а дискурс – идеальная категория, своего рода пространство для экспликации событийных смыслов. Особенностью любого дискурса как деятельности является обобщение представлений «о предметах, людях, событиях, действиях, т.е. о некотором фрагменте мира, который именуется ситуацией» и носит характер модели [8]. Спецификой эссеизированного дискурса является то, что сама деятельность направлена на воспроизведение ситуаций, содержащих **аналитическое целое**, т.е. комплекс образов-ассоциатов, описывающих определенные картины мира. Субъективное становится субъектным и опредмеченным, а последнее объективированным и доказательным.

Дискурс как семиотическая система включает восемь объективно существующих компонентов (Время, Пространство, Субъект, Действие, Мотивы, Обстоятельства, Мысли и Наблюдатель) [9]. Среди них время и пространство имеют приоритетное значение, поскольку образуют некий хронотоп, онтологическую сферу и поле методологических операций субъекта. Что касается эссеизированного дискурса, то его коммуникативная составляющая пронизана аксиологической сущностью: интерпретатор стремится увидеть каждое событие с аксиологических позиций (аксиология публицистического творчества, аксиология поступка героя, аксиологическая концепция автора-эссеиста, аксиология эссеизированного дискурса и т.п.). Симптоматична в этом отношении точка зрения Умберто Эко, который полагает, что «литературный текст может, в теории, не иметь сюжета, но в нем обязательно должна присутствовать фабула и нарративная структура» [10]. Иными словами, если минимальными **компонентами** текста являются структура и фабула, а дискурса – **структура** и событие (причем последнее может не иметь сюжетной основы, а отсылать лишь к факту), то для эссеизированного текста характерны такие базовые элементы, как **субъективированная повествовательная перспектива** и **эссеистический сюжет-переживание**, а для эссеизированного дискурса – **тема-реторическая структура** и его **событийный референт /автореферент**. Эссеизированный текст отражает **аналитичность** и **субъективированность коммуникации**, а эссеизированный дискурс отсылает интерпретатора к **эссеизированным концептам и идеологемам автора**, референтами которых выступают события и факты, представленные в авторской образной системе.

В целом, процессы эссеизации направлены не только на жанровую/внежанровую стилизацию, но и на **дискурсообразование**. При этом в отличительной чертой эссеизированного текста/дискурса является «Позиция Наблюдателя» или «Рамка Наблюдателя», способная выполнять «роль навигатора по тексту, актуализатора смыслов» [11]. Наличие данной прагматической структуры делает любой текст эссеизированным, т.е. богатым системными размышлениями (**аналитичность**) и ассоциативными конструкциями (**ассоциативность**).

Заключение. Эссеизация – феномен в области социально-гуманитарных наук (философия, социология, филология, педагогика), требующий пристального исследовательского внимания. Трактовка эссе лишь в качестве литературного жанра не соответствует современным представлениям о коммуникативных процессах и все больше приобретает свойство творческого (литературного, лингвокреативного) метода, проникающего в различные художественные (рассказ, повесть, роман и т.п.) и нехудожественные (публицистические, маркетинговые) тексты. При этом подвергаются изменению не только жанровые структуры самих текстов, но и происходит сближение таких понятий, как «жанр» и «тип текста».

Различия в понимании эссеизированного текста и эссеизированного дискурса продиктованы спецификой их родовых понятий. Текст противопоставлен дискурсу по признакам «статика/динамика», «процесс/результат», «материалное/идеальное». **Эссеизированный текст** выступает в качестве результата коммуникативного процесса, носящего аналитический и ассоциативный характер. **Эссеизированный дискурс** же является идеологическим отражением данной коммуникации, своеобразным аккумулятором ассоциативных смыслов. Данное деление считаем условным, поскольку эссеизированный текст может выступать как самостоятельно (в проектном и имманентном подходах), так и в качестве элемента соответствующего дискурса (в рамках феноменологического и структуралистского/постструктуралистского подходов).

Примечания:

1. Перевозов Д.Н. Эсссеизация текстов как выражение персонального журнализа в современной российской публицистике. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01. 10. Воронеж, 2007. 205 с. С. 5-6, 17, 75, 85, 96-97, 105.
2. Тулупова К.В. Современные тенденции функционирования публицистического текста: дискурсивный аспект. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01. 10. Воронеж, 2008. 194 с., С. 32.
3. Горохов М.Ю. Автор публицистического текста как субъект высказывания. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01. 10. Воронеж, 2006. 205 с., С.44, 68.
4. Соколова Г.В. Взаимодействие прямой и косвенной оценочности // Кросскультурное пространство литературной и массовой коммуникации: генезис и развитие: Материалы Международной научной конференции (Майкоп, 27-29 сентября 2012 г.). Майкоп, 2012. С. 173-175, С. 174.
5. Александрова М.И. Подтекст в повествовании от первого лица: когнитивно-прагматический аспект. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону, 2013. С. 5.
6. Гусаренко С.В. Системное взаимодействие и энтропия когнитивно-семантических структур дискурса. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.19. Ставрополь, 2009. 51 с.
7. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. 248 с., С. 33-34.
8. Хартавакян В.Г. Разноуровневые латинские вхождения в современном английском языке: функционально-стилистический и когнитивный аспекты. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Ростов-на-Дону, 2012. 222с., С. 126.
9. Давыдова Е.А. Категория «событие»: онтологический и лингвистический аспекты: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. Челябинск, 2012. 24 с., С. 5.
10. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб.: «Симпозиум», 2007. 285 с., С. 66.
11. Немец Г.Н. Бытие субъекта в эссеистике Л.Я. Гинзбург // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 1. С. 173-177, С. 176.

UDC 81

Essayisation of Discourse as a Communicative Process

George N. Nemets

Kuban State University, Russian Federation
350000, Krasnodar, Stavropolskaya St., 149
PhD, Associate Professor, MA
E-mail: nemets@kubannet.ru

Abstract. The article is devoted to researching the phenomenon of the essayisation of discourse and studying the factors that affect the communicative processes within “essayised” discourses. It examines the specifics of the influence of essayisation factors on the system of text and discourse through the relationship between subject and object with the phenomena of receptive aesthetics such as the subjectivation of the narrative, (self) reflection and subtext. The main characteristic of an “essayised” discourse is stated to be the correlation of two actants (subject and object) that determine the specifics of the rest of the components of an “essayised” discourse.

Keywords: essay; essayisation; “essayised” text; “essayised” discourse.

**Термин в системе его когнитивно-прагматических свойств:
информационно-семиотический аспект**

Светлана Сергеевна Огоноченко

Кубанский государственный университет, Российская Федерация

Аспирант

E-mail: ogonochenko.veta@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале современной русской терминологии рассматривается специфика ее когнитивно-прагматических и семиотико-функциональных свойств; анализируются базовые функции и характеристики термина, особенности формирования и развития понятийно-категориального аппарата языка науки.

Ключевые слова: термин; когнитивно-понятийный идентификатор; прагматическое свойство; когнитивно-информационный потенциал; функция; когнитивная динамика; язык науки.

Введение. В русистике терминоведение рассматривается как особая дисциплина, представляющая собой понятийно-языковое объединение лингвистики, логики и предметного знания, однако до настоящего времени вопрос о статусе терминологии в структуре современного русского языка является достаточно спорным и до конца не решенным.

Обычно в лингвистике семантика общеупотребительного слова, не-термина, представляет собой сочетание денотативного (предметно-понятийного) и коннотативного компонентов – стилистического, эмоционально-оценочного, экспрессивного. В противовес этому семиотическими особенностями термина обычно считаются такие его свойства, как стилистическая нейтральность, отсутствие эмотивного оттенка и экспрессии, отсутствие соотнесенности со сферой быта.

Материалы и методы. Материалом исследования послужил терминологический лингвистический континуум, репрезентирующий специфику термина как особого информативно-понятийного идентификатора. Использовались следующие методы исследования: описательный, понятийной категоризации, сравнения, наблюдения, систематики, дефиниционного анализа, когнитивный и др.

Обсуждение. В настоящее время все больше исследователей приходят к выводу о том, что терминам может быть присущее такое прагматическое свойство, как эмоциональная оценочность. Так, некоторые ученые, исследуя прагматические свойства лингвистического термина (его оценочные и эмоционально-экспрессивные компоненты), объясняют возможность описания прагматики терминов двумя обстоятельствами: 1) признанием прагматической насыщенности отдельного (внеконтекстного, изолированного) слова; 2) привлечением в современное терминоведение аспекта «термин – личность» (Ю.Е. Ларина). Так, при изучении терминов предметной области (ПО) «Загрязнение окружающей среды» исследователи приходят к наблюдениям о том, что в их структуре актуальны эмоциональные оценки: «эмоциональное одобрение как хорошее, желательное в текстах против загрязнения и эмоциональное порицание как плохое, нежелательное в текстах о загрязнении» (З.И. Ломинина).

Анализ терминологического пространства ПО «Живопись» показывает, что следует выделять два уровня когниотипа: пропозициональный и модально-оценочный: пропозициональный уровень представляет имена объектов и их связи, а модально-оценочный уровень отражает оценку этих объектов (П.В. Лихолетова).

Информационно-семиотическая природа термина всегда привлекала внимание терминологов (см. подробнее: [1–3]). В ходе анализа массива терминов лингвистики установлена объективность параметральности термина как наиболее информативной единицы языка на уровне слова и словосочетания, как носителя и хранителя фрагмента / кванта информации, как средства репрезентации специализированной информации (Л.Ю. Буянова) и особой когнитивно-информационной структуры (М.Н. Володина).

В ходе исследования значительного массива эмпирического материала выявлено, что термины, будучи специализированными знаками языка науки, выполняют ряд особых функций в научном тексте, который выступает специфическим пространством их функционирования. Важнейшими функциями термина являются метаязыковая, систематизирующая, кодирующая (квант научного знания), функция кодификации, коммуникативно-репрезентативная,

концептуально-моделирующая. Если для знаков общей лексики характерна равномерная связь с понятием и именуемым предметом, то у единиц специальной лексики синхронность предметно-понятийной корреляции нарушается. В результате этого появляется возможность по-иному называть денотат, возникают ограничения при переводе на другие языки и повышенная способность к заимствованию.

Полисемия, омонимия, синонимия, антонимия в области специальной лексики имеют свои особенности и ограничения. Традиционно однозначность выступает для терминов важнейшим условием их адекватного функционирования, когда соблюдается условие – одно слово соотносится только с одним смыслом. На практике, по мнению исследователей, дело обстоит иначе, термин не может избавиться от материальной языковой формы, где все семантические отношения неизбежно присутствуют; тем не менее, терминологи производят отбор синонимов, спецификацию омонимов, разделение полисемии для достижения тех требований, которые предъявляются к терминам (А.В. Суперанская). Научные понятия, которые репрезентируются терминами, обладают когнитивной динамикой, их понятийно-семантические границы изменчивы, категориально-денотативная точность временна. Таким образом, термин, однозначный сегодня, может стать многозначным завтра – в результате деривации новых понятий в процессе развития определенной научной области знания, наполняясь при этом новым содержанием. Именно таким образом происходит формирование и дальнейшее развитие понятийно-категориального аппарата науки как гносеологической сферы.

Итак, современная концепция термина, в становление и развитие которой огромный вклад внес В.М. Лейчик, в целом определяет термин как языковую единицу, характеризующуюся функциональной и прагматической спецификой, но конкретные лингвистические параметры термина в работах различных терминологических школ и отдельных ученых характеризуются значительным многообразием и разнообразием интерпретаций. Так, лексема «термин» в различных монографических и лексикографических изданиях определяется через следующие вербальные идентификаторы: 1) слово; 2) специальное слово; 3) словесный комплексный мотивированный знак; 4) языковой знак; 5) специальное понятие; 6) словесный комплекс; 7) специальный объект; 8) функция; 9) лексическая единица; 10) лексикализованное сочетание; 11) единство знака и понятия; 12) член терминологической системы; 13) сокращение; 14) кодовая единица; 15) единица логоса; 16) когнитивная репрезентанта; 17) компонент языка для специальных целей и др. (см. подробнее: [4]).

Учитывая глобальность самой сферы бытования и функционирования термина – науку, научное знание, – а также современный статус науки и ее колоссальное значение в развитии социума, представляется необходимым рассмотреть термин и как лингвоментальный знак Культуры, как специфическое языковое средство репрезентации культурного знания, так как важнейшей составной частью культурного знания славянской языковой общности выступает знание научное [5].

Параметризация понятийной основы лингвистической терминологии в целом подтверждает наблюдения ученых о том, что систематизация понятий, как и систематизация терминов, начинается с выделения категорий понятий, то есть наиболее широких когнитивно-понятийных единиц (см., напр.: [6, 7]).

В процессе анализа когнитивно-прагматической специфики термина как особого когнитивно-информационного знака рассмотрена специфика лексикографической представленности термина в специальных словарях и его определения в научном дискурсе. Выявлено, что в целом термин в системе своих когнитивно-прагматических и информативно-семиотических свойств характеризуется дефиниционной множественностью (см. подробнее: [8]). Например, термин определяют как слово или словесный комплекс, соотносящиеся с понятием определенной области познания (науки, техники), вступающие в системные отношения с другими словами и словесными комплексами и образующие вместе с ними в каждом отдельном случае и определенное время замкнутую систему, отличающуюся высокой информативностью, однозначностью, точностью и экспрессивной нейтральностью (И.С. Квитко); как слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниции (Т.Л. Канделаки); утверждается, что если верbalная форма закреплена за концептом в научном узусе, то перед нами термин, значение которого и есть научное понятие (С.Е. Никитина) и т.д.

Перспективы исследования: анализ специфики термина как когнитивно-понятийного идентификатора; исследование и презентация теории термина как когнитивно-

прагматического феномена; рассмотрение термина как информативно-семиотической основы языка науки; выявление и описание понятийно-категориальной системы русской лингвистической терминологии как аспекта языка науки. Целесообразен анализ особенностей терминологии в авторских концептуальных системах, в частности, на материале работ [9–12].

Результаты и выводы. В метаязыке лингвистики выявлены значительные расхождения в определении термина и его сущностных свойств, что требует дальнейших усилий терминологов по установлению его универсальных качеств и признаков; представлены основные функции термина, а сам термин охарактеризован как когнитивно-прагматический знак, как вербальный инструмент презентации кванта научного знания.

Таким образом, характеристизация и описание термина в системе его сущностных свойств и признаков позволяет более точно и адекватно представить теоретико-методологические основы и принципы исследования в парадигме когнитивного терминоведения и функциональной дериватологии многоплановой проблемы термина как сложного информативно-прагматического знака. Все это требует дальнейшего изучения и описания системы лингвистических терминов в рамках когнитивно-прагматического и семиотико-деривационного направления современного терминоведения.

Примечания:

1. Буянова Л.Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность: Монография. Ставрополь: СГУ, 2010. 283 с.
2. Буянова Л.Ю. Термин как единица логоса: Монография. М.: Наука; Флинта, 2012. 224 с.
3. Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина: На материале терминов средств массовой информации. М., 2000. 127 с.
4. Буянова Л.Ю. Термин как лингвоментальный знак культуры // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP: Сборник научных трудов. М., 2009. С. 68–71.
5. Буянова Л.Ю. Термин как лингвоментальный знак культуры // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP: Сборник научных трудов. М., 2009. С. 68–71.
6. Буянова Л.Ю. Когнитивно-категориальная стратификация как механизм эволюции терминосистемы // Известия Сочинского государственного университета. 2013. №1 (23). С. 168–171.
7. Буянова Л.Ю. Термин как единица логоса: Монография. М.: Наука; Флинта, 2012. 224 с.
8. Буянова Л.Ю., Устинова Н.Н. Функциональность лингвистической терминологии: коммуникативно-дидактический аспект // Лингвистическое образование: профессия, миссия, карьера: Мат-лы Всероссийской науч.-практ. конфер. (25–27 сентября 2003 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. С. 14–19.
9. Дружинина В.В., Ворожбитова А.А. Лингвориторические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А.Ф. Лосев): Монография. Сочи: РИО СГУТИКД, 2005. 152 с.
10. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // European researcher. 2010. № 2. С. 183–190.
11. Vorozhbitova A.A. Program of professional linguistic personality study in linguo-rhetorical paradigm: scientist-philologist and classic writer // European researcher. 2011. № 4. С. 398–401.
12. Vorozhbitova A.A. Discourse-paradigmatics and Discourse-syntagmatics Categories in Linguo-rhetoric Paradigm // European researcher. 2011. № 11 (14). P. 1532–1537.

UDC 80/81

The Term within a System of Its Cognitive and Pragmatic Properties: an Informative and Semiotic Aspect

Svetlana S. Ogonchenko

Kuban State University, Russian Federation

PhD student

E-mail: ogonochenko@yandex.ru

Abstract. The article uses modern Russian terminology to examine the specifics of its cognitive/pragmatic and semiotic/functional properties; analyses the basic functions and characteristics of the term as well as the particularities of forming and developing conceptual and categorical apparatuses within the language of science.

Keywords: term; cognitive and conceptual identifier; pragmatic property; cognitive and informative potential; function, cognitive dynamics; the language of science.

Факторы культуры в контексте переводного периодического издания

Зоя Евгеньевна Пинчук

Кубанский государственный университет, Российская Федерация
350000, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Соискатель
E-mail: Kud-zoya@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли культуры в контексте переводного периодического издания, изучению факторов, влияющих на оригинальные и вторичные тексты в дискурсе изданий данной категории. Рассматривается специфика влияния факторов культуры на медиатексты через взаимосвязь культуры и текста с такими социальными феноменами как язык, личность, коммуникация. В качестве основной особенности культурного контекста переводного периодического печатного издания названо взаимодействие двух культур (исходной и принимающей), определяющее специфику остальных компонентов медиаконтекста.

Ключевые слова: переводное периодическое издание; культура; медиаконтекст; межкультурная коммуникация; язык; картина мира; коммуникативная личность; языковая личность.

Введение. Современная мировая система средств массовой информации представляет собой единое информационное пространство, в котором огромную роль играют интернациональные издания. Это связано с процессом глобализации, характеризуемым нарастающим «увеличением разнообразных международных культурно-информационных связей» [1]. При подготовке таких изданий, функционирующих в области межкультурной коммуникации и связанных с переводческой деятельностью, особое значение приобретают вопросы влияния культуры на медиатексты. Это востребованная тема в современных исследованиях, но широкое распространение СМИ, рассчитанных на межкультурную коммуникацию, требует ее дальнейшей теоретической разработки.

Материалы и методы. Материалом для статьи послужили исследования в области медиатекста, медиадискурса, межкультурной коммуникации, теории перевода, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Использованы следующие методы: анализ, дедукция, описательный, сравнительно-сопоставительный, структурно-функциональный, факторный анализ.

Обсуждение. Функционирование средства массовой информации тесно переплетено с жизнью общества, которая несет на себе отпечаток культуры. Интегрированность СМИ в различные сферы социальной действительности отражена в концепции медиаконтекста. Роль контекста при переводе подчеркивает В.Н. Комиссаров: «Способность языковых единиц быть коммуникативно равноценными определяется не только тем значением, которым они обладают в системе своего языка, и особенностями употребления в речи, но и лингвистическим и ситуативным контекстом» [2].

В рамках исследования межкультурной коммуникации существенное значение имеет изучение текстов массовой информации как компонента культуры. Культура представляет собой систему символов, убеждений, ценностей, установок, позиций, ожиданий и норм, разделяемых ее представителями [3] и оказывает влияние на кодирование и декодирование верbalных и неверbalных сигналов [4]. В.А. Маслова называет тексты «истинными хранителями культуры» [5]. На обусловленность текстов, в том числе СМИ, культурой указывают Т.Г. Добросклонская, В.В. Богуславская. Культурные особенности ярко проявляются в текстах массовой коммуникации, которые отражают реалии общества. Т.Г. Добросклонская говорит о культуроцентричности как о текстовом воплощении культуры в СМИ. В медиатекстах культурная специфика отражается «в организации информационного пространства, в форматировании медиатекстов, в лингвистических способах оформления смыслов». Исследователь использует понятие контекста для обозначения «совокупности культурозначимой информации, присутствующей в тексте как в открытой эксплицитной форме, так и выраженной имплицитно», указывая на применение

термина «культурологический контекст» («структурированная по уровням совокупность всех содержащихся в тексте культуразначимых сведений») в медиалингвистике [6].

О связи контекста и культуры говорит в своих работах Д. Мацумото: «человечество живет в окружении ряда различных ситуационных контекстов. Одна из функций культуры – придавать значение этим контекстам» [7].

Культура оказывает влияние на элементы контекста в процессе коммуникации. Это влияние обусловлено взаимосвязью основных составляющих общественной жизни: культура и коммуникация, культура и язык, культура и личность.

Культура и коммуникация в контексте переводного СМИ. В работах многих исследователей подчеркнута связь культуры и коммуникации: Ю.М. Лотман: «Органическая связь между культурой и коммуникацией составляет одну из основ современной культурологии» [8]; В.Г. Зинченко: «в системе «культура» коммуникация есть взаимодействие элементов между собой и всей системы со сложившимся способом производства и потребления продуктов культуры» [9]; В.С. Григорьева: «В основе порождения феноменов культуры лежит коммуникативная потребность. Культура является главным детерминантом речевого поведения личности» [10].

Периодическое печатное средство массовой информации функционирует в рамках межкультурной коммуникации, которая определена как «общение людей, представляющих разные культуры» [11]. Связь коммуникации и культуры сообщает межкультурной коммуникации ряд особенностей и придает высокую степень обусловленности контекста переводного издания спецификой культуры.

В.Г. Зинченко выделяет новые свойства, которые приобретает коммуникация при соприкосновении двух культур:

- наличие «культурного посредника» – «интерпретатора, переводчика», который оказывается «потребителем произведения культуры оригинала и создателем произведения в принимающей культуре». В переводном СМИ эту роль берет на себя издательство в принимающей культуре.
- появление «метаартефакта» в результате «адаптации и интерпретации», не тождественного первому артефакту;
- возникновение «метаязыка», в котором могут быть потеснены национальный культурный и языковой миры»;
- увеличение культурной дистанции между производителем в исходной культуре и потребителем в культуре воспринимающей [12].

Переводное издание создается на «стыке» двух различных культур. При межкультурном общении «происходит обмен не только информацией, но и элементами культуры, отражающими национальное коммуникативное поведение народа» [13]. Следовательно, культурно обусловленные элементы медиаконтекста – нормы, ценности, установки, модели поведения и фоновые знания – для создателя оригинала и читателя перевода будут различаться.

Культура и язык в контексте переводного СМИ. Культура оказывает влияние на контекст СМИ также через язык, что во многом определяет особенности вербального медиаконтекста. «Тексты массовой информации сегодня являются одной из самых распространенных форм бытования языка», а также «важнейшим компонентом современной культуры в ее “массовом” проявлении» [14]. Труды многих исследователей пронизаны идеей о взаимосвязи языка и культуры (Ю.М. Лотман, Н.Б. Мечковская, В.А. Маслова).

В результате, культурно обусловленной является языковая картина мира – «система отраженных в языковой семантике образов, интерпретирующих опыт народа, говорящего на данном языке» [15]. Для медиатекстов характерно «наложение языковой и информационной картин мира» [16], в результате становится возможным «создание особого информационно-языкового видения мира» [17]. Т.Г. Добросклонская отмечает, что «информационная картина мира культуроспецифична, так как отражает национально-культурные особенности мировосприятия и систему ценностных отношений» [18].

Переводное издание в своем контексте имеет две картины мира, одна свойственна культуре оригинала, другая – перевода. Языковая картина мира для представителей культуры оригинала и перевода будет различаться, следовательно, пересекающиеся с ней информационные картины мира также будут содержать безэквивалентные элементы.

Культура, через систему языка и языковую картину мира, во многом определяет вербальный контекст медиапроизведения. Т.Г. Добросклонская выделяет несколько уровней культурологического контекста в средствах массовой информации:

1) денотативный – культуразначимые сведения выражены в прямой эксплицитной форме;

2) коннотативный – культуроспецифичная информация содержится в экспрессивно-эмоционально-оценочных коннотациях;

3) ассоциативный – культуроспецифичные компоненты представлены в ассоциативных связях лексических и фразеологических единиц, единиц, обозначающих реалии того или иного языкового коллектива;

4) метафорический – культуроспецифичные сведения отражены в метафорах, сравнениях, образах, присущих тому или иному языковому коллективу (единицы, заимствованные из текстов, ставших неотъемлемой частью национальной культуры) [19].

При межкультурной коммуникации содержательные компоненты этих типов контекста могут отсутствовать в одной из культур, которой свойственны другие культуроспецифичные контекстуальные элементы. Компоненты культурологического контекста при переводе нередко нуждаются в экспликации для носителя иной культуры, не имеющего необходимых для адекватного понимания текста фоновых знаний.

Культура и личность в контексте переводного СМИ. Культура также оказывает влияние на один из важнейших факторов при подготовке средства массовой информации – целевую аудиторию, в случае печатного издания – читательский адрес.

Это влияние связано с тем, что культура участвует в формировании коммуникативной личности («обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [20]). Адресат, как и адресант печатного издания, представляют собой языковую личность – носителя языка и культуры. Создатель и реципиенты переводного издания и издания-оригинала, вовлеченные в процесс межкультурной коммуникации, принадлежат к разным лингвокультурам. «При межкультурной коммуникации возможно несовпадение индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов» [21]. Одной из культурно обусловленных характеристик личности, составляющей содержание медиаконтекста, являются фоновые знания участников коммуникации. При внутрикультурной коммуникации реципиенты предположительно разделяют культурные знания [22]. Читатель переводного издания – представитель другого лингвокультурного сообщества по отношению к автору оригинала, и его коммуникативная компетенция не совпадает с компетенцией читателя оригинала. Для читателя инокультурного текста понимание культуроспецифичных единиц, часто встречающихся в международных СМИ, не вызывает особых затруднений; другие единицы, используемые только в национальных медиа, требуют адаптации для понимания инокультурным реципиентом. Это отражается на особенностях представления культуроспецифичного контекста оригинала.

Рассмотрим основные культуроспецифичные контекстуальные признаки переводного СМИ на примере международного англоязычного журнала «National Geographic», широко распространенного в мире и русскоязычного лицензионного издания «National Geographic. Россия». Связь культуры и коммуникации проявляется в переведном издании в следующих компонентах контекста: наличие посредника, роль которого выполняет российское издательство, создающее метаартефакт, адаптированный к российской действительности; культурная дистанция, обусловленная тем, что коммуникация осуществляется с участием двух культур – российской и американской. Через связь с языком культура диктует различия в информационно-языковом видении мира, обусловленном языковой и информационной картинами мира – в данном случае русской и американской. На верbalном уровне это проявляется в культурологическом контексте лексических единиц: денотативном, коннотативном, ассоциативном, метафорическом. Связь культуры с личностью во многом определяет особенности читательского адреса издания, так как читатель является языковой личностью. В рассматриваемом примере читателем оригинала является языковая личность, существующая в рамках американской лингвокультуры, читателем перевода – русская языковая личность. В результате текст переводного издания отличается от текста оригинала и отражает контекст двух культур – исходной и принимающей.

Заключение. Культура – важнейший компонент контекста переводного СМИ. Культура влияет на все элементы контекста в ходе коммуникации, диктуя участникам

коммуникации определенные установки, нормы, ценности, модели поведения, знания, убеждения, что находит отражение в средствах массовой информации, тесно связанных с функционированием современного общества. В результате связи культуры с такими социальными феноменами как коммуникация, язык и личность, контекст переводного средства массовой информации, как компонента межкультурной коммуникации, имеет ряд особенностей. Отличительная черта контекста в таком СМИ – взаимодействие двух культур – диктует ряд особенностей: культурная дистанция, наличие посредника и создание метаартефакта. По мнению Г. Немца, составляющими прагматического контекста публистики являются «социальная реальность», «социальное знание» и «субъект» как личность и функция» [23]. В свою очередь, объект распадается на две сущности: «объект-явление» и «объект-знание», которые «представляют различные картины мира: статическую и динамическую». В первом случае «когнитивная структура определяет творческую деятельность журналиста, а во втором – живые, динамично развивающиеся явления, «картинки из жизни», являющиеся фрагментами самой действительности». Далее формируются две референциальные связи – «Объект-Субъект» и «Объект-Действительность», которые неразрывны и образуют «диалектическое единство объекта познания в журналистике» [24]. Иными словами, публицист/журналист, создавая образы действительности, «стремится логически связать реальные события и ситуации со способом конструирования авторской журналистской картины мира (как индивидуально-авторской, так и коллективно-авторской)» [25]. Специфика переводного периодического издания заключается в том, что его дискурс и медиаконтекст формируются на пересечении различных картин мира, в которых взаимодействуют субъект, объект и действительность.

Таким образом, медиаконтекст переводного издания как способа межкультурной коммуникации, характеризуется несовпадением культуроспецифичных компонентов в издании оригинала и перевода, основными из которых являются картина мира и коммуникативная личность. Совокупность этих характеристик формирует культурный контекст переводного периодического издания.

Примечания:

1. Качалкин А.Н. Роль СМИ в межнациональном общении. Менталитет и речевой этикет нации // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., МГУ, 2004. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/13.htm>.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990. С. 136.
3. LeBaron M. Cultural and Worldview Frames. Beyond Intractability. Eds. Guy Burgess and Heidi Burgess. Conflict Research Consortium, University of Colorado, Boulder. 2003. URL: http://www.beyondintractability.org/essay/cultural_frames/.
4. Мацумото Д. Психология и культура. 2003. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Mats/17.php.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: «Академия», 2001. С. 87.
6. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. 2008. URL: <http://gendocs.ru>
7. Matsumoto D. Culture, Context, and Behavior//Journal of Personality. Volume 75, Issue 6. 2007. С. 1295.
8. Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе Культуры // Ю. М. Лотман. Избранные статьи в трех томах. Таллинн: «Александра», 1992. Т. 1. С. 76.
9. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И., Межкультурная коммуникация. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/m_komm/01.php.
10. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов, 2007. С. 94.
11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 14.
12. Зинченко В.Г., Зусман В. Г., Кирнозе З.И. Указ. соч.
13. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов, 2007. С. 95.
14. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. 2008. URL: <http://gendocs.ru>
15. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: «Перемена», 2002. С. 187.

16. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. 2008. URL: <http://gendocs.ru>.
17. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание//Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., МГУ, 2004. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/03.htm>.
18. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. 2008. URL: <http://gendocs.ru>.
19. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. 2008. URL: <http://gendocs.ru>.
20. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: «Перемена», 2002. С. 298.
21. Тамерьян Т.Ю. Межкультурная трансляция как взаимодействие когнитивных пространств // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Выпуск 8. Ставрополь, 2010. С. 22.
22. Van Dijk T.A. Contextual Knowledge Management in Discourse Production. A CDA Perspective //A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis. 2005. С. 88.
23. Немец Г.Н. Публицистический дискурс как методологический конструкт // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. № 3. С. 100.
24. Немец Г.Н. Объект познания в журналистике: в поисках методов концептуализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 44.
25. Немец Г.Н. К вопросу о логическом методе в эссеистике // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 3. С. 55.

UDC 81

Cultural Factors within the Context of Translated Periodical Literature

Zoe E. Pinchuk

Kuban State University, Russian Federation
350000, Krasnodar, ul. , 149
PhD student
E-mail: kud-zoya@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to researching the role of culture within the context of translated periodical literature and to studying the factors influencing the original and secondary texts within the discourse of this specific type of literature. The article examines the specifics of the influence of factors such as culture on media texts through the correlation of culture and text with social phenomena such as language, personality and communication. The article claims that the main characteristic of the cultural context within translated periodical literature is the correlation between two cultures (the donating and the receiving) that determines the specifics of other components within the media context.

Keywords: translated periodical literature; culture; media context; intercultural communications; language; worldview; communicative personality; linguistic personality.

Дискурс-практика Даниила Андреева «Роза мира» как основа лингвориторического моделирования языковой личности эзотерического типа

Лидия Леонидовна Романенко

Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000 г. Сочи, ул. Советская, 26а

Аспирант
E-mail: Romanenko-KV@yandex.ru

Аннотация. На основе комплексного анализа дискурс-практики Даниила Андреева «Роза мира» выполнено лингвориторическое (ЛР) моделирование языковой личности (ЯЛ) эзотерического типа в качестве примера идиостилевой дискурс-практики в рамках русского эзотерического дискурс-ансамбля в рамках гносеологически ориентированной коммуникации.

Ключевые слова: лингвориторическая (ЛР) парадигма; дискурсивные процессы; гносеологически ориентированная коммуникация; эзотерическая дискурс-практика; дискурс-ансамбль; ЛР модель языковой (ЯЛ) личности эзотерического типа.

Введение. В дискурсивной структуре российского социокультурно-образовательного пространства [1] как мегасфере выделяется суперсфера гносеологически ориентированной коммуникации, компонентом которой, наряду с научным и религиозным видами институционального дискурса, является русский эзотерический дискурс-ансамбль (см., напр.: [2, 3]). В рамках Сочинской научной школы [4–7]) лингвориторическое (ЛР) моделирование языковой личности (ЯЛ) эзотерического типа осуществляется нами в системе трех групп универсальных ЛР параметров. При этом языковую и литературную личность [8, 9] художника слова Даниила Андреева правомерно рассматривать не только как эзотерическую, но и как продуцента глобального социокультурно-образовательного проекта.

Материалы и методы. Основным источником для первичной ЛР реконструкции (индуктивной) ЯЛ продуцента дискурса исследуемого типа речемыслительной деятельности служит текст метафилософского трактата «Роза Мира» Д.Л. Андреева [10]; эмпирическим материалом для вторичной (дедуктивной) ЛР реконструкции параметров исследуемого идиодискурса является корпус научных работ, посвященных личности и творческому наследию данного автора. Сквозь призму ЛР парадигмы рассмотрены биографические, философские, лингвокультурологические и религиозные аспекты подходов к исследованию феномена ЯЛ Даниила Андреева и его творчества.

Обсуждение. В результате анализа различных источников нами установлено, что на становление мировоззренческой позиции (лингвокогнитивный уровень, или тезаурус, в структуре ЯЛ, по Ю.Н. Караулову) данного мыслителя-эзотерика повлиял целый ряд факторов. Как известно, на формирование любой личности влияют три основные группы факторов: биологические, семейно-воспитательные, социальные. На неординарное мироощущение формирующейся ЯЛ эзотерического типа повлияли: генетическое родство с мастерами художественной словесности: отец – известный писатель Леонид Андреев; по материнской линии – далекое родство с Тарасом Шевченко; одаренность, талант; влияние православной традиции, воспитание в приемной семье с позиций добра и справедливости; внимание к философским трудам различных эпох, классическому наследию литературы и других видов искусств, общение с интересными людьми своего времени. Все это сформировало оригинальную языковую и литературную личность Андреева как «исследователя иных миров»; его феномен духовидца, реципиента информации из тонкого мира нашел материальное воплощение в метафилософском трактате «Роза Мира».

По результатам проведенного теоретического анализа научных источников нами представлен полемический спектр взглядов о паритетной соотносимости традиционной науки и эзотерических знаний в общем гносеологически ориентированном когнитивном процессе коллективной и индивидуальной ЯЛ. Опираясь на методику реконструирования

комплексов ментальных установок субъекта дискурсивного процесса из текстового массива [11], мы интегрировали в предлагаемую модель ЯЛ ведущие особенности воплощения универсальных ЛР параметров дискурс-текста «Роза Мира» как важного компонента и прецедентного речевого произведения классического отечественного эзотерического дискурса.

А. Статический срез ЛР моделирования ЯЛ эзотерического типа.

I. ЛР моделирование **мотивационного уровня (прагматикона) ЯЛ эзотерического типа**, единицы которого – деятельностно-коммуникативные потребности, стремления, интересы, мотивы творческой речемыслительной деятельности, осуществляется в рамках первой группы универсальных ЛР параметров дискурсивно-текстообразующего процесса. В основе *этосно-мотивационно-диспозитивных параметров* идиодискурса Д. Андреева лежит *этическая концепция* мыслителя, убежденного в том, что «приближается век побед широкого духовного просвещения, решавших завоеваний новой, теперь еще едва намечаемой педагогики», цель которой – воспитать «человека облагороженного образа», сформировать поколение, «способное к выполнению долга не по принуждению, а по доброй воле; не из страха, а из творческого импульса и любви». Построение системы человеческого сообщества исключительно на морально-нравственных ценностях, согласно писателю, философу, эзотерику Д. Андрееву, – единственный путь к духовному возрождению человечества.

Прагматическая направленность данного типа дискурс-текста заключается в его воздействии на реципиента в особом ракурсе проективно-мировоззренческой функции эзотерического дискурса как глобальной лингвоториремы, стимулирующей изменения мировоззренческих установок реципиента. Так, рассматривая одно из доминирующих понятий в своей системе ценностей – нравственность, автор, во-первых, объясняет смысл морально-этического совершенствования личности в обществе, построенном на религиозно-гуманистических принципах, выводя его обоснование за рамки одной человеческой жизни и реального физического мира; во-вторых, раскрывает значение «нравственного стержня» творческой личности и выявляет его основополагающее влияние на все наследие того или иного художника (на примере русской литературы).

Диспозитивные особенности андреевского дискурса: отдельные части книги можно рассматривать как программные разделы проекта движения «Роза Мира», который включает в себя следующие подробно проработанные элементы: обоснование целей создания движения; определение движения, его отличия: универсальность устремлений Розы Мира и их историческая конкретность, динамичность ее воззрений и перспектива последовательных духовно-исторических задач; разработка планов деятельности, структуры и даже символики будущего движения, а также возможного сценария прекращения деятельности Розы Мира, указание на грозящие ей опасности; обоснование необходимости Розы Мира для человечества.

II. ЛР моделирование **лингвокогнитивного уровня (прагматикона) ЯЛ эзотерического типа**, единицы которого – понятия, концепты, идеи, мировоззренческие установки, идеологические стереотипы и др. компоненты лингвоментальной базы творческой речемыслительной деятельности (см. в связи с этим: [12]), осуществляется в рамках второй группы универсальных ЛР параметров. *Логосно-тезаурусно-инвентивные параметры идиодискурса ЯЛ эзотерического типа*, на примере дискурс-текста «Роза Мира», обусловлены андреевской моделью мироздания, которая строится на пересечении трех осей, генеральных линий осмыслиения сущего: 1) *человек как личность, феномен бытия*: становление личности, ее ценность, гармония внутреннего мира человека, место религии и значение религиозного (мистического) опыта для развивающейся личности; 2) *человек как субъект творческого познания действительности*: творчество как естественное следствие и необходимый компонент познания; общая картина психологии творчества и его конкретные механизмы; 3) *человек как звено социума*: взаимодействие личности и общества; построение идеальной системы народоустройства; развитие исторического процесса; личность и история. С учетом данных характеристик выстраивается *логосная системность* дискурс-текста «Роза Мира»: каждая проблема рассматривается относительно трех указанных аспектов, подчиненных *антропоцентрической стратегии* эзотерического дискурса.

Тезаурус ЯЛ Д. Андреева в наибольшей степени характеризуют понятийные ряды, сгруппированные нами относительно названных выше логосных осей. Соответствующим образом инвенция эзотерического идиодискурса в дискурсе-тексте «Роза Мира» отличается широтой спектра затронутых тем и проблем, которые в своей совокупности и взаимообусловленности создают уникальную инвентивную сетку произведения, базирующуюся на «трех китах»: личность; культура (наука, религия, искусство); социум. При этом на этапе инвенции основополагающими для Андреева темами являются: 1) объективная, научно обоснованная необходимость непрерывного духовного роста личности; 2) механизм художественного творчества и возможность анализа и оценки его результатов; 3) государство и народоустройство, взаимосвязь личности и общества.

III. ЛР моделирование **вербально-семантического уровня (ассоциативно-верbalной сети, или ABC) ЯЛ эзотерического типа**, единицы которого – слова, грамматические модели, фразеологизмы, устойчивые сочетания, крылатые слова, языковые клише и штампы, др. вербальные фиксаторы процесса и продукта творческой речемыслительной деятельности, осуществляется в рамках третьей группы универсальных ЛР параметров. Результаты анализа пафосно-вербально-элокутивных параметров демонстрируют, что пафос Д. Андреева как эмоциональный аспект репрезентации эзотерического мировидения характеризуется надеждой и верой в будущие перемены – ведущие характеристики эмотивного спектра ЯЛ автора, программирующие идиодискурс и излучаемые в сознание реципиента – адресата инновационного социокультурно-образовательного проекта. Собственно вербально-семантический уровень в структуре ЯЛ эзотерического типа характеризует органичное сочетание научного и художественного начал (см. подробнее: [13]). Элокутивные особенности текста дискурса-текста «Роза Мира» детерминирует оригинальный авторский стиль Д. Андреева, основанный на некоторых психологических особенностях его личности и реализующийся в смелости изобразительных и выразительных средств языка (прежде всего насыщенной системы тропов), с помощью которых мыслитель подчеркивает максимальное сближение двух пространств, двух миров – духовно-метафизического и физически-реального.

Б. Динамический срез ЛР моделирования ЯЛ эзотерического типа.

Проанализированная совокупность контекстов андреевского идиодискурса «Роза мира», а также контексты автометапоэтического характера (эмпирический материал 1-го уровня, методика первичной ЛР реконструкции), фрагменты свидетельств современников, ученых-исследователей (эмпирический материал 2-го уровня, методика вторичной ЛР реконструкции) отражают специфику репрезентации в идиодискурсе ЯЛ эзотерического типа трех ведущих аспектов реализации речемыслительного процесса в процессуально-динамическом аспекте. Это языковые операции, текстовые действия и коммуникативная деятельность; в рамках соответствующих субкомпетенций работают механизмы реализации интегральной ЛР компетенции. К последним относятся: преддиспозитивно-ориентировочный, инвентивно-парадигматический, диспозитивно-сintагматический, элокутивно-экспрессивный, редакционно-рефлексивный, мнемонический; акциональный, психориторический [14].

В результате подробного рассмотрения содержательных источников текста «Роза Мира», на основе анализа мнений ряда ученых, а также интроспективных фрагментов идиодискурса самого Д. Андреева, нами установлено, что основными составляющими речемыслительного процесса эзотерического типа на примере ЯЛ Даниила Андреева правомерно считать следующие: метаисторические озарения; инфрафизические прорывы психики; трансфизические странства, встречи и беседы; контакты со стихиями; прорывы космического сознания. Названные явления квалифицируются нами как процессуально-деятельностные феномены когнитивной, психической, психолингвистической природы, «поставляющие» информацию из «тонкого мира» ЯЛ эзотерического типа – субъекту особой, космической транскумуникации. Воспринятое в виде комплексов смысловых сгущений, мыслеобразов, «мыслепакетов», интериоризованных в систему ментальных проекций-интерпретант духовидца, претерпевает в структуре его ЯЛ вербализацию путем выбора максимально адекватных языковых средств, синхронно помещаемых в рамках риторических структур для ее репрезентации будущему коллективному реципиенту идиодискурса. Вышеназванные компоненты дискурсивно-текстообразующего процесса правомерно рассматривать в ЛР аспекте как генераторы инвентивных звеньев мистического (иноматериального) личного опыта постижения

логосной сферы высшей реальности, «горного мира» Духа, репрезентируемые на лингвокогнитивном уровне ЯЛ эзотерического типа, литературной личности для их воплощения в дискурс-тексте исследуемого произведения. При этом наблюдается ярко выраженная инновационность – для воспринимающего языкового сознания коллективного реципиента – инвентивно-элокутивной координации. Она находит синтагматическое развертывание в традиционной последовательности диспозитивного каркаса, который также подвержен определенным трансформациям, однако в меньшей степени.

Заключение. В комплексе с результатами анализа в категориальном поле ЛР парадигмы психологических основ творческой речемыслительной деятельности, эзотерического дискурса как институционального, особенностей языковой и литературной личности Д. Андреева и текстового массива его метаисторического, метафилософского трактата «Роза Мира» как продукта речемыслительной деятельности особого типа может быть осмыслен на новом уровне феномен глобализации культуры в современном мире и концепция метаобразования – в русле концепции построения ЛР модели ЯЛ эзотерического типа, продуцента глобального социокультурно-образовательного проекта.

Примечания:

1. Ворожбитова А.А., Романенко Л.Л. Субъект дискурсивных процессов эзотерической направленности в российском социокультурно-образовательном пространстве XX в.: лингвоторический аспект // Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития '2012». Выпуск 3. Том 27. Одесса: КУПРИЕНКО, 2012. ЦИТ: 312-171. С. 44–49.
2. Ворожбитова А.А., Сунгуртян К.К. Антропоцентризм русского и переводного эзотерического дискурса: лингвоторический аспект // Лингвоторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: СГУТИКД, 2003. С. 13–23.
3. Хачатурова Н.Ю., Ворожбитова А.А. Лингвоторические параметры российского эзотерического дискурса рубежа ХХ–XXI вв.: Монография. Сочи: РИО СГУТИКД 2005. 116 с.
4. Ворожбитова А.А. Текст как синергетическая структура лингвоторического характера // Лингвоторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи: СГУТИКД, 2003.
5. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // European researcher. 2010. № 2. С. 183–190.
6. Vorozhbitova A.A. Program of professional linguistic personality study in linguo-rhetorical paradigm: scientist-philologist and classic writer // European researcher. 2011. № 4. С. 398–401.
7. Vorozhbitova A.A., Potapenko S.I. Linguistic & rhetorical paradigm as innovative theoretical methodological platform of studying discursive processes of East Slavic and Western cultures // European Researcher. 2013. Vol.(61). № 10-2. S. 2536–2543.
8. Ворожбитова А.А. Основы лингвоторической теории литературной личности // Лингвоторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи: СГУТИКД, 2004. С. 12–19.
9. Ворожбитова А.А. «Языковая личность» и «литературная личность» как лингвоторические категории // Лингвоторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: РИО СГУТИКД, 2007. – С. 22–44.
10. Андреев Д. Роза Мира. М.: Товарищество "Клышиков-Комаров и К", 1992. 303 с.
11. Ворожбитова А.А. Реконструкция комплексов ментальных установок субъекта дискурсивного процесса из текстового массива: лингвоторический подход // Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: сборник статей; отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 338–344.
12. Vorozhbitova A.A., Issina G.I. Systemness of Terminological Triads “Mentality – Mindset – Mental Space”, “Concept – Text Concept – Discourse Concept”: Linguo-rhetoric Aspect // European Researcher. 2013. Vol. (47). № 4–3. P. 1014–1018.
13. Ворожбитова А.А., Романенко Л.Л. Особенности языковых операций в идиодискурсе Даниила Андреева как литературной личности эзотерического типа // Язык –

текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах: Материалы международной научной конференции / научный редактор Н.А. Илюхина. Самара, 12–14 мая 2011 года. Самара: Изд-во "Универс групп", 2011. (316 с.) С. 204–208.

14. Ворожбитова А.А. Интегральная лингвогориторическая компетенция языковой личности и механизмы ее реализации // Лингвогориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи: СГУТИКД, 2003.-

UDC 81

The Discursive Practice of Daniil Andreyev's *The Rose of the World* as the Basis for Rhetorical Linguistic Modelling of an Esoteric Linguistic Personality

Lydia L. Romanenko

Sochi State University, Russian Federation

354000 Sochi, 26a Sovetskaya St.

PhD student

E-mail: Romanenko-KV@yandex.ru

Abstract. The article uses complex analysis of the discursive practices in Daniil Andreyev's *The Rose of the World* to conduct the rhetorical linguistic modelling of an esoteric linguistic personality as an example of an idio-stylistic discourse practice within the sphere of the Russian esoteric discursive ensemble in epistemologically-oriented communications.

Keywords: rhetoric linguistic paradigm; discursive processes; epistemologically-oriented communications; esoteric discursive practice; discursive ensemble; rhetoric linguistic model of the esoteric linguistic personality.

**Инвентивная сетка российского журнального дискурса об образе жизни:
лингвориторика интегральных и дифференциальных признаков
в мужском и женском «глянце»**

Олег Владимирович Скулкин

Сочинский государственный университет, Россия
354000 г. Сочи, ул. Советская, 26а

аспирант

E-mail: skulkin@inbox.ru

Аннотация. В статье с позиций лингвориторической (ЛР) парадигмы исследуются инвариантное ядро (интегральные признаки) и гендерно-вариантные компоненты (дифференциальные признаки) российского журнального дискурса об образе жизни в аспекте особенностей содержательно-смыслового наполнения тематических пластов инвентивной сетки в глянцевых журналах для мужчин и для женщин.

Ключевые слова: лингвориторическая (ЛР) парадигма; дискурс журналов об образе жизни; мужской / женский глянцевый дискурс; маскулинный / феминный гендер-идеал; логосно-тезаурусно-инвентивные параметры дискурс-текста; инвентивная сетка дискурса; инвентивное звено; инвентивно-элокутивная координация.

Введение. С позиций лингвориторической (ЛР) парадигмы [1–6], система терминологических координат которой лежит в основе анализа дискурсивных феноменов в исследованиях представителей Сочинской ЛР школы (см., напр.: [7–9]), одной из трех универсальных групп ЛР параметров являются *логосно-тезаурусно-инвентивные*. В статье в данном аспекте исследуется гендерно ориентированный глянцевый журнальный дискурс (ГЖД), а именно дискурс-ансамбль для мужчин и дискурс-ансамбль для женщин (см., напр.: [10, 11]), образуемые комплексом конкретных журнальных дискурс-практик. Подчеркнем, что именно гендерно ориентированный дискурсивный пласт в настоящее время подразумевается при употреблении термина ГДЖ как наиболее обширный и показательный, «титульный» его сегмент.

Материалы и методы. Проанализированы подборки глянцевых журналов за 2009–2013 гг.: мужских – «FHM», «GQ», «Maxim»; женских – «Glamour», «Cosopolitan», «Vogue». С позиций интегративной ЛР парадигмы использовались методы описательного, контекстуального, концептуального, риторического, дискурсивного анализа, интертекстуального сопоставления, дистрибутивный, герменевтико-интерпретационный; методики наблюдения, описания, языкового и внеязыкового соотнесения.

Обсуждение. В ходе исследования инвентивной сетки по каждому дискурс-ансамблю выявлены 10 наименований тематических блоков (инвентивных звеньев), составляющих контент-основу современного глянцевого журнала об образе жизни. Порядок их представления не обусловлен степенью убывания значимости, которую гипотетически можно было бы определить согласно доле представленности по объему материалов того или иного инвентивного сегмента в мужском и женском журнальных дискурс-ансамблях. Доминантой ГЖД является именно образ жизни успешного представителя общества потребления, пропагандируемый и рекламируемый как необходимый для обеспечения качества жизни современного человека, а все частные инвентивные звенья в достаточно равной степени репрезентируют отдельные грани такого образа жизни применительно к той или иной актуальной сфере жизнедеятельности представителя российского общества XXI века. Нас интересовали, в том числе, интегральные и дифференциальные признаки осуществления инвентивных действий профессиональной языковой личностью журналиста в мужском и женском «глянце». Результаты анализа представлены в Табл. 1.

Логосно-тезаурусно-инвентивные параметры глянцевого журнального дискурса (ГЖД)		
Позиции анализа инвентивной сетки ГЖД	Ведущие инвентивные звенья как содержательно-смысловые блоки, основные тематические направления, типовой набор микротем подпластов ГЖД: информационно-развлекательного, рекламного, PR.	
	Мужской ГЖД	Женский ГЖД
Порядок подачи анализируемого эмпирического материала	1. Наука и техника. 2. Карьера. 3. Отношения, секс. 4. Мода. 5. Медиа-развлечения (кино, компьютерные / консольные игры, музыка, Интернет и т.д.). 6. Девушки-модели, героини эротических фотосессий. 7. Спорт, физическая подготовка. 8. Искусство. 9. Путешествия. 10. Кулинария	1. Красота, уход за ней, 2. Мода. 3. Здоровье, фитнес, диеты. 4. Отношения, секс, 5. Карьера. 6. Медиа-развлечения (кино, музыка, Интернет и т.д.). 7. Шоу-бизнес. 8. Искусство, 9. Путешествия. 10. Кулинария
Интегральные признаки инвентивной сетки	1) мода; 2) карьера; 3) отношения и секс; 4) медиа-развлечения; 5) физическая культура (спорт / фитнес); 6) искусство; 7) путешествия; 8) кулинария.	
Дифференциальные признаки инвентивной сетки	1. Девушка-модель как эротический объект. 2. Наука и техника.	1. Красота, уход за ней. 2. Шоу-бизнес.

Далее остановимся на ряде инвентивных сегментов ГЖД подробнее, приводя языковые примеры, демонстрирующие специфику инвентивно-элокутивной координации в гендерно ориентированном ГЖД; в некоторых случаях выделены эмоционально-экспрессивные и «статусно нагруженные» словоупотребления.

1. Мужской глянцевый дискурс. Наука и техника. Журнал держит своего читателя в курсе всех технических инноваций; в частности, инвентивным сегментом становится разработка компании Apple, которая, по определению продуцента, не просто современна, а «революционна». Данная характеристика подчеркнута заголовком как диспозитивно значимой единицей: «*iPad (фетиш-планшет)*». «Фетиш-планшет» означает такое устройство, обладать которым читатель захочет во что бы то ни стало, вне зависимости от того, есть ли в нем необходимость или нет. При этом журналист подогревает интерес потенциального реципиента к данному устройству: *Поставки в Россию, как и революционность устройства, под вопросом* (Maxim, март 2010, с. 130).

Медиа-развлечения (кино, компьютерные / консольные игры, музыка, Интернет и т.д.). Глянцевый дискурс целенаправленно знакомит читателей со знаменитостями, например, с известным актером Заком Галифаанакисом, снявшимся в популярных комедийных художественных фильмах последних лет. Заголовок и «слова-зашеки» выполняют функции привлечения внимания. «*Король комедии: как самого смешного комика всех времен; как ни парадоксально, но ...; на вершину славы; неповторимый шарм* (FHM, сентябрь 2011, с. 45).

Мода. Современный мужчина пристально следит за своим внешним видом, хорошо разбирается в моде; журналист активно использует термины мира моды. «*Держимся плотнее: ... фактурные твидовые пиджаки, фланелевые рубашки и вязаные джемперы* (GQ, февраль 2013, с. 96).

Спорт. Читатель интересуется спортивными событиями, в частности – футболом. Журналист использует названия известных футбольных клубов, а также фамилии известных игроков. «*И снится им трава, трава у дома*»: Павлюченко – в «Тоттенхэм», Аршавин – в

«Арсенале», главный тренер сборной России Гус Хиддинк – у руля «Челси»... (Maxim, март 2011, с. 100).

Девушки-модели, героини эротических фотосессий. Любой мужчину интересуют красивые женщины: журналист объясняет, почему именно Келли Брук поместили на обложку журнала. Кроме того, имеется отсылка к киноиндустрии – имя известного актера, а также к современным технологиям – название известной поисковой системы. У Келли Брук шикарная грудь – это раз. Она семь лет встречалась с актером Джейсоном Стэтхэмом – это два. На запрос «Обнаженная Келли Брук» Google выдает большие 26 миллионов страниц и около миллиона картинок (FHM, декабрь 2012, с. 52).

Искусство. На страницах глянцевых журналов для мужчин нередко можно видеть статьи, посвященные различным проявлениям мира искусства. Например: Чайковский был первым настоящим профессионалом русской музыки – точно так же как Пушкин был нашим первым профессиональным литератором (GQ, июль 2010, с. 80).

Путешествия. Современный мужчина регулярно путешествует, и по работе, и в качестве досуга. Журналист знакомит читателя с особенностями экзотического туризма, который, по его мнению, обязательно заинтересует реципиента. У нас для тебя две новости! Первая: мы нашли 10 видов экзотического туризма, которые **ты наверняка не пробовал!** (Maxim, август 2011, с. 60).

2. Женский глянцевый дискурс. Красота, уход за ней. Журналисты часто рассказывают читателям о преимуществах современных средств индустрии красоты, рекламные объявления которых мелькают на страницах изданий. «Время вперед!»: Чтобы накрутить локоны и уложить их на косой пробор, **парикмахеру** актрисы Риты Хейворт, **секс-символа 40-х, требовалось** несколько часов. **Вам на это понадобится** не больше 15 минут! (Glamour, декабрь 2009, с. 64).

Мода. Женские глянцевые журналы всегда держат своих читательниц в курсе всех модных тенденций, давая рекомендации, выгодные рекламодателям. «Год змеи»: Питоновые молнии на минималистичных летних платьях – это **зарницы нового пришествия роскоши. Вкладывайтесь в будущее сейчас:** сумки, туфли и плащи из кожи питона повсюду в осенних коллекциях (Vogue, июнь 2011, с. 55).

Отношения, секс. Авторы глянцевых журналов охотно делятся с читательницами секретами построения благополучных отношений с представителями противоположного пола. Ноги в тепле – голова в холода. Это девиз отношений, которые завязываются в осенний сезон. Я за **остывающие** после летней жары **горячие головы: буйство гормонов** наконец **тихает**, зато **потребность в гармонии обостряется** (Cosmopolitan, сентябрь 2012, с. 107).

Карьера. Журналист отмечает, как важна карьера для современной женщины, разбирает возможные препятствия, которые могут возникнуть в связи с личными обстоятельствами и дает ценные советы по развитию карьеры. Ты **карабкалась по карьерной круче, как скалолаз.** <...> **Попробуй обойти острые углы по трехшаговой схеме** (Cosmopolitan, октябрь 2011, с. 355).

Шоу-бизнес. Глянцевые журналы постоянно информируют женщин о последних новостях из жизни звезд шоу-бизнеса. Нередко актрисы, модели, певицы и прочие его представители становятся ролевыми моделями для потребителей. В данном примере журналист ставит на одну ступень со звездами своих читателей. Последнее время **звезды** только и делают, что извиняются – перед поклонниками, геями, любимыми, индейцами... Glamour составил **памятку для них и для вас о том, как не надо** извиняться (Glamour, январь 2013, с. 68).

Медиа-развлечения (кино, музыка, Интернет и т.д.). В каждом номере на страницах глянцевого журнала читатель найдет обзоры свежих художественных фильмов, выходящих в прокат, а также получит ценные советы о том, что посмотреть стоит, а что – нет. «**Фильм месяца “Призрак”**» (Cosmopolitan, август 2010, с. 12).

Путешествия. Описывая рекламируемую страну, журналист использует эпитет волшебно и в то же время понятия, характерные для родной культуры реципиента (Дед Мороз, северное сияние, олени), привнося также сексуальный подтекст, что в совокупности стимулирует желание читателя посетить данную страну. В Финляндии **волшебно**. Здесь живет **Дед Мороз** по имени Иоулупукки, здесь **северное сияние, олени** с заинделевыми

носами и горячие финские парни, которые не прочь составить тебе компанию (Cosmopolitan, январь 2012, с. 126).

Заключение. Таким образом, подавляющее большинство инвентивных звеньев ГЖД, формирующих *маскулинный* и *феминный гендер-идеалы* на уровне логосно-тезаурусно-инвентивных параметров, являются интегральными для мужского и женского дискурсантов. В качестве *дифференциальных признаков* выступают:

I. Частные нюансы интегральных признаков, например, акцентируемые путем риторического выдвижения *аспекты физической культуры*: мужской гендер-идеал – новости спорта и азы повседневной физической подготовки; женский гендер-идеал – здоровье, фитнес, диеты. Если указанные нюансы зафиксированы нами в Табл. 1, то по остальным инвентивным звеньям наблюдается небольшая вариативность на уровне уже самого контента, например тематики медиа-развлечений, при этом большинство инвентивных субсегментов пересекается. Инвентивно-элокутивную координацию отличают элементы специфики словоупотреблений.

II. Собственно дифференциальные признаки: 1. *Опосредованными дискурсивными коррелятами*, которые прямо соотносятся с гендерной ориентацией журналов, правомерно считать такие инвентивные сегменты, как «Девушка-модель – эротический объект» в мужских журналах и «Красота, уход за ней» – в женских. В связи с этим в дискуссионном плане поставим вопрос об «асимметрии дискурсивного знака» в семиотическом плане, проводя параллель с концепцией асимметрии языкового знака С. Карцевского, расширенной В.Г. Гаком, и транспонируя ее на уровень дискурсивно-текстообразующего процесса. В данном случае не наблюдается гипотетически ожидаемая в условиях дихотомии и равноправия полов полная симметрия, например, наличие мужских эротических образов на обложках и страницах женских журналов. Это коренится в принципиальной взаимодополнительности маскулинного и феминного гендер-идеалов, а именно: женское и женственное позиционируется и мужчиной, и самой женщиной как потенциально нравящееся мужчине, привлекающее его внимание, вызывающее у него эмоции и – в идеале – глубокие долговременные чувства (в основе чего, в свою очередь, лежит базовая сексуальная потребность, по А. Маслоу, – изначально заложенное природой стремление к продолжению рода). Соответственно яркая модель на обложке журнала, т.е. в титульно доминирующей диспозитивной позиции, в целом является инвариантом визуального блока для мужского и женского ГДЖ. При этом такие семиотические сигналы, как молодость, красота, качественный макияж, идеальная прическа относятся к интегральным сущностным признакам фотообъекта, а различие обусловлено такой степенью обнаженности модели в мужском глянце, которая переводит фото в жанр эротического; в женском глянце коррелятивным признаком выступает стильная одежда модели.

2. С инвентивным сегментом «наука и техника» мужского ГЖД в представленной нами таблице правомерно соотнести сегмент «шоу-бизнес» в женских глянцевых журналах; они выступают *прямыми дискурсивными коррелятами* в информационно-содержательном аспекте.

Примечания:

1. Ворожбитова А.А. Интегральная лингвогориторическая компетенция языковой личности и механизмы ее реализации // Лингвогориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: СГУТИКД, 2003. С. 134–142.

2. Ворожбитова А.А. «Языковая личность» и «литературная личность» как лингвогориторические категории // Лингвогориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: РИО СГУТИКД, 2007. С. 22–44.

3. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // European researcher. 2010. № 2. С. 183–190.

4. Vorozhbitova A.A. Discourse-paradigmatics and Discourse-syntagmatics Categories in Linguo-rhetoric Paradigm // European researcher. 2011. № 11 (14). P. 1532–1537.

5. Vorozhbitova A.A. Program of professional linguistic personality study in linguo-rhetorical paradigm: scientist-philologist and classic writer // European researcher. 2011. № 4. С. 398–401.

6. Ворожбитова А.А. Лингвоторическая системность парадигматики, синтагматики, эпидигматики дискурсивных процессов в аспекте категорий «концепт дискурса», «ментальное пространство», «возможный мир», «вариативная интерпретация действительности» // Лингвоторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2013. №18. С. 50–55.
7. Ворожбитова А.А., Пушкин Г.А. Лингвоторический аспект гендерного анализа современной российской прозы // Лингвоторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: СГУТИКД, 2004. С. 11–17.
8. Ворожбитова А.А., Сунгуртян К.К. Антропоцентрическое направление в языкоznании: актуализация философско-лингвистического наследия // Лингвоторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи: СГУТИКД, 2005. С. 24–38.
9. Vorozhbitova A.A., Issina G.I. Systemness of Terminological Triads “Mentality – Mindset – Mental Space”, “Concept – Text Concept – Discourse Concept”: Linguo-rhetoric Aspect // European Researcher. 2013. Vol. (47). № 4–3. P. 1014–1018.
10. Скулкин О.В. Дискурс глянцевых журналов для мужчин как объект лингвоторического исследования // Лингвоторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 15 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: РИЦ СГУТИКД, 2010. С. 120–126.
11. Скулкин О.В. Теоретико-методологические основы изучения гендера в современном языкоznании // Лингвоторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 15 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: РИЦ СГУТИКД, 2010. С. 126–134.
12. Ворожбитова А.А. Текст как синергетическая структура лингвоторического характера // Лингвоторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: СГУТИКД, 2003. С. 25–34.
13. Vorozhbitova A.A., Potapenko S.I. Linguistic & rhetorical paradigm as innovative theoretical methodological platform of studying discursive processes of East Slavic and Western cultures // European Researcher. 2013. Vol.(61). № 10-2. p. 2536–2543.
14. Скулкин О.В. Реклама и PR-текст как институциональные типы дискурса в лингвоторической парадигме // Лингвоторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 16 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2011. С. 127–134.

UDC 81

**The Inventive Network of Russian Journalistic Discourse on the Topic of Lifestyle:
Rhetorical Linguistics of Integral and Differential Features
in Men's and Women's Magazines**

Oleg V. Skulkin

Sochi State University, Russian Federation
354000 Sochi, 26a Sovetskaya St.
Post-graduate student
E-mail: skulkin@inbox.ru

Abstract. The article utilises a rhetorical linguistic paradigm to study the invariant nucleus (integral features) and the gender-variable components (differential features) within Russian journalistic discourse regarding lifestyle from the point of view of the specifics of the semantic subject matter of the thematic layers in the inventive network of magazines for men and women.

Keywords: rhetorical linguistic paradigm; discourse about lifestyle in magazines; men's/women's discourse in magazines; masculine/feminine gender ideals; the logos-thesaurus-inventive parameters of the discourse text; inventive network of discourse; inventive link; inventive-illocutive co-ordination.

Семантика эргативной формы личного местоимения в ингушском языке

Лилия Увайсовна Тариева

Ингушский государственный университет, Российская Федерация
386001, г. Магас, ул. Х.-Б. Муталиева, 6
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: tarieva00@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлена функция и значение эргативной формы местоименного существительного (аз/я) противопоставленной номинативной форме (со/я). Оба лица представляют в ингушском языке первое лицо. Наличие двух форм личных местоимений первого лица в ингушском языке обусловлено дифференциацией собственного этого на два эпистемических (чувственно-физических) и два речевых (понятийных) лица.

Ключевые слова: глубинный уровень; дейксис; интенциональность; лицо Говорящее; лицо Произносящее; поверхностный уровень; постулированность.

Введение. Прагматический аспект исследования личных местоимений первого лица как первичных слов, вступающих в отношения субъектно-объектной дистрибуции, может обладать объяснительной силой в вопросах реализации стратегий (номинативной и эргативной).

Для нас важно, что теория «языкового исполнения» (performance) ориентирована на динамику прагматических языковых процессов. В.З. Демьянков отмечает, что «в последние двадцать лет в западной лингвистической литературе преобладает взгляд на язык как на динамическую систему», на то «как должно выглядеть языковедческое представление, презентация синтаксико-семантической структуры высказывания, и только во вторую очередь связана с прогрессом в исследовании формальных свойств правил» [1].

Материалы и методы. Материал исследования извлекался из лексикографических источников, т. е. известных словарей русского, ингушско-русского, чеченско-ингушско-русского языков [2].

Для решения поставленных задач в реферируемой работе привлекаются следующие *методы исследования*: метод функционального анализа; метод семантического анализа, индуктивный метод, т. е. систематизация конкретных наблюдений за языковыми фактами и их обобщение в теоретические положения, сравнительный метод, объяснительно-разъяснятельный метод; в работе применяются также приемы когнитивного метода анализа.

Обсуждение. В ингушском языке на поверхностном уровне представлены два личных местоимения первого лица: в номинативно-абсолютивной форме со/‘я’ и эргативной форме аз/‘я’. Первое лицо, на поверхностном уровне выраженное номинативно-абсолютивной формой имени, на глубинном уровне [3; 4] представляет «лицо Говорящее». Первое лицо, на поверхностном уровне обозначенное эргативной формой имени, на глубинном уровне представляет «лицо Произносящее». «Лицо говорящее» и дейксис – это два наблюдаемых компонента, определяющие лексическое значение местоименного существительного в номинативно-абсолютивной форме имени, которое может быть соотнесено с личным местоимением номинативных языков. Структура и иерархия ограниченной, но релевантной информации, отраженной в лексическом значении личных местоимений первого лица, дает основание отнести их к первичным словам, организующим пресуппозицию. Под пресуппозицией здесь понимаются «предпосылки и предварительные условия, не входящие в языковое значение высказывания, но создающие основу для него и позволяющие достигнуть коммуникативной цели» [5]. Эгоцентрические «со/‘я’» и аз/‘я’ отражаются в различных структурах системы ингушского языка.

Импликативные отношения: аз (*ERG*) оал, х1альта со (*NOM*) лув/‘если я произношу, значит я говорю’ (т.е. обладаю способностью) экспонируют генерацию понятийной категории постулированности и приобретенности в ингушском языке, при которой интенциональным антецедентом будет «лицо Говорящее», на поверхностном уровне представленное номинативной формой имени.

Интенциональность понимается нами как направленность сознания на объект, которая, как и интенция, должна «иметь языковые средства представления, или языковую презентацию и в этом статусе составляет объект лингвистического описания» [6].

Термин антецедент и консеквент использованы в значении: «от лат. antecedent – предшествующий, предыдущий и consequens – следствие» [7]. В лингвистическом понимании антецедент – «элемент предложения (обычно слово, сочетание слов), предшествующий указательному местоимению (или слову типа «данный», «указанный») и соотносящийся с ним по смыслу и грамматически» [8].

На глубинном уровне «лицо Говорящее» когнитивно маркируется как постулированная единица, как данность, так как представляет наличную базу, на которое направляется сознание, обусловливающее прескриптивный дейксис, и которая понимается. «Лицу Говорящему» в ингушском языке противопоставляется «лицо Произносящее», как каузированное свойство (предикация) непосредственно здесь и сейчас в момент осуществления речевого акта в одно первичное слово: «со/я».

Дейксис как лексический компонент, указывающий на реальный объект действительности – на «лицо Говорящее», антецедентность «лица Говорящего» и его интенциональность, обусловленная наличием лица Созерцающего (или *хоалу саг/homo sensus*), порождает понятие априорности «лица Говорящего» в ингушской речемыслительной деятельности, запуская механизм генерации понятийной категории постулированности. Термин «наблюдатель», введенный Ю. Д. Апресян [9], в нашем случае коррелирует с одной из функций *хама* *хоалучага* / *homo sensus* / человека чувствующего [10], в «упаковку» (т.е. комплекс качеств и свойств, присущих одушевленному денотату, маркированных речевым сознанием как данных априори) которого входит и функция «слышания» «лицом Говорящим» самого себя в процессе генерации лица Слышащего, релевантного для ингушской речевой деятельности.

Дейксис, указывающий на имманентное «лицо Произносящее» в прямом смысле этого слова, его консеквентность, интенциональность, заключающаяся в том, что «лицо Произносящее» зависит от функции «лица Говорящего», порождает понятие прескриптивного дейкса, направленного на «лицо Произносящее», включенного в механизм генерации понятийной категории постулированности в ингушском языке.

Общим в значении «лица Говорящего» и «лица Произносящего» является дейксис, указывающий на диахотому лицо. Именно общность данного дейкса и отношение к «лицу» являются семантическим основанием субъектной квалификации и «лица Говорящего» и «лица Произносящего» на поверхностном уровне:

1) Со (*NOM*) лув / я говорю (т.е. артикулирую);

2) Аз (*ERG*) оал / я произношу (т.е. акустически артикулирую, не немой). Может, до и после / везде пробелы все же?

Генерация компонентов лексического значения постулированных единиц: интенциональность / интенсиональность, антецедентность / консеквентность, прескриптивный дейксис – указывает в первую очередь на референт, с которым соотносится лицо Говорящее и имманентное лицо Произносящее. Общий, единый дейксис, указывая на «лица», актуализирует проблему референтно-референциальных отношений, возникающих между двумя синонимичными единицами языка: «лицом Говорящим» и «лицом Произносящим», морфологически обозначенными в языке номинативной формой имени *со* / 'я' и эргативной формой имени *аз* / 'я'.

Созерцаемым референтом выступает единица постулированной семантики, дифференцированная семемой интенциональности, антецедентной отнесенности, выделяемая на базе дейкса, указывающего на реальный предмет объективной действительности: на носителя общего для двух функций-предикаций (говорение и произнесение) лица.

Референт в данном случае – это актуализированный денотат реальной действительности, это материальный предмет мысли, именуемый в речевом акте, состоящем из одного первого слова – личного местоимения *со* / 'я'. Данный языковой знак, т.е. слово в абсолютивной форме *со* / 'я', именует внеязыковой объект, верифицируемый родовой отнесенностью (*со (NOM) в / 'я есть мужчина'*), в то время как субъект в эргативной форме *аз* / 'я', возникающий на базе общего с абсолютивной формой имени дейкса, является языковым знаком индифферентным к родовой отнесенности (*аз (ERG) в – невозможно!*), коррелирующим с абсолютивной формой имени (ср.: *аз язду/я пишу и со яздаш ва/я пишущий есть*).

Из двух функций, эксплицированных в речевом акте местоимением со/ 'я', «говорение» осознается как наблюдаемая данность референту априори, а «произнесение» – как имманентное свойство референта большей абстракции, «референта, впервые введенного в дискурс именной составляющей» [11]. Референция представляется как «отношение актуализированного, включенного в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности» [12]. Прагматическая ситуация складывается таким образом, что речевой акт состоит из одной озвученной интенциональной именной составляющей со / 'я'. Сам факт совершения действия: «произнесения» состоялся в речевом акте в одно слово-предложение со/я, однако данная предикация при этой ситуации имеет место быть невербализовано, напонятийном уровне. Кроме того, факт задействованности интенциональной субстанции аз / 'я' также свершился, так как задействовано свойство «произнесение», однако эта субстанция в данной прагматической ситуации, обозначенная дейксисом, имманентна: озвучена лишь номинативная форма, обозначающая наблюдаемый денотат (т.е. именован произнесением наблюдаемый референт «со / 'я»), а не имманентный – «аз / 'я»), отмеченный речевым сознанием как носитель свойства «произнесение»).

Исходя из принципа эгоцентризма местоименные существительные первого лица осознаются первичными словами, связанными с восприятием и познанием человеком самого себя. Речевой акт, репрезентированный в личном местоимении со / 'я' обусловливает пресуппозицию: аз оал – хъята со лув / 'я произношу, значит я говорю'. Со / 'я' – это референт, обозначенный в акте схватывания интенциональным «лицом Созерцающим». Языковой знак аз / я – на глубинном уровне квалифицируется как имманентный референт, генерированный на базе обозначения наблюдаемого лица Говорящего. В момент представления произнесением эгоцентричного слова (со/я) экспонируется интенциональная сущность «лица Созерцающего», которое посредством прескриптивного дейкса указывает, на «лицо Говорящее». Другой информации, кроме лица говорящего и дейкса, при данном акте познания нет. Сам факт предикации произнесения речевого акта генерирует интенциональную субстанцию, зависимую от «говорящей», т.е. референт, произнесший первичное слово, совмещается с референтом, выговарившим это слово посредством йистхилар/артикуляции, присущим созерцаемой субстанции (со / 'я').

Результаты и выводы. Таким образом, интенциональная субстанция («лицо Созерцающее») как носитель чувственного восприятия, генерирует дейкса, указующий на «лицо Говорящее» из области рационального восприятия. Лицо Говорящее есть реальный наблюдаемый объект действительности, представляющий упаковку свойств и качеств, из которых при речевом акте произнесения личного местоимения со / 'я' экспонировано на начальном этапе лишь свойство «говорение», если человек немой.

Произнесение как предикация связано с интенциональным «лицом», характеризующимся как динамическая, действующая языковая единица, именованная активной, делающей [13]. Таким образом, в языке возникает эргативное имя. Слово «эргативный – от греч. ergates 'действующее лицо, деятель» [14].

Структура и иерархия информации, отраженной в лексическом значении личных местоимений первого лица, дает основание отнести их не просто к первичным словам, организующим пресуппозицию и потому отражающимися во всех структурах системы языка, но и квалифицировать их как актуализаторы, прежде всего, не грамматических категорий [15], а, в нашем случае, понятийной (семантической) постулированности vs. приобретенности.

Примечания:

1. Демьянков В. З. «Субъект», «тема», «топик» в американской лингвистике последних лет (Обзор II) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Том 38. № 4. 1979. С. 369-372. С. 369.
2. Г1алг1ай-Эрсий дошлорг. Ингушско-русский словарь. Нальчик: «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.». 2009. 982 с.
3. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
4. Филлмор Ч. Дело о падеже // Звегинцев В.А. (ред.) Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 369-495.
5. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике. Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 32. №1, 1973. С. 85-95. С. 90.

6. Заюкова Е.В. Семантика и прагматика интенциональности в языковой актуализации (на материале английского языка). Дис. на соискание уч. степени к.ф.н. Барнаул. 2005. 193 с. С. 48.
7. Ивин А. А, Никифорович А.Л. Словарь по логике. М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. 384 с. С. 22.
8. Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов. М: Русский язык, 1998. 887 с.
9. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. М.: ВИНТИ. С. 5-33. С. 25.
10. Тариева Л.У. Междометия в системе частей речи ингушского языка. Назрань: Пилигрим. 2012. 72 с. С. 6-8.
11. Kantor R.N. Discourse phenomena and linguistic theory // Ohio State University Working Papers on Language OSUWPL 1976, N 21: P.161-188. P. 166-170.
12. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции (вступ. ст.) // Новое в зарубежной лингвистике: Логика и лингвистика (проблемы референции). 1982. Вып. XIII. С. 5-40. С. 6.
13. Гандалоева А. Г1алг1ай мотт. Магас.: Изд. «Сердало». 2009. 220 с. С. 73.
14. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение. 1976. 543 с. С. 498.
15. Бондарко А.В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. М.: Наука, 1985. С. 16-29. С. 21-22.

UDC 811.351.43

The Semantics of Ergative Forms of Personal Pronouns in the Ingush Language

Lilia U. Tariyeva

Ingush State University, Russian Federation
386001, Republic of Ingushetia, Magas, H.-B. Mutaliyev St., 6
Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: tarieva00@mail.ru

Abstract. The present article presents the function and the meaning of the ergative form of the pronominal noun (az/ya) which is compared to the nominative form (so/ya). Both of these represent the first person in the Ingush language. The presence of two forms of personal first person pronouns in the Ingush language is explained as occurring due to the differentiation of the personal pronouns into two epistemic (sensory-physical) and two speech (conceptual) persons.

Keywords: deep level; deixis; intentionality; the speaking person; the uttering person; surface level; postulation.

**Поэтический текст как языковое свидетельство
измененного состояния сознания автора
(на материале стихотворений Марины Чешевой)**

Надежда Всеволодовна Черных

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
199034 г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб. д. 11

Кандидат филологических наук, докторант
E-mail: ndelaland@narod.ru

Аннотация. Статья содержит результаты изучения воздействия стихотворного текста на глубинные пласты человеческой психики, вхождения автора, а затем и читателя в измененное состояние сознания. Исследование выполнено в русле лингвопоэтики и лингвистики измененных состояний сознания.

Ключевые слова: суггестивность; измененные состояния сознания; поэтический текст; семантическая емкость слова.

Введение. Проведение комплексного исследования поэзии на пересечении дисциплин, изучающих язык и сознание (таких как лингвистика, психология, психолингвистика, философия, культурология, филология измененных состояний сознания, лингвистика измененных состояний сознания и др.), но специфицированных историей своего развития, актуально и перспективно.

Материалы и методы. Материал диссертационного исследования составили русскоязычные поэтические тексты конца XX – начала XXI веков. В данной статье в качестве показательного примера взят небольшой по объему поэтический текст Марины Чешевой. Методика исследования, в соответствии с указанными задачами, основана на функциональном подходе к изучению суггестивного потенциала языка поэзии, она включает следующие методы: метод лингвистического наблюдения и описания; метод контекстуально-интерпретационного анализа; метод компонентного анализа лексики; метод исследования семантических полей.

Обсуждение. Антропоцентрический подход в науке, в том числе и в филологии, постепенно корректирует сложившиеся представления о необходимости сепарированного, секторного изучения мира. Отдельные отрасли человеческого знания накопили значительный массив открытый и требуют интеграции.

Под суггестивностью мы понимаем способность воздействия поэтического текста на глубинные слои психики реципиента (автора/читателя), возможность вхождения посредством текста в измененное состояние сознания (далее – ИСС). Наличие в поэтическом тексте матрицы ИСС (о матричном построении текстов, написанных в ИСС или призванных в него ввести см. работы Д.Л. Спивака [1]), являющейся на языковом уровне слепком ИСС автора, позволяет читателю также войти в ИСС.

Другими словами, можно утверждать, что основной причиной суггестивности стихотворения является переживаемое автором состояние поэтического вдохновения, о котором есть множество свидетельств людей, испытывавших его (писателей, поэтов, художников, музыкантов, философов, ученых и многих других).

Свидетельством ИСС могут быть не только прямые высказывания о нем, но и сам язык произведений, созданных в ИСС. Язык под воздействием ИСС меняется, об этом писал А.М. Пешковский: «В естественном состоянии все, кроме сумасшедших и сумасшествующих (колдуны, шаманы, заклинатели), говорят нормально, то есть понятно» [2]. Л.Н. Толстой ощущал неестественность, ненормальность поэтической речи; говорить так, по его мнению, подобно тому, чтобы идти за плугом, приплясывая. Ср. второе словарное значение слова транс: «внезапно наступающее кратковременное расстройство сознания, во время которого больные совершают немотивированные поступки, стремительно бегут, бессвязно говорят и т.п.» [3]. Осип Мандельштам размышлял о кажущемся безумии поэта, который, имея что-то сказать, не идет к людям, а бежит «на берега пустынных волн, в широкошумные дубровы» и

обращается к «провиденциальному собеседнику» [4]. Но поэт не безумен, он вне пределов ума – и это сущностное различие. Расширенное состояние сознания при поэтическом вдохновении характеризуется рядом черт (таких, как изменение восприятия времени и пространства, растворение границ личности и др.), говорящих о выходе за границы рационального сознания, с его самотождественностью и априорными категориями бытия.

«Передача» этого ИСС осуществляется на бессознательном уровне, вне понимания ее механизмов, однако для нас существенно, что есть зависимость лингвистических проявлений от состояния сознания автора и возникающая вследствие этого возможность их сопоставления и анализа. Те поэтические тексты, которые написаны в ИСС, как правило, имеют определенные языковые особенности, свидетельствующие о необычном режиме работы психики. Чем глубже трансовое состояние поэта, тем значительнее языковые сдвиги в тексте по отношению к нормативной речи.

На рациональном уровне соответствовать укоренившимся, ставшим традиционными в стихосложении канонам (инверсия, повтор, ритм, рифма и т.д.) достаточно просто, поэтому они могут имитироваться создателем текста. Но изначально, по-видимому, своим возникновением эти структурообразующие факторы стиха обязаны именно трансовому состоянию поэта.

Все поэтические приемы и механизмы имеют потенцию обратного действия, и когда «на входе» присутствует транс, ИСС пишущего, то и «на выходе» – при восприятии текста – читатель имеет возможность попасть в ИСС. Насколько эта возможность будет использована, зависит от вовлеченности читателя, опыта подобного восприятия поэтического текста, создающего необходимую установку, от условий, в которых осуществляется восприятие и т.д. Воздействие в данном случае, как это характерно и для других духовных практик, зависит не только от суггестивного потенциала поэтического текста, но и от готовности реципиента текста испытать это воздействие на себе, войти в ИСС через поэтический текст.

Эволюция поэтических средств (обновление и увеличение их количества), если сравнивать приемы, которые были суггестивны в прошлом, с теми, которые используются сегодня, объясняется естественным привыканием, стиранием новизны. Для прежнего по силе воздействия нужны новые средства – требуется «остранение» (термин, введённый В.Б. Шкловским), преодоление автоматизма речи, причем уже речи поэтической, накопившей свою историю и свой автоматизм.

Стихи являются уникальным инструментом изменения состояния сознания, инструментом, соединяющим в себе способность воздействия ритма (ср. особое поэтическое чтение, или скандовку, в противовес актерскому – напоминающее чтение молитв на литургии, а также музыку, частью которой раньше была лирика, или бубен шамана, вводящий в транс) и «мантическую многомерность» [5] составляющих стихотворение слов. Посредством воздействия поэтического текста достигается уникальная синхронизация рационального сознания и бессознательного, снимается их противопоставленность, они интегрируются, сознанию возвращается целостность.

Итак, при условии существования определенной связи между состоянием сознания автора всякого текста и языковыми особенностями этого текста (отражением этого состояния в тексте), можно говорить о подобной зависимости и по отношению к поэтическому тексту. Поскольку поэтическая речь характеризуется определенными отличиями от нормативной речи, как и речь людей, находящихся в ИСС другой этиологии, то это так же, как и сами свидетельства находящихся в состоянии поэтического вдохновения, говорит об ИСС поэта. Можно с определенной долей уверенности предположить, что то, что сейчас является традиционным для поэтического языка (ритм, рифма, различные изобразительно-выразительные средства), изначально было следствием именно ИСС, в котором находился поэт.

Обратимся к стихотворному тексту современной поэтессы Марины Чеше-вой, на примере которого можно говорить о поэтическом тексте как «слепке» особого состояния сознания поэта:

тополей посторонний свет
на коленях свернулся снег
словно олово ламп внутри
голос ходит а ты смотри

как у птицы на том окне
прорастает лицо ко мне

Поэтическая инверсия в этом стихотворении, заданная с первой строки (вместо посторонний свет тополей – тополей посторонний свет) на фоне отсутствия синтаксического членения предложений, выраженного пунктуационно, позволяет произвольно подставлять подлежащие к сказемому, определение к определяемым словам: «тополей посторонний свет на коленях свернулся» и «на коленях свернулся снег» или «снег словно олово ламп внутри» и «словно олово ламп внутри голос». И в том и в другом варианте прочтения и в обоих сразу стихотворение поддается интерпретации, обладает семантической целостностью, характерной для стихотворений, написанных в ИСС. Светящийся пух тополей – он же снег – свернулся на коленях, что является характерным поведением домашних котов. Таким образом, пушистость пуха косвенно вводится этой отсылкой к пушистому животному, прямо же подчеркивается светоносность пуха. Далее светоносность поддерживается лампами как источником света и переходит на голос, устроенный подобно лампе, внутри которой в динамическом равновесии «ходит» электричество (между положительно заряженным катодом и отрицательным электронным облаком). Слово «олово», по одной из версий, это суффиксальное образование от корня *ol-*, который можно увидеть в древневерхненемецком *elo* «желтый» и в лат. *album* «белый». То есть, металл назван по цвету соотносимому со светом лампы. Целостность образа поддерживается и звуковой составляющей – словно олово ламп. Все стихотворение, и особенно последние две строки, пластикой образов, их текучестью, незафиксированность форм словно застают акт творения в его длительности, процессуальности. Все еще не застыло, предметы еще не сочинены. Они пропускают свет, колеблются, вытягиваются, растут «как у птицы на том окне / прорастает лицо ко мне», их сплющивает, кажется, они обвисают и стекают, как часы на картинах Дали. Метафизичность вещных форм, их факультативность и произвольность ощущается в каждом предмете, поскольку его суть и назначение в том, чтобы служить дверью, пропускающей в инобытие, «выкидывать» читателя в ИСС.

Заключение. Итак, суггестивный потенциал поэтического текста, связанный с измененными состояниями сознания, и его следует учитывать при анализе поэтической речи. Поэтический текст представляет собой языковой и просодический слепок того состояния сознания, в котором находился поэт, когда писал этот текст. Измененное состояние сознания поэта может быть передано читателю через текст, передача состояния сознания от поэта к читателю через текст зависит: а) от «чистоты канала», по которому осуществляется передача ИСС – объективного качества поэтического текста (складывающегося из множества факторов, таких как: преодоление речевого автоматизма; попадание поэтом в ментальное поле этноса, и шире – подключение к «акупунктурным» точкам человеческого сознания в целом; поэтическое мастерство и т.д.); б) от субъективного переживания, зафиксированного в стихотворении и способного вызвать эмоциональный резонанс у читателя. Подобно тому, как речь пытается вывести мысль в область материального, в сферу выговариваемого, поэзия выводит речь в область идеального, нелинейного, невыговариваемого. Поэзия как бы имитирует доречевое (внеречевое) мысленное общение, выходя за рамки того, что возможно в обычной речи. При рассмотрении воздействия поэтического текста на сознание реципиента и спектра возникающих в этой связи лингвистических проблем в контексте изучения ИСС, эксплицируются множественные связи между искусственно сепарированными научными дисциплинами, изучающими язык и сознание человека, выsvечивается их единство (перспективно в этом плане также привлечение лингвогоризонтической парадигмы как интегративного исследовательского подхода [6, 7]).

Примечания:

1. Спивак Д.Л. Язык при измененных состояниях сознания. Л.: Наука, 1989. 87 с.
2. Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 56.
3. Толстой Л.Н. // Л.Н. Толстой о литературе: Статьи, письма, дневники. М.: Гослитиздат, 1955. С. 502.
4. Мандельштам О.Э. Сохрани мою речь... Лирика разных лет. Избранная проза. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 326.

5. Лама Анастасии Говинда. Творческая медитация и многомерное сознание: [пер. с англ.] М.: Беловодье, 2006. 320 с.
6. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // European researcher. 2010. № 2. С. 183–190.
7. Ворожбитова А.А., Ренз Т.Е. Лингвоторико-концептуальный анализ русского классического поэтического текста как основа выявления инварианта и этнокультурной специфики художественной рецепции // Вестник Поморского университета. Вып. 8. 2010. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С. 172–175.

UDC 81

**Poetic Text as Linguistic Evidence of the Altered State of Mind of the Author
(Marina Chesheva Poetry Case Study)**

Nadezhda V. Chernyx

St. Petersburg State University, Russian Federation
199034 St. Petersburg, ul. University Embankment, 11
PhD
E-mail: ndelaland@narod.ru

Abstract. The article contains the results of a study on the influence of poetic text on the deep levels of a person's psyche as well as the submerging of the author, and then the reader, into an altered state of mind. The research has been conducted from the point of view of linguo-poetry and linguistics of an altered state of mind.

Keywords: suggestiveness; altered state of mind; poetic text; semantic depth of words.

Политология

УДК 008

Политическая персоносфера. Эвгемеризация лидера

Владимир Владимирович Бобылёв

Сочинский институт (филиал) РУДН, Российская Федерация
Кандидат политических наук, доцент
E-mail: bob_6767@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется феномен «эвгемеризации лидера» в контексте политической персоносферы. Рассматриваются основные функции эвгемера – паттернизация и мемориализация. Предложен новый научный термин «деэвгемеризация».

Ключевые слова: политическая персоносфера; политический лидер; эвгемер; эвгемеризация; деэвгемеризация; мемориализация; паттернизация.

Введение. Политическая персоносфера выступает одним из средств моделирования философской, историко-культурной, политической реальности, что обеспечивается рядом сущностных параметров ее функционирования, среди которых особо выделяется инклозивность (свойство политической персоносферы, позволяющее ей внедряться в разнообразные сферы жизни) и кумулятивность (стремление политической персоносферы к расширению сферы своих полномочий), обеспечивающие устойчивый гомеостаз политики, истории, культуры и философии и порождающие ряд феноменов функционирования политической персоносферы в историко-культурном хронотопе, синтезирующем в себе пространственные и временные характеристики исторических и культурных процессов. Одним из таких сигнifikативных феноменов является феномен «эвгемеризации лидера».

Материалы и методы. Основными источниками для написания данной статьи явились работы Э. Берна «Лидер и группа. О структуре и динамике организаций и групп», Л. Гумилева «Древняя Русь и Великая степь», работы А. Тайнби и ряд научно-публицистических статей современных российских ученых. Методами работы над статьей явились общенаучные методы синтеза, абстрагирования и аналогии.

Обсуждение. Понятия «эвгемер», «эвгемеризация» были введены в научный тезаурус Э. Берна в честь древнегреческого философа Эвгемера, и нашли свое первоначальное применение, в основном, в психологии. Эвгемер рассматривал процесс, в ходе которого древние властители и герои приобретали в общественном сознании мифические атрибуты и становились подобными богам. В свою очередь Э.Берн истолковал сущность понятия эвгемеризации как «традиционное преувеличение неких свойств, присущих первичному лидеру или герою, после их смерти» [1, стр. 317]. Трансфер этого термина из психологии в понятийно-категориальный аппарат других наук и экстраполяция его в различные области знаний способствует пролиферации научных гипотез и теорий. Рассмотрим феномен эвгемеризации в контексте частного уровня политической персоносферы - политического лидерства.

Обоснованием существования эвгемеров Э. Берн считает потребность общества в героях, и его попытки увековечить своих первичных лидеров после их смерти с помощью эвгемеризации. Эвгемеры выступают в роли апологетов общественно-политической мысли, их биографии канонизируются, высказывания конспектируются и цитируются, имидж корректируется с учетом общественных интересов. Одна из главных функций эвгемера заключаются в паттернизации (от англ. pattern – модель, образец) поведения для следующих поколений (детские книжки о маленьком Володе Ульянове являются собой классический пример эвгемеризации лидера как образца для поведения), где жизнедеятельность эвгемера выступает неким каноном для остальных. Параллель эвгемеризации политического лидера с церковной канонизацией представляется очевидной, однако, если канонизация всегда имеет положительную коннотацию, то эвгемеризация зачастую гиперболизирует и отрицательные качества лидера, как это случилось, например, с Петром Первым, которого А.Тайнби называл «российским антихристом»[2]. Однако, наиболее часто эвгемеризация служит для создания положительного архетипа - героя, олицетворяющего некритически воспринимаемые человеком стандарты и стереотипы поведения. В эвгемеризированном образе героя представлены

паттерны поведения, должным образом отвечающие представлениям общества определенного периода об идеальной архетипической личности, основанные на присущий человеку аттрактивности (влечение к абстрактным ценностям истины, красоты и справедливости) [3].

Другой, не менее важной функцией является мемориализация, т.е. увековечивание во времени исторически важного прошлого, аккумулировавшегося в образе лидера (героя). Главным отличием мемориализации от паттернизации состоит в том, что паттернизация являет собой канон положительного поведения, т.е. избирательно акцентирует внимание общества на положительных качествах эвгемера, тогда как при мемориализации допускается синтез как положительных, так и отрицательных черт лидера. Эвгемер олицетворяет собой мемориал прошлых событий, значимых для определенной общности людей.

Очевидно, что существует некая совокупность психологических качеств личности, способных позволить лидеру быть эвгемеризованным обществом, либо его стратой, а также определенные условия, обеспечивающие механизмы подобной трансформации. Э. Берн выделяет в отдельные группы лидеров (героев) и не - лидеров (почти героев). К первой группе он относит «первичного лидера, или Эвгемера», указавшего, либо позволившего группе достигнуть «высокой» цели, и «позднейших эвгемеров» - последователей, «апостолов» и др.

Основной характеристикой первой группы, в общем, планетарном масштабе, присущем всей нашей цивилизации, Э.Берн считает феномен «пролитой крови». Под этой характеристикой подразумевается как способность эвгемера идти на человеческие жертвы ради «высокой» цели, так и жертвенность самого эвгемера. Во второй группе, по Э. Берну, выделяются два типа несостоявшихся героев (почти героев). Первый тип – это лидер, или претендент на лидерство, убивающий или убитый, но не сумевший спасти или изменить структуру группы (Троцкий), который не эвгемеризируется. Второй тип – это лидер, проявивший истинное лидерство, или гениальность, но не убивавший и не убитый (Фрейд), который может быть эвгемеризован, но не достигает уровня героя, пролившего кровь. При этом замечается, что иногда процесс эвгемеризации может начаться еще до смерти первичного лидера, если считается, что он удалился преждевременно [1, с. 56].

Следует заметить, что апологетика роли «пролитой крови» для эвгемеризации лидера постепенно девальвируется. Современное общество направляет свои усилия к «обескровливанию» эвгемеризации, предлагая в «эвгемеры» политических лидеров, стремящихся к предотвращению «кровопролития» и пропагандирующих принципы толерантности и гуманизма. Последние, к сожалению, нередко становятся лишь декларацией о намерениях, а не способом действия. Тем не менее, имеет место тенденция к более цивилизованному и культурному подходу в оценке роли политического лидера.

Феномен «пролитой крови» постепенно уступает место феномену «претерпевших страдания или лишения», когда эвгемером становится лидер, претерпевший какого-либо рода дискриминацию со стороны власти (А. Солженицын, А. Сахаров). Тем не менее, жертвенность лидера не потеряла своей особой значимости для превращения его в эвгемера. Так, социально-культурная деятельность принцессы Дианы позволила ей стать неформальным политическим лидером Великобритании, однако, лишь преждевременная трагическая смерть превратила ее в настоящего эвгемера.

Результаты. В контексте исследования политической персоносферы, охватывающей всех участников политического процесса, особый интерес представляют механизмы трансформации лидера в эвгемера, претерпевшие существенные, зачастую полярные изменения в историко-культурном хронотопе. В частности, зачастую лидер трансформируется в эвгемера лишь для пространственно ограниченной части социума, тогда как остальная часть либо нивелирует его значимость, либо воспринимает его негативно. Так, к примеру, западное общество положительным образом расценивало деятельность М. Горбачева в качестве главы СССР, приписывая ему различные мифические черты освободителя, демократа и реформатора; тогда как в России его деятельность вызывала отрицание и непринятие, что обусловлено, в большей мере, рядом несоответствий системы ценностей российского и западного обществ, выраженной в философской дилеммии «Восток – Запад».

Хронологические изменения в восприятии эвгемера общественным сознанием варьируются от положительных к отрицательным, и наоборот. При этом имеет место явление, противоположное тому, что Л.Н. Гумилев называл «абберация дальности» [3, с. 632], т.е. расплывчатость далеких явлений, что создает ложное впечатление их

незначительности. При эвгемеризации, наоборот, происходит гиперболизация значительности действий лидера и его личностных качеств. Адекватная оценка роли лидера возможна лишь вне процесса эвгемеризации. Такой несомненный эвгемер, как Петр Великий, оценивался современниками как харизматичный лидер с преимущественно отрицательными коннотациями, и лишь на расстоянии хронологической дистанции общество обрело способность оценить масштаб его личности и значимость характера преобразований и реформ. В этой связи уместно предложить термин «деэвгемеризация», когда эвгемер, прижизненный, либо посмертный, постепенно теряет свою статусность и «деканонизируется». В качестве примера прижизненного эвгемера можно привести И. Сталина, оценка историко-политической роли которого претерпела трансформацию от «канонизации» до демонизации.

Существующая тенденция к дезавуации девиантного в поведении эвгемера обусловлена потребностью в поддержании его положительного имиджа, который своим существованием дает обществу ощущение стабильности, тогда как процесс деэвгемеризации непременно ведет к различным фобиям и фрустрации общества, лишенного канонов. Причем в случае деэвгемеризации политического эвгемера неизбежны конфликты поколений и различных социальных страт общества (как это случилось с деэвгемеризацией В. Ленина, чье тело и по сей день покоятся в мавзолее, как некий сакральный символ архетипичного героя).

Заключение. Эвгемеризация - явление, типичное для любого общества и любой группы. Однако, как совершенно справедливо отмечает И. Николаева, «Различные социальные слои, группы и отдельные личности обладают разным политическим и информационным капиталом. В зависимости от этого склонность к «созданию кумира» будет существенно варьироваться в различных социальных стратах и у различных лиц» [4]. Очевидно, что общество, находящееся в перманентном состоянии кризиса, претерпевающее любого рода трансформации будет более склонным к эвгемеризации лидеров, что обосновано стремлением к обретению своеобразных точек опоры и стабильности.

Этим же объясняется стремление общества к меритократии, которое обусловлено латентной надеждой на возвращение эвгемера как своего рода идеального правителя, мудрого и справедливого властителя. И зачастую этот феномен используется политическими технологиями в манипулятивных популистских целях, когда имидж действующего политического лидера подвергается осознанной целенаправленной прижизненной эвгемеризации для достижения властных целей путем прямой апелляции к архетипичному образу, соответствующему чаяниям общества.

Примечания:

1. Берн Э. Лидер и группа. О структуре и динамике организаций и групп. Екатеринбург: ЛИТУР, 2001.
2. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. М.: Рольф, 2002.
3. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ, 2007.
4. Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск: Изд-во Томского университета, 2005.

UDC 008

Political Personality Sphere. Euhemerising the Leader

Vladimir V. Bobilev

Sochi Institute (branch) of Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation
PhD, Associate Professor
E-mail: bob_6767@mail.ru

Abstract. The article analyses the phenomenon of “euhemerising the leader” within the context of the political personality sphere. It examines the main functions of Euhemerus – patternisation and memorialisation. The article proposes the new scientific term “de-euhemerisation”.

Keywords: political personality sphere; political leader; Euhemerus; euhemerisation; de-euhemerisation; memorialisation; patternisation.

История и право

УДК 94 (477.6) «1920»

Частная торговля в Донбассе. 1920-е гг.

Юлия Васильевна Барабаш

Восточноукраинский национальный университет им. В. Даля, Украина
91034, Луганская область, г. Луганск, квартал Молодежный, 20а

Кандидат исторических наук, докторант
E-mail: yulyabar.ua@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается развитие частной торговли в Донбассе в 1920-е гг. Показано развитие спекулятивной торговли в регионе, с чем боролась местная власть. Обращено внимание на рыночные преобразования в исследуемый период. Рассмотрены методы ликвидации частного сектора и вытеснение его государственным в конце 1920-х гг.

Ключевые слова: частная торговля; спекулянты; государство; местные органы власти; цены; товар; рынок; Донбасс.

Введение. В 1920-е гг. развитие Донбасса проходило в довольно сложных социально-экономических условиях. Кризисная финансовая ситуация в стране в начале исследуемого периода заставила власть переориентироваться на развитие экономики с уклоном в сторону частного сектора и принятия частной торговли. Последняя быстро стала популярной в силу более низких цен, в отличие от цен в кооперативной и государственной торговой среде. Но руководство страны это не устраивало, вследствие чего власть прибегла к административно-правовым действиям с целью формирования препятствий в развитии частной торговли дабы укрепить твердые позиции государственного и кооперативного торгового сектора. В результате, в конце 20-х годов произошло вытеснение частного сектора с рынка внутренней торговли.

Материалы и методы. Важным источником для написания данной статьи послужили архивные документы Центрального государственного архива высших органов власти в г. Киеве. К вопросу частной торговли, в рамках комплексного изучения истории торговли в 1920-х гг., обращались советские, украинские и российские историки, среди которых следует указать следующие фамилии: А. Давыдов, А. Сушко, О. Пирог, О. Мовчан и др. Ученые в своих трудах представили историю становления и функционирование частного сектора в торговле, показав социально-экономические особенности функционирования частного предпринимательства и взаимодействия этой системы с государственными органами власти, обращая внимание и на показатели по Донбассу.

В статье использованы исторический, исторически-ретроспективный, аналитический и другие методы.

Обсуждение проблемы. На рубеже перехода государства от политики военного коммунизма к политике с элементами функционирования рыночного механизма, поднимались вопросы введения торговли. Дело в том, что в 1920 г. она существовала, но в виде мешочничества. Например, в России, как отметил А.Ю. Давыдов, мешочничество было значительным явлением социально-экономической и отчасти политической жизни, что требовало от властей выработки и последовательной реализации определенной политики в его отношении [1]. Не исключением было и украинское государство. Особенно распространенной была деятельность спекулянтов в Донбассе. Например, газета «Диктатура труда» изображала портрет мелкого и крупного спекулянта Юзовки так: «Днем их (спекулянтов – авт.) можно увидеть по озабоченным, суеверным лицам, а вечером – по широким костюмам, великолепным сигарам, по наглым лицам. Они вечно заняты – много работают, спекулируют ...» [2].

Подобные случаи существования своего рода нелегальной частной торговли (частную торговлю было запрещено в 1918 г.) были характерны не только для Юзовки. Например, в 1920 г. на Луганщине крестьянин продавал свои продукты непосредственно по одной цене, продукты перекупались перекупщиками-спекулянтами по ценам в несколько раз выше, что делало эти продукты недоступными для рабочего. Чтобы предоставить им возможность

купить из первых рук, по первичной цене, Луганский уездный продовольственный комитет запретил всякую перекупку продуктов на окраинах города, во дворах и в других подобных местах. Разрешалось торговать продуктами исключительно в специально отведенных для этого местах. Лица, которых замечали в перекупке продуктов, или беглые перекупщики привлекались к ответственности и суду Военного трибунала [3]. Как видим, это был своего рода вызов руководству с требованием как можно быстрее урегулировать проблему спекулятивной торговли, которая отнюдь не удовлетворяла потребности населения из-за высоких ценовых показателей.

С переходом к нэпу Ленин провозгласил, что надо перейти к «свободе оборота», потому что свободная торговля могла бы помочь оживить хозяйство, получить продовольствие и сырье, необходимые для восстановления национализированной промышленности. Но товарообмен не укоренился. Уже позже он отмечал, что «Частный рынок оказался сильнее нас и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля» [4]. Так нэп логично вел к полной легализации торговли и воспроизведения внутреннего рынка, охватившего всю страну.

Следует обратить внимание на ряд постановлений 1920-х гг., что касался сферы частной торговли. Так, 14 июня 1921 г. была издана инструкция «О порядке выдачи разрешения на право торговли и организации пунктов товарообмена», принятая Коллегией НКВД УССР. 12 июля 1921 г. НКВД УССР издал «Временное положение о частной торговле продуктами ремесленной и фабричной промышленности, сельского хозяйства». Правила и нормы частной торговли, принятые правительством, действовали до 14 февраля 1923 г., когда ВУЦИК издал «Положение о государственном промышленном налоге». Инструкцией «О торговле», изданной СНК УССР 27 июня 1924 г., предоставлялось право торговли всем гражданам, имевшим разрешение (патент), для получения которого нужно было пройти несколько учреждений: Наркомвнутрторг, Наркомюст и НКВД [5]. Торговая политика в Донбассе полностью регламентировалась указанными нормативно-правовыми документами.

Упоминаемая выше частная торговля, которая продолжала существовать на рынке нелегально, в виде мешочничества, в начале 1920 г. удовлетворяла потребности населения городов в продовольствии на две трети. Несколько изменилась ситуация с переходом к нэпу. Так, в 1921 г. частная торговля существовала в виде карликовых предприятий, сосредоточенных на рынках. Впоследствии торговцы объединялись в «трудовые торговые артели». За короткое время частники охватили 90 % розничного оборота республики, что не устраивало большевистское руководство, потому что оно делало ставку на фискальные выгоды государства [6].

Как утверждают современные исследователи, особенностью региона Донбасс было почти полное отсутствие частной торговли [7]. Но, с таким мнением сложно согласиться, поскольку Донецкая губерния, будучи промышленным районом, пользовалась спросом по всем видам торговли: как продуктов фабричного и заводского производства, сельского хозяйства и др. Архивные данные подтверждают, что в целом, в Донбассе, с началом нэпа, частная торговля была более развита, чем кооперативная и государственная. О состоянии в губернии можно судить из положения по данным налогового характера. Так, за бюджетный 1922 г. было выбрано торговых патентов [8]: государственных – 444, кооперативных – 1402, частных – 26781, всего – 28627.

Как видим, показатели вовсе не опровергают факт преобладания в 1922 г. частного сектора торговли. Безусловно, руководству было сложно смириться с подобной ситуацией. Поэтому с 1924 г. началась линия на сворачивание частной торговой сети. Эти данные подтверждаются архивными документами. В 1924-1925 г. удельный вес частного капитала в розничной торговле Донбасса снизился примерно до 1/3 общего товарооборота, а хлеботорговли – до 1/4 [9]. Так, в Старобельском округе в первом полугодии 1924-1925 г. частная торговля пошла на убыль: с 61,7 % оборота упала до 27,3 %. [10]. Согласно окружплана торговли в 1928 г. в округе вообще предусматривался рост оборота обобществленного сектора и снижение роли частной торговли [11].

Нельзя обойти и факт тотального контроля частного капитала, который заставлял частников всячески уклоняться из-под контроля государства, потому что действующие законы слишком ограничивали сферу его деятельности. Частники, чтобы не потерять доходы, часто проводили свою деятельность без патента, то есть разрешения, из-за чего

губисполкомы и горсоветы прекращали их деятельность. Так, протокольным столом губотдела Донецкого губисполкома за 1922-1923 гг. было рассмотрено 2127 протоколов, по которым взыскано около 53 тыс. руб. патентного сбора и более 255 тыс. руб. штрафа. 3 января 1923 г. Донецкий губфинотдел начал массовую проверку торговли и промыслов с целью привлечения к плате лиц, которые уклонялись от выборки патентов. За первый квартал 1923 г. к уплате патентного сбора было привлечено 8014 частных предприятий на общую сумму более 2,5 млн. руб. В Луганском округе за 1925-1926 гг. на нарушителей положения о промышленном налоге было составлено 1779 протоколов, по которым окрфинотдел наложил штраф в размере 19783 руб. [12].

С провозглашением курса на индустриализацию власть начала выраженное наступление на «нэпмана». А в июне 1926 г. был введен разрушительный единовременный налог на них, который, по сути, создал невозможность предпринимательской деятельности [13]. Этап ликвидации частника закончился в 1926-1927 г. большевистской атакой, в результате чего частный рынок был ликвидирован. Хотя в начале 1927 г. частная торговля все еще была заметна на участках, которые слабо обслуживались государственной и кооперативной торговлей. Это объяснялось и тем, что, например, рабочие кооперативы, которые брали на себя максимальные функции обеспечения рабочих соответствующими товарами, не всегда выполняли их. В 1928-1929 гг. в регионе рабочие покупали где-то половину товаров в кредит, а 40 % – у частных торговцев, хотя их сеть была слабо развитой. Поэтому роль частника была весомой: рабочие в большинстве (66-77 %) случаев обращались за кредитом к нему [14].

Заключение. Завершая, следует подчеркнуть, что 1920-е гг. – период значительных изменений в сфере социально-экономического развития общества. Как сложилось исторически, финансово-экономические предпосылки толкали власть на определенное отступление от своих идеологических принципов в первой половине исследуемого периода, особенно в сфере торговли. Особый путь своего развития она имела в Донбассе, где в большей своей массе концентрировалось рабочее население. Частный сектор внутренней торговли получил свое быстрое распространение и был представлен торговыми заведениями с достаточным количеством необходимого товара за приемлемые цены, что не соответствовало принципам правительственной политики на пути утверждения государственной и кооперативной торговли. В результате, во второй половине 1920-х гг. частный сектор торговли был вытеснен. Несмотря на его официальную ликвидацию, в регионе частная торговля была распространена до конца исследуемого периода.

Примечания

1. Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917-1921 гг.: Мешочки. СПб.: Наука. 2012. С. 169.
2. Диктатура труда. 1920. 19 июня.
3. Государственный архив Луганской области. Ф.Р-530. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.
4. Сторінки історії радянського суспільства: факти, проблеми, люди / За заг. ред. А.Т.Кінкулькіна; упоряд. Г.В.Клокова та ін. К.: Рад. шк., 1990. С. 145-146, 149.
5. Сушко О.О. Особливості становлення та функціонування приватного підприємництва в Україні періоду НЕПу (1921-1928): історико-теоретичний аспект. К.: Преса України, 2003. С. 97-99.
6. Лобач К.В. Історичний досвід регулювання споживчого ринку України в період непу (історико-економічний аспект): Автореф. дис. ... к.і.н.: 07.00.01.; Інститут історії Академії наук України. К. 1994. С. 15.
7. Пиріг О.А. Ринок і торгівля України (історичний аспект). К., 1996. С.124.
8. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО) Ф. 30. Оп. 1. Д. 1300. Л. 4об-5.
9. Донецк: историко-краеведческий очерк / Руков. авт. кол. С.Ф.Поважный. 2-е изд., испр. и доп. Донецк: Донбасс, 1981. С. 145.
10. ЦГАВО. Ф.30. Оп. 1. Д. 3817. Л. 7.
11. ЦГАВО. Ф. 337. Оп. 1. Т. 3. Д. 6598. Л. 7.
12. Волосник Ю.П. Діяльність міських Рад України по здійсненню нової економічної політики у 1921-1928 рр.: Дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02 / Ю.П. Волосник; Харківський ун-т. Х, 1993. С. 112, 116.

13. Гарарук Л.В., Коцур А.П. Біржова торгівля України в період нової економічної політики (1921-1929 рр.). Київ-Чернівці: Книги ХХІ, 2007. С. 51.
14. Мовчан О. Товаропостачання робітників УСРР в умовах переходу до форсованої індустріалізації. 1928-1929 рр. // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвідомчий збірник наукових праць, Випуск 19 (1). К.: Ін-т історії України НАН України, 2010. С. 87.

UDC 94 (477.6) «1920»

Private Trade in the Donbas in the 1920s

Yulia V. Barabash

Volodymyr Dahl East Ukrainian National University, Ukraine
20a Molodezhny Kvartal, Lugansk 91034, Lugansk Region
PhD (History), Postdoctoral Student
E-mail: yulyabar.ua@mail.ru

Abstract. The article examines the development of private trade in the Donbas region in the 1920s. It illustrates the development of speculative trading in the region, which was being opposed by the authorities. The article pays special attention to market development during the period under study. It examines the methods of liquidating the private sector and its displacement by the government at the end of the 1920s.

Keywords: private trade; speculators; government; local authorities; prices; goods; market; Donbas.

Культурно-исторические факторы и современные тенденции развития взаимоотношений между Республикой Корея и Приморьем в сфере туризма

¹ Валерия Сергеевна Бурилова

² Анатолий Николаевич Яковлев

¹ Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Российская Федерация 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: valeriya.burilovavs@vvsu.ru

² Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Российская Федерация 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

кандидат педагогических наук, доцент

E-mail: Yak-33-c1957@mail.ru

Аннотация. История российско-корейских отношений на Дальнем Востоке в современных его границах насчитывает чуть более 150 лет, однако за столь короткий временной период произошли огромные революционные и эволюционные изменения во всех сферах жизни двух народов.

Необходимость исследования региональных особенностей корейско-российских отношений в сфере культуры в исторической динамике во многом определяется спецификой стоящих перед экономикой Приморья и Республики Корея задач.

Значение исторического подхода к изучению взаимодействия определяется тем, что сложившаяся структура и направление взаимодействий является одновременно результатом прошлого и важным фактором будущего инновационного развития деловых взаимовыгодных контактов.

Ключевые слова: культурно-исторические факторы; взаимоотношения Республики Корея и Приморья; сфера туризма.

Введение. Если рассматривать культуру как совокупность созданных и накопленных человечеством материальных и духовных ценностей, то несомненный научный и практический интерес для прогнозирования развития туризма представляет исследование взаимоотношений на переломных исторических этапах развития двух стран в духовном и материальном аспектах.

Уникальность геополитического положения Приморья как контактной зоны в Азиатско-Тихоокеанском регионе с Китаем, Кореей и Японией и присоединение в 1860 г. этой территории к России предопределило особенность заселения и хозяйственного освоения и межкультурного взаимодействия народов на территории Приморского края.

В истории заселения и хозяйственного развития Приморья роль каждого структурообразующего фактора существенно менялась исходя из общей концепции развития государства. Однако, ключевым фактором, определившим процесс заселения и особенность территориально-промышленного и сельскохозяйственного развития, является уникальное географическое положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе [1].

Корейцы начали переселяться из провинций Северной Кореи в Приамурье и Приморскую область с 1860 года, именно с того времени, когда и образовалась эта южная часть области «Южно-Уссурийская округа», присоединившись по условиям Пекинского договора России с Китаем [2].

Переселение корейцев на территорию Приморья было вызвано неурожаями, сильным истощением корейских земель, эксплуатацией земледельцев их собственными чиновниками, безжалостно выбивающих с них всякие, в свою пользу, поборы. В 1869 году наводнение вызвало в Корее страшный голод, что заставило корейцев-хлебопашцев искать выход из их несчастного тяжелого положения. В то же время, в первые десять лет с 1860 года заселение этой южной части Уссурийского округа русскими переселенцами совсем не проводилось. Сырой морской климат, оттуда же ветра с большими туманами не позволяли русским сеять пшеницу и рожь, а высевавший здесь хлеб, гречуха, овес, ячмень урождались совершенно испорченными - «пьяными» [2].

Во Владивостоке корейцы появились чуть ли не с самого основания поста. Первоначально они осели в долине Первой Речки у её устья и занялись привычным огородничеством, снабжая пост овощами. После продолжительных думских споров и консультаций с Областным правлением и штабом Сибирской флотилии Дума определила «отвести под заселение корейцев южный склон Куперовой пади». Так появился во Владивостоке «микрорайон» - Корейская слободка. Она постепенно расширялась; и вскоре корейцами и селившимися рядом китайцами были заняты северная сторона Куперовой пади и западный склон сопки Лагерной.

В 1880 г. число корейских переселенцев в Приморье достигло 8768 человек, а уже в 1897 г. 25868 человек, в том числе 12278 человек получили русское подданство [3].

Корейские переселенцы зарекомендовали себя хорошими рыболовами. В 1904 г. в Приамурском крае на рыбных промыслах было занято около 3 тыс. корейских рыбаков, но их число значительно сократилось, когда рыбные промыслы для иностранцев были закрыты.

С середины 90-х годов в Приморье начался процесс возвращения ранее репрессированных корейцев всего несколько тысяч корейцев (определить точную цифру весьма затруднительно). Однако в ряде научных и газетно-журнальных статей, докладах корейских ученых в конце 90-х приводилась явно завышенная цифра - 30 тысяч переселенцев [4].

На базе села Михайловка была заложена корейская деревня «Дружба», которая изначально должна была стать местом сосредоточения корейской диаспоры. Не смотря на остановку финансирования со стороны корейских властей, переселенцы из Кореи продолжают осваивать выделенные территории. Именно деревня «Дружба» в настоящее время является местом наибольшего сосредоточения выходцев из Кореи, несомненно, является объектом туристского интереса со стороны международных корейских туристов.

Материалы и методы. В общественной географии методы научного исследования делятся на три большие группы: философские, которые являются фундаментом научного познания. Это общие подходы, категории и принципы и законы, показывающие место изучаемого объекта в реальном мире, общеобразовательные (анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение и абстрагирование, сравнение и аналогия, идеализация и формализация).

В туризме широко применяют научные методы системы географических наук: наблюдение с элементом описательности; исторический; сравнительный; картографический; аналитико-статистический; экспедиционных исследований; математического моделирования; системный. В свою очередь социальный характер туризма обуславливает использование способов и приемов, сложившихся в других общественных науках (балансовый, социологических исследований).

В условиях развития информационного общества в исследовании туризма важное место занимать математические методы, в частности экономико-математические и социально-пространственные модели с использованием компьютерных технологий. Это позволит не только проследить процесс развития туризма, но и получить научно обоснованные результаты.

Приморский край, в отношении близости к Корее, по свидетельству директора представительства Национальной организации туризма Кореи во Владивостоке господина Пак Хюн Дона, имеет особенное положение в сфере развития туризма с Республикой Корея, нежели другие регионы в европейской части Российской Федерации [5]. Это обусловлено, прежде всего, географической близостью, расположением вдоль государственной границы, которая расширяет потенциал международного туризма, дает возможность комплексного использования природных ресурсов суши и моря, формирования наиболее разнообразных видов туристского продукта. Во-вторых, это – историческое сближение между Кореей и Приморским краем. В-третьих, одна из главных особенностей Приморского края в отношении корейской страны и корейского народа представляет собой уважительное, глубокое понимание друг друга, прежде всего, в плане культуры Уникальная культура, сохраненная в современной, высокоразвитой стране, в сочетании с теплым приемом делают Республику Корею привлекательной для русских туристов. Обладание историческими, культурными и религиозными ценностями, отличными от России характеризует страну как перспективное азиатское направление. Ведь одной из составляющих мотивацией туристов является познание культуры и традиций Республики Кореи.

На территории Республики Корея 13 тринадцать памятников отнесенные к списку ЮНЕСКО: Монастырь Пульгуска и пещерный храм Соккурам, крепость Хвасон, дольмены, Кёнчжу, Чосонванчжо силок, храм Чонмён, Пхансори, дворцовый комплекс Чхандоккун

о. Чеджу и лавовые трубы, Хунмин чоным, Пульчо чикчисимчхе ёчжоль (Антология учений десяти буддийских монахов), Сынчжонвон ильги (протоколы королевского секретариата) фестиваль Танодже. Наиболее привлекательные для целей туризма следующие регионы: Сеул, Восточный район, Центральный район, Окрестности Сеула и провинция Кёнгидо, Юго-западный район, Юго-восточный район, Остров Чечжудо и районы южного побережья. О блистательном прошлом Южной Кореи в этих районных рассказывают старинные дворцы, городские ворота, храмы, дворцы, парки, сады и бесценные музеиные коллекции произведений искусства и др.

В последние годы наблюдается заметная активизация российско-южнокорейских связей. Связи с Республикой Корея являются одним из приоритетных направлений на азиатском направлении российской внешней политики. Сотрудничество между Кореей и Россией является важным фактором, способствующим сохранению мира и стабильности на Корейском полуострове и в Северо-восточной Азии.

На современном этапе Корея стремится к динамичному развитию и уверенно превращает туризм в одну из важнейших экономических отраслей. В стране сейчас наблюдается самый настоящий бум выездного туризма.

Правительство Южной Кореи объявило 2010–2012 годы «временем туризма», что позволило привлечь страну около 10 миллионов иностранных туристов и заработать на них порядка 10 миллиардов долларов [7].

Что касается ценности корейского направления в турбизнесе с точки зрения социально-экономического развития региона, то его можно рассматривать как в общем, так и специфически. Прежде всего, согласно анализу проведенного опроса среди профессионалов в туризме, состоявшегося на 4-ом заседании «Совета по развитию туризма в Корею» в 2008 году, организатором которого выступило Представительство Национальной организации туризма Кореи во Владивостоке корейское направление является перспективным направлением на рынке туристских услуг Приморского края.

В структуре выездного туризма Приморского края более 90 % занимает китайское направление. Доля корейского направления в секторе выездного туризма, начиная с 2008 года, занимает второе место. Важно отметить, что тенденция увеличения доли корейского направления в выездном туризме уже стала неотъемлемой частью турбизнеса в Приморском крае и это четко прослеживается в сравнительной диаграмме (рисунок 1). Тенденцию увеличения доли корейского направления в туризме подтверждает его особая ценность. И туристы, и туроператоры ставят перед собой следующий вопрос: что дает нам туризм сам по себе, иными словами, чего вообще ожидают туристы перед путешествием? Среди многих возможных вариантов ответа можно выделить три наиболее значимых – это отдых, развлечение, и особая цель.

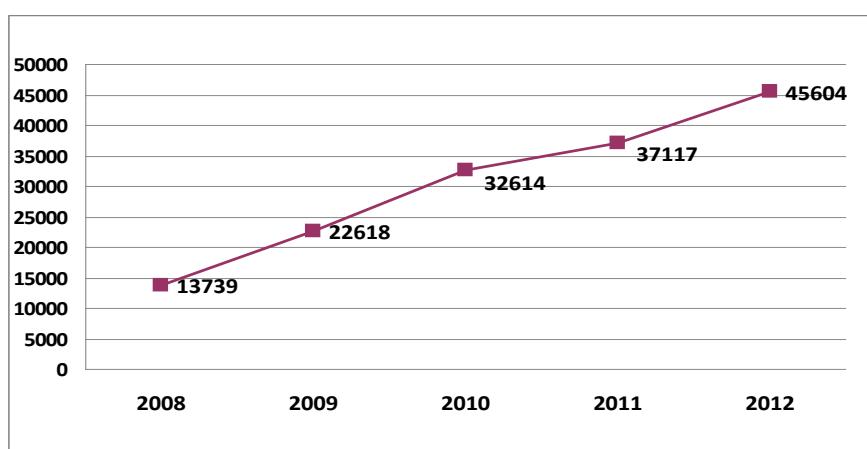

Рис. 1. Динамика выездного туристского потока из Приморского края в Республику Корея в 2008–2012 гг. (чел.)

Если речь идет об особой цели туризма, то все чаще целью путешествия в Корею становится получение образования, не только в плане изучения корейского языка, но и английского языка и другой научной области. С 1-го апреля 2010 года в силу вступил Закон о медицинском туризме в Республику Корея, что будет способствовать увеличению потока

туристов с целью лечения различного вида заболеваний, начиная с общего медицинского обследования и заканчивая серьезными операциями.

Отметим, что открытие в первом квартале 2010 года новой грузопассажирской паромной линии Владивосток (Россия) – Донхэ (Корея) – Сакаиминато (Япония), а также вступивший в силу в России с 3 марта 2009 года новый порядок пребывания иностранных туристов, способствует развитию взаимного сотрудничества между регионами в области торговли и туризма.

Что же касается развития въездного туризма в Приморский край, то следует отметить, что своеобразие, уникальность и сохранившаяся первозданность природы Приморского края, наличие научной базы в лице Дальневосточного отделения Российской Академии наук РФ для разработки и оценки природных ресурсов и, возможности использования при соблюдении основных принципов экотуризма, а также вовлечения в организацию экотуров квалификационных специалистов, могут привлечь поток туристов в Приморский край [11, с. 181-186].

При достаточном детальном подходе к разработке организационной структуры, соотнося состояние качественных и количественных характеристик, развитии инфраструктуры, обеспечении безопасности иностранных туристов, повышении уровня подготовки профессиональных кадров, приморье можно назвать перспективным регионом для выездного туризма из Республики Корея (рисунок 2).

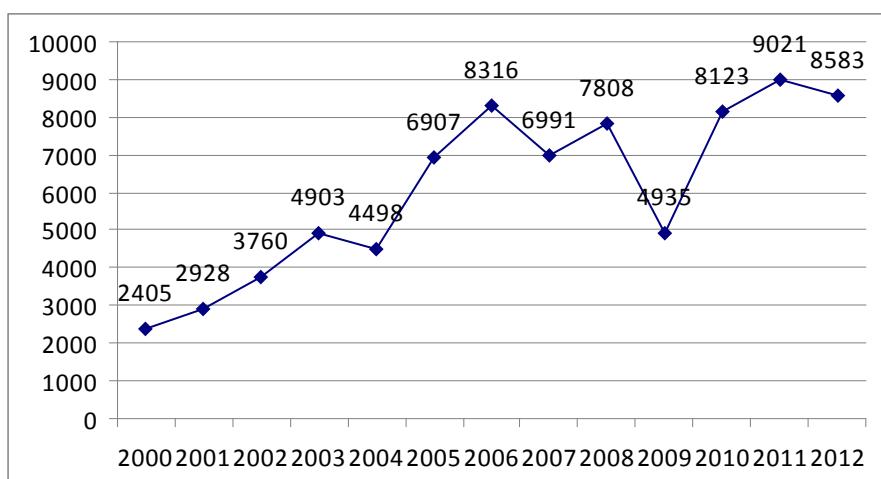

Рис. 2. Динамика въездного туристского потока в Приморский край из Республики Корея в 2000-2012 гг. (чел.)

По данным Пограничной службы Республики Корея, страну утренней свежести в июле 2010 года посетили почти 15 тыс. российских граждан, что почти на 48 % больше, чем в июле прошлого года. С туристическими целями в Южную Корею в июле приехали около 6 тыс. россиян, что на 34 % больше, чем в июле 2009 года. Всего за 7 месяцев текущего года Республику Корея посетили чуть более 86 тыс. российских граждан (+8%). Из них туристами оказались 32,5 тыс. человек (+12 %). Следует отметить большой рост в сфере делового, обучающего и экскурсионного туризма.

Южная Корея по итогам 2011 года приняла 64,7 тысячи российских туристов, что на 12,9 % превышает показатель за 2010 год. «Среди российских гостей в Южной Корее отмечается увеличение числа прибывших в страну с туристическими целями на 12,9 % (64,662 тысячи человек в 2011 году против 57,285 тысячи в 2010-м), что говорит об эффективности маркетинговой стратегии Национальной организации туризма Кореи (НОТК)», - сообщила помощник директора этой организации Виктория Васильева. По итогам 2011 года общее число россиян, посетивших Республику Корея, выросло по сравнению с 2010 годом на 2,7 % и составило 154,3 тысячи человек против 150,7 тысячи в 2010-м.

Современное состояние туризма в Республике Корея характеризуется следующими факторами: усилением государственной поддержки со стороны как республиканских законодательных и исполнительных органов, так и органов местного самоуправления; наличием в РК крупных туристских объектов и маршрутов; развитая инфраструктура туризма: ежегодное увеличение количества туристов, посещающих страну; системное

рекламно-информационное продвижение туристского потенциала на международный рынок; упрощенные процедуры, обеспечивающие приоритетное развитие внутреннего и въездного туризма; отсутствие правовых и финансовых механизмов, способствующих созданию туристско-этнографических зон.

На сегодняшний момент корейский туристический рынок претерпевает большие изменения, которые выражаются в ужесточении конкуренции, как между собой, так и между иностранными компаниями [14]. Но этот процесс увеличения фирм, оказывающих туристские услуги, говорит о количественном и качественном улучшении структуры туристского рынка Республики Корея.

В соответствии с Законом о развитии туризма, бюро путешествий разделены на три категории: 1. Туристические агентства общего профиля: 426 (обслуживают как корейских, так и иностранных туристов). 2. Международные туристические агентства: 2089 (обслуживают корейцев, выезжающих за рубеж). 3. Внутренние туристические агентства: 2461 (обслуживают корейцев, путешествующих внутри страны).

Говоря о негативных факторах, следует отметить, что существенной особенностью ситуации на рынке туристских услуг Республики Кореи являются кризисные явления и спад курса вон по отношению к доллару. Другим наиболее мощным сдерживающим фактором, значительно снизившим деловую активность туристской отрасли Республики Кореи, явился финансовый кризис. Снижение уровня туризма также было вызвано повышением стоимости услуг (авиа-, железнодорожных билетов). Под давлением этих неблагоприятных факторов туристские фирмы Республики Корея понесли большие убытки [15, с. 23-24].

В 2009 г. Республика Корея обнародовала амбициозный план – привлекать в страну до 7 миллионов иностранных туристов, что обеспечит поступления в доход государства в размере 5,8 млрд. долларов США. В 2008 г. Республику Корея посетило около 7,3 млн. иностранных туристов, потратив 6,8 млрд. долларов. По данным исследования, посетившие Южную Корею в 2008 г. туристы за время пребывания в стране тратили в среднем по 264 долларов на человека. В среднем они находились в Корее около 6 дней. Рейтинг основных направлений на рынке туристических услуг Республики Корея – на первом месте Япония, затем Китай и Таиланд, а доля России невелика по сравнению с другими странами [16].

В Корее ежегодно проводится более ста различных фестивалей. Из этого внушительного количества мероприятий Министерство культуры, спорта и туризма Республики Корея отображает самые интересные и оригинальные фестивали на год.

В список лучших фестивалей 2012 года вошли Фестиваль зелёного фарфора «селадон» в Канчжине, посвящённый уникальному фарфору эпохи Корё и различным изделиям из него, а также Фестиваль фонарей на реке Намган в Чинчжу, представляющий собой парад фонарей из разных стран мира.

Касательно туристских потоков в Республику Корея из Приморского края можно привести следующую статистику: в 2012 году в Приморский край посетило 8,5 тысяч человек из Республики Корея, Корею же посетило 45,5 тысяч туристов из Приморья. По мнению специалистов, эта цифра не совсем отражает тот потенциал, который есть между нашими регионами. Туристические компании Республики Корея принимают активное участие в развитии международных связей ежегодно, являясь активными участниками Тихоокеанской международной туристской выставки, которая в этом году прошла с 17 по 19 мая на базе кампуса ДВФУ на о. Русский и впервые проведенной с 19 по 20 апреля 2013 г. Специализированной выставки туризма Кореи (Korea Travel Special Fair 2013).

Примечания:

1. Бурилова В.С. История формирования территориально-промышленных структур Приморского края в середине XIX – начале XX века / Отв. ред. Л.И. Галлямова. Владивосток: Дальнаука, 2003. 128 с.
2. Насекин А.И. Корейцы Приамурского края // Труды Приамурского отдела ИРГО. Хабаровск, 1895. Вып. 1. С. 1-36.
3. Пак Хюон. Бон. Туризм в Приморском крае: региональные особенности и перспективы развития / Х.Б. Пак // Материалы международной научно-практической конференции (г. Владивосток, 22-23 мая 2009). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2009. С. 146-149.
4. Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 1860-1890-е годы. Владивосток: ДВО РАН. 2000. 304 с.

5. Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Приложение к выпуск XI, Хабаровск, 1913. С. 166-167.
6. Korea. Be inspired. Национальная Организация Туризма Кореи [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://russian.visitkorea.or.kr/>.
7. Информация о стране – Южная Корея. [Электронный ресурс] Электронный ресурс: <http://www.traveldailynews.com/> Доступ: свободный. Язык: русский, английский.
8. Корея в мировом туризме [Электронный ресурс] Сеул: официальный сайт ЮНВТО, 2008. Режим доступа: <http://www.unwto.org>. Язык: русский, английский.
9. Мартынов В.В. Экономико-географическая характеристика КНДР и Южной Кореи / В.В. Мартынов. М.: Просвещение, 2007. 756 с.
10. Мизерханова Д.Г. Информационное обеспечение туристического продукта в приграничных территориях: содержание, особенности формирования / Д.Г. Мизерханова // Устойчивое развитие и туризм: опыт и инновации // Матер. II межд. Конф. Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 309 с.
11. Статистика туризма в Корею, 1 сентября 2010г. [Электронный ресурс]. Электронный ресурс: <http://visitkorea>. Доступ: свободный. Язык: рус., англ.
12. Российский турпоток в Южную Корею за год вырос на 13 %. [Электронный ресурс]. Электронный ресурс: <http://www.rstnw.ru>. Доступ: свободный. Язык: рус., англ.
13. Развитие туризма Кореи: отчетный бюллетень. Сеул: НОТК, 2002. 21 с.
14. Ирисова Т.А. Основные тенденции развития туризма / Т.А. Ирисова // Курортные ведомости. 2006. №2. С. 23-24.
15. Андреев Д.А. Перспективы развития турбизнеса / Д.А. Андреев [Электронный ресурс]/RATA news ежедневная электронная газета для профессионального турбизнеса. Электронный журнал. 2006. №1. Режим доступа: <http://ratanews.ru> Язык: русский, английский.
16. Въезд иностранных граждан в Россию [Электронный ресурс] Электронный ресурс: Федеральное агентство по туризму (Ростуризм) www.russiatourism.ru Доступ: свободный. Язык: русский, английский.

UDC [911:574] (470.345)

Cultural and Historic Factors and Modern Tendencies of the Development of Co-operation between the Korean Republic and Primorsky Region within the Sphere of Tourism

¹Valeria S. Burilova

²Anatoly N. Yakovlev

¹Vladivostok State University of Economics and Service, Russian Federation

690014, Vladivostok, ul. Gogol, 41

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

²Vladivostok State University of Economics, Russian Federation

690014, Vladivostok, ul. Gogol, 41

Candidate of pedagogical Sciences, Associate Professor

E-mail: Yak-33-c1957@mail.ru

Abstract. The history of the Russo-Korean relationship in the Far East within its present borders is just over 150 years old; however, enormous revolutionary and evolutionary changes within every sphere of the two peoples' lives have occurred during this fairly short period of time.

The necessity to research the regional characteristics of the Russo-Korean relationships in the sphere of culture within historical dynamics is in large part determined by the specifics of the goals that are currently standing before the economy of Primorsky Krai and the Korean Republic.

The historical approach to studying this co-operation is justified by the fact that the present structure and the direction of this co-operation are simultaneously the result of the past and an important factor in the future innovative development of mutually beneficial business contacts.

Keywords: cultural and historical factors; co-operation of the Republic of Korea and Primorsky Krai; tourism.

Формирование концепции государственной власти в России: историко-теоретические аспекты

¹ Наталья Александровна Воробьева

² Наталья Викторовна Лебедева

¹ Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а

кандидат юридических наук

² Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а

кандидат юридических наук

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу историко-теоретических вопросов формирования концепции государственной власти в России, которая представляет собой сложный, порой противоречивый процесс, имеющий свои особенности, по-разному понимаемый и трактуемый исследователями на различных этапах развития общества. В основу российской концепции государственной власти положен принцип разделения властей, поскольку идея разделения властей обеспечивает поиск идеальной модели государства на протяжении многовековой истории человечества. Являясь достаточно крупной теоретической проблемой, концепция государственной власти в РФ, требует дальнейшего углубленного исследования.

Ключевые слова: концепция государственной власти; принцип разделения властей; система сдержек и противовесов; конституционный строй; федеральные органы государственной власти; органы государственной власти субъектов РФ; предметы ведения; предметы совместного ведения.

Введение. Формирование концепции государственной власти в РФ представляет собой довольно сложный, порой противоречивый процесс, имеющий свои особенности, по-разному понимаемый и трактуемый исследователями на различных этапах развития общества. Ее невозможно понять и правильно объяснить, не обратившись к проблеме государственной власти, к становлению властных институтов в российском государстве.

Материалы и методы: научные труды ученых, нормативные правовые акты по исследуемой проблеме; для анализа правовых актов, обобщения проблем, формирования выводов применялись логический, сравнительно-правовой, историко-функциональный и другие методы исследования.

Обсуждение. В основу российской концепции государственной власти положен принцип разделения властей, поскольку идея разделения властей обеспечивает поиск идеальной модели государства на протяжении многовековой истории человечества. Об этом свидетельствуют труды философов Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона. Как известно, создатели теории разделения властей английский философ Д. Локк и французский философ Ш. Монтескье, в своих работах обосновали этот принцип как одну из важнейших гарантий против концентрации власти и злоупотребления ею. В дальнейшем эта идея была поддержана и развита Кантом, Гегелем и др.

К настоящему времени теория разделения властей стала рассматриваться в качестве важнейшего принципа, закрепленного, например, в конституционно-правовых документах Англии, США, Франции. Принцип разделения властей нашел свое закрепление и в Конституции РФ 1993 года как основополагающий принцип основ конституционного строя.

Российская история насчитывает лишь ряд примеров частичной реализации данной теории. Так, до начала 20 века о разграничении полномочий между государственными органами в России говорить не приходится, поскольку реформирование системы органов государственной власти сводилось всего лишь к расплывчатому разделению функций государства между его органами, т.к. абсолютная власть принадлежала монарху.

Актуальность проблемы разделения властей в России показала только революция 1905-1907 гг., в ходе которой появился первый парламент - Государственная Дума. Первая

Дума проработала более двух месяцев, поскольку была разогнана самодержавным правительством. Вторая Дума, учитывая опыт предшественницы, в т.ч. и негативный, продолжила курс, направленный на бойкот правительства, также была распущена. Третья Дума, отличаясь реакционным составом, придерживалась проправительственной позиции, что дало ей возможность доработать до истечения пятилетнего срока. Четвертая Дума, продолжая поддерживать политику правительства, просуществовала до начала революции 1917 г. и была распущена Временным правительством в связи с подготовкой к выборам в Учредительное Собрание.

Для последующего периода (1917-1993 гг.) характерно как противоречивое, так и негативное отношение государства к принципу разделения властей. В основу реформирования республиканской формы правления в России были положены принципиально отличающиеся политико-правовые основания. Результатом трех попыток стали три различные по своей правовой природе республики [1].

Как известно, в сентябре 1917 г. Временное правительство провозгласило Российскую Республику, просуществовавшую почти два месяца. Акты Временного правительства содержали принципы, в основе которых лежали идеи не только парламентаризма, многопартийность, но и разделения властей. 25 октября (7 ноября) 1917 г. в ходе переворота произошел переход к Республике Советов - «второй республике». В принятой 10 июля 1918 г. Конституции РСФСР было провозглашено всевластие трудового народа.

Несмотря на то, что Конституция содержала лозунги, декларирующие власть народа, на деле они отражали лишь интересы правящих кругов - элиты большевистской партии. Провозглашенная большевиками диктатура пролетариата в форме Республики Советов открыто отвергала принцип разделения властей, поскольку в основе формирования советской концепции государственной власти лежали негативные оценки К.Марксом и В. Лениным «буржуазного парламентаризма». Через непродолжительное время после октябрьских событий 1917 г. идея Советов полностью вытеснила идею парламентаризма, что привело к тоталитарному отчуждению народа от государственной власти, ее органов и к господству в обществе административно-управленческой иерархии, ничем не ограниченной и не избранной народом. Законодательная власть потеряла те свои функции и полномочия, которые формировались длительное время. В результате сформировалась такая система, при которой народ, представляющий разные профессии и социальные группы советского общества, в течение нескольких дней в году утверждала решения, представленные бюрократией исполнительных органов.

В декабре 1922 г. образовался СССР. Несмотря на провозглашение в стране полновластия Советов, на самом же деле в государстве на первое место выдвинулась исполнительная власть, которая порой вторгалась в компетенцию других ветвей власти. Законодательство советского права в первые десятилетия было весьма слабым и несовершенным, при этом большое значение имели акты исполнительных органов. Органы судебной власти, особенно с середины 30-х годов, часто подменялись всевозможными «двойками», «тройками» (чрезвычайными судами), в которые входили представители исполнительной власти и коммунистической партии. При этом должность Генерального Секретаря ЦК КПСС, формально считавшегося главой государства, была значительно выше должности Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Слияние партийного и государственного аппарата оказало негативное воздействие на реализацию в государстве принципов разделения властей. Прежде всего, это объясняется тем, что система партийных органов должна быть централизованной, подготовленной к борьбе за власть и ее удержание. Слияние в СССР партийного и государственного аппаратов привело к появлению таких принципов в организации органов государства, не соответствующих теории разделения властей.

В 60-х гг. коммунистическая партия выступила с тезисом о переходе от диктатуры пролетариата к общенародному государству, теоретическое обоснование и закрепление которого в Конституции СССР 1977 г. характеризовалось декларативностью, так как были сохранены существующие ранее базисные и надстроочные структуры советского общества при руководящей роли КПСС. И только в 1998 году в Конституцию СССР 1977 г. были внесены кардинальные изменения в организации государственной власти, осуществление которых предполагалось при сохранении принципиальных черт советской организацию власти, а именно: а) единство системы Советов как представительных органов власти народа снизу доверху; б) соединение идей государственности и народного самоуправления.

Провозглашалось, что депутатство становится постоянной законодательной, управленческой, контрольной работой, что принцип подконтрольности должен пронизывать всю систему власти и управления. Это предполагало усиление контрольных функций Советов народных депутатов, чему способствовало создание Комитета Конституционного Контроля СССР.

Таким образом, начальное реформирование политической системы характеризовалось наличием двух прямо противоположных принципов: а) превращение Советов в постоянно действующий законодательный орган; а) при этом Советы могли выступать одновременно как законодательными, так и исполнительно-распорядительными органами.

Последующее реформирование системы государственной власти связано с учреждением и развитием новой для нашего государства формой президентской власти (14 марта 1990 г. - учреждение поста Президента СССР; 24 апреля 1991 г. - учреждение должности Президента в России), что позволяет сделать вывод, что принцип разделения властей становится приоритетным. В современной России принцип разделения властей был провозглашен в Декларации «О государственном суверенитете РФ» от 12 июня 1990 г.[2].

С 1990 по 1992 гг. в Конституцию РСФСР 1978 г. был внесен ряд изменений, в частности, Съезд народных депутатов наделялся безграничной властью. Противоборство между законодательной (Съезд народных депутатов) и исполнительной властью (Президент, Правительство) сохранялось до трагических событий 3-4 октября 1993 г. Указ Президента РФ «О поэтапной конституционной реформе в РФ» [3], затем блокировал начавшееся внедрение в действующее законодательство и правоприменительную практику принципа разделения властей, а позже (роспуск парламента и прекращение деятельности Конституционного Суда, чего не предусматривала Конституция) он перестал действовать. Итак, анализ происходивших социально-политических событий в России, еще раз подтвердился тезис, развивавшийся в советской общественно-политической литературе 20-30 гг. о том, что наиболее острые проблемы, связанные с принципом разделения властей, возникают лишь, как правило, в период борьбы классов и политических группировок за власть [4].

Данный Указ фактически означал отказ от конституционного принципа разделения властей. Это выражалось в ликвидации деятельности всей системы прежних органов власти и Конституционного Суда, в установлении верховенства исполнительной власти, а точнее - единовластия Президента [5]. Приоритет был отдан исполнительной власти, которая подчинила себе остальные ветви власти. Тем самым Президентом РФ был провозглашен приоритет Указа, подзаконного акта, по отношению к Основному закону государства. В этих условиях политического и конституционного кризиса принятие новой Конституции было необходимо для установления стабильности в обществе и государстве. Проект Конституции, разработанный Конституционным Совещанием (органом Президента), содержащий большое количество положений официального проекта, подготовленного Конституционной комиссии (органом парламента), был принят за основу при окончательной его доработке с участием субъектов РФ, депутатов, их фракций и др. Следует отметить, что воздействие октябрьских событий 1993 г. оказалось минимальным в части положений проекта Конституции РФ 1993 года, регулирующих разделение федеральной власти. Это проявилось, прежде всего, в выработке Конституционным совещанием механизма взаимоотношений между Федеральным Собранием, Правительством и Президентом.

Радикальное обновление конституционного строя - важнейший элемент многостороннего процесса модернизации, осуществляемого российским обществом. Поэтому совершенно естественно обращение авторов действующей Конституции к опыту наиболее известных и успешно работающих конституционных моделей - английской (парламентской), американской (президентской), французской (смешанной). Каждая из них характеризуется закреплением в определенной конструкции системы «сдержек и противовесов» при осуществлении основных функций государственной власти: законодательной, исполнительной, судебной.

Осмысливая содержание концепции государственной власти России, обратимся к ст. 3 Конституции РФ, где закреплено, что многонациональный народ России является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти, чем и подтверждается ее легитимация. Признание народа в качестве субъекта государственной власти означает: а) никто не вправе претендовать на осуществление государственной власти, кроме многонационального народа; б) преследование по федеральному закону захвата власти или

присвоение властных полномочий; в) самостоятельное и в собственных интересах осуществление народом своей власти. Это и есть проявление реального народовластия. Отступление от этих принципов может привести к усилению авторитаризма и отчуждению народа от власти. Конституция РФ различает «субъект власти» и ее «осуществление». Если субъектом власти признается только народ, то государственная власть осуществляется им как непосредственно, так и через законодательные, исполнительные, судебные органы.

Действующая Конституция впервые закрепила принцип, согласно которому государственная власть в России строится на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, что направлено на упорядочение организации и деятельности государственного механизма.

Таким образом, классическая концепция разделения властей в российском государстве не вписывается в традиционную триаду - законодательная, исполнительная и судебная. Мировая практика подтверждает, что концепция разделения властей является неким ориентиром и в современных условиях ее осуществление в «чистом виде» не представляется невозможным. Однако исходный принцип остается в силе, не утрачивая своей позитивной сущности. Именно в классическом виде он закреплен в Конституции РФ, хотя принятая в стране конкретная конструкция власти имеет немало особенностей. Если поискать аналог в современной действительности, можно прийти к выводу, что Россия в значительной мере пошла по пути Франции, чья Конституция 1958 года утвердила институт сильного президента с обширными полномочиями.

При создании понятийного аппарата Конституции РФ авторы ее проекта также пошли по пути заимствования ряда терминов из Конституции Франции. Однако российская модель не является простым слепком с французской. При определении системы государственно-властных институтов Конституция РФ, не только разграничивает между ними полномочия, но и регулирует их взаимоотношения с учетом реально сложившихся условий. Кроме того, Россия отличается от Франции не только формой государственного устройства, уровнем развития рыночных отношений, но и многим другим, включая традиции, обычаи и устои государственной и общественной жизни.

Конституционную конструкцию в части привязки теории разделения властей к существующей российской действительности нелегко понять, а еще труднее истолковать, если рассматривать институт Президента вне времени и пространства, без учета политической, экономической, идеологической обстановки в стране в начале 80-х г. Переход к рынку, становление политических институтов, обеспечение законности, утверждение новых федеративных отношений и - самое приоритетное - защита прав и свобод человека и гражданина во многом зависят от эффективности осуществления государственной власти.

Согласно ст. 11 Конституции на федеральном уровне законодательную власть осуществляет двухпалатный парламент - Федеральное Собрание, исполнительную власть - Правительство, судебную власть – федеральные суды. Президент, не являясь органом какой-либо из трех ветвей власти, в соответствии со ст. 80 Конституции осуществляет согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти. Таким образом, государственную власть в России осуществляется Президентом, Федеральным Собранием, Правительством и судебными органами, т.е. не три, а четыре субъекта государственной власти.

По справедливому замечанию И.А. Умновой, сегодня наряду с горизонтальным разделением власти на законодательную, исполнительную и судебную, в России идет не менее сложный процесс разделения власти «по вертикали»: разделение власти между федеральными властями, с одной стороны, органами власти субъектов Федерации, с другой, и органами местного самоуправления, с третьей [6].

Конституция РФ не называет конкретный перечень органов государственной власти субъектов РФ, поскольку система этих органов устанавливается субъектами самостоятельно. Однако некоторые требования общего характера установлены в статье 77, согласно которой система органов власти субъектов РФ должна быть создана в соответствии с основами конституционного строя, общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральными законами.

Законодательная власть в субъектах РФ осуществляется законодательными (представительными) органами. Субъект Федерации может законодательствовать как по вопросам совместного ведения РФ и ее субъектов, так и по предметам собственного ведения субъектов РФ [7].

В субъектах России создаются свои органы исполнительной власти. В пределах ведения и полномочий РФ по предметам совместного ведения федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов образуют единую систему исполнительной власти в РФ. В этом их отличие от представительных органов Российской Федерации и ее субъектов, которые соподчинительную систему не образуют. Исполнительные органы субъектов в рамках указанной компетенции находятся в подчинении федеральных исполнительных органов, акты которых обязательны для органов исполнительной власти субъектов РФ. В соответствии со ст. 78 Конституции РФ по взаимному соглашению исполнительных органов РФ и субъектов РФ они могут передавать друг другу осуществление части своих полномочий.

Результаты. Проведенное исследование формирования концепции государственной власти в Российской Федерации с точки зрения ее историко-теоретических основ будет способствовать не только развитию юридической науки в целом, но решению общетеоретических и практических проблем, связанных с осуществлением государственной власти в России.

Заключение. Подводя итог сказанному, необходимо подчеркнуть, что государственная власть в России представлена как государством, так и единой системой органов законодательной, исполнительной и судебной власти РФ и ее субъектов, действующих на основе конституционного принципа разделения властей. По нашему мнению, для полноценного, эффективного осуществления государственной власти необходимо, прежде всего, достижение баланса всех ее ветвей, что может быть достигнуто лишь при четком разделении полномочий по «горизонтали» и «вертикали». Лишь при таком подходе исключена возможность не только узурпации власти тем или иным государственным органом, но и ослабления единой власти российского государства в целом.

Примечания:

1. Шаблинский И.А. Некоторые аспекты формирования конституционной модели разделения властей в России / Конституционное право: Восточно-европейское обозрение. 1996. № 3. С. 2.
2. Декларация «О государственном суверените РСФСР» от 12 июня 1990 г. // ВВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.
3. Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в РФ // САПП. 1993. № 39. Ст. 3597.
4. Лысенко В.Н. Разделение власти и опыт Российской Федерации. М., 1997. С. 166.
5. Авакьян С.А. Создан прецедент. Конституционная власть не имеет перспективы // Независимая газета. 15 октября 1993.
6. Умнова И.А. Современные проблемы российского федерализма. М., 1998. С. 7.
7. Лебедева Н.В. Правотворческая деятельность органов государственной власти субъектов РФ // Проблемы права. Международный правовой журнал. 2013. № 2. С. 136-144; Лебедева Н.В. Компетенция законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ // Проблемы права. Международный правовой журнал. 2013. № 2. С. 38-47.

UDC 94

**The Formation of the Concept of State Power in Russia:
Historical and Theoretical Aspects**

¹Natalia A. Vorobyova
²Natalia V. Lebedeva

¹Sochi State University, Russian Federation
354000 Sochi, 26a Sovetskaya St.

PhD

²Sochi State University, Russian Federation
354000 Sochi, 26a Sovetskaya St.
PhD

Abstract. The article is devoted to the comprehensive analysis of the historical and theoretical issues regarding the formation of the concept of state power in Russia, which is a difficult, at times contradictory, process that has its own specific characteristics, which can be understood in different ways and is interpreted differently by researchers at various stages of societal development. At the basis of the Russian conception of state power is the principle of the division of power, because the idea of the division of power allows for the search of the ideal model of the state throughout the centuries-long history of humanity. In being a fairly large theoretical problem, the concept of state power in Russia is in need of further and more in-depth research.

Keywords: the concept of state power; the principle of the division of power; the system of checks and balances; constitutional system; federal bodies of state power; bodies of state power of Russian constituent territories; jurisdiction; joint jurisdiction.